

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ПИ РАО)
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Белорусский государственный университет имени Максима Танка

МАТЕРИАЛЫ

IX Международной научной конференции «Психологические проблемы современной семьи»

МОСКВА

2-4 октября 2024

Содержание

Основные направления исследования современной семьи		
Захарова Е.И.	Проблема согласованности ролевых установок у членов семейной системы	7
Шнейдер Л.Б.	«Брачное чадородие» в системе потребностей человека и семьи	13
Шульга Т.И.	Психологические особенности реинтеграции (возврата) детей в кровные семьи	16
Филиппова Г.Г.	Кризис семьи и родительства: в чем проблема?	18
Семья в современном мире		
Алмазова О. В., Чичинина Е.А	Особенности использования цифровых устройств дошкольниками с разными сиблинговыми позициями	20
Бабкина А. Ю., Поскребышева Н.Н.	Связи развития автономии и функционирования семьи московских и бакинских подростков	22
Деулин Д.В., Пеньков А.М.	Изучение проблемы отказа от деторождения: психологический аспект	26
Ларин И. А.	Цифровая социализация как вызов для современной семьи	30
Нартова-Бочавер С.К., Резниченко С.И.	Тоска по дому и близким: кросс-культурное исследование в четырех странах	32
Николаева Н. В.	Проблемы теории и методологии исследования семьи в контексте психолого-консультативной практики	34
Нозикова Н. В.	Модель семейной целостности	37
Руженская Е. В.	Проблемы пожилого человека в современной концепции функционирования семьи	42
Чеснокова О.Б., Чурбанова С.М.	Современные вызовы билингвальной семье с ребенком в многокультурном мире	43
Семейные ценности и семейная солидарность		
Грицай Л.А.	Изучение ценности родительства в системе жизненных ориентаций молодых россиян	45
Ильменская В. И.	Семейные ценности в сознании и практике Российской молодёжи	47
Кучинская О. С.	Актуальность изучения семейных ценностей школьников и студентов	49
Мерзлякова С. В.	Воспитание семейных ценностей у студентов цифрового поколения как условие сохранения суверенитета России	52
Наберушкина Э. К.	Социально-экономическое благополучие моно-родительских семей	54
Трушкова С.В., Абаева Р.М.	Семейные ценности чеченской молодежи, проживающей в Чеченской Республике и в Москве	55

Цуркан Н.В.	Семейные отношения в системе ценностей курсантов образовательной организации ФСИН России	57
Черемисова И. В.	Красота традиционных семейных ценностей в контексте эстетического развития курсантов	60
Шустикова Н.М., Сердакова К.Г., Воронова Л. Н.	Семейные ценности пожилых родителей в условиях проживания в мегаполисе	64
Психология супружеских отношений		
Абидова А. Т. кизи	Взаимосвязь особенностей романтической привязанности с типами любви у людей, состоящих в романтических отношениях.	67
Алыева М. А.	Типы любви, ожидания и притязания в браке у девушек с разными типами Я-концепции в юности и ранней молодости	69
Басимов М.М.	Несимметричность взаимообратных зависимостей в семейной психологии	73
Булыгина М. В., Рябокуль Е. С.	Образы старшего брата и романтического партнера у девушек 18-25 лет	76
Земляных Е. П., Захарова Е.И	Представления о семейной жизни на этапе вступления в брак	78
Кравцова А. В., Поскребышева Н.Н.	Исследование опыта романтических отношений как подготовки к супружеским отношениям в юношеском возрасте	81
Резниченко С. И.	Функциональность семьи как предиктор привязанности к дому	83
Тихомандрицкая О. А.	Роль доверия в супружеских отношениях	85
Филиппова Е. В, Левкович К. С.	Связь между доверием к другому и характером супружеских отношений	88
Воспитание и развитие личности ребенка в семье		
Дружиненко-Силян Д. А.	Психологические трудности формирования идентичности в современной семье: различия идентификационных моделей у французских и российских детей и подростков.	90
Егорова А. В.	Роль семьи в формировании образа мира подростков	93
Заводова В. С., Старостина Ю.А.	Связь образа тела с особенностями межличностной коммуникации у подростков	95
Захарова Д.А.	Роль семьи в развитии морально-нравственной сферы у младшего школьника с проблемным поведением	97
Керимова Н. З. г., Старостина Ю.А.	Роль родителей в гендерной социализации	100
Кузьмин Р. Г.	Киберсоциализация подростка в семье	103
Литвинова А.В.	Особенности психологической безопасности личности студентов из неполных семей	105
Молчанова А. А.	Специфика семейной системы детей, активно занимающихся спортом	109
Пряжников Н.С.	Моральные дилеммы и притчи в экологическом воспитании семьи	112

Садовникова Т.Ю., Симанова К. А.	Взаимосвязь экологического сознания детей младшего школьного возраста и экологического сознания их матерей	115
Сухова А. А.	Связь ранних дезадаптивных схем с характером близких отношений в юношеском возрасте	117
Федорович Е. Ю.	Четыре «Подводных Камня» взаимодействий детей и домашних питомцев	120
Психология детско-родительских отношений		
Авдулова Т. П.	Осознанное и ответственное родительство: целевой ориентир дошкольного образования	122
Вранцева Н.А., Захарова Е.И.	Отличительные особенности родительской позиции бабушки по сравнению с материнской	124
Завгородняя И.В., Рудницкая Т.М.	Привязанность к матери и Я-концепция у девушек из неполных семей	128
Садыгова Л. М., Садовникова Т.Ю.	Представление азербайджанских подростков о конфликтах в детско – родительских отношениях (на примере азербайджанских семей)	133
Кагермазова Л. Ц.	Детско-родительские отношения – одно из условий формирования готовности ребенка к обучению в школе	136
Круглова Е. А., Смирнова С. В., Круглова А. А.	Особенности родительских установок в семьях несовершеннолетних правонарушителей	138
Кудрявцева Е. Ю	Взаимосвязь самооценки подростков со степенью идентификации с родителем	141
Клещёва Е.А.	Специфика родительской воспитательной согласованности в детоцентрической семье	145
Василенко В. Е., Наталенко Я.В., Уланова Ю.Ю.	Проявления возрастных кризисов у детей в связи с параметрами семейного взаимодействия	150
Туревская Р. А.	Симбиоз отношений в диаде "мать-ребенок".	152
Психология материнства и отцовства		
Басимов М.М.	Безусловное принятие как причина проявления эмоционального компонента позитивных родительских чувств	155
Борисенко Ю.В.	Родительская идентичность мужчины в контексте построения пространственно-временной перспективы жизненного пути личности	158
Дорошенко В. А., Савеньшева С.С.	Родительский стресс, выгорание и сородительство в супружеской паре	162
Киричик Е.С.	«Образ Я» в самосознании матери	164
Кондаурова О. П.	Психические состояния и принятие родительской позиции у матерей детей раннего возраста	169
Коновалова А.Г.	Особенности психологического изучения репродуктивных установок	171
Лебедева Г. М., Чеботарева Е.Ю.	Баланс сфер жизни и родительский стресс работающих мам детей раннего и дошкольного возраста	175

Любушина А. А., Савеньшева С.С.	Родительский стресс, выгорание матерей дошкольников в связи с их личностными особенностями и нарушениями воспитания	177
Набойченко Е.С., Серкова-Холмская Е.А.	Исследование психологических детерминант материнства у студенток медицинского университета	178
Одинцова О.Ю., Мисиюк Ю. В.	Современное отцовство в России: многообразие форматов и путей реализации	181
Полонецкая Е. В., Первичко Е.И.,	Разработка опросника для определения материнского выгорания на базе «Инструмента оценки выгорания» (Burnout Assessment Tool, Schaufeli W. B., Desart S., De Witte H., 2020)	182
Сабельникова Н.В., Карпова Т.В.	Родительское выгорание, родительский стресс и привязанность матерей к близким людям	185
Савенышева С.С., Аникина В.О., Блох М.Е.	Отношение матери к ребенку и ее психическое здоровье в период беременности и после родов и психическое развитие младенца	191
Шидловская Е.В., Авраменко В.Ю.	Материнство в заключении. Опыт психологической работы с женщинами в исправительных учреждениях	192
Помощь семьям с детьми с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью		
Азимова К. Б. к.	Аутизм и нарушение развития. Включенность родителей в процесс коррекционных работ, анализ на основе исследований Феррои Л.М и Панюшева Т.Д , Манелис Н.	195
Бардышевская М.К.	Особенности и эволюция эмоциональных связей в семьях с детьми с аутистическими расстройствами разной тяжести	197
Богданович М. А., Белогай К. Н.	Актуальные проблемы развития сенсомоторной сферы детей дошкольного возраста с нарушениями интеллекта	199
Белогрудова Д.К., Долженко А.Н.	Формирование навыков самообслуживания у ребенка младшего школьного возраста с ТМНР	202
Валитова И.Е.	Психологическая помощь детям с проблемами в развитии: вклад эффективных родителей	204
Гурьянова С. О., Черемисова И. В.	Проективная методика «Разговор красками» в психолого-педагогическом сопровождении семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью	207
Дренева В.В., Суслова Е. В., Царева Е. С.	Взаимодействие специалистов СППС и семьи в коррекционно-развивающей работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)	211
Жигэу Е. И.	Изучение эмоционального выгорания у матерей детей с расстройствами аутистического спектра.	213
Кудрина Т.П.	Обучение матерей способам взаимодействия с их слепыми младенцами	215
Макарова Е.М.	Формируем у ребенка с ОВЗ навыки жизненной компетенции: опыт разработки рабочей тетради для родителей.	218

Пленсковская А.А.	Особенности родительской позиции в воспитании детей с нарушениями развития	221
Сирота Н.А., Шарифова А.А., Карчевская Е.А..	Ранние дезадаптивные схемы, режимы и восприятие родительства подростками с шизотипическими и депрессивными расстройствами	223
Токарская Л. В.	Психологическое и организационное сопровождение работы групп взаимоподдержки для родителей, воспитывающих детей ОВЗ	225
Федосеева А.М.	Психолого-педагогическое сопровождение семьи как условие формирования жизненной компетенции ребенка и подростка с ЗПР	229
Психологическое сопровождение семей участников СВО		
Алмазова О.В., Молчанов С.В., Долгих А.Г., Шайгерова Л.А.	Психологическое благополучие и механизмы морального самооправдания у подростков из Белгородской области и абитуриентов специализированного учебно-научного центра МГУ	233
Виленская П.А., Чеботарева Е.Ю.	Психологическое благополучие жен, чьи мужья были мобилизованы на СВО	235
Попова Е.И.,Коробейникова И.А.	Психологическое сопровождение семей участников СВО в группах самопомощи	237
Психолого- социально –педагогическое сопровождение семьи.		
Бурлакова Н.С.	Конструирование приоритетов и предотвращение болезненных трансформация психики ребенка в пособиях по воспитанию в соотнесении с родительскими выборами	241
Григорьева Е.В., Белогай К.Н.	Психолого–педагогическое сопровождение детей и родителей из замещающих семей	244
Дренева В. В.	Социально-психологические ресурсы для современных родителей как факторы благополучия семьи	248
Коротаева И.В.	Особенности психологического сопровождения младшего школьника с трудностями обучения в школе и семье	250
Кригер Е.Э.	О профилактике вторичного сиротства у приемных подростков	254
Ослон В.Н.	Специфика мотивации приема и воспитания детей-сирот трудно устраиваемых категорий у кандидатов и замещающих родителей в зависимости от формы семейного устройства, включая усыновление	257
Серафимович И. В., Салова А. И., Салова М. И.	Особенности социально-психологического сопровождения родителей одаренных обучающихся	259
Методы психодиагностики семьи и детско-родительских отношений		
Басимов М.М., Падурина Е.А.	Типология зависимостей в рамках исследования позитивных родительских чувств	261
Митина О.В., Петренко В.Ф.,	Использование психосемантической методики «Сказочный семантический дифференциал» для	264

Линь Т.	диагностики детско-родительских отношений детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста	
Митина О.В., Иргашева М.Т.	Семантическое пространство представлений о женском поведении в Узбекистане: влияние гендерного и этнического факторов	268
Рябова М.С.	Разработка методики диагностики оценки уровня стресса нормативных семейных кризисов (на примере супругов)	271
Савченко Т.Н., Теславская О.И.	К вопросу о разработке валидного психометрического инструмента определения уровня готовности личности к браку	275
Первичко Е.И., Митина О.В., Бутенко Е.П., Мартынов И.Г., Чечваркина Е.С.	Разработка опросника для оценки психологического благополучия беременных	277
Теория и практика семейной психотерапии и семейного консультирования		
Бояркина М. С.	Сравнение личностных особенностей студентов, переживших семейное горе	283
Захарченко К. А.	Психологическое консультирование родителей по онлайн-рискам и безопасности детей в цифровом пространстве	285
Маныч Ж. В.	Библиотерапия как метод психологической самопомощи в работе с семьями.	287
Поднебесная Е.Б.	Чего хотят клиенты	289
Фролова Л. М.	Перинатальное горе в условиях СВО и релокации	293
Халилли А. М. к.,Хозиев В.Б.	Психологическое сопровождение подростков и их семей в постсуицидальный период.	296

ОСНОВНЫЕ НАРПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Проблема согласованности ролевых установок у членов семейной системы

Захарова Е.И.
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
E-I-Z@yandex.ru

Аннотация. *В статье обсуждается проблема рассогласований представлений членов семейной системы относительно содержания занимаемых ими позиций, характера реализации задаваемых этой позицией функций. Такое рассогласование в эмпирическом исследовании зафиксировано у супружеских пар, находящихся на этапе заключения брака. Существенные разногласия обнаружены в позициях матери и бабушки, воспитывающих ребенка в семье. Еще более значительные рассогласования зафиксированы о диадах мать-замещающий взрослый (няня). С учетом того, что данные рассогласования являются фактором риска для гармоничного функционирования семьи, ставится вопрос о необходимости профилактической гармонизирующей психологической работе.*

Ключевые слова: *согласованность представлений, согласованность установок, супружеские отношения, родители, прародители, замещающий взрослый*

Важнейшим условием эмоционального благополучия человека является существование в контексте отношений с близкими людьми, которые становятся источником ощущения уникальности, самоценности, защищенности. В кругу близких людей он удовлетворяет свои потребности в любви, заботе, аффилиации, являясь одновременно источником и потребителем таких ресурсов психологической помощи как взаимопонимание, сочувствие, сопереживание. Одной из таких социальных групп является семья, которая, рождаясь в форме диадических отношений (супружеских), разрастается в систему разнообразных связей, детерминированных специфическими ролевыми позициями. Так в связи с образованием супружеской диады выстраиваются отношения между двумя автономными семьями, которые начинают функционировать с учетом общих интересов. Рождение детей приводит к появлению сферы детско-родительских отношений, оформления нового уровня родительско-прародительских отношений (межпоколенные связи). Таким образом семейная система начинает испытывать возрастающее напряжение, которое для благополучного функционирования системы должно быть сбалансировано.

Проблема гармоничного функционирования семейной системы находится в фокусе многих психологических исследований. Большое внимание уделяется изучению условий формирования стабильных эмоциональных отношений, обусловленных такими факторами, как культура общения и проведение досуга, совместное принятие решений супругами, разделение бытовых обязанностей в семье и наличие семейной субкультуры (Шнейдер, 2000). Благополучное функционирование семейной системы обеспечивается реализацией целого ряда требований к ролевой структуре семьи (Лидерс, 2006). Первое требование состоит в том, что система ролей всей семьи, а также содержание ролей конкретного члена семьи не должны быть противоречивыми. Второе требование к ролевой структуре семьи заключается в том, что выполнение ролей должно способствовать удовлетворению потребностей всех членов семьи. И, наконец, третье требование к распределению ролей выражается в необходимости соответствия содержания ролей возможностям конкретного члена семьи, предотвращающего ролевую “перегрузку”. Мы видим, что залогом успешного функционирования становится согласованность действий всех участников семейной системы, причем можно выделить несколько уровней такой согласованности – от когнитивного (имеющиеся представления и установки относительно содержания семейных ролей), до поведенческого, выражающегося в стратегиях поведения (Евграфова, 2019).

В наибольшей степени в психологической литературе обсуждается вопрос о согласованности супружеских позиций. На фоне того, что супругов связывают отношения любви и привязанности, зачастую они не лишены разногласий, касающихся как системы ценностных ориентаций, так и установок в отношении ролевого распределения в семье. Отсутствие рассогласования на уровне мировоззрения и ценностных ориентаций супругов упоминается как важнейшая предпосылка супружеской совместимости и гармоничности семейной системы. Общая система убеждений и ценностей, которая обеспечивает доверие, близость и возможность конструктивно справляться с проблемными ситуациями. Н.Ю. Литвинова, описывает супружеское благополучие (гармонию), как максимальное совпадение мнений супругов по смысложизненным вопросам (самоотношения и самовосприятия; установок, распределения ролей и ответственности, результативности функционирования семейной системы). Американские исследователи Р. Левис и Дж. Спаниер (Spanier & Lewis, 1980) среди прочих условий семейного благополучия отмечают необходимость супругов постоянно чувствовать свое сходство в отношении к окружающему миру и людям, единство в отношении распределения ролей и главенства в семье. Важную роль играет согласование способов коммуникации. С.В. Бобрышов и В.В. Ивакина (Бобрышов, Ивакина, 2017)

отмечают, что опыт конструктивного разрешения конфликтов становится условием устойчивости семейной системы.

Итак, в различных определениях гармоничного отношения супругов мы видим, что внимание уделяется важности согласованности супругов, с одной стороны - в ценностях, убеждениях, мировосприятии, с другой стороны - в ролевых ожиданиях, в том, как будет распределена ответственность между супругами. Можно сделать вывод о том, что согласованность представлений партнеров о семье наряду со способностью разрешать конфликты, открытостью коммуникации, поддержкой и взаимопомощью и пр., является составляющей гармоничных отношений.

На наш взгляд необходимо обратить внимание и на другие системы отношений, так как успешное функционирование системы сказывается на благополучии каждого из его участников. Так, важным условием гармонии является согласованность родительских позиций. На сегодняшний день в исследованиях речь идёт о согласованности родительских позиций матери и отца (Winsler, Madigan, Aquilino, 2005). Диана Баумринд выделяет влияние согласованности воспитательных воздействий взрослых на формирование ценностных ориентаций детей. Исследования показывают, что согласованный взгляд близких взрослых формирует у детей более четкое понимание ценностей и их важности. В ситуации непоследовательными и несогласованными требованиями матери и отца ребёнок научается ловко уклоняться от них. Противоречивое воспитание затрудняет формирование адекватной оценки ребёнком своих возможностей, дезорганизует его, складывается неадекватная система ориентиров поведения (Гребенникова, Гурова, Захарова, 2014), ребёнок может испытывать чувство незащищённости, недоверия к родителям (Caldera, Lindsey, 2006).

Однако родительская позиция может быть реализована и другим взрослым, принявшим на себя выполнение функций, детерминированных социальной позицией родителя. Несмотря на процесс трансформации семьи в нуклеарную, роль прародителей в современной семье не умаляется. Этому способствует ряд социально-экономических факторов. Так, трудовая занятость женщин, увеличение числа разводов и др. способствуют вовлечённости бабушек и дедушек в процесс воспитания внуков (Поломошнов, 2022; Чикаева, 2021; Бурмыкина, 2015). Последние, включаясь в процесс ухода за ребенком и его воспитание неизменно транслируют ему собственную систему убеждений и ценностей, в связи с чем чрезвычайно важно чтобы ценности родителей и прародителей были согласованны (Рафикова, 2019; Карпова, 2019). Воспитание ребёнка может приобрести характер несогласованности из-за противоречивых ожиданий родителей, согласно которым бабушка с дедушкой должны «присутствовать», но в то же время «не вмешиваться» (Mason et al., 2007), амбивалентности чувств зависимости и автономии от прародителей (Zartler, et al., 2020). Наличие рассогласования в требованиях и способах поведения матери и бабушки негативно сказывается и на благополучии взрослого человека. Чем сильнее выражены разногласия, тем ниже уверенность женщины в собственных силах как матери и удовлетворённость материнской ролью (Козьмина, 2015).

Кроме того, в последнее время усиливается роль замещающих взрослых (нянь), которые в силу изменения социальной позиции бабушек и разрыва межпоколенных связей в семье, становятся неотъемлемой частью процесса воспитания ребенка. Участие в воспитании ребенка человека, не являющегося членом семьи, несет в себе риск столкновения с иной системой ценностей, иными семейными традициям. И, хотя няня не является членом семьи, но ее участие в жизни ребенка в раннем и дошкольном возрастах может влиять на социально-психологические свойства личности и характер ребенка (Василенко, 2011).

Конечно, роль няни в семье существенно отличается от родительсткой, имеет существенные ограничения. Кроме ухода за ребенком, по мнению Т.В.Дробышевой, в сферу деятельности няни попадает и воспитательная (Дробышева, 2015). Она направлена на создание благоприятной образовательной среды, включая игровые и образовательные моменты. Основной акцент должен быть сделан на стимулировании познавательного интереса, творческого развития и социальной адаптации. Именно воспитательная позиция,

понимаемая как совокупность установок и ориентаций, которые родители имеют в отношении воспитания своих детей, и которые в первую очередь определяют родителей как активных участников воспитательного процесса (субъектов воспитания) (Лазарева Т.А., 2009), становится пространством столкновения ценностных ориентаций и установок родителя и няни. Исследование Т.В. Дробышевой, которое рассматривает влияние нянь на социально-психологическое развитие детей, показывает, что эффективность воспитания напрямую зависит от того, насколько согласованы стратегии воспитания взрослых в семье, указывая, что согласованность стратегий воспитания родителей и нянь формирует устойчивый эмоциональный фон ребенка дошкольного возраста.

В ряде эмпирических исследований мы ставили *целью определить, насколько существенным является рассогласование супружеских, родительских, воспитательских позиций в современной семье* и понять, насколько актуальной является задача своевременного преодоления возможных разногласий.

Степень согласованности представлений и установок относительно супружеской жизни у молодоженов.

26 пар молодых людей (19- 47 лет) были обследованы на этапе подачи в ЗАГс заявления о заключении брака. Для выявления представлений о распределении супружеских ролей в будущей семье использовался модифицированный опросник “Распределение ролей в семье” Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозман и Е.М. Дубовской (Алешина и др., 1987). Для оценки семейных установок в супружеской паре был использован опросник “Измерение установок в супружеской паре” Ю.Е. Алешиной, И.Я. Гозман, Е.М. Дубовской (Алешина и др., 1987).

В результате сопоставления представлений и установок в каждой из пар было зафиксировано существенное (значимое) расхождение. На фоне согласованности представлений (и готовности) о том, кто станет хозяйкой дома, ответственным за эмоциональный климат в семье, было обнаружено, что женщины в гораздо большей степени претендуют на роль ответственного за материальное обеспечение семьи. На фоне того, что мужчины чаще приписывают эту семейную роль мужу, женщины чаще предполагают, что и жена, и муж будут вносить одинаковый вклад в материальное благосостояние семьи (Δ=0,45). Причем женщины не готовы уступать пальму первенства и в традиционно «женских» ролях. Несмотря на то, что мужчины предполагают лидировать не только в качестве сексуального партнера, но и в качестве воспитателя детей, женщины не склонны делиться ответственностью с партнером. Кроме того, было зафиксировано, что мужчины в парах, готовящихся к заключению брака, имеют более традиционные ориентации, в которых сохраняется целомудренная позиция женщины в семье, в то время, как женщины претендуют на большую свободу сексуальных отношений. Мужчины по сравнению с женщинами в большей степени ориентируются на чувство долга (Δ=-0,38), менее лояльно относятся к разводам (Δ=-0,44), в большей степени ориентируются на традиционно представляемую романтическую любовь (Δ=-0,64), имеют более традиционное представление о роли женщины в семье. Очевидно, что зафиксированные рассогласования являются следствием изменения положения женщины в обществе, которая не готова ограничивать сферу своей самореализации семейной сферой. Однако наличие таких разногласий еще на пороге семейной жизни становится фактором риска в отношении семейного благополучия. Учитывая ориентирующую функцию представлений, можно предположить, что каждый из супругов будет стремиться к построению семейных отношений в соответствии с имеющимися представлениями и установками, что может стать источником семейных конфликтов, а может и распада семьи. Можно было бы рекомендовать специальную психологическую работу по согласованию представлений о семейной жизни на этапе основания семьи, когда противоречия еще не приобрели критическую степень.

Степень согласованности установок относительно воспитания ребенка у матерей и бабушек.

Анализ согласованности родительской позиции мамы и бабушки был осуществлен в ходе обследования 12 диад, воспитывающих ребенка дошкольного возраста. В качестве

методов исследования были выбраны опросники ВРР (Взаимодействие родитель-ребёнок) для родителей дошкольников и младших школьников И.М. Марковской, ОДРЭВ (Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия») Е.И. Захаровой, PARY Е.С. Шафера и Р.К. Белла в адаптации Т.В. Нещерета.

Результаты обследования позволили сделать заключение о большей чувствительности матерей («Способность воспринимать состояние ребёнка» (U=105; p=0,028), «Понимание причин состояния» (U=90,5; p=0,008), «Чувства, возникающие у матери во взаимодействии» (U=93; p=0,011), большей компетентности их в эмоциональном взаимодействии с ребенком («Умение воздействовать на состояние ребёнка» (U=110; p=0,040). Большая чувствительность матерей по сравнению с бабушками вполне объяснима степенью включенности в уход за маленьким ребенком. Вскармливание, сопровождение развития ребенка способствует сближению и лучшему пониманию его состояния и потребностей. История взаимодействия с ребенком делает близкого взрослого способным не только уловить тонкие оттенки его состояния, но и его причину.

На этом фоне приходится констатировать, что в установках в отношении воспитания ребенка существуют существенные рассогласования. Бабушки в большинстве своем обнаружили большую строгость, раздражительность, склонность к ограничительным стратегиям воспитания («Раздражительность и вспыльчивость» (U=102,5; p=0,022), «Исключение внесемейных влияний» (U=107; p=0,032), «Подавление агрессивности» (U=112; p=0,046). Корреляционный анализ родительских позиций показал, что что чем строже бабушка, тем сильнее выражена конфронтация воспитательных позиций в семье (r=0,744, p <0,01) и наоборот. Матери стараются выстраивать отношения с ребенком «в противовес», «наперекор» тому, как это делают бабушки. В этом и прослеживается несогласованность родительских позиций матери и бабушки. В плане эмоционального взаимодействия, также приходится констатировать тот факт, что чем меньше бабушки ориентируются на состояние ребёнка при построении с ним взаимодействия, тем больше матери склонны к оказанию эмоциональной поддержки ребёнку (r=-0,692, p <0,05), больше стремятся к телесному контакту с ним (r= -0,632, p <0,05), матери таким образом стремятся компенсировать воспитательные позиции бабушек. Интересным, на наш взгляд, является то, что наиболее выражена конфронтация в диадах, поживающих совместно в условиях отсутствия отца ребенка.

Обнаруженные расхождения в позициях, а, зачастую, конфронтация участвующих в воспитании ребенка женщин связаны с изменением социо-культурного контекста. В современном обществе стремительно меняются взгляды на допустимые формы поведения, более либеральными становятся взгляды на воспитание ребенка, который получает гораздо больше прав и свобод чем раньше. Усиливается ценностное отношение к ребенку, возрастает толерантность к его поведению. Все это становится условиями изменения жесткой патриархальной системы семейных отношений, что неизбежно приводит к противоречивости позиций принадлежащих к разным поколениям родителей.

Встает вопрос о том, в какой момент необходимо привлекать родителей и прародителей к работе по согласованию позиций. Наиболее эффективной, на наш взгляд, такая работа могла бы быть в период ожидания ребенка в семье. Особый период жизни семьи, когда будущая мать становится центром расширенной семьи, побуждая ее к сплоченности (Захарова, Гроссман,2005).

Степень согласованности системы ценностей и установок относительно воспитания ребенка у матери и замещающего взрослого (няни).

Все чаще участие бабушки в уходе за ребенком сменяется приглашением няни, которой делигируются часть родительских функций. Обращение к помощи няни часто мотивируется стремлением избежать ситуации, когда молодая мать стремится реализовать воспитательские установки, избегая конфротнации с собственной матерью или свекровью. Однако и в этом случае, несмотря на принятую процедуру подбора помогающего персонала, возможно

возникновение ситуации рассогласования позиций участвующих в воспитании взрослых. С целью анализа степени согласованности позиций матери и замещающего взрослого было обследовано 37 семей с детьми дошкольного возраста, привлекающих няню к уходу за ребенком.

В качестве методов исследования был использован опросник PARI, Е.С. Шефер и Р.К. Белл. Кроме того, посредством опросника Шварца был установлен факт согласованности ценностных ориентаций ухаживающих за ребенком взрослых. Вероятно, общность нравственных позиций является базисом построения сотрудничества матери и няни. На этом фоне приходится констатировать серьезное рассогласование установок в отношении воспитания ребенка. Полярными являются позиции в отношении качества эмоционального контакта, отношения к активности ребенка, позиция взрослого по отношению к ребенку. Реализация функций ухода и воспитания исходя из отличающийся от позиции родителей неизбежно дезорганизует ребенка.

На основании проведенных исследований можно сделать *Выводы* о том, что

1. Многие вектора системы семейных отношений содержат на полюсах серьезные рассогласования, что делает систему дисгармоничной и неустойчивой.
2. В целях укрепления супружеских отношений, гармонизации воспитательного воздействия взрослых членов семьи на ребенка может быть рекомендовано организация психологической помощи, направленной на согласование ролевых позиций.
3. Желательно, чтобы психологическая помощь носила профилактический, превентивный характер. Учитывая распространенность указанной проблемы следует организовать психологическое обследование в периоды становления семьи, появления в ней ребенка. Коррекционная работа на уровне психологических представлений, ожиданий, позволит снизить разрушительный эффект имеющихся дисгармоний.

Литература

1. Захарова Е.И., Гроссман И.В. Изменение системы социальных отношений женщины в период ожидания ребенка// Перинатальная психология и психология родительства. 2005., №1 - С.93-116
2. Бобрышов С.В., Ивакина В.В. Конфликты в сфере семейных отношений: социально-психологический аспект: учебное пособие. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2017. – 194 с.
3. Бурмыкина О.Н. Межпоколенные взаимодействия в семье: поддержка и социальные сети // Семья в России и Китае. Процесс модернизации / Социологический институт Российской академии наук; / под ред. И.И. Елисеевой и Аньци Сю. – Санкт-Петербург.: изд-во «Нестор-История», 2015. – С. 199-232.
4. Василенко М.А. Привязанность ребёнка к матери как фактор ранней социализации: автореф. дис. канд. психол. наук. Курск, 2011. 23 с.
5. Гребенникова Н.В., Гурова Е.В., Захарова Е.И. Психология семьи, учебник. М., Академия, 2014 – 236с.
6. Дробышева Т.В., Романовская М.А. Представления в семье о статусе и деятельности современной няни как предмет социально психологического исследования // Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2013. С. 357—373

7. Евграфова Ю.А. Ролевая структура в молодой супружеской паре// Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 9. – №4. – С. 411-423

8. Капустин С.А. Сбалансированный стиль родительского воспитания и его влияние на развитие личности детей. // Национальный психологический журнал 2015. № 4. с.119-129.

9. Карпова В.М. Особенности межпоколенной трансляции семейных ценностей// Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2019. – Т. 25, № 3. – С. 117-139.

10. Козьмина Я.Я. Влияют ли на родительскую самоэффективность разногласия с родственниками по поводу правил воспитания и ухода за ребенком? // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – Т. 18, № 4. – С. 65-81.

11. Лазарева Т.А. Воспитательные позиции родителей и их оценка подростками // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №94

12. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. – М.: Изд. центр "Академия", 2006. – 432 с

13. Поломошнов П.А. Социокультурные трансформации современной российской семьи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 274-283.

14. Рафикова С.А. Межпоколенный диалог и трансляция исторического опыта // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2019. – № 31. – С. 17.

15. Сергиенко Е.А. Развитие модели психического в дошкольном возрасте // Мир психологии. М., 2015. С. 53–64

16. Чикаева К.С. Современная семья в России: тенденции и проблемы развития // – 2021. – № 11-2. – С. 269-274.

17. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений: Курс лекций. – М.: Апрель-Пресс, 2000. – 512 с.

18. Caldera Y.M., Lindsey E.W. Coparenting, mother-infant interaction, and infant-parent attachment relationships in two-parent families //Journal of Family psychology. 2006. Vol. 20. №. 2. P. 275.

19. Mason J, May V, Clarke L. Ambivalence and the paradoxes of grandparenting. The Sociological Review. 2007. Vol. 55(4). P. 687-706.

20. Spanier, G.B., Lewis, R.A. Marital quality: A review of the seventies// Journal of Marriage and the Family. – 1980. – Vol. 42 (4). – P. 825-839.

21. Winsler A., Madigan A.L. and Aquilino S.A. The correspondence between maternal and paternal parenting styles in early childhood. Quarterly Studies of Early Childhood, 2005. Vol. 20(1). P.1-12.

22. Zartler U., Schmidt E., Schadler C., Rieder I., Richter R. "A Blessing and a Curse" couples dealing with ambivalence concerning grandparental involvement during the transition to parenthood—a longitudinal study // Journal of Family/ 2020. Vol. 42(5). P. 958 – 983. doi.org/10.1177/0192513X20950786

«Брачное чадородие» в системе потребностей человека и семьи

Л.Б. Шнейдер
МПГУ, г. Москва, РФ
lb.shnejder@mpgu.org

Аннотация. *Мотивация деторождения связана с тем, какое именно место в иерархии потребностей конкретного человека занимает потребность в детях. Развитие духовных потребностей гораздо больше влияет на снижение рождаемости, чем развитие материальных потребностей. Предполагается, что снижение мотивации к деторождению в браке носит экстринсивный характер, но содержательно характеризуется многообразием менее осознаваемых внутренних мотивов.*

Ключевые слова*: брак, деторождение, генеративность, ценность, потребности.*

Актуальность обращения к теме семьи и деторождения обусловлена в равной мере необходимостью уточнения и осмысления имеющихся научных представлений по семейно-репродуктивной проблематике и совокупностью обновляющихся факторов её социального и практического значения.

В настоящее время множество супругов, находящихся в детородном возрасте, не желают иметь детей и не намерены обзаводиться потомством, что провозглашается как сознательно выбранная жизненная установка. Проблема эта не только российская. Коллапс института брака и «брачного чадородия» обусловлен «смещением западного образа мышления от христианских ценностей — жертвенности, альтруизма, верности — к воинствующему мирскому индивидуализму, сфокусированному исключительно на себе» (цит. по: Вальцев С.В., 2010, с. 32). Эго-центрация современного человека становится ключевой, духовные потребности утрачивают свою побуждающую силу, что изменяет отношение самих бездетных пар и общества к сознательному отказу от деторождения. Более того, сознательная бездетность становится допустимым вариантом существования для многих семей (Шнейдер Л.Б., 2018). Генеративная ценность утрачивает свою значимость. При этом чадолюбие может сохраняться, но «чадородие» замирает.

Связано это с тем, что:

*ориентация женщины на идеальную фигуру, увлечение пластическими манипуляциями и процедурами по конструированию своей телесности становится важнее потребности в детях;

* гендерное равенство со смещением лиц мужского пола к феминности (без возможности рожать), а женщин – к маскулинности (со снижением желания и намерения рожать);

*исключение из сюжетов детских игр тематики «дочки – матери», изобилие либо выдуманных, совершенно не соотносимых с реальностью, либо наоборот, чрезвычайно натурализованных и сексуализированных игрушек, но одинаково неадекватных проектированию родительских ролей, с подростками и юношами подготовкой к семейной жизни вообще никто не занимается, скорее наоборот, в случае проблемных отношений с взрослеющими детьми родители часто бросают: «Вот подожди, будут у тебя свои дети, тогда поймешь…!», «Еще наплачешься!», т.е. они неосознанно адресуют ребенку послание: «Без детей - намного лучше и проще жить»;

*привычка к необременительному существованию, когда собственное благополучие ценится превыше всего: благоПОЛУЧИЕ побеждает благоТВОРЕНИЕ;

* «выворотное» поведение или антиповедение (Шнейдер Л.Б., Зыкова М.Н., 2024) характерное для традиционного общества, но возможное только в особые дни (например, в святки), в нынешние времена становится нормой, повседневной практикой;

* «домашние» таланты, хозяйственно-бытовые навыки и умения обесцениваются, не воспитываются и не воспроизводятся, соответственно внутрисемейные обязанности минимизируются, деторождение же может всю эту «конструкцию» обрушить;

*текстовое и визуальное превращение интимной сферы в публичную, отсутствие стыдливости, дефицит любви и её превращение в рыночный товар, не способствуют обрамлению «чистых» отношений и расчеловечивают процесс зачатия;

* отсутствие пропаганды семьи, семейных ценностей в медийном пространстве (программа «ДНК», когда люди выясняют, кто чей сын/дочь, кто кому брат/сестра, и пр., производит удручающее впечатление; не меньшее зло, не всегда до конца осознаваемое, вызывают и детективные сериалы, где семейные ценности тоже все непременно расшатываются, в родственном круге происходят убийства, кражи, предательства, и т.д. (например, «Семья как филиал ада», Пятый канал, сериал «След».)

Опыт показывает, что формирование генеративной потребности – дело не простое и весьма деликатное. Свобода выбора диктует много соблазнов помимо репродукции, несмотря на то, что речь идет не об одиночках, а о людях, заключивших брачный союз.

Большую роль в изучении мотивации поведения человека играет обсуждение вопросов, связанных с влечениями и желаниями, борьбой мотивов и принятием решений, устойчивостью выводов и способностью к внутренней задержке побудительных импульсов, имея в виду, что за мотивами обнаруживается и «прочитывается» детерминация поведения. В мотивационном блоке выделяют экстринсивную мотивацию, обусловленную внешними условиями и обстоятельствами, и интринсивную, связанную с личностными диспозициями, при которой действия и поступки совершаются по воле субъекта (Ильин Е.П., 2000; Бережной Н.М., 2000).

Опыт показывает, что «отивация и мотивы всегда внутренне обусловленны, но могут зависеть и от внешних факторов, побуждаться внешними стимулами. В связи с этим выделяется импульсивное и волевое поведение, что сказывается и на генеративных установках. Половой контакт может быть продиктован импульсивным позывом, а вот рождение и воспитание ребенка – это уже социально-нравственный акт.

Вопрос об осознаваемости мотива является очень важным для репродуктивного поведения. Вследствие этого мотивировки-высказывания могут не совпадать с действительными мотивами. Например, супруги могут декларировать, что рождение ребенка желанно, «без этого им никак нельзя», на деле же при обоюдном актерстве на сцене жизни ими исполняется спектакль «Приличная семья». Кстати, появление ребенка может всю драматургию испортить. Неосознанные мотивы могут быть реально действующими, влияющими на его генеративные ценности и намерения деторождения.

Различное репродуктивное поведение брачных партнеров имеет в своей основе различные системы материальных и духовных потребностей, а значит и различные системы ценностей. Это в свою очередь сказывается на формировании потребности в детях, т.е. на планировании супругами числа детей в семье.

Первой в применении теории потребностей для объяснения динамики рождаемости была Р.С.Ротова. По её мнению, “на рождаемость влияют… рост объема и изменения структуры потребностей людей». Она полагала, что «потребности начинают оказывать влияние на процесс рождаемости только по достижении ими определенного уровня своего развития» (Ротова Р.С., 1973, с. 14).

Потребность в детях может рассматриваться только в системе всех потребностей личности или семьи. Она является производной и зависимой от других сформировавшихся потребностей личности (Шнейдер Л.Б., 2018). При устойчивых, гармоничных взаимоотношениях в семье, для большинства супругов дети являются символом личного счастья, привнося в жизнь особый смысл и содержание. Очевидно, что брачное чадородие в этих условиях не просто уместно и желанно, но духовно востребовано.

Когда супружеская пара центрируется, главным образом, на удовлетворении элементарных материальных потребностей, пренебрегая духовным развитием, то потребность в детях либо снижается, либо из ценностной сферы перемещается в инструментальную. При этом «потребностный» блок будет сохранять свою дефицитарность и нуждаться в коррекции и развитии.

Литература

1. Бережной Н. М. Человек и его потребности. М.: Форум, 2000. - 159 с.
2. Вальцев С.В. Закат человечества. М.: Книжный мир, 2010. – 384 с.
3. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб: Изд-во “Питер”, 2000.—512с.
4. Ротова Р. С. Уровень потребностей и социально-демографические процессы: (На примере небольших городов) : Автореф. дис. … канд. экон. наук. М.: 1973. - 27 с.
5. Шнейдер Л.Б. Семейная психология: эмпирические исследования. М.: Юрайт, 2018. - 317с.
6. Шнейдер Л. Б., Зыкова М. Н. Воспитание: лицом к России. Основы гражданско-патриотической работы со школьниками. М.: Государственный университет просвещения, 2024. – 246 с.

Психологические особенности реинтеграции (возврата) детей в кровные семьи

Т.И. Шульга,
Государственный университет просвещения, Московский психолого-социальный университет, Москва, Россия
shulgatatiana@gmail.com

Аннотация. *Возврат детей-сирот и детей оставшихся без попечения родителей, в настоящее время является одной из важных задач деятельности организаций для детей-сирот. Сложности данной работы во многом определяют необходимость готовности сотрудников организаций для детей -сирот к реинтеграции детей разного возраста, мотивации и психологической готовности биологических родителей к возврату детей, а также желания и готовности самого ребенка /детей к возврату. Акцент государственной политики определяет деятельность по реинтеграции детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в кровные семьи, и только в случае невозможности -передача на альтернативные семейные формы устройства.*

Ключевые слова: *реинтеграция, психологическая готовность, социально-психологическое сопровождение, помощь семье.*

Цель статьи -обоснование мер укрепления семьи как важнейшего социального института, определяющего ресурс развития и психологического благополучия детей-сирот и

детей, оставшихся без попечения родителей, совершенствование психологической помощи и поддержки семьи, вернувшей детей. Следует отметить, что процесс реинтеграции детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, описан и внедряется с 2008 года, но активно он начал внедряться в последние 2 года. (1; 2; 3)

Лишение родительских прав – процесс, который напрямую затрагивает интересы как ребенка, так и его родителей. Для большинства родителей решение о лишении родительских прав навсегда разрывает отношения с детьми. При твердом намерении вернуть ребенка родителям необходима помощь специалистов.(Семья Г.В., 2009)

Процедура восстановления родительских прав не менее сложный процесс. Действующее законодательство предусматривает возможность восстановления в родительских правах и отмену ограничений родительских прав в случаях, когда родители изменили поведение, образ жизни и (или) отношение к воспитанию ребенка. Восстановление в родительских правах, отмена ограничений родительских прав осуществляется в судебном порядке по заявлению родителей (статьи 72 и 76 СК РФ). (1 ;2; 5)

Изучение трудностей возврата детей, оставшихся без попечения родителей в кровные семьи, привело к необходимости разработки программы, с учетом этапов реинтеграции. Она предусматривает последовательность данной работы с учетом готовности специалистов, организаций для детей-сирот, мотивации и психологической готовности родителей, лишенных родительских прав или ограниченных в правах, и готовность самих детей, лишенных родительского попечения. Сотрудники организаций для детей-сирот инициируют процесс возврата ребенка в кровную семью и должны учитывать сложности взаимоотношений с родителями, лишенными родительских прав, или ограниченных в родительских правах, а также родителями, передавших детей в организацию по заявлению и нарушающих сроки нахождения ребенка в организации. Родители данной категории часто боятся начинать процесс возврата, затрудняются в том, как и с чего начинать данный процесс, проявляют неуверенность в своих силах, испытывают страх, особенно при обращении в органы опеки и попечительства, суды, организации, испытывают чувство вины перед сотрудниками и детьми, редко имеют поддержку расширенной семьи. (2; 5). Выделены типы родителей, желающих вернуть ребенка в свою семью. Первый тип – это родители со стойкими родительскими привязанностями, имеющие крепкие эмоционально-чувственные связи с ребенком и заинтересованные в его судьбе,. проявляющие активность в процессе возврата, мотивацию, желание вернуть ребенка, что значительно снижает трудности данного длительного процесса. С родителями такого вида кровной семьи или родителем легче установить контакт, они учитывают рекомендации органов опеки и попечительства, специалистов организации для детей-сирот, взаимодействуют с воспитателями группы-семьи, в которой воспитываются дети. Особенно актуально это в настоящее время вывода детей из организаций для детей-сирот медицинского профиля и их реорганизации. В данных организациях находятся дети от 0-до 4 лет, которым наиболее важен данный период развития именно в семье. Именно в этот возрастной период происходят наиболее важные сензитивные периоды психического развития личности ребенка, его самосознания, познания окружающего мира. (2; 3; 5)

Второй тип это родители со слабо проявляющимися родительскими привязанностями, безвольные, ведомые, безответственные, родительские чувства их поверхностные, нестойкие, они не испытывают желания вернуть ребенка в семью, но и не дают согласия на устройство ребенка в приемную семью, в результате ребенок вынужден жить в организации длительное время.

Третий тип - родители - психически или физически больные, или имеющие еще на иждивении ребенка-инвалида. Это затрудняет возврат ребенка в семью, так как она нуждается в комплексной межведомственной помощи, что не всегда возможно.

Четвертый тип - родители, имеющие крайне низкий уровень родительских привязанностей или не проявляющие их совсем по отношению к ребенку, иногда даже

отвергающие его. В данной ситуации ребенок передается на альтернативные семейные формы устройства.

Подготовка детей к возврату в кровную семью также имеет трудности, связанные с длительностью разлучения с кровными родителями, недостаточно осознанными желаниями и мотивами возврата, неготовностью жить в семье, взаимодействовать с родителями, возможно с сиблингами и расширенной семьей. Перечисленные трудности определяют необходимость социально–психологического сопровождения семьи, родителя, вернувших ребенка.

Выявленные трудности процесса возврата детей в кровные семьи требует особой подготовки специалистов, осуществляющих данный процесс, постоянных курсов повышения квалификации, включающих особенности работы специалистов (воспитателей, социальных работников, социальных педагогов и т.д.). Данное направление межведомственного сопровождения затруднено нахождением организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в разных ведомствах: социальной защиты, образования, здравоохранения.

Литература

1. Методические рекомендации по организации коррекционно-реабилитационной работы с родителями, ограниченными в родительских правах, лишенными родительских прав, с целью возврата детей в кровные семьи https://minobr.gov-murman.ru/files/Opeka/metodrekom.pdf.

2.Право вновь стать родителем! /Семья Г.В., Шульга Т.И.,Рындина Е.Н., Зуеа Н.Л.: Департамент соц. защиты населения Волгоградской обл, Вол. Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей, №2.- Вологда.: Леда, 2019. -167 с.: ил , табл. – (Серия «Научно-методическое обеспечение деятельности служб содействия устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи граждан Вологодской области, : вып. 5)

3 . Работа с кровной семьей воспитанников учреждений для детей-сирот и и профилактика социального сиротства. Опыт Смоленской и Вологодской областей: сборник статей/ под ред. А.С. Омельченко — М.; Смоленск: БФ «Дети наши», 2017.-96с.

4.. Семья Г.В. Зуева Н.., Рындина Е.Н., Жукова О.А. Как вернуть родительские права. М.: ООО «Вариант», 2009 .-86с.

5..Технологическая карта по работе с родителями, лишенными родительских прав, ограниченными в родительских правах, направленная на восстановление или отмену ограничения их в родительских правах. Министерство просвещения Российской Федерации, Москва, 2020.,-14с.

Кризис семьи и родительства: в чем проблема?

Г.Г. Филиппова

ЧУ ДПО «Институт перинатальной и репродуктивной психологии», Москва, Россия

filippova_galina@mail.ru

Аннотация. *Основной функцией семьи является рождение, воспитание детей и их формирование как будущих родителей. Кризис семейной системы ведет к нарушению формирования мотивации деторождения и родительской компетентности, что проявляется в изменении репродуктивных стратегий и нарушениях в формировании репродуктивной сферы будущих поколений.*

Ключевые слова: *семья, родительство, кризис семьи и родительства, материнство и отцовство*

Семья и родительство в современном обществе переживают острый кризис, который выражается в демографических проблемах, трансформации структуры и форм семьи, неустойчивости семейной системы, в изменении репродуктивных стратегий и способов воспитания детей. Эти изменения подробно изучаются в разных научных направлениях, предпринимаются усилия по стабилизации демографической ситуации и поддержке семьи, однако острота проблем не снижается.

Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» выделяет два основных способа воспроизводства в обществе – производство материальных средств к жизни и производство самого человека, продолжение рода (Ф. Энгельс, 2019). Ф. Энгельс предсказал изменение и даже распад семейной системы при таком развитии индустрии, когда не будет необходимости родственникам объединяться вокруг женщины для обеспечения экономических условий рождения и выращивания ребенка. Этот процесс мы и наблюдаем в современном мире: женщины могут самостоятельно обеспечивать себя и своих детей с помощью наемных помощников, и появился новый вариант женской репродуктивной стратегии: «Родить ребенка для себя», на обременяясь брачными узами и необходимостью адаптироваться к семейной жизни с партнером. Более того, общество и государство, несмотря на общую политику поддержки семьи, активно поддерживают эту стратегию: матери-одиночки получают дополнительные выплаты и льготы, государство даже оплачивает деторождение в форме донации для женщин, не имеющих партнера (хотя для мужчины это по закону не допускается) и т.д. При этом, когда пропагандируется необходимость для женщин рожать в более раннем репродуктивном возрасте (20-25 лет), то почему-то не ставится вопрос о создании семьи и побуждении мужчин брать на себя эту ответственность. В сочетании с агитацией за запрет абортов, практически исключительно адресованный женщинам, создается впечатление, что в обществе уже закрепилось некое «матриархатное» понимание деторождения: это дело женщины – вовремя зачать, выносить и вырастить ребенка. Вместе с этим постоянно растет ценность и приоритет саморазвития и самореализации в профессии для женщины, но не появляется конструктивных моделей сочетания этого со своевременным созданием семьи и рождением детей. Напротив, модель «отсроченного» (или «отложенного») материнства уже оказывается устоявшейся не только в социальном, но и в медицинском планах: средний возраст рождения первого ребенка в России по данным за 2023-24 годы составляет 29-30 лет, а пациентки клиник ВРТ старшего репродуктивного возраста по последним отчетам составляют до 52% (Регистр ВРТ, 2024).

С позиции социологии, психологии, экономики выделяются разные функции семьи: репродуктивная, воспитательная, хозяйственно-экономическая, рекреационная (поддержание физического и психического благополучия членов семьи), эмоционального и духовного общения, сексуальная, досуговая, обеспечение первичного социального контроля, статусная и другие. Функции семьи меняются с изменением общества и эти изменения отражают связь «производства средств к жизни и воспроизводства человека» по Ф. Энгельсу. Воспроизводство человека – как репродуктивная функция семьи является центральной по отношению к другим функциям семьи, которые ее обеспечивают. Именно репродуктивная функция – рождение и воспитание детей – определяет структуру и остальные функции семьи в условиях производства средств к жизни в данном обществе.

В современном обществе практически все семейные функции могут осуществляться вне семьи. Большинство потребностей, удовлетворение которых традиционно происходило в семье, теперь могут удовлетворяться и без образования семейного союза, это касается в том числе и сексуальной функции и даже деторождения.

Однако, именно репродуктивная функция оказывается в данном случае в особом положении. Это связано с тем, что репродукция – это не просто рождение детей, а их выращивание и воспитание, которое составляет содержание родительства. А для выполнения родительских функций сами родители должны иметь не только физическую, но и психологическую готовность к родительству, которая включает мотивационный и исполнительный компоненты (Е.И. Захарова, 2014; Г.Г. Филиппова, 2018). Родительство (материнство и отцовство) формируется в онтогенезе как усвоение всех компонентов родительства во взаимодействии с носителями соответствующих культурных моделей родительских

ролей, которыми являются собственные родители. Отсутствие полноценных семейных отношений (супружеских и детско-родительских) ведет к нарушениям всех форм репродуктивной функции: нарушениям репродуктивного здоровья, полоролевой идентичности, партнерских отношений, мотивации родительства и родительской компетентности.

Можно заключить, что репродуктивная функция является основной функцией семьи, именно она требует сохранения полноценной семьи для воспроизводства человека и его формирования как будущего родителя.

Литература

1. Захарова, Е.И., Психология освоения родительства: научная монография. – М.: ИИУ МГОУ, 2014. – 252 с.
2. Регистр ВРТ. Отчет за 2022 год. – СПб.: РАРЧ, 2024
3. Филиппова Г.Г. Психология материнства: учеб. пособие для академического бакалавриата. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 212с
4. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 228с.

СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Особенности использования цифровых устройств дошкольниками с разными сиблинговыми позициями

Алмазова О.В., Чичинина Е.А.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Российская Федерация
almaz.arg@gmail.com

Аннотация. *В исследовании были рассмотрены различия в использовании цифровыми устройствами у детей с сиблинговыми позициями «старший» и «младший». Установлено, что время активного использования цифровыми устройствами больше у «младших» детей. Кроме того, дети с сиблинговой позицией «старший» чаще используют ЦУ одни или с родителями и реже с сиблингами, чем дети с сиблинговой позицией «младший». Дети, растущие с сиблингом того же, что и они пола, чаще пассивно используют цифровые устройства вместе с братом или сестрой, чем дети, растущие с сиблингом другого пола.*

Ключевые слова: дошкольный возраст, сиблинговая позиция, цифровые устройства

Цифровые устройства являются неотъемлемой частью современной жизни. Использование ЦУ делится на пассивное (просмотр видеоконтента) и активное (видеоигры, обмен сообщениями, использование обучающих и творческих приложений) (Hu B.Y. et al., 2020). Дети, растущие в семьях, где воспитывается более одного ребенка, находятся в несколько более сложной «цифровой» ситуации, чем дети, растущие в семьях с одним ребенком. Ведь родителям нескольких детей необходимо придерживаться рекомендаций по пользованию «гаджетами» для детей одновременно разного возраста, что не всегда является посильной задачей. В связи с чем, представляется очень важным проследить особенности использования цифровых устройств современными детьми с разными сиблинговыми позициями.
Сиблинговые отношения являются одними из самых долгих и значимых в жизни человека, ведь братом или сестрой остаешься обычно дольше, чем, к примеру, сыном или дочерью (Руфо

M., 2006). В детстве дома братья и сестры проводят больше времени вместе, чем даже с родителями. Совместная жизнь, переживания (позитивные и не очень), ресурсы, разрешение конфликтов и сотрудничество в рамках семьи, учат детей договариваться и решать разнообразные задачи (Rolan et al., 2018). В дошкольном возрасте взаимодействия с сиблингом представляются очень важными, так как именно в этом возрасте сверстник впервые становится очень важным для ребенка и способствует формированию когнитивной и личностной сферы (Dunn, 2015).

Проведено довольно много исследований, касающихся отличительным чертам людей с разными сиблинговыми позициями. Однако, особенности использования цифровых устройств (ЦУ) детей с разным порядком рождения, исследованы мало.

Выборка

В исследовании принял участие 271 ребенок (50,6% - мальчики) в возрасте от 65 до 77 месяцев (M=70,3; SD=4,18), посещавшие старшие группы детских садов разных регионов России. Все дети из двухдетных семей. Сиблинговые позиции: 46,9% - старшие, 53,1% - младшие. Разница в возрасте с сиблингом не превышала 60 месяцев (M=35,0; SD=14,28). У 51,7% детей сиблинг того же, а у 48,3% - противоположного с ними пола.

Методики

Проводился опрос родителей, в ходе которого уточнялось, сколько времени и с кем в будни и в выходные дни ребенок активно и пассивно использует ЦУ.

Результаты

В среднем старшие дошкольники по оценке родителей проводят в неделю 211 минут, активно используя ЦУ (играя в видеоигры), и 593 минуты - пассивно (смотря видеоконтент). Дети значимо больше смотрят видеоконтент, чем играют в игры на ЦУ. Ни один родитель не ответил, что ребенок не смотрит видеоконтент. При этом 33,5% родителей ответили, что их дети не играют ни в какие игры на ЦУ.

Сравнивая время использования ЦУ у детей с разными сиблинговыми позициями и разными сочетаниями полов в паре с сиблингом (t-критерий для независимых выборок), было выявлено, что:

1) дети с сиблинговой позицией «младший» значимо больше времени проводят, активно используя ЦУ, чем дети с сиблинговой позицией «старший» (t=-2.335; p=0,020; Cohen’s D = 0,2842); во времени просмотра видеоконтента между детьми с разными сиблинговыми позициями значимых различий нет;

2) нет значимых различий ни во времени активного, ни во времени пассивного использования ЦУ дошкольников, сиблинг которого того же и мальчиков и девочек с сиблингом противоположного пола.

Родители отвечали на вопрос о том, с кем чаще всего ребенок использует ЦУ (активно и пассивно). Выделились следующие варианты ответов – не проводит (про игры), один, с сиблингом, с родителем(ями), с сиблингом и родителем(ями).

При помощи критерия χ^2 установлено, что:

1) сиблинговая позиция и то, с кем ребенок активно использует ЦУ связано (χ^2=34.376;p<0.001; Cramer’s V=0.359); сиблинговая позиция и то, с кем ребенок пассивно использует ЦУ связано (χ^2=22.460;p<0.001; Cramer’s V=0.288) – и для активного и для пассивного использования ЦУ, дети с сиблинговой позицией «старший» чаще используют ЦУ одни и с родителями и реже с сиблингами, чем дети с сиблинговой позицией «младший»;

2) сочетание полов с сиблингом и то, с кем ребенок активно использует ЦУ не связано (χ^2=1.311;p=0.860; Cramer’s V=0.070); сочетание полов и то, с кем ребенок пассивно использует ЦУ связано (χ^2=8.471;p=0.031; Cramer’s V=0.197) - для пассивного использования ЦУ дети с сиблингом того же пола значимо чаще используют ЦУ только с сиблингами и реже только с родителями, чем дети с сиблингами другого пола.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что если в семье с двумя детьми дошкольного возраста достигает младший ребенок, ему позволяется больше смотреть видеоконтент и играть в

видеоигры, чем, если в семье дошкольником является старший ребенок. По всей видимости, возраст наиболее старшего из детей определяет то, сколько времени будет разрешено проводить с цифровыми устройствами младшему ребенку. Старший ребенок в семье предпочитает использовать ЦУ один или с родителями, тогда как младший – со старшим братом или сестрой. По-видимому, и в этой сфере проявляется тенденция к тому, что в детстве младшие дети больше привязаны к старшим и больше хотят проводить с ними времени, чем старшие к младшим. Однополые сиблинги чаще вместе смотрят видеоконтент, чем разнополые, что, по всей видимости, говорит о более схожих интересах однополых сиблингов.
Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-78-30005.

Литература

1. Руфо М. Братья и сестры, болезнь любви. Екатеринбург: У-Фактория, 2006, 288с.
2. Dunn J. Siblings. In J.E. Grusec, P.D. Hastings (Ed.), Handbook of socialization: Theory and research, (2nd edition, pp. 182–201). New York: Guilford Press. (2015).
3. Hu B.Y., Johnson G.K., Teo T., and Wu Z. Relationship Between Screen Time and Chinese Children's Cognitive and Social Development. *Journal of Research in Childhood Education*, (2020) 34(2):183–207. doi:10.1080/02568543.2019.1702600
4. Rolan E. Schmitt S., Purpura D., and Nichols D. Sibling presence, executive function, and the role of parenting. *Infant and Child Development*, (2018) 27:e2091. doi: 10.1002/icd.2091

Связи развития автономии и функционирования семьи московских и бакинских подростков

Поскребышева Н.Н., Бабкина А.Ю.
Московский Государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Kissvina@mail.ru

Аннотация. *В исследовании изучаются особенности развития автономии личности подростков в семьях Москвы и Баку. Выявлено, что семейные отношения и культура играют ключевую роль в становлении автономии личности. Московские подростки связывают автономию с эмоциональной открытостью и самовыражением в семье, тогда как бакинские — с активным участием в семейной жизни и совместной деятельностью. Исследование показывает, что эмоциональная автономия универсально связана с семейной сплоченностью в обеих культурах.*
Ключевые слова*: автономия личности подростка, семейные отношения*

Подростковый возраст открывает множество возможностей и ставит задачу обретения автономии перед человеком. Подросток стремится решать проблемы самостоятельно, опираясь на свои принципы. На развитие автономии влияют целеполагание, волевой потенциал, эмоции, социальная смелость, значимость личного мнения и позитивное самоотношение (Бурыкина М.Ю., Доронцова О.А., 2016). Семья остаётся ключевым фактором в развитии личности подростка. Взаимоотношения, состав семьи и активный досуг играют важную роль в развитии подростка (Бубнова И.С., Рерке В.И, 2013). Конфликты в семье усиливают агрессию и враждебность молодого человека (Дубицкая Е.А, Москаленко М.С ,2011). Для успешного развития автономии необходимо перераспределение контроля между родителями и подростком (Карабанова О.А., Поскребышева Н.Н., Бурменская Г.В., Пупырева

Е.В. и др). Важно, чтобы отношения переходили на уровень «взрослый-взрослый» в детско-рожительских отношениях (Дзукаева В.П, 2016)

Однако, кроме семьи, на подростка влияет культура, в которой он растет. В зависимости от культуры подросток выбирает различные стратегии поведения, ценности, роли и модели, на которые он ориентируется (Бучек А.А., 2004; Галкина Е. М., 1993). Именно через семью ребенок познает культуру. Семья транслирует традиции, идеи, образцы поведения, и эта передача идет из поколения в поколение (Козлова Н.Ш., 2006; Розенберг Н.В., 2008).

Итак, на развитие автономии личности подростка влияют как семья, так и культура, в которой растет ребенок. И именно сравнение траекторий развития автономии в семьях московских и бакинских подростков позволит лучше выделить как универсальные закономерности развития автономии личности подростка, так и лучше понять роль семьи как социокультурного феномена в развитии автономии личности подростка.

Цель исследования - изучение особенностей становления автономии личности подростка в контексте семейной системы подростков из г. Москвы и г. Баку.

Объект исследования - развитие автономии личности в подростковом возрасте.

Предмет исследования - особенности развития автономии подростков в связи с особенностями семейной системы.

Выборку составили 102 Бакинских подростка и 99 Московских подростка в возрасте от 13 до 18 лет.

Методики исследования были направлены на выявления функционирования семьи, а также изучения характера развития автономии личности подростка:

1. Методика «Опросник автономии» (Карабанова О.А., Поскребышева Н.Н.)
2. Методика - русскоязычная версия субшкал «Опросник сепарации – индивидуализации для подростков» (SITA) в адаптации Н. Поскребышевой и К. Крименчуцкой.
3. Шкала семейного окружения (ШСО) Р.Х. Мус, адаптация С.Ю. Куприянова.

По результатам исследования можно сделать вывод, что эмоциональная автономия связана с параметрами семейных отношений в обоих культурах. Универсальным показателем является семейная сплоченность ($p < 0,01$). В семьях обоих культур члены семьи заботятся друг о друге. Однако у бакинских подростков эмоциональная автономия связана с реальными действиями в семье, то есть с ориентацией на активный отдых ($k=0,292$, $p=0,00$), активностью в различных сферах, структурой семейной деятельности ($k=0,297$, $p=0,00$), отношением к достижениям в семье ($k=0,232$, $p=0,01$). А подростки из Москвы демонстрируют связь с эмоциональной автономии с возможностью самовыражения ($k=0,217$, $p=0,03$), то есть в семье открыто выражают различные эмоции.

Можно предположить, что в российской культуре принято открыто выражать эмоций и независимость в семье, так подросток учиться лучше понимать свои эмоциональные состояния и выражать их. Бакинские подростки развивают эту автономию через совместную вовлеченность и сотрудничество с родителями.

Таблица 1. Результаты исследования связи семейных характеристик и показателей автономии и сепарационных процессов подростков из Москвы и Баку.

	Эмоциональная	Когнитивная	Ценностная	Поведенческая	Общая	Страх потери суверенности	Отрицание зависимости

Сплоченность	0,249* (0,01) 0,288 (0,00)		0,261 (0,01)			-0,474 (0,00) -0,350 (0,00)	-0,340 (0,00) -0,327 (0,00)
Экспрессивность	0,217 (0,03)					-0,490 (0,00)	
Конфликт	0,235 (0,01)					-0,388 (0,00) -0,466 (0,00)	-0,223 (0,03) -0,249 (0,01)
Независимость	0,199 (0,04)		0,205 (0,04)		0,217 (0,03)	-0,326 (0,00) -0,290 (0,00)	-0,291 (0,00)
Ориентация на достижения	0,232 (0,01)					-0,286 (0,00)	
Интеллектуально-культурная ориентация	0,326 (0,00)	0,244 (0,02)	0,300 (0,00)		0,260 (0,01)	-0,249 (0,01)	
Ориентация на активный отдых	0,292 (0,00)			0,213 (0,03)	0,203 (0,04)	-0,278 (0,01)	
Морально-нравственный аспект		0,302 (0,00)	0,272 (0,01)		0,24 4 (0,01)		
Организация	0,297 (0,00)		0,232 (0,02)		0,232 (0,02)		-0,257 (0,01)

* *(красный- Баку, черный -Москва).*

В российских семьях семейные отношения связаны в большей степени с эмоциональной, поведенческой и когнитивной автономией, в азербайджанских семьях – с эмоциональной и ценностной.

Ценностная сторона более значима в коллективистских культурах и можно предположить, что подростки из Баку обладают большей автономией в сфере убеждений, ценностей только при совместной активной деятельности в семье.

Связь общей автономии с семейными отношениями в московской выборке есть со шкалой «ориентация на активный отдых» (k=0,213, p=0,03). А бакинские подростки чувствуют себя самостоятельным при организации в семье (k=0,232, p=0,02), высоком уровне уважения к традициям в семье (k=0,244, p=0,01), активности в различных социальных сферах (k=0,260, p=0,01), а также стремлении к самоутверждению (k=0,217, p=0,03). Такие результаты могли получиться, так как в коллективистских культурах совместное участие в жизни членов семьи воспринимается как положительный аспект взаимоотношений.

При низкой сплоченности в семье, при замалчивании конфликтов в семье, а также когда у подростков нет возможности самостоятельно решать проблемы – подростки из обоих культур чувствуют себя не безопасно, ощущают близкие отношения как угрозу (p<0,01).

Московские подростки ощущают угрозу при близких взаимоотношениях, если в семье не принято открыто выражать эмоции (k=-0,490, p=0,00). Также они чувствуют себя уязвимо, если в семье их достижениям не придают особого значения (k=-0,286, p=0,00). А бакинские подростки чувствуют посягательство на их независимость при отсутствии ориентации на активный отдых в семье (k=-0,278, p=0,01), а также при низкой вовлеченности в социальной, политической, экономической сферах.

Универсальным являются связь со шкалой «отрицание зависимости» семейной сплоченности и конфликтностью в семье (p<0,01). Подростки из семей с низкой заботой друг о друге, замалчивают конфликты, стараются избежать близких отношений.

Исследование выявило, что на развитие автономии личности подростка влияет не только семейные взаимоотношения, но и культурные особенности. Также оно показало, что существуют специфические для каждой культуры, и универсальные факторы развития автономии.

Литература

1. Бубнова И. С., Рерке В. И. Специфика современных условий семейного воспитания подростков и ее влияние на формирование их Я-концепции // Вестник ИрГТУ. 2013. №1 (72), С. 211-214
2. Бурменская Г.В. Становление автономии ребенка как проблема исследования и консультирования // Психологические проблемы современной российской семьи. Материалы Второй Всероссийской научной конференции. Часть 1. - Москва, 2005
3. Бучек А. А. Этническое самоопределение в подростковом возрасте (на примере коренных народов Камчатки) // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2004. №2. С.15-32
4. Галкина Е.М. Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей: (по материалам этносоциологического исследования в г. Москве). Автореф. дисс. канд. истор. наук. - М., 1993.-21с.
5. Дзукаева В.П. Культурно-специфические и семейные факторы сепарации от родительской семьи в юношеском возрасте дисс. ... канд. психол. наук. М., 2016.

6. Доронцова О.А., Бурыкина М.Ю. Краткий анализ подходов к понятию «автономия» // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: материалы III Междунар. науч.-практ. интернет-конф. 2016. С. 325–328. [Электронный ресурс] // URL https://elis.psu.ru/node/387292 (Дата обращения: 17.09. 2024)
7. Дубицкая Е.А, Москаленко М.С. Исследование влияния семейных конфликтов на эмоционально-волевое развитие подростков // Преподаватель XXI век. - 2011. - № 4. С. 164-169
8. Карабанова О.А. Детско-родительские отношения и практика воспитания в семье: кросс-культурный аспект // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. N 2. С. 15—26.
9. Козлова, Н. Ш. Семья в системе культурных традиций // Новые технологии 2006. №1. С. 44-46.
10. Поскребышева Н.Н., Бабкина А.Ю. Семейные факторы развития автономии и сепарационных процессов у подростков // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. No 3. С. 120–146.
11. Поскребышева Н.Н., Карабанова О.А. Возрастно-психологический подход в исследовании личностной автономии подростка // Национальный психологический журнал 2014. №1. С.74-85.
12. Пупырева Е.В. Эмоциональная привязанность к матери как фактор становления автономии личности в младшем школьном возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007
13. Розенберг Н.В. Семья как культурная единица, способ сохранения и трансляции культурных традиций // Гуманитарные науки. Философия. 2008. №4. С.45-53

Изучение проблемы отказа от деторождения: психологический аспект

Деулин Д.В.
Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ddeulin@yandex.ru
Пеньков А.М.
Московский Государственный Технический Университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет, ФГБОУ ВО), г. Москва, Российская Федерация
alexander.penkov99@gmail.com

Аннотация. В работе рассматривается индивидуально-психологический профиль лиц, склонных к сознательной бездетности (отказу от рождения ребенка). Авторы анализируют отечественные и зарубежные исследования, связанные с проблемой «чайлдфри». Выборку составили мужчины и женщины в возрасте от 18 до 40 лет (средний возраст 29±1 лет, 35 обследуемых, пилотажное исследование). Основными методами исследования выступили исторический, социологический, статистический, анализа, сравнения. Методиками исследования стали: Морфологический тест жизненных ценностей В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушина (диагностика жизненных ценностей личности, МТЖЦ); Ценностный опросник Шварца; Опросник САН; авторская анкета (пол, возраст, профессия, уровень дохода, наличие детей, уровень образования, позиция к чайлдфри), математико-статистический метод - критерий Краскела-Уоллиса. Основными выводами исследования являются констатация степени распространенности изучаемого феномена; различия в активности, настроении, самочувствии; высокая степень толерантного отношения к представителям «чайлдфри»; распространенность субкультуры среди «бездетных» студентов и лиц, не имеющих постоянного дохода; искусственная инерция «чайлдфри».
Ключевые слова: психологическая безопасность, феномен «чайлдфри», деторождение, репродуктивное поведение, демография, инклюзивный капитализм, бездетность, четвертая промышленная революция.

В настоящее время в России, несмотря на улучшения социально-экономических показателей, демографическая ситуация по инерции продолжает ухудшаться, увеличивается количество разводов и неполных семей. Во многих зарубежных исследованиях показаны негативные последствия распада семьи, влияние неполных семей на психофизиологическое развитие ребенка. Американские исследования показывают, что дети в неполных семьях сталкиваются с уникальными проблемами из-за отсутствия двойной поддержки со стороны родителей, что влияет на их академические достижения, межличностные отношения и общую удовлетворенность жизнью. (Meiqiao Han, 2023).

Согласно основам российского законодательства диспозиции закона разрушение семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений (сексуальных извращений), распространение циничного и пренебрежительного отношения к крепкой семье, процессу продолжения рода, многодетности является результатом идеологического и психологического воздействия (Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»).

Проблема отказа от деторождения сопряжена с угрозами и рисками не только психологической безопасности личности, но и национальной, демографической безопасности государства.

Уже несколько лет с разной степенью интенсивности в онлайн и офлайн пространстве укрепляется и распространяется так называемое движение «чайлдфри» (свободные от детей). Чайлдфри является субкультурой, которая пропагандирует совершенно отличный от традиционного идеальный образ современной семьи, в которой основными ценностями становятся двухсторонние отношения между супругами, личностный рост, финансовое благополучие и успешное продвижение по карьерной лестнице и отсутствие детей (Бичарова М. М., Морозова О. В., 2016).

Согласно представлениям Халвина Р.Р. основу детерминации отказа от рождения детей у представителей «чайлдфри» составляют следующие факторы: отсутствие уверенности в размере своего дохода; психологическая травматизация в раннем детстве (жестокое обращение родителей, социального окружения, инцест, делегирование обязанностей по уходу за младшими братьями и сестрами); рационализация (вариация психологической защиты), связанная с невозможностью зачатия ребенка (бесплодие); эгоизм и гедонизм (повышенные требования к личному комфорту); приоритет жизненным ценностям в других сферах

(трудоголизм); чувство неприязни к детям; наличие страха перед физическими аспектами воспроизводства детей и др. (Халфина Р. Р., Тимченко Т. В., Сафронова Е. В., 2028).
Для преодоления проблемы бездетности, предлагается реализация справедливой семейной политики в отношении суррогатного материнства и усыновления, появлением соответствующих пособий (Marie-Louise Leroux, Pierre Pestieau, Grégory Ponthière, 2022).
Сегодня технологическая трансформация общества, изменяет правила игры в сфере демографии. Вот как эту проблему характеризует К. Шваб: «В странах с формирующимся рынком и развивающихся странах (особенно в странах с «молодежным бугром») технологии рискуют превратить «демографический дивиденд» в «демографический кошмар», потому что автоматизация значительно затруднит поднятие на эскалатор экономического роста» (Klaus Schwab, Thierry Malleret, 2020). Автор убеждает читателя в том, что высокая рождаемость населения может приводить к стагнационным процессам в экономике.
На наш взгляд, рост сторонников рассматриваемого движения может также объясняться возрождением последователей теории Мальтуса, который полагал, что неконтролируемый рост населения ведет к голоду и другим социальным потрясением. В классическом психоанализе отказ женщины от своей феминной сущности, ее стремление к карьере, феминизму и соревнованию с мужчинами кроется в «комплексе маскулинности», как следствии кастрационного комплекса.
В своих предыдущих исследованиях мы рассматривали феномен «чайлдфри» как вариацию «психологической стерилизации» населения через различные информационные технологии (Деулин Д. В., Петров В. Е., Артюшенко А. Б., 2023).
Целью настоящего исследования является изучение на ограниченной выборке респондентов ценностных установок, биографических данных, психического состояния лиц, сознательно отказывающихся от практик репродуктивного поведения. В нашем исследовании принимали участие мужчины и женщины в возрасте от 18 до 40 лет (средний возраст 29±1 лет, 35 обследуемых, пилотажное исследование). Основными методами исследования выступали: морфологический тест жизненных ценностей МТЖЦ В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушина (диагностика жизненных ценностей личности); Ценностный опросник Шварца; Опросник САН (самочувствие, активность, настроение); авторская анкета (пол, возраст, профессия, уровень дохода, наличие детей, уровень образования, позиция к чайлдфри); математико-статистический метод - критерий Краскела-Уоллиса.
В качестве предположения мы выдвинули гипотезу, что лица, занимающее сознательную позицию отказа от деторождения имеют индивидуально-психологические особенности в сфере ценностных ориентаций и имеют отличия в психическом состоянии (настроение, самочувствие, активность).
В нашем исследовании преобладали женщины, поскольку именно женщины, как показывают предыдущие исследования, в первую очередь составляют основу рассматриваемого движения, создают группы с феминистическими установками. Количество женщин составило 74,3 %, тогда как мужчин в исследовании было – 25,7 %.
Касательно возрастных особенностей выборки, то важно отметить, что основная группа респондентов (54, 3%) относилась к 21-25 годам. Этот возраст характеризуется максимальной готовностью к созданию семьи и рождению ребенка. В этом возрасте как правило заканчивается период интенсивного обучения, учебная деятельность перестает быть ведущей, в психологическом плане, отмечается укоренение витальных планов; появление рефлексии; профессиональная идентификация; развитие индивидуальности; сепарация. Из числа обследуемых 22,9 % составили категорию до 20 лет и 22,9 % старше 25.
По уровню образования выборка была представлена тремя группами: наличие высшего образования (71,4%), среднего (22,9%) и наличие нескольких высших или послевузовского образования (5,7%).
По сферам деятельности выборка характеризовалась следующим распределением: 28,6% - трудовая деятельность, 71,4% - учебная деятельность.

По уровню благосостояния наша выборка была разделена на три группы: нет постоянного дохода (37,1%); наличие постоянного дохода (37,1%) и другое (временные доходы, 25,7%).
Согласно проведенному анкетированию 22,9% респондентов отмечают отсутствие желания иметь детей при их фактическом отсутствии; 14,3% отмечают наличие у себя ребенка (с возможностью иметь еще) и 62,9% отмечают отсутствие детей, но с витальной перспективой их появления. Таким образом, все-таки значительная часть респондентов из нашей выборки в своей экзистенциальной стратегии не исключают появления детей, что выглядит оптимистично. Вместе с тем, почти 30% от числа респондентов сознательно отказываются от деторождения.
Дисперсия мнений по вопросу создания семьи имеет следующую структуру: 17,1% респондентов отметили ее наличие; 22,9% заявили о твердой позиции, что планируют создать семью; 31,4% склоняются к созданию семьи; 22,9% считают, создание семьи маловероятной перспективой; 5,7% вообще не собираются создавать семью. Таким образом, в совокупности все-таки 28,6% на данный момент респондентов сомневаются в целеполагании семьи.
Степень отношения к феномену чайлдфри респондентами определяется как нейтральное (77,1%); отрицательное (11,4%) и положительное (11,4%). Мы можем констатировать, что в основной массе респонденты занимают позицию толерантного отношения к сознательной бездетности в нашем обществе.
Сравнительный анализ трех групп (нет желания иметь детей - 8 человек, воспитывают ребенка - 5 человек, пока нет детей - 22 человека) показал, что те, кто не хочет иметь детей в большей степени занимаются учебной деятельностью (студенты, 75%) и только 25% уже занимаются трудом. В группе, где уже есть ребенок (или несколько детей) трудовой деятельностью занимаются 80%, тогда как в обучении только 20%. И там, где нет ребенка (но есть желание деторождения) 82% распределены в сфере обучения и 18% в сфере труда. Это может говорить о том, что трудовая деятельность как ведущая в большей степени определяет желание и психологическую готовность к деторождению. Очевидно, что косвенно здесь выражены фактор возраста и наличие дохода.
По уровню материального дохода в группе респондентов, не жалеющих иметь детей (чайлдфри) только 13% имеют постоянный доход, что косвенно может говорить о финансовой антитезе деторождению. В группе, где есть ребенок 100% респондентов являются трудоустроенными с постоянным доходом и в группе, где нет ребенка (при наличии желания к деторождению) только 32% имеют постоянный доход. С осторожностью можно говорить о том, что появление постоянного дохода может быть предиктором появления финансовой уверенности и желания к деторождению. Также имеется тенденция к тому, что в группе обследуемых, которые связывают свою жизнь с Россией имеются дети, в группе, где нет ребенка (но это не связано с сознательным отказом), только 9% не связывают свою жизнь с Россией и в группе, где обследуемые сознательно отказываются от родительства, 50% не связывают свою дальнейшую жизнь с Россией. Отсутствие детей в какой-то мере снижает чувство патриотизма, сопричастности с местом рождения, землячества и др. Такие люди склонны к кочевому образу жизни, к миграции.
В группе обследуемых, которые воспитывают ребенка, значения самочувствия-активности-настроения выше, причем по первым двум показателям отличия между тремя группами имеют статистически достоверный характер (*Результаты применения методики САН (ср.знач.) *p<0,05 (H, Kruskal-Wallis test); **p<0,01(H, Kruskal-Wallis test*)).
Мы можем наблюдать, что индекс самочувствия обследуемых с детьми более положительный. Также они лучше поддерживают жизненно значимые связи с окружающей средой, у них более высокая активность в группе, степень проявления темперамента, которая определяется интенсивностью и объемом взаимодействия человека с социальной средой и выражается в активности, инициативности и стремительности по отношению к группе обследуемых сознательно отказавшихся от родительства. В первой группе чаще встречаются такие идентифицируемые состояния как увлечённость, радость, восторг. Результаты исследования показали, что у обследуемых, которые заняли позицию «чайлдфри» преобладают жизненные

ценности, подчеркивающие важность собственных мнений, взглядов, убеждений над общепринятыми, характеризующие личность как независимую и неповторимую. Для обследуемых, которые воспитывают ребенка, наиболее существенными оказались потребности, связанные со становлением навыков социального взаимодействия и активной социализацией. Последняя группа сравнения (обследуемые без детей, но с перспективой их появления в личной жизни) выбрала для себя наиболее важными такие ценности, которые являются ориентирами нравственного поведения и раскрывают приоритет духовных потребностей над материальными. Обследуемые, которые воспитывают детей, в меньшей степени обеспокоены вопросами личного удовольствия и наслаждения от жизни. Это связано в первую очередь с тем, что такие обследуемые менее эгоистичны, с менее выраженной нарциссической направленностью, их фокус внимания направлен на потребности детей, заботу о них. Кроме того, наши эмпирические результаты в совокупности с теоретическим анализом отечественных и зарубежных публикаций демонстрируют, что такие категории как эгоистичность, нарциссизм, гедонизм, погоня за личными удовольствиями не появляются органическим способом. Они популяризируются, внедряются в сознание молодежи различными приема, специальными техниками, действующими незаметно и формирующими замаскированное желание вести бездетную жизнь, подталкивающее к ней.

Литература

1. Бичарова М. М., Морозова О. В. (2016) Идеология чайлдфри и ее влияние на современную систему семейных ценностей // Глобальный научный потенциал. № 12(69). С. 7-10.
2. Деулин Д. В., Петров В. Е., Артюшенко А. Б. (2023) Анализ правовых и социально-психологических аспектов феномена «чайлдфри» [Электронный ресурс] // Прикладная психология и педагогика. Т. 8, № 3. С. 31-44. DOI 10.12737/2500-0543-2023-8-3-31-44.
3. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru
4. Халфина Р. Р., Тимченко Т. В., Сафронова Е. В. (2018) Психосоциальные причины развития чайлдфри в России // Проблемы современного педагогического образования. № 60 (4). С. 475-478.
5. Marie-Louise Leroux, Pierre Pestieau, Grégory Ponthière. (2022) Childlessness, childfreeness and compensation. [Elektronnyi resurs] Social Choice and Welfare 59(2) DOI:10.1007/s00355-021-01379-y
6. Klaus Schwab, Thierry Malleret. (2020) Covid-19: The Great Reset. Forum Publishing, 280 p. [Elektronnyi resurs]. http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf (дата обращения - 10.04.2024).

Цифровая социализация как вызов для современной семьи

И.А. Ларин
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
larin9696@yandex.ru

Аннотация: *Понятие цифровой социализации является широко представленным и активно обсуждаемым в современной науке. Однако малоизученным остается вопрос влияния данного*

феномена на современную семью, ее подсистемы (детскую, родительскую). Цифровая социализация – одновременно необходимость и фактор риска для гармоничного развития ребенка в современном мире. Современному родителю тяжело удерживаться и ориентироваться в данной дихотомии, что порождает вопросы к психологической теории и практике.

Ключевые слова: *цифровая социализация, современная семья, цифровая компетентность*

Сегодня само понятие цифровой социализации уже не вызывает ни у кого удивления. Известно большое количество отдельных исследований, обращающих внимание на различные аспекты данного феномена: цифровая компетентность (Солдатова Г.У., 2018), изменение морально-этических норм при общении в интернете (Карабанова О.А, Георгиевская М.А., 2019: Molchanov S. et al., 2019) и многие другие. Однако малоисследованным остается вопрос влияния цифровой социализации на современную семью.

Трансформации цифрового общества оказывают влияние на все стороны внутрисемейного общения: коммуникация, перцепция и интеракция. ИКТ являются культурным средством, обуславливающим развитие современных детей и подростков (Солдатова Г.У., 2018), и становятся одновременно возможностью и фактором риска для современной семейной системы.

Возможности открываются в самых разных сферах внутрисемейного общения. Исследования констатируют изменение в сторону большего разнообразия внутрисемейного досуга с внедрением ИКТ (Gil García, E. de los D. et al., 2022). Подростки становятся проводниками в мир цифрового досуга для родителей, побуждая их к использованию технологий (Galperin H., Arcidiacono M., 2019). Сам семейный досуг становится более фрагментированным, доступным, дешевым (López-Sintas J. et al., 2017). Современные исследования позволяют выделить разные типы детско-родительских отношений между подростками и их родителями, основываясь на использовании ИКТ (Paus-Hasebrink I. et al. 2013).

Тем не менее, общее влияние цифрового досуга на отношения внутри семей между родителями и подростками оценивается как негативное. Низкая цифровая компетентность родителей при высокой цифровой компетентности подростков вызывает дистанцирование друг от друга и подчеркивает цифровой разрыв между поколениями (Nelissen S., Van den Bulck J., 2018). Сфера досуга – частный пример возможностей и сложностей, которые несет «цифровой мир».

Наиболее остро стоит вопрос, связанный с общением подростков в интернете и компьютерными играми. С одной стороны, общение в мессенджерах и онлайн играх дает детям необходимый для развития и встраивания в современный социум культурный опыт. Согласно последним опросам «Яндекс учебника», около 60% детей в возрасте от 3 до 12 лет используют гаджеты в образовательных целях, а 72% для игры. Так, важнейшие задачи развития: игровые, учебные и коммуникационные решаются опосредованно цифровыми технологиями. Это делает невозможным их изъятие из жизни ребенка, так как вместе с этим сам ребенок выпадает из социокультурного контекста.

В то же время бесконтрольная цифровая социализация порождает большое количество рисков. Среди наиболее обсуждаемых проблем - кибербуллинг; зависимость от компьютерных игр и виртуального общения; эмоциональный дискомфорт и поведенческие расстройства; низкая коммуникативаня компетентность в реальном общении и риски дезадаптации (Clayborne Z. et al., 2019; Войскунский А.Е., Солдатова Г.У., 2019).

Возникает проблемный вопрос: в какой мере родитель должен регулировать то, как ребенок пользуется интернетом? Где находится граница между гиперконтролем, негативно влияющим на развитие ребенка и необходимым ограждением от рисков цифровой среды? Какова роль семьи, остающейся основным институтом социализации человека, в процессе цифровой социализации?

Данные вопросы вместе с запросами родителей к психологической практике в образовательных учреждения и центрах семейного консультирования ставит перед нами все новые задачи. Так, мы можем поставить цели исследовательской и практической направленности, среди которых: повышение цифровой компетентности родителей, исследование феномена цифровой социализации через призму внутрисемейного общения, изучение роли семьи в процессе цифровой социализации.

Литература

1. Войскунский А.Е., Солдатова Г.У. Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хикикомори как культурно-психологический феномен // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Том 27. № 3. С. 22–43.
2. Карабанова О. А., Георгиевская М. А. Представления об этических нормах интернет-общения у пользователей юношеского возраста с различным уровнем развития морального сознания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. №4. С. 107-125
3. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 3. С. 71–80.
4. Clayborne, Z.M., Varin, M., & Colman, I. (2019). Systematic review and meta-analysis: adolescent depression and long-term psychosocial outcomes. Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry, 58(1), 72-79.
5. Galperin, H., Arcidiacono, M. (2019). Learning from or leaning on? The impact of children on Internet use by adults. New Media & Society, 21(2), 483-506.
6. Gil García, E. de los D., Alemán Ramos, P. F., Martín Quintana, J. C., & García Santana, J. (2022). The role of digital leisure in family context with adolescents: A systematic review. TECHNO REVIEW. International Technology, Science and Society Review /Revista Internacional De Tecnología, Ciencia Y Sociedad, 11(2), 327–346.
7. López-Sintas, J., Rojas-DeFrancisco, L. & García-Álvarez, E. (2017). Home-based digital leisure: Doing the same leisure activities, but digital. Cogent Social Sciences, 3(1)
8. Molchanov S. V., Almazova O. V., Poskrebysheva N. N., Voiskounsky A. E., & Kirsanov, K. A. (2019). Type Of Cognitive Processing Of Social Information And Adolescent's Moral Judgments. In T. Martsinkovskaya, & V. R. Orestova (Eds.), Psychology of Subculture: Phenomenology and Contemporary Tendencies of Development, vol 64. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 436-441).
9. Nelissen, S., & Van den Bulck, J. (2018). When digital natives instruct digital immigrants: active guidance of parental media use by children and conflict in the family. Information, Communication & Society, 21(3), 375-387
10. Paus-Hasebrink, I., Bauwens, J., Dürager, A. E., & Ponte, C. (2013). Exploring types of parent–child relationship and Internet use across Europe. Journal of Children and Media, 7(1), 114-132

Тоска по дому и близким: кросс-культурное исследование в четырех странах

Нартова-Бочавер С.К., Резниченко С.И.
НИУ ВШЭ, Москва, Россия
s-nartova@yandex.ru

Аннотация. *Феномен тоски по дому исследовался в кросс-культурном формате с участием 899 респондентов из Индонезии, Мексики, России и Украины (студенческий возраст, 74% женского пола). Основным инструментом была модифицированная Утрехтская шкала тоски по дому, включающая пять измерений: Трудности адаптации, Тоска по семье, Одиночество, Тоска по друзьям и Мысли о доме. Наиболее сильна тоска по дому среди индонезийских респондентов, затем следует Мексика, затем – с равными показателями Россия и Украина. Инвариантное «ядро» феномена тоски по дому составляют Тоска по семье и Трудности адаптации, однако в разных странах получены культурно-специфичные паттерны.*
Ключевые слова: *кросс-культурное сравнение, привязанность к семье\дому, тоска по дому, адаптация*

Бытие семьи происходит в заданных пространственных обстоятельствах – в физической среде дома, которая включает не только материальные (дом, сад), но и социальные характеристики (родных и друзей) (Нартова-Бочавер и др., 2018). Привязанность к семье часто проявляется и осознается в ситуациях добровольной или вынужденной разлуки с домом от дома, причем, в условиях нестабильной жизненной среды и социальных катаклизмов, таких случаев становится все больше. Интересно, что даже в наиболее мягком случае добровольного покидания дома, вызванного амбициозными образовательными или карьерными задачами, люди склонны переживать тоску по дому (home sickness) – острое негативное состояние, затрудняющее адаптацию к новым условиям и общую продуктивность (Stroebe et al., 2002). Примерно 75% студентов-первокурсников, переехавших ради получения образования в другой город или страну, переживают это чувство. Тоску по дому называют маленьким горем (mini grief), настолько сильным и травмирующим может быть это переживание.

Существует несколько концептуализаций феномена тоски по дому. Есть точка зрения, что это клиническое расстройство (Claborn & Kane, 2012), хотя большинство исследователей полагают, что это переживание все же представляет собой нормативный феномен, обусловленный силой привязанности к дому и семье и тем значимым опытам, которые остаются в прошлом (Eurelings-Bontekoe, 2021; Nartova-Bochaver et al., 2021). Иногда его сравнивают с переживанием ностальгии (Соловьева и др., 2024), однако исследования показывают, что, в то время как ностальгия может быть ресурсом консолидации личности через личный нарратив, вдохновляющим на продуктивные решения, тоска до дому не выполняет каких-то продуктивных функций, наоборот, отрицательно влияя на соматическое состояние человека, академическую успешность и отношения с другими людьми. Однако нам интереснее еще одна концепция, которая построена на выделении приоритетов привязанности к дому: так, разделяют так называемую «кошачью» (“cat-type”) и «собачью» (“dog-type”) привязанность (Vingerhoets, 2021). В этой концепции проводятся выразительные аналогии с эмоциями домашних животных: собаки сильнее привязываются к людям, чем к месту, а кошки – наоборот. Таким образом, содержание привязанности к дому может варьировать в зависимости от культуры.

В нашем исследовании приняло участие 899 респондентов из Индонезии, Мексики, России и Украины ($M_{возраст}$ = 18.56, $SD_{возраст}$ = 2.49, 74% женского пола) (Nartova-Bochaver et al., 2024). Данные были собраны в 2020-2021 годах. Основным методом была модифицированная Утрехтская шкала тоски по дому (Utrecht Homesickness Scale), включающая пять субшкал: Трудности адаптации (Adjustment difficulties), Тоска по семье (Missing family), Одиночество (Loneliness), Тоска по друзьям (Missing friends) и Мысли о доме (Ruminations about home). Обнаружено, что факторная структура опросника инвариантна во всем четырех странах, свидетельствуя об устойчивости «ядра» самого феномена, представленного субшкалами

Трудностей адаптации и Тоски по семье. Общий показатель Тоски по дому был наивысшим в Индонезии, за которой следовала Мексика, а затем, с равными показателями, Россия и Украина.

Однако паттерны составляющих различались. При анализе отдельных стран субшкала Мысли о доме выделилась только в Индонезии, не проявляясь в других культурах. Доминантой паттерна был показатель Трудностей адаптации, при том что показатель Тоски по семье оказался самым низким среди рассмотренных стран. В Мексике доминантой паттерна переживания тоски по дому оказалась Тоска по семье, а паттерны российских и украинских респондентов оказались чрезвычайно схожи, с доминированием Трудностей адаптации. Таким образом, если в Мексике отмечалась скорее dog-type привязанность к дому, в остальных странах присутствовала скорее смешанная dog/cat-type привязанность.

Полученные данные могут быть использованы в работе с психологическим сопровождением и реабилитацией разных групп мигрантов, а также в разработке психоразвивающих программ, направленных на укрепление привязанности к дому и семье.

Финансирование. *Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.*

Литература

1. Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А., Резниченко С.И., Хачатурова М.Р. Дом и его обитатели: психологическое исследование. Москва: Памятники исторической мысли, 2018.
2. Соловьева Т.И., Токарев М.Ю., Хачатурова М.Р. Ностальгические переживания о «месте силы» (на примере Беломорской биологической станции имени Н.А. Перцова) // Человек. 2024. Т. 35. № 5. В печати.
3. Claborn, R. D., & Kane, S. T. (2012). First-year college students' homesickness and separation anxiety: implications for orientation, retention, and social integration. *Journal of College Orientation, Transition, and Retention*, *19*(2), 7-17. https://doi.org/10.24926/jcotr.v19i2.2795
4. Eurelings-Bontekoe, E. (2021). Homesickness, personality, and personality disorders: an overview and therapeutic considerations. In M. van Tilburg, A.J.J.M. Vingerhoets (Eds.), *Psychological Aspects of Geographical Moves* (pp. 179–196). Amsterdam University Press. https://doi.org/10.1017/9789048504169.013
5. Nartova-Bochaver, S., Reznichenko, S., Bardadymov, V., Khachaturova, M., Yerofeyeva, V., Khachatryan, N., Kryazh, I., Kamble, Sh., & Zulkarnain, Z. (2022). Measurement invariance of the Short Home Attachment Scale: A cross-cultural study. Frontiers in Psychology, 13, 834421.
6. Nartova-Bochaver, S., Reznichenko, S., Ochoa, A. P., & Zulkarnain, Z. (2024). Measurement invariance of the modified Utrecht Homesickness Scale: a case of university students from four countries. Current Psychology. https://doi.org/10.1007/s12144-024-06075-5.
7. Stroebe M., Van Vliet T., Hewstone, M., & Willis, H. (2002). Homesickness among students in two cultures: Antecedents and consequences. British Journal of Psychology, 93(2), 147–168.
8. Vingerhoets, A. J. J. M. (2021). The homesickness concept: Questions and doubts. In M. van Tilburg, A.J.J.M. Vingerhoets (Eds.), *Psychological Aspects of Geographical Moves* (pp. 1–16). Amsterdam University Press. https://doi.org/10.1017/9789048504169.002

Проблемы теории и методологии исследования семьи в контексте психолого-консультативной практики

Н.В. Николаева
Московский институт психоанализа, г. Москва, Россия
Научно-информационный центр А.Р.Т., г. Санкт-Петербург, Россия
mail.nikolaeva.natalia@gmail.com

***Аннотация**. В статье рассматривается теоретико-методологическая проблематика, связанная с исследованиями семьи в современном обществе. Обсуждаются различные теоретические и практические аспекты психолого-консультативной практики, основное внимание уделяется различным подходам, методам и техникам, приводятся примеры. Статья подчеркивает важность адаптации исследовательских подходов к уникальным потребностям клиентов и культурному контексту, в котором они находятся.*
***Ключевые слова:** психология семьи, исследование семьи, психологическое консультирование.*

Исследование семьи как социального института и психологического феномена представляет собой сложную задачу, требующую интеграции различных теоретических подходов и методологических инструментов. В контексте психолого-консультативной практики важно понимать, как семейные динамики влияют на индивидуальное и коллективное психическое здоровье.

Рассмотрим основные теоретические аспекты исследования семьи.

Так, в рамках системного подхода семья рассматривается как система, где каждый член влияет на других. Это подход акцентирует внимание на взаимодействиях, ролях и правилах, которые формируют семейные отношения.

Психодинамический подход фокусируется на бессознательных процессах и внутренних конфликтах, которые могут проявляться в семейных отношениях. Понимание этих процессов помогает консультантам выявлять глубинные проблемы.

Структурно-функциональный подход анализирует, как различные элементы семьи (роли, нормы, функции) способствуют её стабильности и функционированию. Основное внимание уделяется функциям семьи, таким как социализация детей и поддержание экономической стабильности.

Социально-конструктивистский подход подчеркивает, что семья — это социальный конструкт, который формируется через взаимодействия и культурные нормы. Социально-конструктивистский подход исследует, как различные культуры и общества определяют семью.

Отдельно можно выделить конфликтный подход, который фокусируется на конфликтах и неравенстве внутри семьи и исследует, как власть и ресурсы распределяются между членами семьи и как это влияет на их отношения.

Актуальным направлением современных исследований выступает экологическая модель. Эта модель рассматривает семью в контексте более широких социальных систем, включая культурные, экономические и политические факторы. Она позволяет учитывать влияние внешней среды на внутренние семейные процессы.

Исследование семейных отношений не может осуществляться без анализ жизненных циклов семьи: изучения изменений и стадий, через которые проходит семья на протяжении своего существования (например, вступление в брак, рождение детей, взросление детей и т.д.).

Также необходимо упомянуть о теории привязанности, согласно которой исследуются эмоциональные связи между членами семьи (особенно между родителями и детьми, и как эти связи влияют на дальнейшие отношения) и феминистской теории, в рамках которой

анализирует роль гендера в семейных отношениях, подчеркивая неравенство и социальные конструкции, связанные с мужскими и женскими ролями.

Эти теоретические аспекты позволяют исследователям глубже понять сложные взаимодействия внутри семей и их влияние на индивидуальное и общественное развитие.

Выделим основные методологические проблемы.

1. Выбор методов исследования

Существуют количественные и качественные методы исследования, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения. Качественные методы (интервью, наблюдение) позволяют глубже понять семейные динамики, тогда как количественные (опросы, анкеты) обеспечивают статистическую обоснованность.

2. Этика исследования.

Работа с семьями требует особого внимания к этическим аспектам: конфиденциальности, информированного согласия и возможных последствий вмешательства.

3. Многообразие семейных структур.

Современные семьи могут принимать различные формы (монопарентальные, однополые, расширенные), что требует адаптации теоретических моделей и методов исследования.

Среди практических аспектов психолого-консультативной практики выделим следующее.

1. Диагностика семейных проблем.

Консультанты используют различные инструменты для диагностики: генограммы, опросники и интервью. Важно учитывать контекст и уникальность каждой семьи.

2. Интервенции и терапия.

Психотерапевтические подходы, такие как структурная семейная терапия или стратегическая терапия, направлены на изменение взаимодействий внутри семьи для улучшения ее функционирования.

3. Образовательные программы.

Проведение семинаров и тренингов для семей может помочь в развитии навыков общения и разрешения конфликтов.

Практические аспекты психолого-консультативной практики включают разнообразные методы и техники, которые помогают клиентам справляться с эмоциональными и психологическими проблемами. Вот несколько ключевых направлений и примеров:

1. Индивидуальное консультирование. Методы: когнитивно-поведенческая терапия, гуманистическая терапия, психодинамическая терапия. Пример: клиент приходит с тревожностью. Психолог использует КПТ для выявления негативных мыслей и заменяет их на более адаптивные, а также обучает техникам релаксации.

2. Семейное консультирование. Методы: системная терапия, структурная семейная терапия. Пример: семья испытывает конфликты из-за различий в воспитании детей. Консультант помогает членам семьи определить их роли и коммуникационные паттерны, улучшая взаимопонимание.

3. Групповая терапия. Методы: динамическая группа, терапия через искусство, поддерживающие группы. Пример: разные семьи встречается для обсуждения своих переживаний и поддержки друг друга. Психолог направляет обсуждение, обеспечивая безопасное пространство для открытости.

4. Кризисное консультирование. Методы: экстренная интервенция, краткосрочная терапия. Пример: клиент переживает утрату близкого человека. Консультант помогает ему справиться с острым горем, предлагая техники эмоциональной поддержки и стратегии преодоления.

5. Коучинг и личностный рост. Методы: коучинг по целям, развитие навыков. Пример: клиентка хочет преобразовать свою семейную жизнь после декрета. Психолог помогает определить цели, разработать план действий и преодолеть внутренние барьеры.

6. Психообразование. Методы: обучение навыкам управления стрессом, информирование о психическом здоровье. Пример: психолог проводит семинар для родителей о признаках тревожности у детей и методах её преодоления.

7. Работа с детьми и подростками. Методы: игровая терапия, арт-терапия. Пример: психолог использует игры и творчество, чтобы помочь ребенку выразить свои чувства и обсудить проблемы, с которыми он сталкивается в школе и кругу сверстников.
8. Работа с парами. Методы: терапия на основе эмоциональной связи, метод "Ненасильственного общения". Пример: пара испытывает трудности в общении. Консультант обучает их техникам активного слушания и выражения эмоций без обвинений.
Каждый из перечисленных аспектов требует от психолога не только знаний теории, но и практических навыков, эмпатии и способности адаптироваться к уникальным потребностям клиентов. Важно также учитывать культурные и социальные контексты, в которых находятся клиенты, чтобы обеспечить эффективную поддержку.
Таким образом, исследование семьи в контексте психолого-консультативной практики является многогранной задачей, требующей междисциплинарного подхода. Понимание теоретических основ и методологических проблем позволяет консультантам более эффективно работать с семьями, помогая им справляться с трудностями и улучшать качество жизни.

Литература

1. Bowen, M. Family Therapy in Clinical Practice. New York: Jason Aronson , Inc., 1984.
2. Николаева, Н. В. Особенности социального функционирования сводной семьи: последствия для психического здоровья и безопасности / Н. В. Николаева // Социальная безопасность в евразийском пространстве: Материалы II Международной научной конференции / Под. ред. И.А. Грошевой. – М.: Институт деловой карьеры, 2023. – С. 365-370. – EDN XNZNJA..
3. Николаева, Н. В. Модель взаимодействия психолога с клиентами, имеющими психосоматические нарушения / Н. В. Николаева // Психосоматические и психические расстройства в психологической практике. – СПб.: Научно-информационный центр АРТ, 2024. – С. 229-231. – EDN BKNQZQ.
4. Николаева, Н. В. Фундаментальные исследования современных технологий оказания превентивной психологической помощи / Н. В. Николаева // Современное образование: традиции и инновации. – 2024. – № 3. – С. 112-115. – DOI 10.51623/23132027.2403.112. – EDN PLOZVM.

Модель семейной целостности

Н.В. Нозикова
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия
nv_nozikova@bk.ru

Аннотация. *Предложена модель системной организации семьи как социально-психологического объекта на основе алгоритма системного исследования (АСИ) А.В. Карпова. Объект-прототип представлен в онтологическом, структурном, функциональном, генетическом и интегративном планах. Критерием анализа принята системообразующая цель – образование супружества, семьи, рождение детей и социализация в семье. Применение в исследованиях модели семьи в основных гносеологических планах позволит получить концептуально обобщенные целостные знания о сложноорганизованном социально-психологическом объекте.*

Ключевые слова*: методология, междисциплинарный подход, системный подход, психология, семья, модель, цель, онтология, структура, функции, системогенез, интегративные качества, семейная целенаправленность, психосемантика.*

Интенсивное развитие научно-практических направлений семейной психотерапии и семейного консультирования основано на применении методологии системного подхода. Известные системные модели семьи – это авторские модели, предложенные в отечественных и зарубежных работах в целях эффективной помощи клиенту при проблемах, возникших вследствие семейных отношений, в практике семейной психотерапии и консультирования (Витакер К., 1997, 2004; Куфтяк Е.В., 2013; Николаева Е.И., 2013; Роджерс К., 1994; Сатир В., 2001.; Фрейд З., 1997; Холмогорова А.Б., 1999; Эйдемиллер Э.Г., 2015; Bowen M., 1978; Minuchin S., 1974; и др.).

В настоящее время в науке отсутствуют модели семьи, разработанные на основе современных представлений о системной организации сложных объектов и использующие накопленные обширные знания социально-гуманитарных наук.

Цель настоящей статьи: предпринять попытку предложить модель системной организации семьи как социально-психологического объекта на основе методологии междисциплинарного подхода и алгоритма системного исследования (АСИ) А.В. Карпова.

Применение АСИ предусматривает выполнение процедуры моделирования в онтологическом, структурном, функциональном, генетическом и интегративном планах с использованием *критерия* качественной определенности объекта, представляющего его *цель* как системообразующий фактор целостности (Карпов А.В., 2003).

В социальных науках рассматриваются *цели* функционирования семьи, исходя из понимания традиционных устоев и актуальных тенденций развития общественных отношений (Андреева Г.М., 2003; Андреева Т.В., 2014; Антонов А.И., Медков В.М., 1996; Антонов А.И., Сорокин С.А., 2000; Вишневский А.Г., 2015; Синельников А.Б., 2022; Голод С.И., 1998; Гурко Т.А., 2008; Харчев А.Г., 1979; и др.).

Для выполнения процедуры моделирования семьи на основе АСИ нами принят обобщенный качественный *критерий*, отражающий ее системообразующую *цель* – образование супружества, семьи, рождение детей и социализацию в семье.

Онтологический план семейной целостности рассматривает взаимосвязь объекта с внешней метасистемой, в которую он включен и которая определяет особенности его структурных, функциональных, генетических и интегративных характеристик.

Специфичность семейной общности детерминирует совокупность микро- и макрофакторы среды. Культурно-историческая эволюция определяет устойчивость и гибкость формирования систем символических форм традиционных и инновационных значений, смыслов и ценностей в индивидуальном и коллективном сознании в отношении семейного поведения человека в актуальной социальной ситуации (Андреева Г.М., 2003; Андреева Т.В., 2014; Антонов А.И., Медков В.М., 1996; Антонов А.И., Сорокин С.А., 2000; Вишневский А.Г., 2015; Голод С.И., 1998; Гурко Т.А., 2008; Николаева Е.И., 2013; Харчев А.Г., 1979; Холмогорова А.Б., 1999; Ackerman N., 1982; Bronfenbrenner U., 1979; и др.).

Структурный план системного объекта, согласно АСИ, образуют пять уровней, определяющих его организацию и содержание в соответствии с *целью* активности. В предлагаемой модели семьи как сложного социально-психологического объекта мы выделяем: 1) *общесистемный* уровень представляет полнота состава, структуры и качественных характеристик семейной общности – *репродуктивное* и *ориентационное* поколения семьи; 2) *субсистемный* уровень образуют функциональные подсистемы *ролевых отношений супружества, родительства и родства, специфичных для женщин и мужчин*, сформированные в процессах интеграции и дифференциации базовых компонентов целостности; 3) уровень базовых *компонентов* организует совокупность *комплементарных социальных ролей женщин и мужчин в семейной жизни* (жены и мужа, матери, отца и ребенка, бабушки, дедушки и внука и др.), соответствующих качественному критерию *цели* семьи как целостности; 4) *элементным* уровнем являются *индивидуально-психологические* характеристики индивида, утратившие качественную определенность объекта, но являющиеся необходимой основой для реализации семейственности; 5) *метасистемный* уровень –

внешний по отношению к объекту, регулирующий его структурные характеристики и функциональные процессы.
Структурная организация системного объекта составляет основу для его функционирования, генеза и интегративных (системных) качеств.
В методологии АСИ *функциональное* (*процессуальное*) *качество* сложного объекта выявляют: *во-первых*, последовательность и взаимодействие всех этапов процесса с едиными регуляторами по достижению общесистемной цели; *во-вторых*, целостная хронологическая, временна́я организация системного процесса функционирования объекта [Карпов, 2011, 2018].
Содержание хронологии функционального процесса семейной целостности раскрывают понятия *жизненный цикл* и *история семьи*.
В социально-гуманитарных науках разработана концепция динамичности в функционировании семейной общности на стадиях *жизненного цикла* семьи в зависимости от событий рождения детей и задачами родительства по их социализации в зависимости от возраста (Антонов А.И., 2009; Duvall E.M., 1957; Kratochvil C., 1985; и др.).
Ключевые *события цикла семейной жизни* детерминируют хронологическую организацию функциональных процессов в семейной системе. Вступление в брак супружеской пары, рождение первого и последующих детей, отделение от родительской семьи и создание детьми своих семей и другие события образуют особые этапы в цикле семейной жизни, соответствующие общесистемной *цели* и выполняющие частные функциональные *задачи*.
Гендерные характеристики определяют специфичность активности женских и мужских функциональных подсистем, дифференцированных в соответствие с этапами семейной жизни. Это позволяет выделить переходные формы (модусы) активности для этапов жизненного цикла объекта и использовать их как *единицы анализа* функционального качества в отношении факторов хронологии и гендерной специфичности.
Результатом процесса функционирования семейной целостности становятся *новообразования* ее социально-психологических качеств, соответствующих *этапам жизненного цикла*. Например, опыт межличностного и семейного общения в добрачный период (Карабанова О.А., Молчанов С.В., 2017), совместная регуляция поведения в семье и его согласованность (Ковалева Ю.В., 2012), ценность качества целостности семьи (Куфтяк Е.В., 2010), семейная идентификация и восприятие семейной идентичности (Лукьянченко Н.В., 2010), интеграция и дифференциация материнских и отцовских ролей женщин и мужчин, родительское отношение к ребенку (Рюмина-Македова Н.В., 2006), принятие автономии ребенка-подростка и его сепарации в юношеском возрасте (Ковалева Ю.В., 2015), адаптация семейного поведения к условиям жизни в позднем возрасте (Гурко Т.А., 2020а), использование ресурсов межпоколенной семьи (Синельников А.Б., 2022) и многие другие. Формирование и функционирование социально-психологических новообразований позволяет решать частные задачи на этапах жизненного цикла, в том числе с учетом специфики женских и мужских функциональных модусов, и обеспечивает качество *целостности* семейной системы.
Хронология *истории семьи* в последовательности ее поколений определяет особенности ее социальной деятельности и успешности, проявляющихся, например, в особенностях жизненного сценария, социальной активности или пассивности, жизненного опыта поколений, стратегий семейного совладания в трудной жизненной ситуации, типа функционирования семейной системы, ведущих семейных ценностей, полоролевой структуры, характера семейных взаимоотношений, образа жизни и др. (Алешина Ю.Е., 1991; Андреева Т.В., 2014; Антонов А.И., Сорокин С.А., 2000; Эйдемиллер Э.Г., 2015; Duvall E.M., 1957; Kratochvil C., 1985; Minuchin S., 1974; и др.).
Системогенез психологической системы определяет процесс ее *деятельности* для реализации *цели* активности в зависимости от психологических, психофизиологических, личностных и субъектных характеристик (Шадрикова В.Д., 2013).
Методология АСИ рассматривает системогенез в связи с синтезом *идеальной* по качеству психологической «картины мира». В процессе развития идеальные информационные формы

способны обеспечивать как *саморегуляцию* сложной системы, так и ее взаимодействие с внешней средой (Карпов А.В., 2018, с. 122).

Генетический анализ семейной целостности как социально-психологического объекта выделяет системообразующий фактор *цели* в формировании структуры и процесса функционирования – создание супружества, семьи, рождение детей и социализация в семье.

Элементы социально-психологических семейных отношений преобразуются в *идеальные* смысловые структуры (символические формы, мифы, ритуалы, обычаи, обряды, традиции, правила, убеждения, ценности и др.), аккумулируются в индивидуальной и коллективной «картине мира», ретранслируются и реализуются в семейном поведении (Куфтяк Е.В., 2010; Николаева Е.И., 2013; Холмогорова А.Б., 1999, 2011, 2013; Шангин А.Б., Янковская Е.М., 2012).

Процесс социально-психологического генеза семьи как системного объекта происходит под информационным воздействием *идеологических* факторов в процессе эволюции общественных отношений в контексте исторических, культурных, экономических, географических и других факторов среды, которые трансформируются под влиянием актуальной ситуации и ретранслируются в поколениях, обеспечивая *социальное* воспроизводство и стабильность общества.

Выполнение анализа *интегративного* качества объекта-прототипа в процедуре моделирования обусловливает задачу доказательства его принадлежности к категории системных объектов. «Среди всего многообразия характеристик, присущих *системным качествам* (выделено нами), – по определению А.В. Карпова, – следует выделить две основные – атрибутивно присущие им особенности. Во-первых, они присущи системе в целом, обнаруживаются лишь на уровне системы (или, по-другому, – на *системном уровне*) и отсутствуют на всех иных – субсистемных уровнях, то есть у частей системы, а также у их аддитивной совокупности. Во-вторых, они могут носить *сверхчувственный* характер, то есть быть недоступны прямому чувственному восприятию. Они поэтому “понимаемы и раскрываемы” лишь посредством соответствующих концептуализаций и идеализаций» [Карпов А.В., 2018, с. 140].

В социальной психологии, отмечает В.В. Новиков, *«*только *социально обусловленная совместная деятельность* (выделено нами) выделяется как ведущий фактор формирования внутригрупповых взаимоотношений, как главный системообразующий признак всякой социальной группы, в том числе и малой. Активная совместная деятельность, обладающая определенной общественной направленностью и целями, есть основание для возникновения как эмоциональных отношений в группе: симпатии, неприязни, безразличия, так и особых групповых ценностей; она определяет всю социально-психологическую структуру коллектива*»* [Новиков В.В., 2003, с. 204].

Интегративное (*системное*) *качество семейной целостности* в предлагаемой нами модели определяет единство *двух гендерных комплементарных* (*взаимодополняемых*) *социально-психологических систем* в социально обусловленной совместной *деятельности* в семейной общности с общей *целью* – создание супружества, семьи, рождение детей и социализация в семье.

Интегративные качества семейной системы обобщают ее онтогенетические, структурные, функциональные и генетические особенности и проявляются: в феномене самосознания «Мы» ее членов, в феномене совместности, в качествах семьи как коллективного субъекта, в характеристиках сплоченности и гибкости семейной целостности и др.

Общим регулятором деятельности сложного объекта является *цель*. Процессы *целеобразования* и формирования *целенаправленности* определяют доминирующие категории мотивационно-смысловой сферы во взаимосвязи с ценностными установками субъекта, общественными законами и особенностями актуальной социальной ситуации (Тихомиров О.К., 1999, 1984; Васильев И.А., 2018; Знаков В.В., 1978; Леонтьев Д.А., 2008; и др.).

С целью выполнения теоретических исследований и эмпирического анализа для реализации задач системного исследования психосемантических категорий, обусловливающих семейное

поведение, нами предложено понятие *семейная целенаправленность* (*purposefulness in families*). Это понятие в отношении человека или семейной группы характеризует достижение общей *цели* семейного поведения, обусловленной смыслообразующей иерархией целей и мотивов на основе общественной ценностной системы и законов социальной жизни – создания супружества, семьи, рождения детей и социализации в семье (Нозикова Н.В., 2015а–2022).

Итак, на основе междисциплинарного подхода и методологии алгоритма системного исследования (А.В. Карпов) выполнен теоретический анализ знаний гуманитарных наук о *семье* как о сложноорганизованном социально-психологическом объекте. Предпринята попытка моделирования системной организации *семьи* в отношении ее онтологии, структуры, функциональной динамики, генезиса и интегративной организации (Нозикова Н.В., 2017, 2019, 2022).

Это позволило нам предложить для выполнения экспериментального психосемантического исследования значений и смыслов в отношении семейной жизни в сознании человека операциональное понятие «семейная целенаправленность», выделить системный *критерий*, основанный на цели объекта, модифицировать в соответствии с целью работы методику работы, определить факторы пола и изменения семейного статуса на этапах жизненного цикла семьи для выделения системных признаков объекта (Нозикова Н.В., 2015а–2022).

Практика применения в исследованиях модели семьи в основных гносеологических планах позволит в дальнейшем получить концептуально обобщенные целостные знания о сложноорганизованном социально-психологическом объекте.

Литература

1. Карпов А.В. Системный подход как стратегия концептуализации в психологических исследованиях // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 1. Ярославль: ЯрГУ, 2003. С. 31–53.
2. Карпов А.В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. Ярославль: ЯрГУ, 2018. URL https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35504513_39405953.pdf
3. Нозикова Н.В. Структурный анализ психосемантической системы семейной социально-психологической целенаправленности // Культурно-историческая психология. 2015а. Т. 11, № 4. С. 44–54. DOI 10.17759/chp.2015110404. EDN VGHSZH.
4. Нозикова Н.В. Доминирующие ценности семейной целенаправленности // Российский психологический журнал. 2015б. Т. 12, № 3. С. 89–103. EDN UMBAUB.
5. Нозикова Н.В. Анализ психосемантической системы семейной целенаправленности у мужчин // Культурно-историческая психология. 2016а. Т. 12, № 2. С. 69–79. DOI 10.17759/chp.2016120207. EDN WAHOLF.
6. Нозикова Н.В. Модель структурной и функциональной организации психосемантической системы семейной целенаправленности // Российский психологический журнал. 2016б. Т. 13, № 3. С. 221–244. DOI 10.21702/rpj.2016.3.13. – EDN XDNJND.
7. Нозикова Н.В. Развитие системных представлений в практике работы с семьей // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6, № 5А. С. 125–135. EDN YMQJSS.
8. Нозикова, Н. В. Методологические основания для исследования семейной целенаправленности: системный подход // Методология современной психологии. 2019. № 9. С. 235-244. EDN PBZFHF.

9. Нозикова Н.В. Психосемантика семейной целенаправленности: системный подход // Методология современной психологии. 2021а. № 14. С. 86–101. EDN MVMGOX
10. Нозикова Н.В. Системный подход в исследовании психосемантики семейной целенаправленности // Экспериментальная психология в социальных практиках : Материалы 2-й всероссийской научной конференции, Москва, 10–11 декабря 2021 года. Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2021б. С. 167-184. EDN XDASQB.
11. Нозикова Н.В. Экспериментальное исследование психосемантического объекта: системный подход // Экспериментальная психология в социальных практиках : Материалы 3-й всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 28 декабря 2022 года. Москва, 2022. С. 215–226. EDN XKJHBK.

Проблемы пожилого человека в современной концепции функционирования семьи

Руженская Е.В.
ФГБОУ ВО Ивановский ГМУ Минздрава России, Иваново, Российская Федерация
Институт клинической психологии и психического здоровья
elena37r@yandex.ru

Аннотация. *Отражены современные изменения функционирования пожилого человека и его семьи. Структурированы и описаны факторы, способствующие изменению мировосприятия и поведения пожилого человека. На основании проведенного в функциональных семьях исследования, выявлены варианты социальной и психологической дезадаптации пожилых людей. Актуально для создания направлений комплексного социально - психологического сопровождения старшего поколения в рамках нацпроекта продолжительной и активной жизни.*
Ключевые слова: *пожилой человек, продолжительная и активная жизнь.*

Пожилой человек в семье является важным звеном. Если семья функциональная, то она характеризуется динамикой и признаками, которые способствуют гармоничному сосуществованию и личностному развитию всех членов семьи. Это коммуникация, поддержка ролевое распределение, личностное развитие, ответственность, баланс между семьей и работой, принятие и терпимость, семейные традиции и ценности, стабильность и предсказуемость. Однако, в последнее время эта ролевое поведение семьи начинает меняться. Современные семьи часто живут в условиях высокой занятости и мобильности. Сами пожилые люди не планируют поддерживать прежний уклад, которые предписывает им снижение активности, но при этом претендуют на традиционные культурные нормы, социальную поддержку, хотят чувствовать свою ценность и нужность.
Возможность новой концепции жизни пожилого человека связана с рядом факторов, включая увеличение средней продолжительности жизни, технологические достижения, изменения в экономике и социальной структуре.
Долголетие и здоровье: с увеличением средней продолжительности жизни и улучшением качества медицинской помощи, пожилые люди остаются активными и продуктивными на протяжении большего периода своей жизни
Экономическая независимость: больше возможностей для экономической независимости от финансовой поддержки семьи благодаря инвестициям и продолжающейся трудовой деятельности.
Технологии и образование: облегчили доступ к информации и образованию для пожилых людей
Социальные сети и сообщества: дали возможность общаться и поддерживать социальные связи.

Государственная поддержка все более распространена, предоставляя им доступ к медицинским услугам, социальной поддержке и программам активного долголетия.
Культурные изменения: общество стало более терпимым и уважительным к старшим.
Эти изменения сделали роль пожилого человека разнообразной и активной, вместе с тем не все оказались готовы к этой роли (Руженская Е.В. Смирнова С.В., Егорова П.Л..2018). Психологические проблемы возникли как у тех, кто готов к изменениям, открыт новым возможностям и активно ими пользуется, так и у ценителей традиционного уклада с направленностью интересов внутрь семьи.
Изучив мнение 102 пожилых людей (1 группа), с традиционными взглядами и 126 респондентов (2 группа) с новую парадигму поведения, мы выявили психологические проблемы обеих групп. Все семьи соответствовали критериям функциональной семьи.
Фактор долголетия и здоровья в первой группе выявил их большой потенциал в заботе о семье. Однако оказалось, что члены семьи, взрослея, несколько раз меняют свои роли, а пожилой родитель не успевает за этой сменой. Со временем появляется чувство ненужности, меньшей ценности для семьи. Во второй группе активные представители старшего поколения довольны своим состоянием, время посвящают себе, внукам, подчас подменяя им родителей. В результате роли в семье становятся менее понятными, возникают конфликты.
Фактор экономической независимости в первой группе делает их очень социально привлекательным, деньги вкладываются в семью, становятся неотъемлемой частью общего бюджета. При необходимости личных трат это вызывает чувство неловкости у пожилого человека. Во второй группе пожилые люди сами распоряжаются своими средствами, выбирают предмет трат. Проблемы возникают, когда потребности начинают превышать финансовые возможности пожилого человека При этом ролевое изменение в семье идет со стороны пожилого человека, семья в целом бывает не готова к этой финансовой нагрузке, возникают недопонимание, обиды.
Технологии и образование, а также активное продвижение соцсетей и сообществ в обоих группах приветствуют, однако респонденты обоих групп имели с этим финансовые проблемы. В первой группе, в связи с замкнутостью в семье, пожилые люди часто бывают объектом обмана из-за того, что семья ограждает их от финансовых расчетов. Во второй группе также многие стали жертвами мошенников, но в большинстве своем от излишней уверенности в своей мудрости, и недостаточности владения технологиями.
Факторы государственной поддержки и культурные изменения крайне благоприятно влияют на статус пожилого человека. Однако в первой группе ими меньше пользуются и сожалеют об упущенных возможностях, а при включении в процессы дезадаптируются. Во второй группе пожилые люди в большинстве случаев пользуются предоставленными возможностями максимально, но не обладают достаточными навыками психогигиены и дезадаптируются до клинического уровня (нарушение сна, тревога, апатия, депрессия, психосоматические расстройства.)
Проблемы актуальны для воздействия на проблемные точки функционирования семьи пожилого человека, создания направлений комплексного социально - психологического сопровождения старшего поколения в рамках нацпроекта «Продолжительная и активная жизнь».

Литература

1. Руженская Е.В. Смирнова С.В., Егорова П.Л. Оценка когнитивных функций и методы их коррекции у пожилых людей. //Вестник Ивановской медицинской академии 2018. Т. 23 №2 С.37-40.

Современные вызовы билингвальной семье с ребенком в многокультурном мире

О.Б. Чеснокова, С.М. Чурбанова
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
olgach1234@googlemail.com, svetlanatch@mail.ru

Аннотация. *Рассматриваются вызовы билингвальной семье с детьми в современной ситуации многокультурного мира, обусловленные повышенной мобильностью семей и необходимостью быстрой адаптации к различным языковым культурным контекстам. Показана роль семьи в отношении психического развития ребенка и становления языкового сознания в обогащенной домашней литературной среде в отличие от монолингвальной среды.*
Ключевые слова: *билингвальная семья, билингвальная грамотность, домашняя обогащенная литературная среда, языковая личность ребенка*

В последние годы во всем мире процесс миграции населения принимает все более значительные масштабы. Все возрастающая мобильность семей, перемещение из одной языковой среды в другую, необходимость в быстрой адаптации к разным культурным условиям и образовательным системам, иммиграция и реиммиграция родителей, этнически смешанные семьи - создают для детей необходимость для овладения несколькими языками. Знание двух и более языков становится нормой и открывает широкие перспективы как в получении высокооплачиваемой работы, в самореализации, а также и быстрой адаптации в условиях различной языковой среды (Андреева С.В., 2009; Емельянова Я.Б., 2010; Протасова Е.Ю., 2019).

Билингвальная семья уникальна по причине интеграции двух и более культур, отражающихся на поведении ребенка, его отношении к окружающему социальному миру, его языковой личности. Как и в любой семье, потенциал билингвальной семьи опосредуется культурным контекстом (Выготский Л.С., 1983). Роль семьи в развитии билингвальной грамотности (чтение и письмо) является первичной и ключевой, потому что зарождение и поддержание билингвизма происходит прежде всего в семье (Чеснокова О.Б., Субботский Е.В., 2015). Многие билингвальные семьи занимают очень активную позицию в отношении психического развития ребенка, создавая обогащенную домашнюю среду (Пороцкая Е.Л, Спиридонов В.Ф., 2004; Шумакова Н.Б., 2004; Чурбанова С.М., Еремина А.А., 2018), в частности - билингвальную домашнюю литературную среду, состоящая из материальной среды и интерактивного компонента (Чеснокова О.Б., Чурбанова С.М., 2024).

Как каждый из компонентов влияет на развитие билингвальной грамотности, какие перспективы и какие вызовы возникают, если ребенок растет в билингвальной среде, какова роль билингвальной семьи в развитии языкового сознания ребенка, в отличие от монолингвальной семьи; легко ли быть сбалансированным билингвом и на какие вопросы еще предстоит ответить, каковы возможные пути ответа на эти вызовы - составляет предмет нашего исследования в изучении билингвальных семей.

Литература

1. Андреева С.В. Билингвизм и его аспекты // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. – С. 34–38.
2. Выготский Л.С. К вопросу о многоязычии в детском возрасте // Собр. соч. в 6 т. Т.3. М., 1983. – С. 329-337.
3. Емельянова Я.Б. Различные подходы к оценке влияния билингвизма на интеллектуальное развитие личности // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 2. – С. 91-102.

4. Пороцкая Е.Л., Спиридонов В.Ф. Выявление представлений родителей о развитии дошкольника // Вопросы психологии. 2004. № 4. – С. 31-39.
5. Протасова Е. Ю. Отношение русскоязычных родителей в Финляндии к ситуации многоязычия и языковому образованию детей // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2019. Том 1. № 2. – С. 84–96. DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1- 2-84-96
6. Чеснокова О.Б., Субботский Е.В. Читательские предпочтения бикультуральных и билингвальных детей // Воспитание и обучение детей младшего возраста: сб. материалов IV Международной научно-практической конференции. 23-25 апреля 2015 г. М.: Изд-во Мозаика-Синтез, 2015. – С. 12–13.
7. Чеснокова О.Б., Чурбанова С.М. Роль домашней литературной среды в развитии билингвальной грамотности у детей дошкольного и младшего школьного возраста // Психолого-педагогические исследования. 2024 (в печати).
8. Чурбанова С.М., Еремина А.А. Имплицитные представления родителей о развитии и обучении дошкольников в моно- и билингвальной среде // Психологические проблемы современной семьи: сб. материалов VIII Международной научно-практической конференции. 4 октября 2018 г. / Под ред. О.А. Карабановой, Н.Н. Васягиной. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2018. – С. 384–389.
9. Шумакова Н.Б. Влияние представлений родителей об обучении на развитие одаренности у детей // Вопросы психологии. 2004. № 2. – С. 119-127.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ И СЕМЕЙНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Семейные ценности и семейная солидарность

Изучение ценности родительства в системе жизненных ориентаций молодых россиян

Л.А. Грицай
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия
usan82@gmail.com

Аннотация*. Статья посвящена изучению влияния родительских установок на формирование ценностных ориентаций современной молодежи. Особое внимание уделено результатам эмпирического исследования. Представленные данные позволяют оценить степень влияния родительских установок на ключевые жизненные приоритеты молодежи в условиях стремительно меняющегося общества.*
Ключевые слова*: родительские установки, ценностные ориентации, молодежь, семья, социальные изменения.*

В условиях стремительных социально-экономических и технологических изменений, которые определяют общественные и культурные ориентиры, формирование ценностных ориентаций молодежи приобретает особую значимость. Молодежь, находясь на этапе становления личности, активно усваивает различные модели поведения, нормы и ценности. При этом одним из ключевых факторов формирования этих ориентаций являются родительские установки, которые оказывают длительное и зачастую незаметное влияние на формирование взглядов и предпочтений молодого поколения, определяя демографическое будущего государства.

Исходя из этого, целью исследования является выявление влияния родительских установок на структуру ценностных ориентаций современной молодежи, а также определение степени устойчивости этих установок в условиях современных социальных изменений

Эмпирическое исследование проводилось среди молодых людей в возрасте от 22 до 30 лет, как состоящих в браке и имеющих детей, так и только готовящихся обрести супруга и стать родителем.

Всего в исследовании участвовало 70 человек, из них 42,8% – молодых людей, еще не состоящих в браке, 18,5% составили молодые супруги без детей, и 31,4% опрошенных – это родители, воспитывающие одного или двух детей. 7,1% респондентов отвечало, что состоят в «гражданском» браке, в разводе или самостоятельно (без супруга) воспитывают ребенка.

Всем молодым людям предлагалось ответить на вопросы анкеты.

Анкета состояла из 3 блоков. В первый блок входили вопросы, призванные выявить зависимость количества детей в родительской семье респондента от желаемого им количества детей в собственной настоящей или будущей семье. Во втором блоке выявлялись мотивы желания иметь детей, которые были разделены на внутренние психологические мотивы и на внешние социальные мотивы. В третьем блоке определялись основные препятствия к рождению детей в молодых семьях и их значение для настоящих и будущих родителей.

Результаты исследования показали следующее.

Была выявлена зависимость количества детей в родительской семье респондента от желаемого им числа детей в собственной семье. Так, в 27,1% случаев молодые люди отвечали, что хотят иметь то же количество детей, что и в родительской семье, при этом часть респондентов (58,5%) желали воспитывать на одного ребенка больше, чем в семье родителей, и только 14,2% опрашиваемых не хотели иметь детей вообще либо уменьшали их количество по сравнению с родительской семьей. Объясняется данный факт отчасти тем, что родительские семьи опрашиваемых молодых людей также были по большей части либо двух-либо трехдетными (45,7% и 12,8% соответственно).

Среднеарифметическое желаемое число детей всех опрашиваемых составило 2,3.

При этом проведенное исследование не выявило значительной разницы между желаемым числом детей в группах одиноких родителей, незамужних/неженатых молодых людей, бездетных молодых супругов и родителей, воспитывающих детей, т.е. молодые родители, вынужденные заботиться о своем ребенке в одиночестве, сетуя на свое семейное положение, говорили о том, что хотели бы иметь еще детей.

Данные второго блока анкетирования представлены нами в таблице, которая составлена с учетом того, что респонденты называли несколько значимых для них мотивов желания иметь детей.

Таблица 1

Мотивы желания иметь детей современных молодых людей

Мотивы потребности в детях	жен., %	муж., %
1. внутренние психологические: эмоционального приятия ребенка как объекта любви и заботы	76	70
альтруистической потребности дарения себя другому человеку	45	30
определения детей в качестве важнейшей смысложизненной ориентации личности	45	40
образовательные мотивы развития личности родителей	23,3	40
2. внешние социальные мотивы: сохранения и укрепления семьи	28,3	20
исполнения определенной социальной нормы детности	36,6	70
экономические мотивы	1,6	10

Из приведенной таблицы мы видим, что среди мотивов желания иметь детей, наиболее часто выделяемых респондентами, преобладают внутренние психологические мотивы. У женщин они несколько выше, чем у мужчин, исключая только образовательный мотив познания себя и мира через воспитание ребенка. При этом у женщин по сравнению с мужчинами наблюдается небольшой перевес внешнего мотива укрепления семьи через детей, но у мужчин, напротив, явно заметен приоритет экономического мотива и мотива нормы детности.

По результатам опроса было установлено, что экономические мотивы желания иметь детей (т.е. надежда на то, что дети станут материальной опорой родителей в старости) занимают самое

низкое место среди других мотивов. Данное обстоятельство указывает на то, что в сознании наших современников прочно укрепилась позиция, согласно которой дети являются материальной обузой для родителей. Более того, данная позиция укрепилась в современных СМИ, в большинстве из которых детство рассматривается как коммерческий проект (реклама подгузников, детского питания, одежды, игрушек, развивающих центров и т. д).

При этом именно экономические мотивы, согласно нашему опросу, занимают первое место в ряду препятствий в рождении детей (76% у женщин и 90% у мужчин). Далее следуют социальные препятствия, их отметили 43,2% женщин и 50% мужчин; страх перед ответственностью за воспитание ребенка – 40, 8% женщин и 30% мужчин; страх беременности и родов – 17, 9% женщин и 10% мужчин; на то, что дети являются помехой карьерному росту родителей, указали 17, 6% женщин и 10% мужчин; образовательные препятствия выделили 12, 8% женщин и 0% мужчин; а страх потери личного досуга в связи с рождением ребенка – 6% женщин и 10% мужчин.

В заключении проведенного исследования мы можем сделать следующие выводы:

1. В ходе исследования было установлено, что ориентации молодых людей на семью с несколькими детьми обуславливает такой фактор как полная положительная родительская семья. Тем самым подтвердилась положение об определяющем влиянии родительской семьи на формирование репродуктивных установок молодого человека.

2. Исследование показало, что большинство респондентов стремятся к семье с несколькими детьми. Расхождение между желаемым и действительным числом детей связано не только с внешними социально-экономическими причинами, но и с неудачной реализацией себя в супружестве (разводы) либо отсутствием законного брака.

3. Было выявлено, что наиболее значимыми препятствиями к рождению детей в современных семьях молодые люди считают экономико-социальные факторы (жилищные проблемы, необходимость материального обеспечения ребенка, отсутствие развитой социальной инфраструктуры и т.д.). Однако высокое значение сохраняют таких препятствия как страх перед ответственностью за воспитание ребенка, страх беременности и родов, опасения снижения профессионального роста родителей в связи с рождением ребенка, недостаток знаний и опыта о воспитании и развитии ребенка, а также нежелание родителей терять из-за детей значительную часть своего личного досуга.

Семейные ценности в сознании и практике Российской молодёжи.

Ильменская В. И.
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
varaarbkl@gmail.com

Аннотация. *Формирование семейных ценностей молодежи происходит в условиях трансформации института семьи. В работе проводится теоретическом анализ семейных ценностей и ориентаций российской молодежи и рассмотрение их как индикатора демографического будущего общества.*

Ключевые слова: *семья, семейные ценности, молодёжь.*

Семья играет ключевую роль в обществе и является его основной структурной единицей. С самого рождения и до последнего дня жизни, человеческая судьба тесно связана с семейными узами. Именно в рамках семьи происходит процесс становления личности и ее самовыражения. Тип сознания, специфика деятельности, потребности, интересы и ожидания

молодежи, а также типичные образцы поведения формируются на основе ценностных ориентиров, социальных правил и норм, формируемых в рамках семьи.

Цель исследования- состоит в теоретическом анализе семейных ценностей и ориентаций российской молодежи как индикатора демографического будущего общества. Актуальность темы обуславливается фактом того, что становление семейных ценностей и ориентаций молодежи происходит в условиях трансформации института семьи, перед страной стоит проблема демографической безопасности. Именно поэтому, проблема семейных ценностей и ориентаций российской молодежи является одной из самых приоритетных проводимой в Российской Федерации политики. Данный тезис подтверждается рядом нормативных актов: Конституция РФ, Указ президента от 22.11.2023 №875 “О проведении в РФ года семьи ”, Распоряжение правительства РФ от 29.05.2015 №996-Р “Стратегия воспитания в РФ до 2025, Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809.

В рамках данной работы рассмотрены основные противоречия в современной семейно-брачной сфере общества, проанализированы потенциальные риски демографической и социальной ситуации на федеральном уровне.

Результаты исследований современных отечественных и зарубежных ученых, таких как Ш.А. Амонашвили, Е.В. Бондаревская, В.А. Караковский, Т.В. Лодкина, Ч. Рейч и Д. Янкелович, показывают, что молодежь все менее ценит семью и семейные отношения. Это связано с формированием системы ценностей, сфокусированной на индивидуализме и отрицании коллективных ценностей. В результате, семейные традиции и обычаи утрачиваются, семейные уклады распадаются, а уровень осознания и ценности родительства (материнства и отцовства) оказывается невысоким (Брынцева О.С., 2012).

Общество нуждается в восстановлении утраченных ценностей, изучении новых тенденций и процессов, а также в организации практической подготовки молодежи к семейной жизни. Для понимания важности семьи как одной из основных ценностей человека и общества необходимо определить основные понятия: "ценность", "семья", "ценность семьи". При анализе этих определений приходит понимание, что ключевой характеристикой ценности является ее значимость и важность. Ценности всегда имеют социальный характер, они формируются на основе общественной практики, индивидуальной деятельности человека и конкретно-исторических общественных отношений и форм общения. Система ценностей человека является «основой» его отношения к миру (Лукашова О.В., 2015).

Ценность семьи заключается в значимости и важности малой социально-психологической группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью. Социальная необходимость семьи обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизведении населения, для каждого человека в отдельности и всего общества в целом. Для молодежи характерно устойчивое стремление совмещать свои личные цели с реальными действиями, основанными на ценностях ближайшего социального окружения. Процесс формирования ценностных ориентаций у молодых людей проходит через различные этапы структурной иерархии ценностей, что способствует развитию внутренней системы социальной ориентации. Значимые перемены в экономической, политической и духовной сферах общества повлекли за собой преобразования в семейнобрачных отношениях. Подобные изменения, касающиеся семьи, могут иметь значительные социокультурные последствия для государства в целом.

Можно выделить ряд актуальных проблем: возникновение межпоколенного конфликта “отцов и детей “, такие явления, как изменение конфигурации семьи, появление новых гендерных ролей, трансформация гендерной идентичности.

В связи с чем в стратегию воспитания Российской Федерации входят следующие задачи: “создание условий для консолидации усилий социальных институтов по воспитанию подрастающего поколения”, “ создание условий для повышения ресурсного, организационного, методического обеспечения воспитательной деятельности и ответственности за ее результаты ”, “обеспечение условий для повышения социальной, коммуникативной и педагогической компетентности родителей”, “обеспечение поддержки семейного воспитания, содействие формированию ответственного отношения родителей или законных представителей к воспитанию детей”.

Таким образом, сегодняшние взгляды молодых людей на семейные ценности будут влиять на будущее состояние института семьи, выбор семейных моделей, отношение к детям и распределение ролей внутри семьи. Поэтому, тенденции и перспективы развития молодежи, а также изменения в их самоопределении, представляют огромный интерес и практическое значение для общества. Необходимо изучать процессы и условия, которые формируют представления молодежи о ценностях семьи, чтобы сделать воспитание и образование молодого поколения более содержательными и эффективными.

Литература

1. Конституция РФ. – URL: http://kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения 20.09.2022).

2. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 г. № 875 • Президент России (kremlin.ru)
3. f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf (government.ru)
4. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 • Президент России (kremlin.ru)
5. Брынцева О.С. Роль личности педагога в формировании у старшеклассников ценностного отношения к семье // Воспитание школьников. 2012. № 3. С. 62-66).
6. Лукашова О.В. Современная семья и ее ценности // Социальная сеть работников образования.- 2015.- [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://nsportal.ru/detskiy-sad/materialy-dlyaroditeley/2015/12/06/sovremennaya-semya-i-ee-tsennosti

Актуальность изучения семейных ценностей школьников и студентов

О.С. Кучинская
МБУ ДО «Центр дополнительного образования», город Смоленск, Россия
ku4inskaya.olia@gmail.com

Аннотация: *в статье рассматривается актуальность изучения особенностей формирования и структуры семейных ценностей современных юношей и девушек, определяются проблемы, связанные с сопровождением процесса формирования семейных ценностей у детей и предлагаются возможные пути их решения.*
Ключевые слова: *семья, семейные ценности, школьники, семьеведение.*

С давних времен создание семьи считалось основополагающим элементом жизни каждого человека. С ранних лет девочек готовили к замужеству и материнству – обучали необходимым умениям и навыкам (шитье, кулинария, уход за детьми на примере младших братьев и сестер, уход за домашними животными, уборка и т.д.), по достижению девочками определенного возраста они выходили замуж, в дальнейшем рожали детей и были «хранительницами домашнего очага». Мальчиков же с детства учили военному делу и ремеслу – чтобы в дальнейшем они могли обеспечивать и защищать свою семью. Издревле считалось, что брак, семья, рождение и воспитание детей – неразрывные понятия: создание брачных уз предполагало в скором времени рождение детей.

Однако можно заметить, что в последние годы молодежь немного отходит от этих традиций и семейной жизни. Так Федеральная служба государственной статистики подсчитала, что в 1990 году средний возраст вхождения в первый брак был 21,26 у девушек и 23,88 у мужчин. А уже в 2016 – 24,58 у девушек и 27,82 у мужчин. Наблюдения последних лет (2018-2021) показывают, что чаще всего люди вступают в брак в 25-34 года (13).

При этом ВЦИОМ привел результаты опроса 2022 года, в котором молодежь отвечала на вопросы, касающиеся ценностей и жизненных ориентаций. «В структуре ценностных ориентаций российской молодежи первое место занимают ценности семейные: по 97% назвали важными здоровье членов семьи и безопасность семьи, 96% – отношения в семье; 95% – материальное положение семьи (2).

Так же мы видим, что по статистике последних лет в среднем на 10 браков приходится 7 разводов. В некоторых регионах России ситуация обстоит еще хуже – на 10 заключаемых браков приходится 25 разводов (по данным РОССТАТА за 2023 год) (14).

То есть, мы видим определенное *противоречие* между высоким уровнем значимости семейных ценностей для Российской молодежи и повышающимся возрастом вступления в брак; между высоким уровнем значимости семейных ценностей и увеличивающимся числом разводов.

Исторически сложилось, что семья является уникальным и особенным социальным институтом. Можно сказать, что семья выступает посредником между каждым отдельно взятым человеком, индивидом, и государством, обществом. Именно в семье зарождаются нормы и правила поведения в обществе, от поколения к поколению передаются семейные традиции, обычаи. У детей воспитываются семейные ценности. Семья и общество, государство, существует в тесной взаимосвязи: семья осуществляет первичную социализацию детей, которые, вырастая, начинают свою трудовую карьеру, тем самым, поддерживая стабильность жизни общества и баланс рабочей силы, семьи, в свою очередь, получают поддержку и защиту со стороны государства, возможности для благополучной жизни, удовлетворения потребностей и реализации желаний. Как мы уже упоминали, от эффективности и гармоничности семейных отношений зависит и гармоничность общества, но это работает и в другую сторону. Это можно проследить в ретроспективе: изменения в обществе, его строе, состоянии (экономический, политический, культурный ход развития государства, войны, реформы и т.д.) напрямую влияют на семьи этой страны (эмансипация женщин и детей, снижение рождаемости вследствие войн, изменение типа семьи – патриархат, матриархат, демократия, увеличение количества разводов, развитие других, альтернативных форм семейной жизни – гражданские браки, рождение детей вне брака и т.д.) (11, Рожкова Л.В., 2023).

Следует отметить, что от качества брачно-семейного института, его состояния, зависит стабильность, целостность, гармоничность всего общества в целом. В конце XX века наблюдалось явление кризиса семейной жизни – в стране возникла демографическая проблема, снижение рождаемости, увеличение процента разводов, увеличение числа людей, не желающих связывать себя узами брака, снижение значимости семейных ценностей. С приходом нового тысячелетия ситуация понемногу стала улучшаться, государство стало вводить различные меры поддержки молодых семей, чтобы «стимулировать» людей к созданию семьи и повышению рождаемости в стране. 2008 год впервые был объявлен годом

семьи в России, 22.11.2023 указом президента РФ 2024 год опять был объявлен годом семьи. Это было сделано для сохранения традиционных семейных ценностей, для популяризации государственной политики в сфере защиты и охраны семьи (1, Алиева, Л.А.Г., 2021).

В этой связи кажется необходимым изучение семейных ценностей, особенностей формирования и развития, структуры, влияния на другие сферы личности людей.

Это крайне актуально в условиях повсеместного запуска в школах курса «Семьеведение», цель которого – введение учащихся в традиционную систему семейных ценностей и формирование ценностно-смысловых установок (10). Так же в этом вопросе интересен опыт внедрения в образовательный процесс учебного курса «Нравственные основы семейной жизни». Даная программа реализуется еще с 2004 года, и сейчас охватывает около 60 регионов, которые работают по данной программе и учебно-методическим пособиям. Цель данного курса – формирование у обучающихся ответственного отношения к созданию семьи на основе принятия ими традиционных семейных ценностей (9, Моисеев Д.А., 2020). Педагоги, родители и сами обучающиеся, прошедшие данный курс отмечают высокий уровень содержания программы, его эффективность (6).

Конечно, традиционные семейные ценности должны прививаться с детства, в семье. Но не каждый родитель готов это делать (в связи с низким уровнем педагогической грамотности, с повышенной занятостью, отсутствием доверительных отношений с детьми и т.д.). Поэтому, получается, что семейные ценности формируются достаточно хаотичным образом (3, Горбунова Е.В., 2011). Эффективным решением данной проблемы является как раз осуществление психолого-педагогического сопровождения юношей и девушек по вопросам психологической готовности к семейной жизни. Но в этой связи возникает множество проблем. Например, кому доверять вести курсы по основам семейной жизни? Рассматриваемые в таких курсах темы достаточно важные, некоторые деликатные. И для эффективного усвоение знаний и умений необходимо устраивать образовательный процесс очень тщательно – сначала установить доверительные отношения педагога с детьми, чтобы дети могли не стесняться. Нам кажется эффективным внедрение в такие курсы индивидуальных занятий-консультаций с психологом, когда ребенок может, в случае необходимости, что-то уточнить, разобраться в конкретной ситуации и т.д.

Так же может возникнуть проблема, связанная с непринятием тем курса детьми. Это может происходить по различным причинам: принадлежность к другой религии и культуре с другими традиционными семейными ценностями и обычаями; дети могут считать данную тему ненужной и неинтересной и т.д. Разумеется, у всех проблем есть решение: в первом случае педагогу необходимо показать, что данные занятия имеют «нейтральную» сторону, и в курсе будет говориться о ценностях, обычаях, правилах, устоях нашей страны, но при этом внимание будет уделено так же и знакомству с традициями и ценностями других культур и религий. Во втором же случае необходимо в большей степени использовать практические методы – показать, как те или иные темы могут пригодиться в жизни, даже если во взрослом возрасте кем-то будет принято однозначное решение не заводить семью и детей.

Изучение семейных ценностей студенческой молодежи с точки зрения ее структуры, содержания, особенностей крайне важен в современной психолого-педагогической науке.

Изменение влияния и значимости семейных ценностей для молодежи напрямую влияет на психологическую готовность к семейной жизни – отсюда вытекают современные проблемы семьи – увеличивающийся возраст вступления в брак, снижение уровня рождаемости, снижение доли зарегистрированных браков по сравнению с гражданским браком и т.д. Это все, в свою очередь, влияет на демографическую ситуацию в мире, а это влияет на уровень развития и социального благополучия общества в целом.

Литература

1. Алиева, Л.А.Г. Психологические особенности работы по подготовке студентов к брачно-семейным отношениям / Л.А.Г. Алиева // International scientific review. – 2021. – № LXXVIII. – С. 66-68.

2. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет результаты опроса о ценностях и приоритетах в молодежной среде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi?ysclid=lcsvq0u7n5421988779. – (дата обращения 23.01.2023).
3. Горбунова, Е.В. Формирование ценности семьи у студенческой молодежи / Е.В. Горбунова. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Москва, 2011. – 26 с.
4. Евграфова, Ю. А. Ценности современной молодежи и установки на семью и деторождение / Ю.А. Евграфова // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 1213–1216.
5. Ильиных, С.А. Семейные ценности молодежи: традиции и трансформации / С.А. Ильиных // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 4 (20). – С. 220–232.
6. Курс «Нравственные основы семейной жизни» [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://prosvetitel.com/kurs-nravstvennye-osnovy-semejnoj-zhizni.html – (дата обращения 25.08.2024)
7. Медкова, Д.В. Семейные ценности как объект социологического анализа / Д.В. Медкова // Ломоносовские чтения. – 2003. – Т. 2. – С. 25–35.
8. Мжельская, Е. В. Современные подходы к сущности понятия «Семейные ценности» / Е.В. Мжельская // Самарский научный вестник. – 2013. – № 4 (5). – С. 1113–116.
9. Примерная рабочая программа учебного курса «Нравственные основы семейной жизни» (среднее общее образование) / Д.А. Моисеев, Н.Н. Крыгина. – Самара, 2020. – 15 с.
10. Рабочая программа курса внеурочной деятельности «Семьеведение» (среднее общее образование) / ФГБНУ Институт стратегии развития образования. – Москва, 2024. – 36 с.
11. Рожкова, Л.В. Семейные ценности современной молодежи / Л.В. Рожкова, А.Ш. Дубина // Известия Саратовского университета. Серия Социология, Политология. – 2023. – №2. – С. 138-142.
12. Селезнева, Е.А. Анализ понятий семья и семейные ценности / Е.А. Селезнева // Проблемы современного образования. – 2021. – №5. – С. 270-280.
13. Старостина, Ю.В. Средний возраст замужества у российских женщин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d8864279a79473f98315072?ysclid=lcsvoog62g263604327. – (дата обращения 25.01.2023).
14. Старостина, Ю.В. Число браков в России опустилось до минимума с начала века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/08/04/2019/5cab45349a7947d0d969ec7c. – (дата обращения 25.01.2023)

Воспитание семейных ценностей у студентов цифрового поколения как условие сохранения суверенитета России

С.В. Мерзлякова
Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия
E-mail: svetym@yandex.ru

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 075-03-2024-069/5 от 15.07.2024 г. по теме «Фундаментализация развивающего образования в условиях суверенизации России»

Аннотация. *Поддержка института студенческой семьи, целенаправленное воспитание семейных ценностей у студентов рассматриваются как важный ресурс демографического развития России. Цель исследования – провести сравнительно-сопоставительный анализ семейных ценностей у студентов цифрового поколения и их предшественников. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости введения семейно-ориентированных дисциплин, нацеленных на воспитание ценностей родительства у студенческой молодежи.*
Ключевые слова: *семейные ценности, ценности супружества, ценности родительства, ценности родства, студенты цифрового поколения*

Воспитание семейных ценностей у современных студентов позволит более полно использовать репродуктивный потенциал студенческой молодежи, повысить рождаемость в стране, которая является важным условием укрепления суверенитета государства. Межпоколенческий анализ семейных ценностей студенческой молодежи позволит лучше понять возможные психологические трансформации брачно-семейных представлений, мотивов вступления в брак в условиях цифровизации всего жизненного пространства личности, прогнозировать брачно-семейное поведение и особенности репродуктивно-демографического процесса у представителей цифрового поколения.

Эмпирическое исследование проводилось с 2012 г. по 2024 г. на базе Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева. В исследовании приняли участие 227 студентов. Из них 110 чел. (48,5 %), относящиеся к «поколению Y» (рожденные в период с 1981 г. по 1995 г.), 117 чел. (51,5 %) являются представителями «поколения Z» (родившиеся после 1995 г.).

Для диагностики семейных ценностей студентов использовались модифицированный вариант методики семантического дифференциала в пакете методик психосемантической диагностики скрытой мотивации, разработанного И. Л. Соломиным, опросник «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» Е. Б. Фанталовой, проективная методика «Незаконченные предложения», опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» А. Н. Волковой. Обработка полученных данных осуществлялась на базе статистических программ IBM SPSS Statistics 21 с помощью математико-статистических методов (критерий Колмогорова-Смирнова для одной выборки, критерий Манна-Уитни, критерий Стьюдента для независимых выборок).

Межпоколенческий анализ начинается с определения частотных показателей семейного положения студентов цифрового поколения и их предшественников. Согласно данным опроса в 2012 г. среди студентов «поколения Y», никогда в браке не состояли 40,9 % (45 чел.), проживали вместе с партнером, но не регистрировали свои отношения – 10 % (11 чел.), состояли в первом зарегистрированном браке – 39,1 % (43 чел.), разведены – 10 % (11 чел.). В группе студентов «поколения Z» никогда в браке не состояли 70,9 % (83 чел.), проживают вместе с партнером, но не регистрируют свои отношения – 13,7 % (16 чел.), состоят в первом зарегистрированном браке – 13,7 % (16 чел.), разведены – 1,7 % (2 чел.).

В *ценностях супружества* различия на уровне статистической значимости установлены для следующих переменных: счастливая семейная жизнь (значение критерия Манна-Уитни $U = 5405{,}5$ при уровне значимости $p = 0{,}035$), эмоционально-положительное отношение к себе ($U = 5099$ при $p = 0{,}008$), главенству и ответственности в семье ($U = 4542{,}5$ при $p < 0{,}001$), совместному семейному отдыху и досугу ($U = 4486$ при $p < 0{,}001$), негативное отношение к разводу ($U = 5402{,}5$ при $p = 0{,}045$). В *ценностях родительства* выявлены достоверные различия при оценке значимости родительско-воспитательной сферы: $U = 5407{,}5$ при $p = 0{,}037$. Согласно показателям описательных статистик у студентов цифрового поколения ценность родительско-воспитательной сферы меньше по сравнению с их

предшественниками. В *ценностях родства* достоверные различия обнаружены в положительном отношении к родительской семье (U = 5294 при p = 0,027).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Среди представителей цифрового поколения увеличилось количество студентов, никогда не состоящих в браке, наблюдается рост добрачного сожительства, снизились показатели зарегистрированных браков в период получения высшего образования.

2. Студенты «поколения Y» отличаются большей значимостью ценностей счастливой семейной жизни, родительско-воспитательной сферы, крайне негативным отношением к разводу.

3. Для студентов «поколения Z» характерны более эмоционально-положительное отношение к себе, главенству и ответственности в семье, совместному семейному отдыху и досугу, родительской семье по сравнению с их предшественниками.

Полученные результаты могут выступать научной основой для разработки программ семейно-ориентированных дисциплин, нацеленных на воспитание ценностей родительства, ориентацией на сочетание семейно-брачной и образовательно-профессиональной карьеры, дополняют психолого-педагогическую модель сопровождения процесса семейного самоопределения с учетом феноменологических особенностей представителей цифрового поколения в контексте проблемы прогнозирования их семейно-демографического поведения.

Социально-экономическое благополучие моно-родительских семей

Наберушкина Эльмира Кямаловна

[1]*Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия*

[2]*Государственный университет управления Москва, Россия*

ellana777@mail.ru

Аннотация. *В работе представлены результаты социологического исследования, состоящего из нескольких этапов. Первым этапом являлось так называемое кабинетное исследование – были изучены теоретико-методологические основы предмета исследования, обоснована его актуальность и научная разработанность. В рамках данного этапа также был сформирован необходимый инструментарий для проведения полевого этапа исследования. Информантами стали материнские семьи: женщины в разводе, а также женщины, родившие добровольно по собственному желанию. Всего было опрошено 20 человек. На втором этапе исследования был использован качественный метод сбора первичной социологической информации – глубинное интервью. На основе полученных данных был произведен анализ результатов и сформулированы гипотезы для дальнейших исследований.*

Ключевые слова: *социально-экономическое благополучие, матери-одиночки.*

Анализ результатов глубинного интервью позволил прийти к следующим выводам:

Наиболее частыми финансовыми проблемами, с которыми сталкиваются матери-одиночки, являются: обеспечение детей одеждой, оплата дополнительного образования.

Информанты не удовлетворены качеством предоставляемой поддержки от государства. Они фактически говорят о ее отсутствии, т. к. доход информантов превышает уровень, при котором осуществляется денежная поддержка от государства.

Одной из наиболее весомых социальных проблем у матерей одиночек является усталость и отсутствие времени на саморазвитие.

Матери-одиночки, принявшие участие в исследовании, не замечают проявлений дискриминации со стороны работодателей или общества в целом. Они не ощущают особого отношения или негативного влияния на свою социальную среду из-за своего статуса моно-родителей. Это может свидетельствовать о том, что дискриминация по этому признаку в данной совокупности не является распространенной или выраженной.

Проведенное эмпирическое исследование позволило сформулировать гипотезы, требующие проверки на репрезентативных выборках:

1. Матери-одиночки сталкиваются в большей степени с финансовой нестабильности по сравнению с полными семьями.
2. Матери-одиночки испытывают большее социально-эмоциональное напряжение, связанное с поддержкой и воспитанием детей, по сравнению с полными семьями.
3. Большая часть матерей-одиночек не ощущает дискриминацию в обществе и/или на рабочем месте из-за своего статуса.
4. Российская социальная политика мало ориентирована на предоставление нематериальной формы поддержки, о важности которой заявляют матери.

Главным выводом работы является то, что, как экономическое, так и социальное благосостояние матерей-одиночек находиться в шатком состоянии. Эти трудности могут быть связаны с финансовым стрессом и эмоциональными нагрузками. Тем не менее, важно отметить, что матери-одиночки сделали свой выбор самостоятельно и находятся в состоянии спокойствия, не чувствуя себя неполноценными. Они стремятся обеспечить оптимальные условия для своих детей и делают все возможное для их благополучия и развития.

С учетом проведенного исследования были разработаны некоторые практические рекомендации для улучшения социально-экономического благосостояния моно-родительских семей, которые можно сформулировать следующим образом.

Расширение мер поддержки: государство должно усилить свою политику в предоставлении дополнительных финансовых выплат для моно-родителей, чтобы помочь им справиться с увеличенными финансовыми обязательствами. Увеличение суммы пособий на детей, снизить критерии по доходу, предоставление дополнительных стипендий или налоговых льгот, выплаты перед началом учебного года, внедрение пособий «разведенным» матерям-одиночкам.

Улучшение доступа к информации: государство должно создать каналы для обеспечения доступной и понятной информации о мерах поддержки для моно-родителей. Это может включать развитие специализированных веб-ресурсов, проведение информационных кампаний и консультаций.

Развитие гибкого графика работы: государство может способствовать созданию более гибкого графика работы для моно-родителей, что поможет им лучше совмещать заботу о детях и работу. Разработка более гибких форм трудоустройства, предоставление возможностей для удаленной работы и обеспечение поддержки при поиске работы.

Внимание к нематериальным видам помощи: семейный фитнес, прогулки и совместные походы, предоставление билетов на выставки, мастер классы по кулинарии, киновечера.

Семейные ценности чеченской молодёжи, проживающие в Чеченской Республике и в Москве.

Трушкова С.В., Абаева Р.М.
МАДИ, МСПИ, Москва, Россия МСПИ, Москва, Россия

SvetVTr@mail.ru, rooyancha@gmail.com

Аннотация. *В статье приведены результаты исследования семейных ценностей у чеченцев, проживающих в разных социокультурных условиях – городской и сельской местности в Чеченской Республике, а также в условиях московского мегаполиса в инокультурной среде. Для респондентов сельской местности характерна приверженность традиционным семейным ценностям, у проживающих в Москве наиболее выражена ориентированность на современные семейные ценности, а у чеченской молодежи, проживающей в Грозном, выявлены умеренные тенденции в трансформации семейных ценностей, занимающие промежуточное положение среди трех рассматриваемых подгрупп.*

Ключевые слова: *трансформация семейных ценностей, семейные ценности чеченцев, традиционные семейные ценности, современные семейные ценности.*

Семья и семейные ценности являются важнейшей составляющей культурного кода чеченского народа, передаваемого из поколения в поколение и регламентирующего семейное взаимодействие как внутри поколений, так и на межпоколенческом уровне (Molodikova I., 2014). Ряд таких социальных процессов нашего времени как глобализация, урбанизация, возрастающая миграционная активность оказывает влияние как на уклад жизни в целом, так и на трансформацию семейных ценностей (Павлова О.С., 2013; Стародубровская И.В. 2019). В этой связи является актуальным изучение трансформации семейных ценностей чеченской молодежи в различных социокультурных контекстах – городском и сельском на территории Чеченской Республики, а также в условиях мегаполиса в инокультурной среде.

Для выявления динамики семейных ценностей нами было проведено исследование, в котором приняли участие 60 представителей чеченской молодежи в возрасте от 20 до 25 лет, 29 (48,3 %) из которых родились и выросли в Москве, а 31 (51,7 %) – в Чеченской Республике, из них 21 (35%) являются жителями города Грозного, а 10 (16,7%) проживают в сельской местности (село Бено-Юрт Надтеречного района). Для выявления семейных ценностей применялись следующие методики: 1. методика изучения ценностных ориентаций М. Рокич (Rokeach Value Survey, RVS); 2. опросник «Семейные ценности» (М.В. Мартынова, М.С. Константинова); 3. методика «Семейные ценности» (В.С. Торохтий); 4. авторская анкета. По типу родительской семьи были выделены три группы: 49 участников исследования из полной семьи 81,67%), 7 (11,67%) – из неполной и 4 (6,67%) из расширенной семьи. Из 7 респондентов из неполной семьи 5 родились и выросли в Москве, а 2 оставшихся – в Грозном. Все участники исследования из сельской местности родились и выросли в полных семьях. Кроме того, распределение выборки по составу семьи характеризует еще одна особенность – большинство респондентов из малодетных семей проживают в Москве (62,07 %) и в Грозном – (31, 03 %), а в Бено-юрте всего 6,9 %. На наш взгляд, это связано с тем, что чеченцы, проживающие в Москве, более подвержены влиянию западной культуры и ценностей, которые пропагандируют меньшее количество детей в семье, в то время как в традиционной чеченской

культуре, которая в большей степени сохранена в чеченских сёлах, семьи с большим количеством детей являются нормой.

Анализ полученных диагностических данных позволил сделать следующие выводы:

1. Семья представляет собой одну из ключевых ценностей для всех трех рассматриваемых групп чеченцев, однако для чеченцев, проживающих в Москве, семейные ценности имеют меньший приоритет по сравнению с чеченцами из городской и сельской местности Чеченской Республики.

2. Семейные ценности чеченцев, проживающих в Москве, претерпевают значительную трансформацию под влиянием социокультурной окружающей среды. Для данной подгруппы характерно увеличение роли внесемейных ценностей, повышение значимости личных решений и индивидуальных предпочтений над традиционной иерархией чеченского общества, что свидетельствует о постепенном ослаблении влияния традиционных ценностей и установок. Кроме того, выявлено снижение роли чеченских традиций в процессе реализации жизнедеятельности семьи, а также снижение значимости деторождения совместно со стремлением к нуклеаризации семьи и повышением возраста рождения первого ребенка. В условиях мегаполиса наблюдается отход от строгого следования традиционным семейным ролям, что проявляется в равной включенности супругов в обеспечение семьи материальными средствами и направленности на эгалитарную модель семьи, основанную на принципах равноправия и партнерства.

3. Семейные ценности чеченцев, проживающих в сельской местности Бено-Юрта, характеризуются глубокой приверженностью традиционной модели семейного уклада, берущей свои истоки в многовековых культурных традициях чеченского народа. Данная приверженность находит свое выражение в ориентации на коллективистические ценности и безусловное почитание авторитета старшего поколения, сохранении многопоколенной структуры семьи, четкой регламентации распределения мужских, женских, а также семейных ролей, неукоснительном следовании адатам – древним обычаям и нормам поведения, а также в поддержании тесных родственных связей и культивировании чувства принадлежности к большой семье. Таким образом, семейные ценности чеченцев, проживающих в сельской местности Бено-Юрта, представляют собой пример сохранения и трансляции традиционной модели семейного уклада.

4. Семейные ценности чеченцев, проживающих в Грозном, занимают промежуточное положение, объединяя традиционные и современные черты, сочетая в себе ориентацию на коллективизм, высокую значимость семьи и традиционных методов воспитания детей с постепенным снижением авторитета старших, повышением возраста рождения первенца и вступления в брак, а также тенденцией к совместному материальному обеспечению семьи супругами.

Литература

1. Павлова О.С. Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. – М.: Сам Полиграфист, 2013. – 558 с.

2. Стародубровская И.В. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики. – 2019. – Т. 17 – № 1. – С. 39-56.

3. Molodikova I., Watt A. Growing Up in the North Caucasus. Society, family, religion and education. – London: Routledge, 2014. – 224 p.

Семейные отношения в системе ценностей курсантов образовательной организации ФСИН России

Цуркан Н.В
Академия ФСИН России, Рязань, Россия,
nadya.tsurkan.98@mail.ru

Аннотация: *в статье рассмотрены основные исследования в отечественной психологии, посвященные изучению семейных ценностей. Представлены результаты проведенного исследования, направленного на выявление отношения курсантов к семейным ценностям. Институт семьи является неотъемлемой частью любого общества. Современная российская семья рассмотрена в контексте выполнения ею своих основных функций по отношению к семьям курсантов. Рассмотрены вопросы формирования семейных ценностей у курсантов.*
Ключевые слова: *курсанты, семейные ценности, семья, общество, федеральная служба исполнения наказаний, семейные отношения.*

В советской науке вопросами семейного воспитания, взаимодействия семьи и школы занимались Н.К. Крупская, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, С.Т. Шацкий. Вопросом семейного воспитания занимался и Н.И. Пирогов. Особое внимание автор уделил роли матери, отметив необходимость обладания матерью определенными качествами: умением понимать и принимать, волей, жертвенностью, руководствованием ясной и светлой идеей о цели воспитания детей. В.М. Целуйко провела ряд исследования, посвященных психологическому анализу современного состояния семьи.

В одном из самых больших исследований М.Е. Литвака опрошено 10000 семей, из которых были отобраны те, кто прожил в брак более 10 лет и считаю свою семейную жизнь «идеальной» или «счастливой». Всего было выявлено таких семей 400. Им задали один единственный вопрос: «Вступили бы в брак с Вашим супругом, если бы были полностью свободны и полностью от него не зависели?». Всего 5 % мужчин ответили, что женились бы еще раз. 9 % женщин отметили, что готовы повторить свой выбор партнера. Взаимный выбор пар был всего лишь у 1 % пар. Данные исследования показали, что даже у самых благополучных пар существуют проблемы и только 1 % пар является счастливыми.

Исследователи Т. К. Ростовская и Н. А. Ростовская указывают, что доминанты семейно-брачных отношений молодой семьи находятся в кризисном состоянии. Исследователями выявлена тенденция того, что молодые семьи испытывают огромное влияние СМИ, изменяющее культурную составляющую пары (Ростовская Т. К. Ростовская Н. А.,2014).

При изучении исследований, направленных на изучение отношения студентов к семейной жизни, были сделаны многочисленные выводы о том, что обучающиеся, которые не имеют отношения к военной службе, не ставят в приоритетную позицию личной жизни и семейные отношения. Этих обучающихся волнуют вопросы общественного признания, одобряемое обществом поведение. При этом военнослужащие уделяют особое внимание семье и семейным ценностям (Полонский Д.А., 2018).

Сравнение военных и гражданских лиц свидетельствуют, что они наиболее существенно отличаются по ценностным ориентациям, при этом различия есть как в терминальных, так и семейных ценностях. В рамках полученных исследований военнослужащие, в целом, более адаптированы в рамках своей деятельности к семейной жизни.

По мнению Дмитриевой Н.А., ценности семейной жизни военнослужащих выступают как мировоззренческие и нравственные установки, основанные на семейных традициях (Дмитриева Н.А., 2012).

Одной из особенностей профессиональной деятельности выступает выполнение сотрудниками служебно-боевых задач, связанных с риском для жизни и здоровья. Благодаря семье такие ценности, как любовь, верность, взаимоуважение выходят на первый план и укрепляют отношения супругов. Длительное отсутствие сотрудника дома, служебные командировки и разлука со своими семьями также оставляет свой след на развитии семьи и формировании семейных ценностей.

Поддержка точки зрения исследователей в области социологии и психологии, утверждающих, что у курсантов необходимо формировать семейные отношения, в которых признаются принципы, которые влияют на представление о семье, как важной составляющей ячейки общества (Бордовский Г.А. и др., 2014).

Понимание, доброта, взаимовыручка, помощь, ценность здоровья и забота формируются в семьях сотрудников уголовно-исполнительной системы, благодаря специфике физических и эмоциональных нагрузок. Приходя домой после тяжелого дня, сотрудники возвращаются туда, где им комфортно и уютно.

Результаты современных исследований доказали, что часто под традиционными семейными ценностями курсанты образовательных организаций определяют не только классические, исторически определившиеся представления о семейных отношениях, но и сам процесс оформления брака. К такому оформлению брака курсанты относят: понимание роли мужчины и женщины в союзе, наличие у супругов определенных качеств (уважение, взаимопонимание, взаимопомощь, желание сохранить брак и воспитание детей в полной семье) (Филимонов И.А., Поминова О.Л., 2020).

В рамках данного исследования было проведено анкетирование, направленное на изучение семейных ценностей курсантов 1 и 2 курса факультета психологии и пробации Академии Федеральной службы исполнения наказаний по теме: «Мое отношение к семейным ценностям». В анкетировании приняли участие 48 курсантов.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что 70 % обучающихся воспитывались в полной семье, 25 % курсантов воспитывались в неполной семье и 5 % обследуемых воспитывались в приемной семье.

При ответе на вопрос о том, какие ценности являются наиболее значимыми для респондентов, ответы распределились следующим образом:56 % отметили, что семья стоит для них на первом месте; 35 % отметили, что семья стоит для них на втором месте; 9 % опрошенных отметили, что семья для них не является основной ценностью.

Следующим вопрос, на который необходимо было ответить респондентам, звучал следующим образом: «Какие семейные ценности являются наиболее значимыми для Вас?». 35 % опрошенных отметили проявление заботы и любви, 25 % - семейное единство и очаг, 15 % опрошенных отметили «материнство или отцовство»; 25 % отметили, что «эмоциональный комфорт, стабильная психологическая обстановка»; 30 % определили, что ведущим для них является «преемственность поколений, уважение к старшим».

Следующий вопрос звучал таким образом: «Как, по вашему мнению, изменилось отношение к браку в обществе в последнее время?». Из предложенных вариантов, ответы респондентов распределились следующим образом: 45 % - «ценность брака в обществе возросла»; 35 % «ценность брака в обществе понизилась»; 15 % «ценность брака в обществе не изменилась».

При ответе на вопрос «Есть ли у Вас страхи относительно брака?» ответы респондентов распределились следующим образом: 40% - да; 60 % - нет.

При ответе на вопрос: «С чем связаны Ваши страхи относительно брака?» ответы респондентов распределись следующим образом: 50 % - «страх перевода моего будущего партнера в другой территориальный орган»; 35 % - отсутствие материальной поддержки со

стороны близких; 25 % - «моя неготовность к семейной жизни»; 25 % - «обесценивание брака в обществе, окружающими и близкими»; 15 % - «отсутствие семейного примера в детстве».

Всем респондентам был задан вопрос: «Сколько детей вы бы хотели иметь?». Только 5 % ответили, что хотели бы троих детей и больше. 55 % отметили, что хотят одного ребенка, 40 % отметили, что хотят двоих детей. Данные показатели могут свидетельствовать о том, что современная молодежь не стремится к созданию многодетной семьи, что может быть обусловлено и социально-психологическими явлениями.

В нашем исследовании была использована проективная методика «Рисунок семьи». В ходе анализа рисунков мы можем отметить следующее: в большинстве случаев преобладают яркие и светлые цвета. Семьи расположены в центральной части листа. На некоторых изображениях наблюдаются оттенки красного, что может свидетельствовать об эмоциональной возбужденности. Эмоциональная возбужденность исследуемых может быть связана с негативным опытом, пережитым в детстве.

На некоторых рисунках расположены маленькие изображения семьи. При беседе у авторов этих рисунков наблюдается дискомфорт, скованность, тревога при контактах с окружающими, а также эмоциональная зависимость от окружающих.

На некоторых рисунках авторы изобразили себя слева, что свидетельствует о том, что личность не может справиться с переживаниями из-за неудачного опыта в прошлом. Возможно, есть обиды на родителей, которые автор изображения не может отпустить.

На большей части изображений наблюдается ровный, умеренный по силе нажим, свидетельствующий об уравновешенности личности, склонности к обдумыванию своих действий. На нескольких рисунках отмечается сильный нажим, который свидетельствует о сильном эмоциональном напряжении, проявлении напористости, сильном характере.

Таким образом, проведя анализ отношения к семейным ценностям курсантов образовательной организации ФСИН России, мы можем предположить, что, в целом, семья как ценность является важной составляющей их жизни. В связи с полученными результатами отмечается позитивное отношение курсантов 1 и 2 курса Академии ФСИН России к созданию семьи и к семейным ценностям.

Исходя из приведенных результатов исследования, курсанты высоко оценивают ценность семьи в своей жизни. Так как, именно семья является основой развития здорового гражданского общества. Поэтому в образовательном процессе необходимо уделять внимание не только уровню знаний и служебной деятельности, но и развитию и формированию семейных ценностей.

Литература

1. Бордовский Г.А., Воюшина М.П., Суворова Е.П., Стефанова Н.Л., Баева И.А., Махрова Э.В. Концепция образовательной системы «Диалог». Санкт-Петербург: Астерион, 2014.

2. Дмитриева Н.А. Ценностные ориентации кадетов. Омский научный вестник. 2012; № 5 (112): 170 – 172

3. Полонский Д.А. Сущность, структура и содержание формирования семейных ценностей у военнослужащих по контракту. Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018; № 1: 119 - 130].

4. Ростовская Т. К. Ростовская Н. А. Общекультурные проблемы молодой семьи // Человек в мире культуры. - 2014. - № 1. -С. 26-29.].

5. Филимонов И.А., Поминова О.Л. Проблема осознания семейных ценностей у курсантов военных образовательных организаций высшего образования. Научное мнение. 2020; № 4: 41 – 47.

Красота традиционных семейных ценностей в контексте эстетического развития курсантов

И.В. Черемисова
Академия права и управления ФСИН России, г. Рязань, Россия

e-mail: irinarusa@inbox.ru

Аннотация: *В статье автор обращает внимание на актуальность проблемы развития мотивационно-ценностной сферы курсантов в образовательном процессе. Позиция автора заключается в том, что ориентация воспитательной работы с курсантами на традиционные семейные ценности создаст прочную основу для эстетического развития, формирования навыков диалогического общения и конструктивного взаимодействия молодежи в поликультурном пространстве образовательной организации, семьи, общественной жизни.*

Ключевые слова: *эстетическое развитие курсантов, традиционные семейные ценности, конструктивное межэтническое взаимодействие, диалогическая коммуникация, межкультурное образование.*

Выбор этой темы обусловлен важностью и необходимостью привлечь особое внимание к эстетическому аспекту общения в семье (эстетику общения, взаимодействия и поведения). Особую остроту эта проблема имеет для семьи, члены которой являются людьми разных национальностей, сформировавшимися на основе культурных традиций своего народа. Анализ исследований по проблеме формирования культуры межнационального общения курсантов позволил сделать вывод, что работа в данном направлении предполагает формирование уважительного отношения ко всем участникам общения и взаимодействия, независимо от их национальной принадлежности (Е.Г. Лигновская, 2005). Это отношение должно быть основано на принципах диалогического общения и конструктивного взаимодействия, свободного от влияния культурных и этнических стереотипов. При этом общение и взаимодействие необходимо выстраивать учитывая особенности обычаев и традиций представителей различных культур и национальностей (Срибный В.Н., 2012). Формирование навыков диалогического общения и конструктивного взаимодействия молодых людей в поликультурном пространстве образовательной организации, семьи, общественной жизни может быть обеспечено ориентацией образовательного процесса (особенно воспитательной работы) на гуманистические идеалы, высокие нравственные общечеловеческие ценности равноправия, справедливости, сотрудничества представителей различных народов и культур (О.Б. Суханов, 2013).

В этой связи подчеркнем, что в сфере общения отражаются проявления эстетического отношения к любой деятельности в жизнедеятельности семьи, при котором эстетические критерии связаны теснейшим образом с нравственными. Красота поведения человека в семье отражает проявление доброжелательности, уважение к человеческому достоинству другого члена семьи (ребенка или взрослого), стремление к сотрудничеству. Эстетическое начало проявляется в культуре межличностного общения, способствует выстраиванию красивых отношений между членами семьи. Эстетические критерии в общении предполагают корректность и функциональную упорядоченность отношений в процессе жизнедеятельности семьи, благоприятный психологический климат. Эстетичность общения в семье проявляется в выборе оптимальных средств и способов коммуникации, культуре выражения чувств и

эмоциональных состояний, отражении общечеловеческих ценностей и смыслов, в способности к самоконтролю (И.В. Курышева, 2011).

Проблема определения нравственных эталонов общения, отражающих коммуникативную культуру личности, находит отражение в трудах ученых в рамках философии, психологии, социологии, психолингвистики, этнографии, медицины, педагогики.

Любовь – одна из высших, истинных ценностей. Все гуманистические философии и религии сходятся в одном: нет ничего выше и прекраснее любви, лишь она способна дать людям счастье и свободу.

«Подлинная любовь – пишет Э. Фромм – это выражение созидательности, и она предполагает заботу, уважение, ответственность и знание… Любовь к кому-то – это сосредоточение и осуществление способности любить… Любовь к одному человеку предполагает любовь к человеку как таковому... Любовь к людям является не следствием, как часто полагают, а предпосылкой любви к какому-то определённому человеку. Из этого следует, что моё собственное «я» должно быть таким же объектом моей любви, как и другой человек». (Э. Фромм, 2017; с. 76-77). «…Нет ничего более способствующего привитию ребёнку опыта любви, радости и счастья, чем любовь к нему матери, которая любит себя» (Э. Фромм, 2017; с. 80). Э. Фромм подчёркивает необходимость учиться любви. Учиться самим и учить этому детей.

Любовь к себе – это прекрасный фундамент, на котором у ребёнка в семье со временем вырастет настоящая большая любовь к жизни и людям, а потом и гражданская совесть.

К. Роджерс отмечает, что каждому человеку свойственны две главные потребности: *потребность позитивного отношения*, которая удовлетворяется, когда ребенок испытывает одобрение и любовь со стороны окружающих, *потребность самоуважения*, которая развивается по мере удовлетворения первой (К. Роджерс, 2002).

С точки зрения К. Роджерса, основная задача родителей и педагогов — это создание условий для развития у ребенка чувства психологической защищенности и безопасности, уверенности в доброжелательности и уважении со стороны взрослых. В результате такого позитивного отношения, диалогического общения ребенка со взрослым происходит повышение самооценки ребенка, что способствует раскрытию его творческого потенциала (К. Роджерс, 2002).

Что значит любить себя и как молодого человека научить любить себя?

Любовь к себе основана на самоуважении, самопринятии. Это не проявление самолюбования, нарциссизма. Необходимо развивать у курсантов способность к самодиагностике, которая позволит адекватно оценить свои достоинства и недостатки, определить цели и программу своего развития. Это основа развития способности выстраивать красивые и гармоничные отношения в родительской семье; в будущем в собственной семье; в профессиональной деятельности; в общественной жизни.

Любовь к себе – это сохранение и укрепление своего здоровья, здоровья как единого целого.

В нашем понимании, *здоровье* – это совокупность оптимальных условий для развития человека в целом, оптимальный уровень его общего развития. Такие условия необходимо создавать в образовательной организации, в семье. При этом, роль семьи в сохранении и укреплении здоровья молодого человека трудно переоценить.

Основная цель семьи *сохранение и укрепление здоровья* всех ее членов. Здоровья как единого целого, в совокупности всех его компонентов: физического, интеллектуального, эмоционального, личностного, социального и духовного.

Физическое Здоровье. Преподавателям, кураторам, командирам необходимо способствовать созданию оптимальных условий для сохранения и укрепления своего здоровья и здоровья курсантов. Способствовать формированию здорового образа жизни (ЗОЖ) курсантов: создавать мотивацию ЗОЖ; давать знания как вести ЗОЖ; формировать умения и навыки ЗОЖ.

Интеллектуальное Здоровье. Предоставлять курсантам знания как сохранять и укреплять своё интеллектуальное здоровье. Способствовать развитию познавательных процессов, обучаемости, формированию познавательной активности.

Эмоциональное Здоровье. Предоставлять курсантам знания об отношении к самому себе и окружающим людям. Способствовать формированию умения курсантов выражать свои чувства в понятной для других форме. Способствовать формированию уверенного владения различными эмоциями и знание того, какие из них допустимы, а какие нет. Способствовать формированию позитивного эмоционального фона молодого человека.

Социальное Здоровье. Развивать у курсантов понимание, что действительно важно в отношениях с окружающими людьми. Развивать у курсантов навыки, которые помогают в общении с окружающими людьми. Формировать мотивацию конструктивного общения.

Личностное Здоровье. Способствовать развитию самосознания курсанта, осознания себя как личности, развитие самоуважения, самопринятия себя, стремление личности к самореализации. Предоставлять возможности для самореализации личности курсанта.

Духовное Здоровье. Способствовать формированию у курсантов системы ценностных ориентаций личности. Развивать способность избирать истинные, общечеловеческие ценности и действовать в соответствии с ними. Формировать и развивать духовные, эстетические потребности курсантов. Способствовать развитию творческого потенциала личности курсанта.

«Подлинная любовь - подчеркивает Э. Фромм - это выражение созидательности, и она предполагает заботу, уважение, ответственность и знание…» (Э. Фромм, 2017; с. 76)

Еще одной важной традиционной семейной ценностью является труд. Каждый член семьи должен трудиться для создания семейного благополучия. Это включает в себя выполнение определенных обязанностей всеми членами семьи, заботу каждого члена семьи о других. Красота семейных отношений проявляется в потребности каждого помочь другому, порадовать другого своим участием, заботой. Красота проявляется в осознанном принятии на себя своих обязанностей по дому. Благоприятно влияет на укрепление семейных отношений совместная трудовая деятельность, общие дела семьи. Совместными усилиями, дружной работой можно добиться высоких результатов. В этом процессе важно найти возможность посильного участия в общем деле для каждого члена семьи, маленького или большого.

В этой связи отметим формирующий потенциал красоты подвига. С позиций эстетико-семиотического подхода (И.В. Курышева, 2011) подвиг представляется как проявление шедевра человеческого поступка, поведения, труда. Знакомство с образцами подвига в произведениях искусства, примерах из жизни выдающихся людей поможет современному молодому человеку обрести высшие смыслы человеческого существования и деятельности.

Способность к жертвенному подвигу любви, нравственная сила и духовная красота представлена в женских образах романов И.С. Тургенева, источником которых является слияние истины, добра и красоты (Тао Ли, 2002).

Примеры материнского трудового подвига являются наиболее эффективными формами нравственного воспитания подрастающего поколения (И.Н. Федотова, 2000).

В русской литературе 40-х годов XIX века представлены примеры невидимых обществу подвигов, которые способен совершать простой человек в своей маленькой, незаметной жизни. Этот маленький простой человек является источником красоты (И.И. Глуховская, 1984). Такой подвиг совершает скромная, незаметная женщина - хозяйка Якова Петровича («Записки студента» Е.П. Гребенки).

В контексте данной статьи обратим внимание на важные семейные ценности: верность, преданность, честность. Прекрасен союз мужчины и женщины (мужа и жены), основанный на доверии, верности, честности.

В заключении отметим, что ведущим направлением развития человеческого общества третьего тысячелетия должно быть и будет духовное возрождение людей, раскрытие и развитие через духовность их способностей, одаренности и творчества. «Творчество – это красота» (Н. Рерих, 1990). Потребность в творчестве – это духовная потребность. Творческое отношение к своей жизни, учебно-профессиональной деятельности, взаимоотношениям с близкими людьми создаст основу духовному общению и развитию молодого человека. Красота традиционных семейных ценностей как ориентир в эстетическом развитии курсантов представляет образцы красоты мысли, красоты поступка, красоты чувств, взаимоотношений между людьми, внутреннего мира личности.

Литература

1. Курышева И.В. Музыкально-творческое развитие личности: эстетико-семиотический подход // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 3 (28).
2. Лигновская Е.В. Формирование опыта межкультурного взаимодействия у курсантов военного вуза: дис. … к. пед. н. - Кострома, 2005.
3. Рерих Н. Зажигайте сердца. - Москва, Молодая гвардия, 1990.
4. Роджерс К. Становление личности. 2002. 358 с.
5. Срибный В.Н. Факторы формирования культуры межнационального общения у будущих офицеров: дис. … канд. культурологии. Саратов, 2012.
6. Суханов О.Б. Профессиональная компетентность командиров военных вузов как фактор развития культуры межнационального общения курсантов: дис. … канд. пед. н. Москва, 2013.
7. Фромм Э. Искусство любить: Исследование природы любви: пер. с англ. Москва, АСТ. 2017.

Семейные ценности пожилых родителей в условиях проживания в мегаполисе (результаты пилотажного социологическое исследования).

Шустикова Н.М., Воронова Л.Н., Сердакова К.Г.

Сеченовский Университет, Москва, Россия, Университет Синергия, Москва, Россия

NShustikova@senergy.ru, kiraserdakova@mail.ru, voronovaliya@gmail.com

Аннотация. *В статье представлены результаты эмпирического исследования пожилых людей, проживающих в большом городе и имеющих взрослых детей. На основании полученных данных была установлена иерархия ценностей, которая характерна для пожилого родителя в мегаполисе их роль в передаче традиционных семейных ценностей. Исследование показало, что современный пожилой родитель в мегаполисе, как правило, не*

одинок, активно участвуют в помощи другим членами семьи. Среди традиционных ценностей первостепенное значение имеют: семья, дружба и верность.

Ключевые слова: ценности, пожилые родители, семья, традиционные семейные ценности.

Представленные данные являются результатом проведения исследования, в рамках которого применялись следующие методы: социографический, статистический, анкетирование. В основу дизайна опроса легло аналогичное исследование, проведение ранее в Испании (Rivero, 2018; Gas, 2017). В исследовании был использован международный опросник «Солидарность поколений: пожилые родители и семейные связи» («Padres mayores, generaciones y solidaridad familiar. Un análisis multinivel del caso español»), и применена методология исследования, принятая в международном сообществе для этого опросника. В опросе участвовало 336 человек возраста 65-74 лет, проживающих постоянно в городе Москве.

В последние годы в обществе все более возрастает озабоченность состоянием института семьи, осознается необходимость глобальных решений по его укреплению. Семья является одним из главных социальных институтов общества, поэтому все изменения, происходящие в современном обществе, оказывают на неё существенное влияние (Парфенова О.А., Петухова И. С., 2019). В данном исследовании проводился анализ состава семьи пожилого человека, наличие детей и внуков, совместное проживание представителей нескольких поколений под одной крышей, а также вовлеченность пожилого родителя в уход за родными и близкими, исследовалась система ценностей пожилого человека и его способность формировать и передавать младшему поколению семейные ценности (Сердакова К.Г., Шустикова Н.М. и соавт., 2020).

Большинство пожилых родителей относятся к категории малодетных родителей, в отличии от своих многодетных родителей. Из числа состоящих в браке пожилых родителей большинство тех, кто проживает совместно со своими детьми и совершеннолетними внуками (74,3%), у небольшого количества опрошенных живы их родители и родители их супругов. Модель совместного проживания нескольких поколений под одной крышей, характерная для российских семей постсоветского периода, остается актуальной и на сегодняшний день. Совместное проживание позволяет членам одной семьи перераспределять обязанности и ресурсы по экономическому обеспечению, воспитанию детей, ведению домашнего хозяйства, оказанию различных видов поддержки, включая социальную, медицинскую, психологическую. Данная форма крайне важна для формирования солид**ар**ности и передаче семейных ценностей из поколения в поколение.

При опросе респондентам предлагалось оценить степень значимости традиционных ценностей. Проведенный анализ показал, что самой высокой значимостью для пожилых родителе в мегаполисе обладает – семья (3,8±03), на втором месте находится - дружба (3,7±0,4), на третьем – верность (3,6±0,5). Как важная составляющая социального взаимодействия, высокую оценку получили слаженность, ответственность, уважение по отношению к другим, свобода, солидарность, уважение к окружающей среде и сохранение местного языка и культуры.

Мене важными, по мнению респондентов, оказались такие ценностные категории как деньги - 2,9±0,7, учеба - 2,7±0,8, религия - 2,5±0,9, политика - 2,3±0,9, секс -1,8±0,9 и власть 1,8±0,9.

Для пожилых родителе**й** поддержание ценности семьи опирается на взаимное доверие, так большинство респондентов доверяют членам своей семьи (77,4%), могут положиться на них - 82%, свободно могут высказывать свои мысли – 41%, обмениваться ценными предметами – 27%. Согласились с тем, что если кто-то в семье предлагает помощь другим, он может рассчитывать на помощь в ответ (73%), большинство (89,4%) респондентов, утверждают, что, если у кого-то возникают проблемы, он может попросить помощи у других. На моральную поддержку в своих семьях могут рассчитывать (72%) опрошенных. При этом

(86,6%) могут не только давать, но и готовы принимать советы других членов семьи в сложной жизненной ситуации.

При оценке сотрудничества было установлено, в первую очередь члены семьи объединяют свои усилия ради будущего своих детей, заботясь о том, чтобы они получили образование (90,8%). К совместному принятию решений склонны (82% респондентов. Возникающие проблемы решают всей семьей сообща (72%). Считают, что каждый из членов семьи имеет право высказать свое мнение (80,6%). Склонны разделять обязанности по дому и помогать друг другу в повседневной жизни (77%) опрошенных.

Большинство пожилых родителей стремятся сохранить свою независимость и быть полезными и близкими для своих детей и членов их семьи (82%). В основном это пожилые женщины, которые оказывают дополнительную помощь членам семьи от случая к случаю при возникновении необходимости. Половина опрошенных приняла решение заботиться о близких самостоятельно, треть это сделала после согласования и совместного обсуждения с другими членами семьи. Однако, нами выделена и такая группа респондентов (18%), для которых забота о близких вынужденный шаг в силу определённых обстоятельств.

Каждый второй пожилой родитель уверен в том, что обязательно должны давать только самое лучшее своим детям, и готов жертвовать собой (в основном это женщины). Интересен факт, что треть респондентов (36,6%) уверены, что родители имеют право на свою жизнь и не должны идти на чрезмерные жертвы ради детей. Напротив, более половины пожилых родителей, считают, что их взрослые дети имеют свою жизнь и не должны идти на чрезмерные жертвы ради родителей (54,5%).

Около трети пожилых родителей считают, что взрослые дети обязаны оказывать помощь престарелым родителям, даже если это требует больших жертв с их стороны (вопреки всем обстоятельствам). В основном, так считают женщины, которые, в свою очередь, сами готовы были идти на жертвы ради детей.

Пожилые люди не хотят стать обузой для родственников и поэтому не просят их **о** помощи. При этом, если требуется помощь, то они чаще и охотнее принимает ее от дочерей (34,38%) и зятьев (18,75%), реже от сыновей (12,5%) и их жен (9,38 %). В свою очередь пожилые матери, чаще готовы заботиться о своих сыновьях и их семьях.

Пожилые родители традиционно являются хранителями истории семьи, участвуют в формировании взаимосвязей между поколений. Большинство респондентов (68%) утверждают, что все их дети знают о своих бабушках и дедушках, 45% знают о своих прадедушках и прабабушках. Взрослые дети оказались более информированы о истории ближайших двух поколений своей семьи. Только четверть респондентов указала на то, что никто из их детей не знает историю жизни своих прадедов.

Транслирование ценности семьи имеет важное значение не только для отдельных членов, но и для всей семьи, как социальной группы. Пожилые люди в этом процессе выступают связующим звеном между своими родителями и внуками. По их мнению, из поколения в поколение ценность семьи не только не теряет свое значение, но и усиливается. Так, наиболее значимые различия были установлены между группами «пожилые родители» и «внуки» (U-критерию Mann-Whitney, который используется для обнаружения достоверных различий в независимых группах (при $p < 0,05$)), при сравнении ценности семьи у пожилых респондентов и их родителей не установлено значимых различений (при $p < 0,05$)).

Таким образом, современный пожилой родитель - житель мегаполиса, чаще всего, проживает с еще 2-3 людьми, которые являются их супругом(ой), а также своими детьми, более редко - внуками. Респонденты отмечают, что семейные связи и хорошие отношения в семье чрезвычайно важны для них. Они воспринимаются как залог долголетия. Пожилые члены семей активно участвуют в заботе о родственниках, как правило, это забота о пожилом поколении – супругах, братьях и сестрах (около половины всех пожилых), и внуках (порядка 65% выборки), особенно активное участие в этом принимают пожилые женщины.

Пожилые родители осуществляют множество функций и задач, среди которых: способность передавать моральные, этические и семейные ценности потомкам, формировать способность осуществлять семейную поддержку в различных сферах жизни, хранить семейные традиции. Среди традиционных ценностей наиболее высоко ценят семью, дружбу, верность.

На наш взгляд, представляется крайне важным, создать условия для укрепления и развития семейных связей, а также разработать и внедрить социально-психологические технологии поддержания семей пожилых родителей, проживающих в мегаполисе.

Литературы

1. База данных Росстат. Старшее поколение: демографические показатели 2018 г., URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13877 (дата обращения: 20.08.2020).
2. Парфенова О.А., Петухова И.С. Конкуренция за заботу о пожилых: тактики социальных сервисов в новых условиях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4 (152). С. 173-186.
3. Сердакова К.Г., Шустикова Н.М., Садовникова Т.Ю., Сердакова А.Д. Семья как ре-сурс в формировании и реализации здорового образа жизни в пожилом возрасте // Теория и практика физической культуры. 2020. № 5. С. 23-25.
4. Cavallotti R., Grau-Grau M., Marimon, F., & Gas-Aixendri, M. Design and validation of a measurement scale of intergenerational family solidarity // Testing, Psychometrics, Methodolo-gy in Applied Psychology, 2017, Vol. 24, pp. 107-125, DOI: 10.4473/TPM24.1.7
5. Donati P. Intergenerational Solidarity: Old and New Scenarios, Challenges and Prospects // Sustainable Humanity, Sustainable Nature, Our Responsibility. Proceedings of the Pontifical Academy of Sciences / Pontifical Academy of Social Sciences Tenth Plenary Session (Vatican City, 2-6 May 2014). Vatican City: The Pontifical Academyof Sciences, 2015. P. 569-613.
6. Donati P.Sociologiadellarelazione. Bologna: Il Mulino, 2013. 183 p.
7. Gas A.M. Tutelare la formazione del vincolofamiliare: Apertura allaverità e fede di fronteallavalidità del matrimonio // Ius Ecclesiae. 2017. Vol. 29. № 2. P. 475-489. DOI: 10.19272/201708602009.
8. Rivero Z. B; Gas A. M. The Family as a Resource of Intergenerational Soli-darity Relations. Specific Applications for Ageing Societies: The Case of Spain // Logos et Prax-is. 2018. Vol. 17. № 4. P. 95-109/ DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2018.4.11.
9. Scabini E., Rossi G. L'allungamentodella vita. Una risorsa per la famiglia, un'opportunità per la società. Milano: Vita e Pensiero, 2016. 336 p.

ПСИХОЛОГИЯ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Взаимосвязь особенностей романтической привязанности с типами любви у людей, состоящих в романтических отношениях

А.Т. Абидова

Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г.Ташкент.

alinashagivalievaa27@gmail.com

Аннотация. *В ходе работы в было проведено сравнение характеристик особенностей романтической привязанности и типов любви, исходя из фактора пола. Были выявлены взаимосвязи особенностей романтической привязанности с типами любви. В частности, по результатам нашего исследования было выявлено, что реализуемость романтической привязанности все же связана с определенным типом любви.*

Ключевые понятия: *романтическая привязанность, типы любви, романтические отношения.*

Романтическая привязанность является одной из основных составляющих романтических отношений и явлений личной сферы. Романтическая привязанность — это особая форма эмоциональной и психологической связи между партнерами, которая базируется на взаимной привлекательности, уважении и влечении (C. Hazan & P. Shaver, 1987). Таким образом, данный вид привязанности направлен на создание близких и интимных отношений, включает в себя взаимное понимание и поддержку, а также стремление к совместному развитию и обогащению отношений. Также важно отметить, что семейный и социокультурный контекст оказывают значительное влияние на формирование романтической привязанности уже во взрослом возрасте. Опыт в семейных отношениях, структура семьи, и ценности, принятые в обществе, формируют представления индивида о том, какими должны быть идеальные отношения. Культурные нормы и ожидания могут оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на формирование романтической привязанности (Л.А. Крейг и А.Д. Мартин, 2006).

Любовь — это сложная и многогранная эмоциональная и психологическая составляющая в жизни человека. В контексте романтических отношений, любовь обычно описывается как глубокая привязанность, влечение и взаимопонимание между двумя людьми (H. Fisher, 2005). На основе этого можно говорить о том, что, любовь может быть чрезвычайно положительной и способной украсить нашу жизнь, также она может оказывать значительное влияние на романтические отношения. Романтические отношения могут включать в себя комплексные эмоциональные и психологические аспекты, которые могут иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Например, нездоровая привязанность по отношению к своему партнеру, может привести к сильной эмоциональной зависимости. Впоследствии чего, партнеры могут стать эмоционально зависимыми друг от друга, что может привести к ограничению свободы и их личной независимости. В работе К. Левина говориться о том, что любовь предполагает именно положительную оценку значительной интенсивности. Любовь не просто существует, она побуждает к действиям, направленным на сближение с объектом желаний и чувств (К. Левин, 2000). Таким образом, любовь может способствовать эмоциональному благополучию, предоставляя чувство безопасности и удовлетворения.

Целью исследования стало, определение взаимосвязи романтической привязанности с типами любви у людей, состоящих в романтических отношениях.

Методики исследования: «Мульти-опросник измерения романтической привязанности у взрослых (ОРПВ)» (К.А. Бреннан и Ф.Р. Шейвер, в адаптации Т. Л. Крюковой, О. А. Екимчик) и «Методика диагностики психологических типов любви» (автор С.В. Фролова). Выборку исследования составили 120 респондентов: 60 мужчин и 60 женщин в возрасте от 18 до 25 лет, состоящие в романтических отношениях. Из них, 59 человек, воспитывались в полной родительской семье, а 61 в неполной родительской семье.

Основной гипотезой нашего исследования было предположение о том, что существует наличие взаимосвязи особенностей романтической привязанности с типами любви. Для проверки данной гипотезы нами использовался непараметрический критерий Спирмена. По результатам корреляционного анализа, были выявлены взаимосвязи, а именно, что при увеличении параметра романтической привязанности – «Срастание с партнером» повышается выраженность типа любви – «Мания или любовь – одержимость» ($r=0,328^{**}$; $p=0,000$). Также удалось выявить, что что при увеличении параметра романтической

привязанности – «Доверие» повышается выраженность типа любви – «Агапе или альтруистическая любовь» (r=0,338**; p=0,000). При выраженном типе любви Эрос или страстная любовь, повышаются характеристики романтической привязанности, такие как «Стремление к сближению» и «Доверие» (r_1=0,578**; p_1=0,000, r_2=0,193*; p_2=0,035). Однако, важно отметить, что при повышении выраженности типа любви Эрос или страстная любовь, характеристика романтической привязанности – «Амбивалентность» (r=-0,293**; p=0,001) снижается. При выражении типа любви Людус или гедонистическая любовь, повышается характеристика романтической привязанности, такая как «Доверие» (r=-0,217*; p=0,017). Проявление типа любви Сторге или любовь – дружба, отмечается повышение характеристики романтической привязанности, такая как «Стремление к сближению» (r=-0,604**; p=0,000). Однако, важно отметить, что при повышении выраженности типа любви Сторге или любовь – дружба, характеристики романтической привязанности, такие как «Фрустрация», «Амбивалентность» и «Срастание с партнером» (r_1=-0,377**; p_1=0,000, r_2=-0,275*; p_2=0,002, r_3=-0,223*; p_3=0,002) снижаются. Выражение такого типа любви как, Прагма или прагматическая любовь, повышаются характеристики романтической привязанности, такие как «Самоподдержка» и «Доверие» (r_1=0,246**; p_1=0,007, r_2=0,302**; p_2=0,001). С повышением выраженности типа любви Мания или любовь – одержимость, повышаются характеристики романтической привязанности, такие как «Фрустрация» и «Ревность» и «Срастание с партнером» (r_1=0,456**; p_1=0,000, r_2=0,401*; p_2=0,000, r_3=0,328**; p_3=0,000). Отмечается, что при выраженном типе любви Агапе или альтруистическая любовь, повышается характеристика романтической привязанности – «Стремление к сближению» (r=0,530**; p=0,000). На основе полученных результатов удалось выявить, что типы любви оказываются взаимосвязанными с особенностями романтической привязанности. Полученные результаты подчеркивают, насколько динамика романтических отношений зависит от специфики привязанности.

Исследование в области взаимосвязи романтической привязанности с типами любви, может способствовать разработке эффективных методов помощи и поддержки для людей, переживающих кризисы в романтических отношениях. Также, исследование может способствовать осведомленности об эмоциональных и психологических аспектах романтических отношений. Результаты в области данного исследования могут стать отправной точкой для новых исследований, которые углубят понимание в данных аспектах романтических отношений.

Литература

1. Крейг Л. А., и Мартин А. Д. "Контекст семейных отношений и стабильность романтических отношений в ранней взрослости." Журнал семейной психологии, том 20, выпуск 2, 2006, стр. 183-191.

2. Левин К. Теория поля в социальных науках: Пер с англ. - Спб.: Сенсор, 2000. – 368 с.

3. Fisher, H. "Love in the Modern World." Journal of Psychology Research, 2005, pp. 89-104.

4. Hazan, C., & Shaver, P. "Attachment and Romantic Love." Journal of Personality and Social Psychology, 1987, pp. 511-524

Типы любви, ожидания и притязания в браке у девушек с разными типами Я-концепции в юности и ранней молодости

М.А. Алыева

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия
alyevamaya@mail.ru

Аннотация. *В исследовании изучены особенности Я-концепции девушек в период юности и ранней молодости. Показана вариативность Я-концепции. Выделены общие черты в представлениях девушек о браке: низкая значимость сексуальных отношений, высокие ожидания от супруга особенно в сфере быта, родительства и эмоционального климата в семье, по сравнению с притязаниями; стремление девушек к карьере и вовлечению в социальную жизнь; доминирующий тип любви – «эро»с, самая низкая выраженность – «Людус».*

Представления о браке у девушек с разными типами Я-концепции различаются по ценности общих интересов с супругом, заинтересованности в социальном взаимодействии, типам любви в браке: различия в типах любви «мания», «эрос» и «агапэ».

Ключевые слова: *Я-концепция, брачные отношения, межличностные отношения, независимая Я-концепция, коллективная Я-концепция, родственная Я-концепция.*

Важные задачи юношеского возраста и периода ранней молодости - построение Я-концепции, поиск брачного партнера и подготовка к семейной жизни (R. J. Havighurst, 1972). Взросление разворачивается в условиях социальной неопределенности и транзитивности общества (Марцинковская Т.Д., Полева Н.С., 2017), «разорванной коммуникации» (Карабанова О.А., 2020), трансформации бытовой сферы, семейных отношений и ценностей. Изучение представлений о будущем приобретают особую значимость (Асмолов А.Г., Гусельцева М.С., 2019).

Ориентир для благополучного брака - представления о брачных отношениях. Проблема актуальна в связи со снижением демографического показателя в России.

Особенностью современного постсоветского общества является большое культурное разнообразие. Культура влияет на различные аспекты Я-концепции (Лебедева Н.В., Васильева Е.Д., 2023).

В психологии межкультурных различий H.R. Markus, S. Kitayama предложена модель типов Я-концепции: личность с коллективной Я-концепцией при построении образа себя опирается на взаимоотношения с социумом. Человек с родственной Я-концепцией описывает себя через близкие отношения. Человек с независимой Я-концепцией опирается на свои внутренние черты, демонстрируя собственную уникальность, как важную основу представлений о себе. (Дорошева Е.А., Князев Г.Г., Корниенко О.С., 2016). Я-концепция интегрирует в себе все отношения и является ценностно-смысловым центром пространства жизни личности (Иващенко А.В., Агапов В.С., Барышникова И.В., 2002; Шаров А.С.,2021), который участвует в межличностных отношениях. Мы полагаем, что Я-концепция связана с типами любви, ожиданиями и притязаниями в браке.

Цель исследования: изучение типов любви, ролевых ожиданий и притязаний в потенциальных брачных отношениях у девушек с разными типами Я-концепции в период юности и ранней молодости.

Объект: типы любви, ролевые ожидания и притязания в потенциальных брачных отношениях.

Предмет: типы любви, ролевые ожидания и притязания в потенциальных брачных отношениях у девушек в период юности и ранней молодости в связи с особенностями Я-концепции.

Гипотеза: Я-концепция выступает условием формирования представления о брачных отношениях у девушек в период юности и ранней молодости

Выборка: 57 человек, девушки (17-27 лет).

Методики:

1) Опросники «Родственная Я-концепция», «Коллективная» и «Независимая» Я-концепция (Дорошева Е.А., Князев Г.Г., Корниенко О.С., 2016).

2) Методика «Ролевые ожидания и притязания в браке» (Волкова А.Н.,1985; Лидерс А.Г., 2006).

3) Опросник «Установки на любовь и секс («Цвета любви»)» - Attitudes About Love and Sex ("Colors of Love») (Екимчик О.А., 2009).

Для изучения возрастных особенностей Я-концепции и брачных отношений, выборка была поделена на две группы: девушки в период юности (17-21 год) и девушки в период ранней молодости (22-27 лет).

Изучение Я-концепции девушек в период юности и ранней молодости.

Возрастных различий Я-концепции у девушек не выявлено. Наиболее выраженное измерение Я-концепции - «Независимая Я-концепция» - значимость самостоятельности, опоры на себя при построении образа себя. Самую низкую выраженность имеет показатель «Коллективная Я-концепция». Для современных девушек включенность в социальные группы не является важным условием формирования представлений о себе.

Ролевые ожидания и притязания в браке у девушек в юности и ранней молодости.

Во всей выборке обнаружена низкая значимость сексуальных отношений в браке.

У девушек ожидания от партнера (партнер должен быть привлекателен внешне, быть включен в воспитание детей и в реализацию хозяйственно-бытовой функции семьи) выше, чем притязания по всем шкалам, кроме шкалы «шкала социальной активности»: девушки хотят вести активную социальную жизнь, находясь в браке. Девушки ожидают, что супруг возьмет на себя функции регуляции психологического климата в семье.

Типы любви у девушек в юности и ранней молодости.

У девушек в период юности и ранней молодости самый выраженный тип любви - «эрос». «Эрос» больше связан с сексуальностью, чем остальные типы любви, но ценность сексуальных отношений в браке остается на низком уровне.

Наименьшая выраженность выявлена у типа любви «Людус» (легкомысленная любовь, наличие нескольких партнеров).

Вариативность Я-концепции.

Методом кластерного анализа были выделены три группы девушек с разными типами Я-концепции. Группа «дистантные» - девушки с преобладающим измерением «Независимая Я-концепция»: опираются на свою автономность, самостоятельность и индивидуальность при

построении образа себя. Группа «вовлеченные» - девушки с преобладающими измерениями «коллективная Я-концепция» и «родственная Я-концепция»: близкие отношения и включенность в социальную группу являются главными критериями построения представлений о себе. Группа «благополучные» - с выраженными измерениями «независимая Я-концепция» и «родственная Я-концепция». При построении образа себя опираются на близкие семейные отношения и на свою индивидуальность и автономность..

Ролевые ожидания и притязания в браке у девушек с разными типами Я-концепции.

Девушки каждой группы ожидают от партнера готовности к воспитанию детей и активного решения бытовых вопросов, при этом относительно себя эти требования выражены значимо ниже.

У девушек из группы «дистантные» показатели по шкале «личностная идентификация с супругом» значимо ниже, чем у других групп. Общность интересов, ценностей и потребностей с супругом не являются важными в брачных отношениях.

Девушки из группы «благополучные» показали значимо высокие значения (чем девушки из группы «вовлеченные») по шкале «шкала социальной активности».

Для девушек из группы «вовлеченные» важно наличие у супруга профессиональных интересов, его вовлеченность в социальные группы и участие в создании благоприятного климата в семье.

Типы любви в брачных отношениях у девушек в связи с особенностями Я-концепции.

Группа «дистантные»: выраженность «эрос», «мания» и «агапэ» значимо ниже, чем у других групп (критерий Манна-Уитни, $p<0.05$). Девушкам данной группы не свойственна потребность в постоянной близости с партнером.

Девушки из группы «благополучные» обладают самой большой выраженностью типа любви «эрос».

Девушки из группы «вовлеченные» значимо больше, чем респонденты других групп, склонны к типам любви «мания» и «агапэ», что говорит о значимости партнера в их жизни и готовности жертвовать собой ради партнера.

Выводы:

1) Изучены особенности Я-концепции в период юности и ранней молодости. Показано, что современные девушки при построении образа себя в большей мере опираются на свою индивидуальность, а не на включенность в социальные группы.
2) Девушки в период юности и ранней молодости предъявляют больше требований и ожиданий от партнера по браку, чем от себя.
3) Ролевые ожидания и притязания в потенциальном брачном союзе связаны с Я-концепцией современных девушек, однако наблюдаются и общие тенденции – сложности с готовностью к материнству и ведению общего семейного быта. Современные девушки больше вовлечены в построение своей карьеры и в насыщенную социальную жизнь. Данный факт требует дальнейшего изучения и разработки программ профилактической работы с девушками для развития готовности к принятию роли матери и «сохранению домашнего очага».

4) Я-концепция определяет ценностное отношение к партнеру. Тип любви как ценностного отношения с партнером связан с особенностями Я-концепции.

Литература

1. Гусельцева М.С., Асмолов А.Г. Растущий человек в антропологической перспективе: от депривации образов будущего к рождению свободы // Мир психологии. — 2019. — № 4. — С. 11–25.
2. Дорошева Е.А., Князев Г.Г., Корниенко О.С., Валидизация русскоязычных версий двух вопросников Я-концепции// Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 3. с.99–112.
3. Екимчик О.А. Когнитивный и эмоциональный компоненты любви у людей разного возраста Автореф… дис. кан. наук. – М.: 2009. – 28 с.
4. Иващенко, А.В., Агапов В.С., Барышникова И.В. Проблемы Я-концепции личности в отечественной психологии// Мир психологии : научно-методический журнал. 2002. №2. с. 17–30
5. Карабанова О.А. Риски информационной социализации как проявление кризиса современного детства // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. No 3. С. 4–22.
6. Лебедева Н.В., Васильева Е.Д. Кросс-культурное исследование особенностей самооценки студентов// Психолого-педагогические исследования. 2023. Том 15. No 1. С. 3–20.
7. Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир психологии. 2017. № 1 (89). С. 24-37.
8. Шаров А.С. Я-концепция как механизм собирания себя//Горизонты образования: материалы II Международной научно-практической конференции. 2021. С.36–40.

Несимметричность взаимообратных зависимостей в семейной психологии

М.М. Басимов
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва, Россия
basimov_@mail.ru

Аннотация. *Рассмотрена проблема типичного проявления в психологических исследованиях несимметричности сильных простейших нелинейных связей, когда зависимость Y(X) является сильной, а зависимость X(Y) значительно более слабой. Это отличает нелинейные связи от линейных, которые всегда симметричные. Представлены две взаимообратные зависимости на примере двух переменных: «Частная самооценка ребенка (прогноз оценки родителя)» и «Нетребовательность – требовательность».*

Ключевые слова: *частная самооценка ребенка, нетребовательность – требовательность, коэффициент корреляции, коэффициент силы связи*

Рассмотрим результаты изучения статистических связей с привлечением данных, полученных Е.А. Падуриной в рамках исследования (выборка n=140) семейных детско-

родительских отношений (Падурина, 2008). Для изучении статистических связей использовался авторский метод М.М. Басимова, когда наряду с линейными связями выявляются и простейшие нелинейные зависимости любой формы (Басимов, 2011), что позволяет лучше понять такой сложный психологический предмет исследования, как родительство.

Рассматривая многочисленные исследования по семейной психологии (цитирования смотрите в статьях) можно отметить, что причинно-следственные связи в рамках этой тематики в подавляющем большинстве не вписываются в линейные модели, хотя психологическое сообщество в подавляющем своем большинстве по-прежнему пытается опираться на линейные модели, придумав что «значимая» (ненулевая корреляция со звездочками), а не сильная корреляция для значительной выборки (100 и более) является достаточной, чтобы говорить о содержательности результата. А таких «значимых» корреляций всегда набирается порядка трети от всех пар переменных, и значит даже при отсутствии сильных корреляций, у автора есть «богатый» выбор для написания статей и диссертаций. При этом часто в диссертациях авторы, перечисляя «значимые» корреляции, не делают их разделение по силе, когда в одном списке присутствуют как сильные, так и слабые корреляции, и не важно, что 0.24 и 0.90 – это принципиально не одно и тоже.

Когда уходим от линейных моделей в таинственный мир нелинейности, то обнаруживаем, что чаще всего сильные простейшие нелинейные зависимости являются несимметричными, т.е. когда зависимость Y(X) сильная, а обратная ей зависимость X(Y) слабая.

Чтобы наглядно продемонстрировать несимметричность зависимостей далеких от линейных, рассмотрим две взаимообратные зависимости на примере двух переменных: «Частная самооценка ребенка (прогноз оценки родителя)» (Y) и «Нетребовательность – требовательность» (X), линейная корреляция между которыми r=0.09. Для этого рассмотрим графики этих двух зависимостей: с одной стороны, зависимость Y(X) переменной «Частная самооценка ребенка (прогноз оценки родителя)» от переменной «Нетребовательность – требовательность» с коэффициентом силы связи SV=0.72 (сильная зависимость, синий график), а с другой стороны зависимость X(Y) переменной «Нетребовательность – требовательность» (X) от переменной «Частная самооценка ребенка (прогноз оценки родителя)» с коэффициентом силы связи SV’=0.10 (очень слабая зависимость, красный график).

В зависимости переменной «Частная самооценка ребенка (прогноз оценки родителя)» (Y) от переменной «Нетребовательность – требовательность» (X) зависимая переменная вначале резко возрастает с -2128 до +5971 по шкале сравнительной весомости при переходе с 1 кварты (9-13 баллов по шкале теста) на 2 кварту (14-15 баллов по шкале теста) и на 3 кварту (16 баллов по шкале теста) независимой переменной. После чего наблюдается резкий спад с +5971 (3 кварта) до -346 (4 кварта: 17-21 баллов по шкале теста). Графики представлены на рисунке 1.

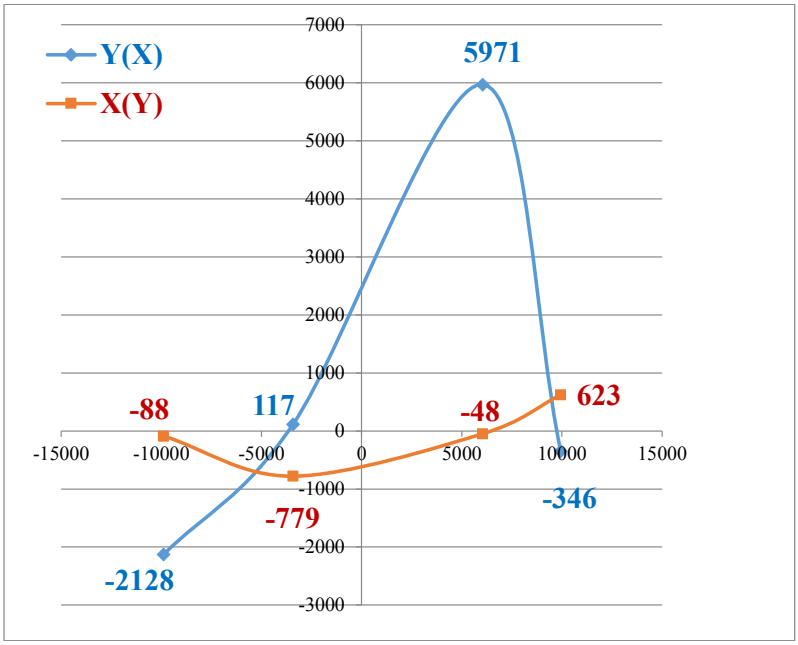

Рис. 1. Зависимости переменных (сравнительные весомости):
1) «Частная самооценка ребенка (прогноз оценки родителя)» (Y)
от «Нетребовательность – требовательность» (X);
2) «Нетребовательность – требовательность» (X) от
«Частная самооценка ребенка (прогноз оценки родителя)» (Y)

Кварты	1	2	3	4
X	9-13	14-15	16	17-21
VES(Y)	-2128	+117	+5971	-346
Y	1-2	3-4	5-6	7
VES(X)	-88	-779	-48	+623

Таким образом, рост оценивания ребенком себя, своих достижений в какой-либо деятельности (общение, взаимодействие с родителями) с точки зрения родителей с 1 по 3 кварту (с 9 до 16 баллов) крайне положительно влияет «на уровень требовательности родителя, который проявляется во взаимодействии родителя с ребенком. Чем выше самооценка ребенка, тем более требователен родитель, тем больше ожидает он высокого уровня ответственности от ребенка. Но все это происходит до определенного предела, и когда самооценка ребенка в глазах родителей становится высокой (4 кварта) происходит обратный эффект, когда родительская требовательность резко падает до значений примерно 2 кварты по шкале самооценки.

Непропорциональность независимой переменной по квартам связана с тем, что деление на кварты при равном или почти равном разбиении данных по количеству объектов, совсем иначе разбивает интервал независимой переменной, при котором отдельные отрезки, соответствующие той или иной кварте, могут сильно отличаться по длине интервала значений переменной. Поэтому для большей точности используются по оси независимой переменной сравнительные весомости этой переменной для кварт, определенных по той же переменной.

Но когда приходится демонстрировать в рамках одного графика разные зависимости, приходится в качестве значений независимой переменной брать сравнительные весомости одной из переменных, что не приводит к особому искажению картины, т.к. интервалы

монотонного изменения сравнительных весомостей примерно одинаковые, они соответствуют величинам аналогов в новом измерении единичных корреляций.

Если перейдем по оси независимой переменной к порядковым значения кварт (1, 2, 3, 4) принципиально графическая картина также не изменится, хотя и станет менее точной (рис. 2).

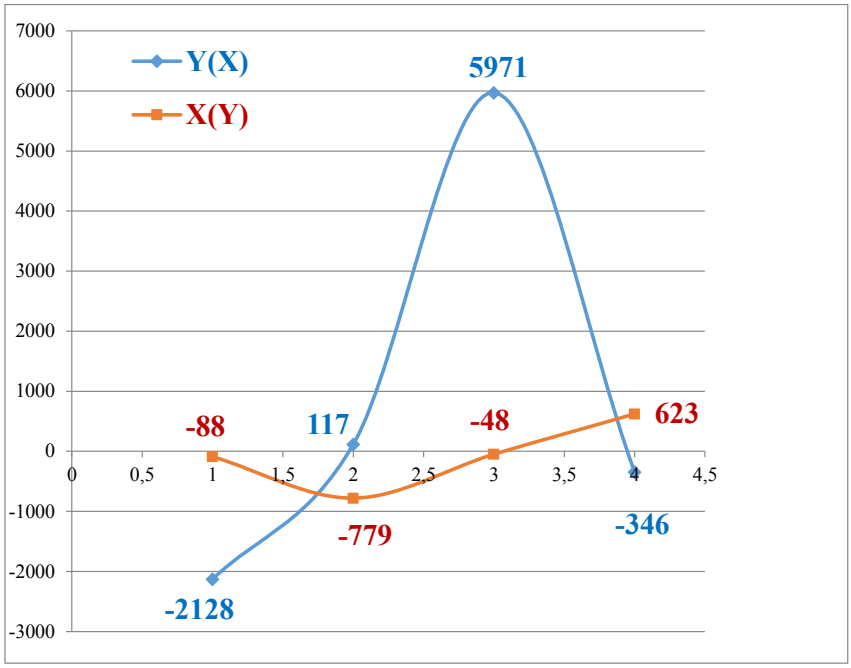

Рис. 2. Зависимости параметров (сравнительные весомости):
1) «Частная самооценка ребенка (прогноз оценки родителя)» (Y) от «Нетребовательность – требовательность» (X);
2) «Нетребовательность – требовательность» (X) от «Частная самооценка ребенка (прогноз оценки родителя)» (Y)

Кроме того, демонстрация использования искусственной порядковой шкалы по горизонтальной оси в виде номеров кварт (1-4) делается для того, чтобы не было вопросов по поводу использования аналогов единичной корреляции для X, а не Y.

Таким образом, переходя к описанию реальной картины в семейной психологии, которая по преимуществу нелинейная по своей природе, несимметричность связи при признании ее как неслучайной и содержательной позволяет определять из двух переменных одну как причину, а другую как следствие. И значит, что является причиной, а что следствием, это не просто пожелание исследователя как ему кажется или, что ему выгодней, а математически зафиксированный факт, требующий содержательной психологической интерпретации.

Литература

1. Падурина Е.А. Развитие позитивных родительских чувств как фактор коррекции самооценки дошкольников: диссертация ... кандидата психологических наук. – Екатеринбург, 2008. – 231 с.

2. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods): Monograph. – Germany, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing. – 2011. – 185 p.

Образы старшего брата и романтического партнера у девушек 18-25 лет

Е.С. Рябокуль, М.В. Булыгина
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
riabokul@yandex.ru; buluginav@mgppu.ru

Аннотация. *В исследовании рассматривается взаимосвязь образов старшего брата и романтического партнера у незамужних девушек 18-25 лет, состоящих в стабильных романтических отношениях не менее года. Описания брата и романтического партнера, как и особенности общения с романтическим партнером анализировались в контексте эмоциональной близости сиблинговых отношений. Показано, что отношения девушек с романтическим партнером и образ романтического партнера связаны с характером взаимодействия со старшим братом.*

Ключевые слова: *сиблинговые отношения, романтический партнер, ранняя взрослость*

Вовлеченность в романтические отношения одна из важных особенностей периода ранней взрослости. Вопросы о выборе романтического партнера и факторах, которыми определятся данный выбор, нередко поднимаются в психологических исследованиях (Дубровина И.В., 2015; Екимчик О.А., Опекина Т.П., 2022; Цветкова Н.А., Макарова Е.Ю., 2014). Наиболее часто рассматривается связь романтических отношений с особенностями детско-родительского взаимодействия. Однако, сиблинговые отношения также являются значимыми как для личностного развития человека, так и для его представлений о мире и о других людях.

Отношения братьев/сестер динамичны, изменчивы, эмоционально заряжены, характеризуются рядом особенностей, от которых зависит степень близости, привязанности и поддержки (Булыгина М.В., 2021). К моменту окончания подросткового возраста отношения между уже взрослыми сиблингами, как правило, выравниваются, снижается уровень конкуренции между ними, однако наличие доверия и поддержки во многом зависит от их детского опыта взаимодействия (Алмазова О.В., 2013; Лукьянченко Н.В., 2010). Тем не менее, роль старшего брата по отношению к сестре – это особая позиция, связанная с стереотипом защитника и опоры. Кроме того, авторитет старшего сиблинга иногда превосходит авторитет родителей, а у младших формируется к ним стойкая привязанность. Так же есть данные о том, что при эмоционально теплых, неконфликтных сиблинговых отношениях образ друга коррелирует с образом сиблинга, однако друг периодически проверяется на соответствие определенным ожиданиям (Алмазова О.В., 2013).

В работе исследовалась связь образа старшего брата и образа романтического партнера у девушек 18-25 лет. Выборка состояла из 48 девушек, имеющих старшего брата и состоявших в романтических отношениях с партнером не меньше 1 года. Для решения исследовательских задач применялись методики: Социально-демографическая анкета; «Диагностика сиблингового общения» (в модификации М.В. Кравцовой); «Диагностика супружеского общения» (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская); Модификация методик 20 утверждений «Кто я» М. Куна, Т. Мак-Партленда: «Кто мой брат» и «Кто мой партнер»; «Незаконченные предложения» (в модификации Т.А. Заеко). Результаты анализировались с помощью критерия Уилкоксона, критерия X^2-Пирсона, коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

При анализе результатов было выявлено, что у 33 девушек отношения со старшим братом эмоционально-теплые и близкие, а у 15 девушек отношения с сиблингом дистантные. Это позволило сравнить образ романтического партнера и отношения с романтическим партнером в указанных группах.

Результаты анализа:

Было выявлено отсутствие у девушек сходства образов романтического партнера и старшего брата. Оказалось, что старшие братья чаще всего воспринимаются девушками как авторитетные и поддерживающие фигуры, защитники и примеры для подражания. Романтический партнер чаще описывался девушками как объект восхищения, любящий понимающий, заботливый.

Обнаружились значимые различия в описании романтического партнера девушками с разными сиблинговыми отношениями. У девушек, имеющих близкие отношения со старшим братом, образ романтического партнера предстает более добрым, внимательным, харизматичным, ответственным и целеустремленным, а у девушек с дистанцированными отношениями с братом в характеристиках партнера чаще говорится о его красоте, привлекательности, а также о импульсивности, переменчивости, категоричности.

В целом оказалось, что девушки оценивают качество отношений со старшим братом (доверительность, взаимопонимание, легкость и психотерапевтичность общения) значимо выше, по сравнению с романтическим партнером. Особенно это касается той группы девушек, у которых со старшим братом эмоционально-теплые отношения.

Девушки с опытом дистантных отношений со старшим братом более насторожены в отношениях с романтическим партнером, ниже оценивают легкость и доверительность общения.

Также обнаружена связь между качеством отношений девушки со старшим братом и ее ожиданиями от отношений с партнером в дальнейшей жизни. В частности, выявлено, что чем выше девушки оценивают уровень взаимопонимания в отношениях со старшим братом, тем больше они ожидают партнерства в распределении обязанностей и ответственности в будущих семейных отношениях.

Литература

1. Алмазова О.В. Особенности образа взрослого сиблинга // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 29. С. 3.
2. Булыгина М.В. Сиблинговые отношения и их роль в жизни человека // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 4. С. 147—156.
3. Дубровина И. В. Психологическая готовность к семейной жизни как аспект самоопределения // Семья, брак и родительство в современной России. 2015. С. 86—95.
4. Екимчик О.А., Опекина Т.П. Романтическая привязанность как предиктор диадического копинга в паре // Психологи. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19. №2. С.223-240.
5. Лукьянченко Н.В. Социально-психологические особенности сиблинговых отношений как значимый фактор становления и жизненного пути зрелой личности // Психологическая наука и образование. 2010. № 1. С. 31-40.
6. Цветкова Н.А., Макарова Е.Ю. Гендерные особенности представлений о любви в юношеском возрасте // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 318-321.

Представления о семейной жизни на этапе вступления в брак

Е.П. Земляных, Е.И. Захарова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

evdokiazemlyanykh@gmail.com, E-I-Z@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления факторов, которые обеспечивают стабильность семьи. Представления партнеров о будущей семейной жизни подготавливают их к реализации себя в роли супругов и родителей. Рассогласование представлений партнеров до брака является фактором, осложняющим адаптацию к совместной семейной жизни. Результаты исследования показывают необходимость гармонизации представлений партнеров о будущем семейном функционировании.*

Ключевые слова*: супружеские отношения, супружеские представления, распределение ролей в семье, семейные установки, согласованность представлений*.

Современная ситуация показывает, что институт семьи претерпевает значительные изменения. Одной из негативных тенденций современности является рост количества разводов. Развод имеет множество отрицательных последствий, как на уровне общества, так и на уровне семьи и конкретных ее членов. Критическое число разводов говорит об актуальности исследования супружеских отношений с целью выявления факторов, которые могут как способствовать стабильности семьи, так и нарушать ее.

Начало совместной жизни супругов сопровождается возникновением необходимости выполнять новые виды деятельности, осуществляя семейные роли. Согласно П.Я. Гальперину (Гальперин П.Я., 1976), в любой деятельности можно выделить ориентировочную и исполнительную части. Ориентировочная часть представляет собой образ, на основе которого происходит управление действием. Освоение любой деятельности предваряется появлением представлений о ней. Исследование Е.И. Захаровой (Захарова Е.И., 2012) позволило сделать выводы о том, что еще до реализации себя в новой социальной роли у субъекта есть некоторая степень готовности к ее осуществлению, которая проявляется в наличии конкретных представлений о содержании и исполнении роли. Представления партнеров о будущей семейной жизни подготавливают их к реализации себя в роли супругов и родителей, служа ориентиром в исполнении новых видов деятельности.

Молодая семья считается особенно уязвимой к воздействию разного рода стрессоров (Карабанова О.А., 2005). Образование семьи, представляя собой этап в жизненном цикле семьи (Carter B., McGoldrick M., 1988), сопровождается кризисом, возникающим вследствие столкновения супругов с задачей адаптации к совместной жизни. Рассогласование супружеских представлений о семейном функционировании может осложнять адаптацию к совместной жизни. Это говорит о необходимости исследования представлений о семейной жизни у пар на этапе вступления в брак с целью гармонизации этих представлений.

Целью исследования было выявление согласованности представлений о семейной жизни у пар на этапе заключения брака и установление возможных конфликтных сфер взаимодействия партнеров. *Гипотезой* служило предположение о том, что среди партнеров,

вступающих в брак, можно выделить группы с различной степенью согласованности представлений о будущей семейной жизни.

Задачи исследования включали:

1) исследование установок о характере ролевой структуры семьи;

2) исследование супружеских установок, касающихся отношения к людям, детям, разводу, любви романтического типа, деньгам, запретности сексуальной темы, значения сексуальной сферы в семейной жизни, ориентации на долг или удовольствие, на совместную или раздельную деятельность партнеров, патриархальное или эгалитарное устройство семьи;

3) анализ степени согласованности представлений, вступающих в брак партнеров.

В исследовании были использованы следующие *методы*:

1) модификация опросника “Распределения ролей в семье” Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозман, Е.И. Дубовской, направленная на выявление представлений партнеров о распределении ролей в будущей семье;

2) опросник “Измерение установок в супружеской паре” Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозман, Е.И. Дубовской, направленный на определение семейных установок у партнеров.

В исследовании приняли участие 26 пар (N=52), которые готовятся вступать в брак и находятся на этапе подачи заявления в ЗАГС. Выборку составили мужчины и женщины из разных городов России в возрасте от 19 до 47 лет (наиболее часто встречаемый возраст – 21 год). 56% участников имеют высшее образование, 29% – неоконченное высшее, 8% – среднее профессиональное, 8% – среднее общее. 72% опрошенных обучаются или работают в гуманитарном направлении, 22% – в техническом, 6% – в естественно-научном.

Результаты исследования показали наличие рассогласования в представлениях о семейной жизни у партнеров, готовящихся к вступлению в брак. Для анализа согласованности представлений партнеров были подсчитаны разницы (дельты) между показателями партнеров по всем шкалам опросников. Максимальная разница в показателях пары могла равняться 3 (-3). Что касается ролевой структуры семьи, наиболее рассогласованными оказались представления о роли ответственного за материальное обеспечение семьи (Δ=0,45), роли воспитателя детей (Δ=0,22) и роли сексуального партнера (Δ=0,23). Также были обнаружены рассогласования в таких семейных установках, как ориентация на чувство долга или на чувство удовольствия (Δ=-0,38), отношение к разводу (Δ=- 0,44), отношение к любви романтического типа (Δ=-0,64) и ориентация на патриархальное или эгалитарное устройство семьи (Δ=0,4).

Проведенное эмпирическое исследование позволяет сделать следующие *выводы*:

1. У партнеров, находящихся на этапе заключения брака, существуют рассогласования в представлениях о ролевой структуре будущей семьи. Если мужчины полагают, что они будут ответственны за материальное положение семьи, а также наравне с женой будут выполнять роль воспитателя детей и сексуального партнера, то женщины склонны думать, что за воспитание детей и сексуальную активность будут в большей мере ответственны жены, тогда как материальное обеспечение будет зоной ответственности обоих супругов.

2. Рассогласования присутствуют также в семейных установках партнеров. По сравнению с женщинами мужчины в большей степени ориентируются на чувство долга, менее лояльно относятся к разводам, в большей степени ориентируются на традиционно

представляемую романтическую любовь, имеют более традиционное представление о роли женщины в семье и тема сексуальных отношений для них представляется более запретной, чем для женщин. Мужчины более консервативны в вопросах семейных отношений, тогда как женщины отличаются более прогрессивными взглядами и направленностью на равноправные отношения.

3. Среди исследуемых партнеров были выделены пары с разной степенью согласованности представлений о семейной жизни. Если у одних партнеров наблюдаются близкие семейные установки и представления о распределении ролей в семье, то у других присутствуют рассогласования, которые касаются ориентации на чувство долга или на чувство удовольствия, отношения к разводу, отношения к любви, ориентации на патриархальный или эгалитарный уклад семьи и представлений о том, кто будет отвечать за семейные интересы и культурный уровень супругов. Обнаружение разной степени согласованности представлений среди партнеров подтверждает гипотезу исследования.

4. Полученные результаты показывают, что у исследуемых пар обнаруживаются разные исходные условия для дальнейшего построения семьи: тогда как одна часть партнеров имеет согласованные представления о будущей семейной жизни, у другой части присутствуют рассогласования в этих представлениях. Данные рассогласования являются фактором риска для построения гармоничных семейных отношений. Выявленные несогласованные сферы позволяют наметить направление психологической работы с партнерами, которая должна заключаться в гармонизации представлений о ролевой структуре семьи и о позиции женщины в семье.

Литература

1. Гальперин П.Я. Введение в психологию. – М., 1976. – 327 с.

2. Захарова Е.И. Представление о характере социальной роли, как средство ориентировки в ее исполнении// Культурно-историческая психология. – 2012. – Т. 8. – No4. – С. 38-41.

3. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.

4. Carter, B., & McGoldrick, M. The changing family life cycle – a framework for family therapy. – Boston: Allyn & Bacon, 1988. – 593 p.

Исследование опыта романтических отношений как подготовки к семейным отношениям в юношеском возрасте

А.В. Кравцова, Н.Н. Поскребышева
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
anastasiia_kravtsova_2000@mail.ru, pskr@inbox.ru

Аннотация. *В данной работе была предпринята попытка изучить представления юношей и девушек о романтических отношениях как значимом факторе благополучных семейных (супружеских) отношений. Были получены результаты, которые демонстрируют высокий уровень тревоги и избегания близости у респондентов, при этом получены средние показатели созависимости.*

Ключевые слова: *представления о романтических отношениях, юношеский возраст, супружеские отношения, близкие отношения*

Научная проблема и ее актуальность: романтические отношения или отношения любви – важная жизни человека, особенно в юношеском возрасте. Об этом писали еще А. Адлер, Э. Фромм, Р. Мэй, Э. Эриксон. Такие отношения являются ресурсом поддержки, обеспечивают эмоциональную стабильность (Криттенден, 2002). Романтические отношения являются значимым предиктором семейных отношений. Именно подростково-юношеский период – время формирования потребности в любви и близких доверительных отношений, а также формирования собственных установок относительно семейной жизни способствует формированию отношения к собственной будущей семье и семейным ценностям (Келасьев, Перова, Келасьев, 2020). Любовь в целом рассматривается как основа семейной жизни (Карабанова, 2005).

Под романтическими отношениями мы будем понимать особый вид отношений привязанности, где партнер служит источником психологической поддержки и утешения (Ф. Шейвер). Данный взгляд на отношения любви позволяет нам допускать, что подобные отношения могут служить опытом подготовки к семейным (супружеским) отношениям.

Цель исследования

Гипотеза: существует связь между представлениями о романтических отношениях и объективными характеристиками данных отношений у представителей юношеского возраста.

Теоретико-методологическую основу составляют учение о юношеском возрасте И.С. Кона, теория привязанности, концептуализированная в русле романтической привязанности Бреннана и Ф. Шейвера, учение о созависимости Д. и Б. Уайнхольд.

Методики:

1. авторская анкета (сведения о респондентах - пол, возраст, образование, профессия);
2. шкала созависимости Спенн-Фишер в модификации Бердичевского А.А., Падун М.А., Гагариной М.А. (Бердичевский, Падун, Гагарина, 2019);
3. модифицированная методика «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р.К. Фрейли в адаптации Т.В. Казанцевой (Казанцева, 2008);
4. незавершенные предложения на тему романтических отношений.

Три из предложений позволили оценить склонность к созависимости через возможность проявления склонности к самопожертвованию, фрустрации при невозможности быть все время вместе с партнером, указания на трудности в отношениях (предложения *«Ради партнера я готов(а)…», «Когда партнер не имеет возможности проводить со мной время, я…»* и *«Самое трудное, что я пережил(а) в романтических отношениях – это…»)*. Другой блок предложений позволил выявить своеобразие представлений респондентов о романтических отношениях *(предложения «Романтическая любовь – это…», «Любить – значит…», «Главная ценность романтических отношений состоит в…»).*

Выборку составили 213 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет, из них 169 девушек и 44 юноши.

Результаты исследования оказались следующими: респонденты показывают высокий уровень тревоги и избегания близости, при этом получены средние показатели созависимости. Ответы респондентов на незавершенные предложения подтверждают результаты исследования романтических отношений в юности количественными шкалами. Подобные результаты говорят о возможной нестабильности будущих семейных отношений у респондентов – тревога и избегание близости (составляющие ненадежного типа привязанности к партнеру) отрицательно связаны с удовлетворенностью браком, согласно исследованиям (Олифирович, Чухрай, 2022).

Сопоставление результатов респондентов по незавершённым предложениям и исследованию созависимости показало, что респонденты, давшие на предложение *«Ради партнера я готов(а)…»* ответ «готов(а) жертвовать всем», получили высокий балл по шкале созависимости (U-критерий Манна Уитни, p=0,06, на уровне тенденции).

Мы предполагали, что для респондентов, склонных к эмоциональной созависимости в романтических отношениях, более характерен выбор отвержения в качестве продолжения предложения *«Самое трудное, что я пережил(а) в романтических отношениях – это…»*. Действительно, связь между категорией «расставание и предательство» и склонностью к созависимости также обнаружилась (U-критерий Манна-Уитни, p=0,05). Относящимися к данной категории были ответы «предательство, уход к другой», «измена» и т.д.

Мы также предположили, что определение любви через любовь в *предложении «Романтическая любовь – это…»* будут давать более склонные к созависимости респонденты, так как для них свойственно слияние мыслей, их недифференциированность. В ходе сравнительного анализа данных результатов и результатов по количественным шкалам это подтвердилось (U-критерий Манна-Уитни, p=0,05). Ответы «любовь», «любовь между мужчиной и женщиной» действительно давали респонденты с более высоким уровнем эмоциональной созависимости.

Таким образом, анализ заполнения незавершенных предложений респондентами показывает, что склонные к эмоциональной созависимости юноши и девушки в большей степени готовы к самопожертвованию ради партнера, испытывают фрустрацию при невозможности быть постоянно рядом с партнером, имеют размытое представление о любви. А респонденты с высоким уровнем тревоги в отношениях схожим образом описывали свои чувства в ситуации разлуки с партнером.

Подобный результат позволяет задуматься о благополучии респондентов, склонных к тревоге в отношениях и эмоциональной созависимости, создающих семьи – ведь в брак вступают две целостные, отдельные, личности, а потребность в «слиянии» может существенно подрывать психологическое благополучие каждого из будущих супругов.

Литература

1. Бердичевский А.А., Падун М.А., Гагарина М.А. Апробация модифицированной версии методики «Шкала созависимости Спенн–Фишер» [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 1. С. 215–234;

2. Казанцева Т.В. Адаптация модифицированной методики «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р. К. Фрейли // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2008;

3. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. — М.: Гардарики, 2005. — 320 с.;

4. Технологии подготовки подрастающего поколения к семейной жизни // Социология и право. - 2020. № 2(48). – С. 6-16;

5. Криттенден, П. Трансформация отношений привязанности в юности / П. Криттенден // Журн. практ. психологии и психоанализа. — 2002. № 1. — С. 33-42;

6. Олифирович Н.И., Чухрай, П.И. Романтическая привязанность и удовлетворенность отношениями в парах в подготовке психологов к работе с семьей // Научные труды республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. - 2000. Выпуск 22. – С. 248-255.

Функциональность семьи как предиктор привязанности к дому

С.И. Резниченко
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия,
sofya_292@list.ru

Аннотация. *На данных 100 человек, состоящих в официальном браке, исследовались связи между спецификой семейных, воспринимаемыми функциями домашней среды и привязанностью к дому. Результаты показывают, что на отношение к дому как к «своему», родному влияют не только функции, которые он предлагает свои обитателям, но и особенности функциональности семьи — в первую очередь отношение супругов к браку и наличие поддержки со стороны людей, не включенных в постоянную структуру семьи.*
Ключевые слова: *домашняя среда, функции дома, привязанность к дому, семейные отношения*

Домашняя среда играет важную роль в поддержании стабильности и благополучия как отдельных членов семьи, так и всей семьи в целом. Она обеспечивает безопасность и комфорт своим обитателям, помогая адаптироваться к жизненным переменам. Дом выполняет регуляторную функцию в жизни человека, устанавливая связи с детскими воспоминаниями, привычками и ритуалами. Он служит центром, откуда человек уходит и куда возвращается, помогая лучше понять себя и свои цели. Наконец, он выполняет социальную функцию, формируя семейные климат и идентичность (Anton C.E., Lawrence C., 2014).

Взаимодействие человека с домашней средой может быть рассмотрено через призму двух уровней: объектного и субъектного (Нартова-Бочавер С.К. и др., 2018). На объектном уровне дом функционирует как физическое пространство, где планировка, удобство, функциональность и прочие атрибуты, которые облегчает выполнение бытовых задач и организует жизнедеятельность членов семьи. На субъектном уровне взаимодействие с домашней средой связано со смыслами, позитивным отношением к дому, предпочтением его другим местам, или иначе — привязанностью к дому. Показано, что она формируется в том числе через опыт совместного времяпрепровождения, а также через традиции и ритуалы, что укрепляет межличностные связи внутри семьи. В этом контексте дом становится не только физическим пространством, но и важным компонентом идентичности его обитателей, отражая их ценности, культурные нормы и образ жизни.

И наоборот, семейные отношения играют значительную роль в формировании восприятия дома и привязанности к нему. Взаимодействия внутри семьи, уровень взаимопонимания, поддержки и конфликта создают уникальные условия, в которых дом трансформируется из простого места проживания в символическое «укрытие» или же «поле боя» (Gurney C., 2020). Имеющиеся исследования (Нартова-Бочавер С.К. и др., 2018; Юмкина Е.А., 2015) показывают, что гармоничные и поддерживающие отношения между супругами способствуют созданию позитивного восприятия дома. В таких семьях дом ассоциируется с безопасностью, комфортом и эмоциональной стабильностью. В данном исследовании мы изучили, как удовлетворенность браком и ресурсный потенциал семьи влияет на восприятие функциональности дома и привязанность к нему.

Выборка и методики. В исследовании приняли участие 100 человек (75 женщин и 25 мужчин, из них 10 семейных пар) в возрасте 22–72 года (M±SD=35,04±10,22 лет). Все участники состояли в законном браке, средняя продолжительность которого — 10,29±10,04 лет; для большинства респондентов (86%) это был первый брак.

Семейное функционирование исследовалось с помощью опросников удовлетворенности браком (ОУБ) и Шкалы жизнеспособности семьи (Гусарова Е.С. и др., 2021), оценивающей функциональность семьи с точки зрения: Коммуникации и связности ее членов; Позитивного прогноза и решения проблем, Принятия трудностей и гибкости, доступности Социальных ресурсов. Привязанность и функциональность домашней среды измерялись посредством одноименных опросников (Нартова-Бочавер С.К. и др., 2018; Nartova-Bochaver S. et al., 2022).

Результаты и их обсуждение. Из рисунка видно, что Удовлетворенность браком позитивно влияет на восприятие образа дома как удовлетворяющего повседневные потребности домочадцев (Прагматизм).

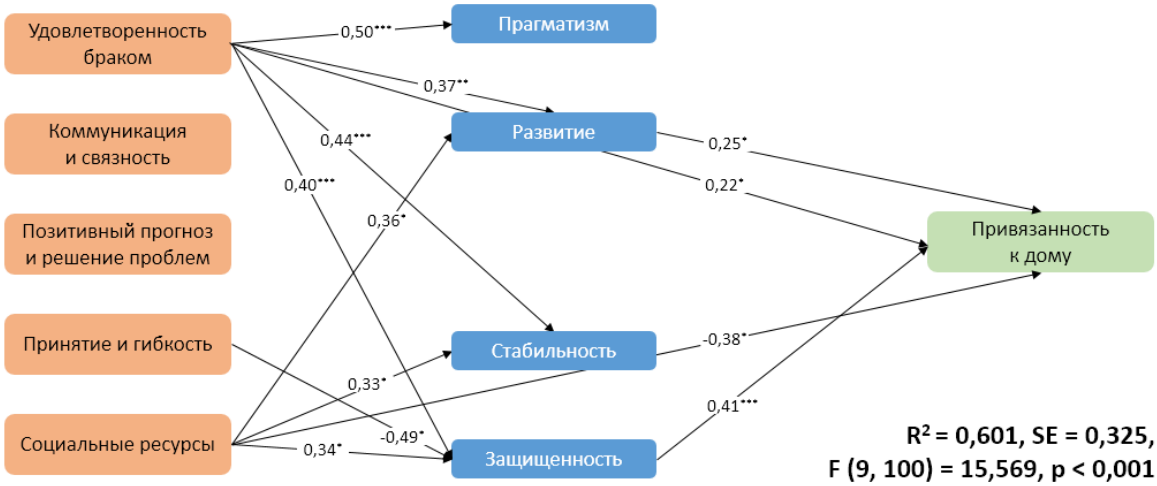

Рис. Регрессионная модель медиации связей между параметрами семейных отношений и привязанностью к дому

Примечание. Указаны стандартизованные коэффициенты бета (β).*** — p<0,001, ** — p<0,01, * — p<0,05.

На восприятие дома как места для развития положительно влияют лишь Удовлетворенность браком и Социальные ресурсы семьи. Стабильность домашней объясняется комбинацией факторов Удовлетворенности браком и Социальных ресурсов. А в Защищенность дома вносят вклад сразу три фактора: положительный — Удовлетворенность браком и Социальные ресурсы, а отрицательный, — семейные Принятие и гибкость.

Таким образом, удовлетворенность качеством отношений в браке играет решающую, позитивную роль в восприятии домашней среды как развивающей, устойчивой к изменениям, удовлетворяющей базовые потребности и обеспечивающей безопасный тыл. Вторым важным фактором является доступность помощи извне при возникновении сложностей в семейной жизни. Она становится важным подспорьем для адаптации к новым условиям, получения новой информации и экономии времени и сил. Интригует отрицательная связь между восприятием стрессовых событий как неотъемлемой части семейной жизни и защищенностью как функцией дома. Возможно, принятие неожиданных проблем как данности — это не внеэмпирическая установка членов семьи, а уже отрефлексированный опыт: чем больше семья в реальной жизни сталкивается с внешними стрессорами, тем больше «натренировывает» способность воспринимать их как то, с чем можно справиться, но ради чего придется пожертвовать зоной комфорта.

Что касается прямого влияния переменных, связанных с семейными отношениями, на укрепление Привязанности к дому, то здесь положительную роль играет Удовлетворенность браком, а отрицательную — Социальные ресурсы. Ожидаемо, укрепляют Привязанность к дому и некоторые функции жилища — Развитие и Защищенность. Связь между удовлетворенностью качеством семейных отношений и привязанностью к дому очевидна на бытийном уровне. Например, частые супружеские конфликты провоцируют отчуждение от дома, желание реже там появляться (Gurney C., 2020). Привязанность к физическому пространству не может развиться там, где человек чувствует себя непринятым, «чужим». А вот негативное прямое влияние обширной социальной поддержки в сложные моменты жизни семьи на привязанность к дому обращает на себя внимание. Особенно учитывая, что, действуя в безопасной и развивающей домашней среде, социальные ресурсы, наоборот, укрепляют связь с домом. Вероятно, привлечение социальных ресурсов извне (помощь родных, друзей, профессиональных помощников) сопряжено с размытием границ семьи и дома, вызывает дефицит приватности и в итоге делает более уязвимой и без того хаотичную в случае столкновения с жизненными трудностями систему «семья—дом».

Полученные результаты отражают важность комплексного подхода к пониманию дома как «своего» пространства, открывая новые горизонты для изучения взаимодействия между семейным функционированием и эмоциональным восприятием жилья.

Литература

1. Гусарова Е.С., Одинцова М.А., Сорокова М.Г. Шкала оценки жизнеспособности семьи: адаптация на российской выборке // Психологические исследования 2021. Т. 14. № 77.
2. Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А., Резниченко С.И. и др. Дом и его обитатели: психологическое исследование / Отв. ред. С.К. Нартова-Бочавер. М.: Памятники исторической мысли, 2018.
3. Юмкина Е.А. Семейный уклад как социально-психологический феномен: дис. ... канд. психол. н.: Санкт-Петербург, 2015.
4. Anton C.E., Lawrence C. Home is where the heart is: The effect of place of residence on place attachment and community participation. Journal of Environmental Psychology. 2014. Vol. 40, pp. 451–461.
5. Gurney C. Out of harm's way? Critical remarks on harm and the meaning of home during the 2020 Covid-19 social distancing measures. Working paper. UK: University of Glasgow, 2020.
6. Nartova-Bochaver S., Reznichenko S., Bardadymov V. et al. Measurement Invariance of the Short Home Attachment Scale: A Cross-Cultural Study. Frontiers in Psychology, 2022. Vol. 13, 834421.

Роль доверия в супружеских отношениях

О.А.Тихомандрицкая
МГУ имени М.В.Ломоносова, г.Москва, Российская Федерация
otihomandr@mail.ru

Аннотация. *Тематика доверия активно разрабатывалась в отечественной психологии многими исследователями. При этом проблема доверия в семье, в частности, то, как доверие супругов определяет их общение, какие качества супругов вызывают ответное доверие, а какие наоборот будут вызывать недоверие, как доверие к супругу сказывается на общем функционировании семьи, изучены в настоящее время недостаточно. Именно эти вопросы и определили цель исследования, представленного в данной статье.*

Ключевые слова: *доверие, супружеские отношения, характеристики супруга/супруги , вызывающие доверие/недоверие у партнера, доверие и функционирование семьи.*

Проблема доверия к миру, к себе, к другим людям разрабатывалась в отечественной психологии многими авторами. Такой активный интерес к исследованию категории доверия связан с тем, что здесь открываются широкие возможности для изучения особенностей социального взаимодействия людей.

Доверие к другому в процессе общения строится на возможности открыть ему свои чувства, мысли что, в свою очередь, позволяет формировать значимые, позитивные отношения между людьми (Скрипкина, 2000; Купрейченко, 2008). Доверие связано с

готовностью быть в определенной степени зависимым от другого человека, дает возможность выстраивать отношения, основанные на признании его значимости и уверенности в нем. Определяя доверие, можно говорить о том, что доверие связано со способностью человека наделять других людей, их возможные будущие действия свойствами безопасности (надежности). Зачастую доверие к другим рассматривается в комплексе с феноменом недоверия (Купрейченко, 2017). Доверие и недоверие могут противопоставляться друг другу, однако они могут быть представлены и как независимые конструкты (Скрипкина, 2000). Доверие включает желание совершать действия, способствующие успешному взаимодействию. Недоверие предполагает осознание возможных рисков, страх, чувство опасности, негативные эмоции, напряженность в отношениях с партнером (Ильин, 2013).

Оба эти феномена так или иначе представлены в семейных отношениях. Конечно, можно с уверенностью сказать, что чем больше супруги доверяют друг другу в самых разных сферах семейной жизни, тем более стабильными, крепкими и позитивными будут их взаимоотношения. Доверие между мужем и женой, является базой эффективного сотрудничества и партнерства и складывается из уважения к партнеру, проявлению интереса к его потребностям, увлечениям, из позитивных эмоциональных оценок его личности, безусловной готовности проявлять по отношению к нему добрую волю. Как отмечают А.В. Доронкина и Т.Ю. Садовникова, доверие как характеристика межличностного общения супругов представляет собой целостную структуру, формирующуюся в опыте взаимодействия супругов (Доронкина, Садовникова, 2017).

В семьях, где нет доверия между супругами, наблюдается настороженность и напряженность, готовность дистанцироваться от общения, отвечать на агрессию враждебностью, что самым негативным образом отражается на супружеских отношениях, в целом.

В представленном исследовании в качестве показателей супружеских отношений изучался характер общения супругов в семье и представления о характеристиках супруга, которые вызывают доверие или недоверие, а также показатели функционирования семьи в разных сферах семейной жизни. В исследовании приняли участие 100 респондентов в возрасте от 18 до 53 лет, из них 46 мужчин и 54 женщины. Все респонденты состоят в официально зарегистрированном браке и имеют одного ребенка.

В исследовании использовались следующие методики: опросник для изучения критериев доверия и недоверия личности другим людям А.Б. Купрейченко и С.П. Табхаровой; методика межличностного доверия Р. Левицки, М. Стивенсон; опросник оценки функционирования семьи – Family Assessment Device (FAD-R) (N.B. Epstein, L.M. Baldwin, D.S. Bishop, адаптация Т.Ю. Садовниковой); опросник «Общение в семье» (Ю.Е. Алешина и др.). Проверка статистических различий в показателях супружеских отношений у супругов с разным уровнем доверия проводилась с помощью U-критерия Манна-Уитни.

1.По результатам исследования не было выявлено значимых различий в проявлении уровня доверия к своим супругам как у мужчин, так и у женщин, и мужчины и женщины могли в одинаковой степени проявлять как высокое, так и низкое доверие к супруге или супругу соответственно. То есть пол не является фактором, определяющим уровень супружеского доверия.

2.Образы супруги/супруга, которым *не доверяют,* и у мужчин, и у женщин, в целом, совпадают. Так, такие качества партнера, как агрессивность, скрытность, лживость, несовпадение жизненных целей, безответственность, не способствуют доверительным отношениям. Однако были выявлены и некоторые различия в критериях недоверия. Так, мужчин отталкивают и вызывают недоверие такие качества жены, как развязность и ненадежность. Критериями *доверия* как для мужчин, так и женщин выступили такие характеристики, как открытость, образованность, смелость, вежливость, искренность, организованность, надежность, любовь и широкий круг интересов. При этом для мужей одни

из наиболее значимых критериев доверия к жене – сила, совпадение интересов и готовность оказывать помощь, а для жен важным является авторитетность мужа.

Таким образом, критериями доверия и недоверия супругов друг другу в большей степени выступают содержательные характеристики межличностных отношений и совпадение целей и ценностей партнера.

3.Для дальнейшего исследования особенностей общения и исследования оценок функционирования семьи вся выборка была разделена на две группы в зависимости от уровня доверия к своим супругам: в первую группу вошли мужчины и женщины с низким уровнем доверия; вторую группу составили мужчины и женщины с высоким уровнем доверия.

По результатам исследования - у супругов с высоким уровнем доверия такие показатели общения в семье, как доверительность общения и легкость общения статистически значимо выше, чем у супругов с низким уровнем доверия. Отметим, что оценка доверительности общения показывает, насколько, по мнению одного из партнеров, ему доверяет другой, посвящая в какие-то свои личные тайны и доверяя секреты. Под легкостью общения понимается то, насколько супругам просто наладить между собой контакт, начать и закончить разговор, насколько свободно они себя чувствуют, общаясь друг с другом.

4. Еще одним результатом исследования стало изучение оценок эффективности взаимодействия членов семьи в разных сферах (распределение ролей, открытое проявление своих чувств, гармоничное общение, аффективное реагирование, аффективная вовлеченность и контроль поведения и общее функционирование семейной системы) в группах супругов с высоким и низким уровнем доверия. В этом случае не было получено значимых различий в обеих этих группах. Таким образом, можно говорить о том, что проявление доверия к своим супругам не отражается на функционировании семейной системы. В целом доверие в супружеских отношениях в большей степени связано с особенностями общения супругов, с ожиданиями в проявлении супругами определенных характеристик в этих взаимоотношениях, но доверие не определяет целостного функционирование семьи. По-видимому, одного проявления доверия здесь недостаточно, чтобы решать масштабные задачи, стоящие перед семьей как целостной системой, в частности, связанных с выполнением и коммуникативных функций, выстраиванием ролевой модели, и реализацией поведенческого контроля, и дополнительно «обеспечением безопасности семьи, определением ее целей и перспектив, координацией действий, направленных на достижение этих целей» (Карабанова,2005, с.80) и многих других функций.

Литература

1. Доронкина А.В., Садовникова Т.Ю. Система доверительных отношений супругов и особенности функционирования молодой семьи // Инновационные ресурсы социальной психологии: теории, методы, практики: материалы Всеросс. научно-практ. конф. (Москва, 5-7 декабря 2017 г.) М., 2017.
2. Ильин Е. П. Психология доверия. СПб.: Питер, 2013. С. 288.
3. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2005. 320 с.
4. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 565 с.
5. Купрейченко А. Б. Доверие и недоверие – общие и специфические психологические характеристики // Вестник РУДН, серия Психология и педагогика. 2008, N 2, С. 46 – 52.

6. Меликова В.А. Выпускная квалификационная работа магистра «Доверие в семье как фактор психологического благополучия супружеских отношений». Научный руководитель Тихомандрицкая О.А.. М., 2023
7. Скрипкина Т.П. Психология доверия. М.: Академия, 2000. 264 с.

Связь между доверием к другому и характером супружеских отношений

К.С. Левкович, Е.В. Филиппова
Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
kse-lev777@rambler.ru, e.v.filippova@mail.ru

Аннотация. *В данном исследовании впервые изучается связь между доверием к Другому как личностным качеством и доверием в супружеских отношениях, то есть с характером супружеской коммуникации. В исследовании приняли участие 30 супружеских пар, 30 мужчин и 30 женщин, в возрасте от 24 до 42 лет, имеющие от 1 до 2 детей и состоящие в текущих отношениях от 1 до 10 лет. В результате исследования впервые были установлены значимые различия и тенденции связи уровня доверия к Другому у супругов и их характера отношений внутри пары и семьи, а также выявлены различия между мужчинами и женщинами в особенностях проявление доверия к Другому и к партнеру.*
Ключевые слова: *доверие, семейные отношения, супружеские отношения, удовлетворенность браком, общение в семье*

Введение. Доверие — это основа, на которой строятся взаимоотношения человека с окружающим миром и другими людьми. Базовое доверие к миру закладывается ещё во младенчестве, так как в этот период ребёнок находится в самой уязвимой позиции и абсолютно и полностью зависим от тех, кто его опекает. Недополученные в детском возрасте забота, любовь, принятие, одобрение и т.д., на основе которых выстраиваются доверительные отношения между ребенком и родителем, крайне сложно компенсируются в последующие годы. Этот опыт непосредственно влияет на то, как человек ощущает себя внутри семьи будучи уже взрослым, и как выстраивает семейные отношения со своим партнером - супругом. (Адмиральская, 2018; Харчев и др., 2021)

В исследовании мы разделяем доверие к Другому, как личностную характеристику, и доверие к супругу, как показатель характера супружеских отношений. Под определением "характер супружеских отношений" мы подразумеваем совокупность качеств и особенностей взаимодействия между партнёрами в браке, которые определяют их эмоциональную связь, коммуникацию, способы решения конфликтов, разделение ролей и обязанностей, а также уровень удовлетворенности отношениями (Варга, 2020).

Целью исследования являлось выявление наличия связи доверия к Другому и характера супружеских отношений.

Всякое человеческое объединение представляет собой систему связей и отношений. Устойчивая связь между участниками отношений, внутреннее духовное единство людей, характеризующееся глубоким взаимным доверием, полным взаимопониманием, состоит в возможности наиболее полного понимания одной индивидуальностью другой индивидуальности. Если человек в целом склонен доверять окружающему миру и другим людям, то, по нашему предположению, ему проще выстраивать доверительные отношения со своим партнером. Супружеские отношения тем полнее, чем больше самораскрытие супругов в процессе общения, т.е. супруги в процессе общения искренни, доверяют друг другу самые глубокие тайны, не опасаясь неприятия и осуждения. Иными словами, способность человека

доверять Другому, строить доверительные отношения с Другим, связана с его доверием к супругу (Романова, 2020)

Характеристика выборки. В исследовании приняли участие 30 супружеских пар (30 мужчин и 30 женщин), состоящих в браке от 1 года до 10 лет. Семейные пары проживают в городе, имеют от 1 до 2 детей, в возрасте 2-5 лет. Образование высшее (71%) и неоконченное высшее (29%).

Методики исследования: Методика доверия/недоверия личности другим людям (А.Б. Купрейченко); Опросник «Общение в семье» (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман и Е.М. Дубовская); Опросник «Опыт близких отношений» (К. Бреннан, С. Кларк и Ф. Шейвер); Опросник удовлетворенности браком (ОУБ) (В. В. Столин, Т. Л. Романова, Г. П. Бутенко).

Супруги проходили тестирование раздельно, каждой парой было придумано специальное кодовое слово для удобства дальнейшей обработки данных.

Для выявления связей использовался критерий ранговой корреляции Спирмена. Достоверность различий проверялась с помощью критерия Манна-Уитни. Достоверность распределения признака исследовалась с помощью таблицы сопряженности и критерия Хи-квадрата Пирсона.

Результаты исследования показали:

Высокий уровень доверия к Другому не выявлен ни у одного из респондентов. Больше половины участников продемонстрировали средний уровень доверия к Другому.

Чем выше расчетливость в отношениях с другими людьми и ниже уровень доверия к Другому, тем ниже уровень доверия к супругу и субъективное восприятие того, как супруг понимает респондента.

Чем выше доверие к Другому человеку, в том числе ощущение его надежности, знание о Другом, вера в него, тем ниже проявляется тревожность у супругов в их отношениях.

Наиболее сильные связи получены между ощущением надежности к Другому и доверием со стороны супруга, между единством и доверием по отношению к супругу.

В группе респондентов со средним уровнем доверия к Другому значительно выше количество респондентов, которые имеют высокий и средний уровень удовлетворенности браком; в этой группе процент респондентов, проявляющих конструктивное общение значительно превышает аналогичный показатель у группы с низким уровнем доверия.

В группе респондентов со средним уровнем доверия к Другому зафиксирован существенно больший процент респондентов с позитивным опытом близких отношений, в то время, как в группе с низким уровнем доверия респондентов с позитивным опытом близких отношений нет.

В группе с низким уровнем доверия к Другому обнаружен существенно больший процент респондентов с низким уровнем удовлетворенности браком, с деструктивным характером общения и негативным опытом близких отношений.

Выводы. Результаты настоящего исследования подчеркивают значимость доверия к Другому как одного из ключевых элементов в построении качественных межличностных отношений, особенно в контексте брака. Более высокий уровень доверия к партнеру способствует формированию надежных и конструктивных отношений, что, в свою очередь, снижает уровень тревожности и повышает общее удовлетворение от совместной жизни. Участники с более высоким уровнем доверия чаще испытывают чувство эмоциональной близости и общности целей, что способствует более конструктивному общению внутри семьи. Важно отметить, что даже средний уровень доверия к Другому связан с положительным опытом близости и удовлетворенности в браке, тогда как низкий уровень доверия негативно сказывается на качестве отношений. Эти результаты подчеркивают важность дальнейших исследований в области супружеских отношений, выявления факторов, влияющих на гармонию в межличностных взаимодействиях и их коррекцию в будущем.

Литература

1. Адмиральская И.С. Отношение супругов к себе и друг к другу и удовлетворенность браком // Журнал психологическая наука и образование. 2018. № 4. С. 45-59.
2. Варга А. Я. Системная психотерапия супружеских пар / А. Я. Варга. — Москва: Когито-Центр. 2020. 241 с.
3. Романова Е.В. Влияние опыта взаимоотношений в родительской семье на формирование супружеских отношений и удовлетворенность браком // Журнал Вестник. 2020.№2. С.26-28.
4. Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы М., 2021. 224 с.

ВОСПИТАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В СЕМЬЕ

Воспитание и развитие личности ребенка в семье

Психологические трудности формирования идентичности в современной семье: различия идентификационных моделей у французских и российских детей и подростков

***Д.А. Дружиненко – Силян*[1]**
PSInstitut, факультет психологии, лаборатория UR 3071 « SuLiSoM : Sujet, Lien Social et Modernité », Университета г.Страсбург, Страсбург, Франция
Daria.silhan@gmail.com

Аннотация. *Доклад описывает исследование, проведённое во Франции и России, посвящённое формированию идентичности детей и подростков в современном обществе. Используя рисуночные методики, мы проанализировали влияние изменённых семейных структур на идентификацию субъекта. Результаты показывают различия в выборе идентификационных моделей между французскими и российскими детьми и подростками, а также сложности в формировании устойчивой идентичности, связанные с различием в прохождении Эдипова комплекса.*
Ключевые слова: *идентичность, родительская функция, идентификационная модель, психоаналитическая теория*

Либеральный дискурс в качестве идеала представляет модель независимого и автономного субъекта, который имеет основным ориентиром реализацию своих индивидуальных желаний. Мы знаем, что субъект не может формироваться иначе, как внутри семьи, которая позволяет ребенку через идентификации и модели поведения войти в социум и стать его полноправным членом. Западное общество, существуя вот уже более 30 лет в рамках либерального дискурса, изменило представление о семье и семейных связях. Теперь супружеская пара больше не является основой семьи, так как супружество, как таковое,

[1] к.псих.наук, доктор клинической психологии.

уступает место гражданскому сожительству и совместному ведению хозяйства. Понятие совместного равноправного родительства стирает разницу между ролью матери и ролью отца в семье. Психоаналитики давно задаются вопросом, каким образом стирание гендерных различий в родительских функциях будет влиять на процесс поиска идентификаций у ребенка? Является ли «Эдипов комплекс»- как основа становления субъекта - в современном мире тем этапом, который позволяет ребенку найти свое место в цепи поколений, выбрать свою гендерную идентификацию и сформировать свою идентичность?

В докладе мы хотели бы представить результаты исследования, которое проводилось во Франции и в России несколько лет назад и которое, на наш взгляд, не потеряло актуальности по нынешний день.

Целью исследования «CoPsyEnfant » было изучение формирования идентичности детей и подростков в современном обществе.

Основным методом исследования мы выбрали рисуночные методики. Мы выбрали рисунок в качестве основного инструмента, поскольку он позволяет избежать языкового барьера, а также потому, что он является "знаком нас самих, предшествующим знаку объекта" (Cambier A., 1996). Опираясь на работы Абрахам (Abraham A., 1999), Видлошера (Widlöchert D., 1984), , Кормана (Corman L, 1961), Ройер (Royer J., 1997) мы считаем детский рисунок местом проекции себя и образа мира, который окружает ребенка. Исследование проводилось в 6 странах (Франция, Канада, Тунис, Бразилия, Россия, Вьетнам), но в рамках данного доклада мы рассмотрим только результаты, полученные на французской и российской выборе. Сбор данных проходил в два этапа: коллективный и индивидуальный. В первом этапе приняло участие 283 французских ребенка и 202 российских ребенка. Далее мы сравнили результаты двух возрастных групп: детей в возрасте 5 и 7 лет и подростков в возрасте 13 и 17 лет. Группа "Детский возраст" состояла из 225 человек (143 ребенка французов и 112 русских), а группа "Подросток" - из 330 человек (140 подростков французов и 190 русских).

Кроме того, анализ рисунков был дополнен данными, полученными в ходе индивидуальных клинических бесед и в результате анализа таких проективных методик как ТАТ и пятна Роршаха. В силу того, что данный этап был направлен на сбор качественных данных, выборка была значительно меньше, поскольку основной задачей стал именно анализ индивидуальных случаев. В рамках данного доклада мы представим результаты анализа индивидуальных случаев трех подростков. Они помогут нам более глубоко понять тенденции, обнаруженные в результате анализа данных, полученных на первом этапе.

Анализ рисунков показал, что существуют различия в предпочитаемом идентификационном персонаже между французскими детьми и подростками. Французские дети чаще выбирают фигуру отца в качестве объекта идентификации в обоих возрастах у девочек, у мальчиков же практически в одинаковой степени в детском возрасте выбирается отец или сиблинг. Французские юноши в такой же степени, как и французские девушки выбирают отца в качестве идентификационной модели. Российские же дети придерживаются классической модели, где девочки выбирают мать в качестве основной идентификационной модели, а мальчики – отца. При этом данная тенденция сохраняется в подростковом возрасте.

Таблица 1

Идентификационный персонаж на рисунке семьи у детей Эдипова возраст (5-7 лет)

Идентификационный персонаж	Французские мальчики (%)	Французские девочки (%)	Российские мальчики (%)	Российские девочки (%)
Отец	26	31,5	33,3	22,8
Мать	18,2	24,1	24,2	38,6
Сам субъект	19,5	20,4	15,2	9,3
Сиблинг	27,3	18,6	19,7	14,6
Другой	9,1	5,6	7,6	5,3

Таблица 2
Идентификационный персонаж на рисунке семьи у подростков (13-17 лет)

Подростки 13-17 лет				
Идентификационный персонаж	Французские юноши (%)	Французские девушки (%)	Российские юноши (%)	Российские девушки (%)
Отец	40	41,3	31,3	25,5
Мать	10,8	14,7	25	36,8
Сам субъект	7,7	9,3	21,7	12,3
Сиблинг	24,6	25	14,4	15,1
Другой	16,9	10,6	7,2	10,4

Анализ индивидуальных клинических случаев позволил предположить, что французские дети и подростки испытывают сложности в формировании идентичности, связанные с крайней трудностью сформировать представление о разнице поколений и полов. Эти трудности могут выражаться в дальнейшем в сложностях взросления и невозможности построить устойчивую идентичность. Отметим, например, что рост запроса на смену пола во Франции с 2008 по 2020 вырос в четыре раза[2].

Что касается российской выборки, то мы склонны предположить, что российским подросткам сложнее расстаться с инфантильной идентификационной моделью, что, возможно, создает иные сложности во взрослении, не связанные с фундаментальной основой идентичности.

В докладе мы проанализируем полученные данные с точки зрения психоаналитической теории, предложенной Лаканом, где особое внимание уделяется влиянию политического дискурса на формирование идентичности субъекта.

Литература

1. Abraham A., Le dessin d'une personne. Paris: EAP; 1999.
2. Cambier A., " Dessiner : un processus de médiation psychique ". In: Raffier-Malosto, editor. Le dessin de l'enfant. Grenoble: La pensée sauvage; 1996.p. 18.
3. Corman L., Le test du dessin d'enfant. Paris: PUF; 1961.
4. Royer J., Que nous disent les dessins d'enfant ? Marseille: Hommes et Perspectives; 1997.
5. Widlöchert D., L'interprétation des dessins d'enfant. Paris: Mardaga; 1984.

Роль семьи в формировании образа мира подростков

А. В. Егорова

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

egrvan18@gmail.com

[2] https://sante.gouv.fr/IMG/pdf/rapport_sante_des_personnes_trans_2022.pdf

***Аннотация**. В статье представлен обзор российских и зарубежных исследований, посвященных роли семьи в формировании образа мира подростков. Особое внимание уделяется влиянию семейного воспитания на развитие девиантного поведения у детей. Показано, что неблагоприятная атмосфера в семье может оказывать негативное воздействие на эмоциональное благополучие и психосоциальное развитие ребенка, а также способствовать формированию агрессивных моделей поведения. Подчеркивается важность создания безопасной и поддерживающей атмосферы в семье для развития личности подростка.*

***Ключевые слова**: семья, образ мира, подростковый возраст, социализация, агрессивное поведение*

Познание социального мира является сложным процессом, в котором ключевую роль играют различные социальные институты, такие как семья, школа, средства массовой информации и другие организации. Эти институты являются основными агентами социализации, через которые передаются ценности, нормы и убеждения, формирующие индивидуальное и коллективное сознание. Социальные институты, по словам Г.М. Андреевой, играют двойную роль, внося свой вклад в формирование образа мира, при этом являясь его неотъемлемой частью (Андреева Г.М., 2003). В свою очередь, под социализацией имеется в виду «процесс и результат усвоения и последующего активного воспроизводства индивидом социального опыта, связанный с общением и совместной деятельностью людей» (Реан А.А., 2016, с. 15).

Семья - первичный и главный институт социализации, оказывающий значительное влияние на конструирование образа мира. Человек приобретает опыт взаимодействия со значимыми взрослыми, усваивает основные ценности, нормы, установки, роли, передаваемые его непосредственным окружением. При этом подростковый возраст является одним из ключевых этапов развития и формирования личности. Современные российские исследования подтверждают ключевую роль семьи в формировании образа мира у детей, а также отмечают ее влияние на развитие девиантного поведения у подростков (Волкова С.В., 2016; Реан А.А., Коновалов И.А., 2020). По мнению С.В. Волковой, восприятие себя, других людей и мира в целом у детей из дисфункциональных семей зачастую искажено. Такие искажения могут способствовать формированию представлений об окружающем мире как о враждебном. Влияние родительских фигур в этом контексте является детерминирующим фактором, обуславливающим развитие поведенческих реакций ребенка и, в более широком смысле, его будущую социальную адаптацию (Волкова С.В., 2016). А.А. Реан подчеркивает важность семейных отношений в формировании личности детей, указывая на то, что негативные аспекты в этих отношениях, включая жестокое обращение, могут стать основой для развития агрессивных поведенческих моделей. Автор также отмечает, что недооценка родителями индивидуальных черт характера ребенка может привести к деструктивным последствиям, таким как ухудшение общей атмосферы в семье, появление невротических расстройств и даже развитие психопатических черт на основе акцентуаций характера. По мнению автора, динамика взаимоотношений в семье играет ключевую роль в развитии или предотвращении этих негативных явлений (Реан А.А., 2016).

Исследования, проведенные зарубежными учеными, выявили взаимосвязь между враждебной обстановкой в семье и склонностью подростков к самоповреждениям (Palmer E., Welsh P., Tiffin P., 2016). Кроме того, пренебрежительное отношение (отсутствие эмоциональной поддержки, любви и заботы) со стороны родителей может способствовать развитию чувства одиночества у детей (Yan J. et al., 2018), снижению самооценки (Ayhan A., Beyazit U., 2021; Brocker S., Augustijn L., 2023) и возникновению депрессивных состояний (Campos R., Besser A., Blatt S., 2013), что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на эмоциональное благополучие и психосоциальное развитие ребенка. И наоборот, проявление любви, заботы и принятия со стороны родителей способствует формированию у ребенка позитивного самовосприятия (Birkeland M., Breivik K., Wold B., 2014) и уверенности в различных социальных ситуациях (Gülay H., 2011).

Родители выступают одним из ключевых образцов для подражания на различных этапах развития личности ребенка, хотя степень их референтности может варьироваться в зависимости от возраста. Процесс усвоения ребенком социально отклоняющегося поведения может осуществляться через проявление родителем асоциального поведения по отношению к нему, через декларирование родителями асоциальных ценностей и норм, а также посредством наблюдения за асоциальным поведением родителей в повседневной жизни, даже если на вербальном уровне демонстрируется

приверженность просоциальным нормам (Реан А.А., 2015). Исследования показывают значимую корреляцию между агрессивностью родителей и агрессивностью их детей. Чем чаще родитель прибегает к физическим воздействиям в процессе воспитания, тем выше вероятность, что его ребенок будет вести себя аналогичным образом (Жуйкова И.В., 2014).

В свою очередь, для формирования просоциального поведения личности необходимым условием является научение просоциальным формам поведения, конструктивным способам разрешения конфликтных ситуаций, а также реализации различных личностных мотиваций. Важным условием эффективной социализации является развитие мотивации привязанности, способствующей развитию у ребенка необходимости в интересе, внимании и одобрении окружающих (прежде всего, родителей) (Реан А.А., 2015). Одним из подходов к обучению просоциальным навыкам является вовлечение ребенка в совместные активности, требующие сотрудничества и согласования действий. Это могут быть групповые игры, проекты или совместные хобби, которые акцентируют внимание на важности взаимодействия. Поддержка со стороны взрослых в таких инициативах способствует укреплению привязанности и формированию здоровых социальных связей.

Таким образом, институт семьи играет ключевую роль в формировании образа мира подростков, в котором он получает базовые представления о мире, моральных нормах и культурных ценностях. Семья может предоставлять необходимые условия для всестороннего развития личности, включая формирование позитивной самооценки, социальных умений и адекватного восприятия окружающего мира, что и является фундаментом для его дальнейшей успешной адаптации в обществе. Однако дисфункциональные отношения внутри семьи могут оказать негативное воздействие на подростка. В частности, жестокое обращение к ребенку и негативное отношение к окружающему миру со стороны родителей могут способствовать формированию у детей устойчивой агрессивной модели поведения, негативного самовосприятия, социальной изоляции и др. В данном контексте, забота о психоэмоциональном состоянии ребенка, а также создание безопасной и поддерживающей атмосферы в семье являются важными условиями для успешного развития личности и социализации подростка.

Литература

1. Андреева Г. М. Образ мира в структуре социального познания //Мир психологии. 2003. Т. 4. С. 31-41.
2. Волкова С. В. Картина мира подростка из дисфункциональной семьи //Мир науки, культуры, образования. 2016. №. 3 (58). С. 219-221.
3. Жуйкова И.В. Гендерные особенности агрессивного поведения подростков и их родителей // Ученые записки университета им. П.Ф.Лесгафта. 2014. № 12 (118). С. 257–261.
4. Реан А. А. Психология личности. М.: Питер, 2016. 286 с.
5. Реан А. А. Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст //Национальный психологический журнал. 2015. №. 4 (20). С. 105-110.
6. Реан А. А., Коновалов И. А. Дисфункциональная семья как фактор агрессивного поведения подростков //Вестник московского университета МВД России. 2020. №. 8. С. 292-301.
7. Ayhan A. B., Beyazit U. The associations between loneliness and self-esteem in children and neglectful behaviors of their parents //Child Indicators Research. 2021. Т. 14. №. 5. С. 1863-1879.
8. Birkeland M. S., Breivik K., Wold B. Peer acceptance protects global self-esteem from negative effects of low closeness to parents during adolescence and early adulthood //Journal of youth and adolescence. 2014. Т. 43. С. 70-80.
9. Brocker S. A., Augustijn L. Adolescent self-esteem, parent-child relationships, and joint physical custody //Journal of Family Trauma, Child Custody & Child Development. 2023. Т. 20. №. 1. С. 99-117.
10. Campos R. C., Besser A., Blatt S. J. Recollections of parental rejection, self-criticism and depression in suicidality //Archives of Suicide Research. 2013. Т. 17. №. 1. С. 58-74.
11. Gülay H. Assessment of the prosocial behaviors of young children with regard to social development, social skills, parental acceptance-rejection and peer relationships //Journal of Instructional Psychology. 2011. Т. 38. №. 3/4. С. 164.
12. Palmer E., Welsh P., Tiffin P.A. Perceptions of family functioning in adolescents who self-harm // Journal of family therapy. 2016. Т. 38. №. 2. С. 257-273.

13. Yan J., Feng X., Schoppe-Sullivan S. J. Longitudinal associations between parent-child relationships in middle childhood and child-perceived loneliness //Journal of Family Psychology. 2018. Т. 32. №. 6. С. 841.

Связь образа тела с особенностями межличностной коммуникации у подростков

В.С. Заводова, Старостина Ю.А.
Филиал Московского Государственного Университета имени М. В. Ломоносова в Баку
lerazavodova104@gmail.com

Аннотация. *Подростковый возраст является важным периодом в жизни человека, сопровождающимся значительными физическими и психоэмоциональными изменениями. В центре внимания данного исследования находится феномен образа тела у подростков и его влияние на межличностную коммуникацию. Различные социальные, культурные, физиологические и психологические изменения, характерные для подросткового возраста, взаимодействуют уникальным образом, формируя образ тела в возрасте от 12 до 18 лет. Исследование проводилось с участием 72 подростков (ученики 8-10 классов), для которых были использованы методы диагностики удовлетворённости образом тела и межличностных отношений, такие как опросник MBSRQ-AS и методика Т. Лири. Исследование подтверждает наличие взаимосвязи между образом тела и особенностями межличностной коммуникации, что делает его актуальным для дальнейших исследований в психологии подростков. Также установлены гендерные различия и культурные особенности восприятия тела среди азербайджанских подростков.*

Ключевые слова: *образ тела, межличностная коммуникация, удовлетворённость внешностью, гендерные различия, культурные особенности, коммуникативные стили.*

Подростковый возраст – важный период в жизни человека, поскольку он сигнализирует о переходе из детства во взрослую жизнь. Интенсивное биологическое, в частности, половое созревание, гормональная перестройка приводят к изменениям в форме тела и его функций, что провоцирует повышенное внимание подростков к своему телу. Проблемы с феноменом образа тела и с восприятием себя, включая беспокойство по поводу веса и формы тела, наиболее ярко проявляются именно в подростковом возрасте (Cash, 2011).

Актуальность исследования. Результаты наблюдаемых изменений вызывают трансформацию представлений о себе и самооценки, что накладывает отпечаток на все сферы жизни подростка: уверенность в себе, общение со сверстниками, мировоззрение и выбор жизненных целей. Все это сочетается с возрастающей значимостью общения, когда интимно-личностное общение со сверстниками становится ведущим видом деятельности подростков (Эльконин, 1989). Мысли, которые транслируются через общение с другими, влияют на подростка, в том числе на его самовосприятие. С другой стороны, представление подростка о собственном внешнем облике влияет на средства, которые он применяет в коммуникации с другими людьми.

Мы предполагали, что существует связь между спецификой образа тела у подростков и особенностями межличностной коммуникации. Также, что существуют значимые различия между девушками и молодыми людьми в подростковом возрасте в типах межличностной коммуникации.

В исследовании приняли участие 72 ученика 8-х, 9-х и 10-х классов.

Были выбраны следующие методики: для изучения уровня удовлетворённости образом тела был использован *мультимодальный опросник отношения к собственному телу*

(MBSRQ-AS) Томаса Ф. Кэша, в адаптации Л.Т. Баранской и С.С. Татауровой; для исследования аспектов межличностных отношений была использована *методика Тимоти Лири***;** Для исследования самооценки была использована *методика Дембо-Рубинштейн* Дополнительно мы решили исследовать удовлетворённость жизнью подростков, для чего была использована *многомерная шкала удовлетворенности жизнью школьников (ШУДЖИ).*

Для проверки гипотез мы провели корреляционный анализ (критерий Пирсона).

Таблица 1. Связь между удовлетворенностью образом тела и спецификой коммуникации у подростков (** Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон.).)

	ОцВн	ОрВн	УПТ	ОЛВ	СоВ
Подчиняемость	-	-	-,332**	-	-
Доминирование (интегральный показатель)	,312**	-	,301*	-	-
Дружелюбие (интегральный показатель)	-	-	-	,291*	-

Как видно из таблицы 1, положительная оценка внешности (ОцВн) значимо коррелирует с доминированием в коммуникации. Это может быть связано с общей уверенностью в себе, которая отражается в обеих исследуемых сферах. Удовлетворенность параметрами тела (УПТ) значимо, умеренно отрицательно коррелирует с подчиняемостью и умеренно положительно с доминированием. Это может быть связано с общей неуверенностью в себе, что отражается в зависимости от других в коммуникации вместе с тем низкой удовлетворённостью своим телом. Что и дальше отражается в умеренной связи между озабоченностью лишним весом (ОЛВ) и интегральным показателем дружелюбия (как некоторой зависимостью и неуверенностью) в коммуникации и слабой связи с альтруистичностью.

Таким образом, наша гипотеза о взаимосвязи между спецификой образа тела у подростков и особенностями межличностной коммуникации – подтвердилась. Хочется подчеркнуть нетривиальность проблемы исследования образа тела, так как данный феномен пронизывает и влияет на многие сферы жизни человека. Феномен исследуется не так давно, и разные авторы ставят разные акценты в своих исследованиях. Наши предыдущие исследования показали, что феномен образа тела в Азербайджане имеет культурную специфику, что может быть связано с восточным эталоном красоты, в сторону большей выраженность и округлости форм у девушек (Заводова, 2023).

Также выявлена специфика предпочитаемых видов коммуникации у азербайджанских подростков. Наиболее выраженным в выборке является авторитарный и альтруистический способ коммуникации. Наименее выраженным является зависимый способ коммуникации. Были зафиксированы гендерные различия в специфике образ тела и особенностях межличностной коммуникации у азербайджанских подростков.

Литература

1. Баранская, Л.Т. Методика исследования образа тела: учебное пособие / Л.Т. Баранская, С.С. Татаурова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009.

2. Заводова В. С. Связь рассогласования Я-концепции со склонностью к проблемному пищевому поведению (на азербайджанской молодежной выборке) Выпускная квалификационная работа – 2023, Баку.
3. Молчанов С. Психология подросткового и юношеского возраста. Учебник для академического бакалавриата. – Litres, 2016.
4. Собчик Л.Н. Методы психологической диагностики. Вып.3. Диагностика межличностных отношений. Модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири. Метод.Руководство. М., 1990.
5. Сычев О. А. и др. Многомерная шкала удовлетворенности жизнью школьников //Психологическая наука и образование. – 2018. – Т. 23. – №. 6. – С. 5-15.
6. Эльконин, Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте / Д.Б. Эльконин. — Текст: непосредственный // Вопросы психологии. — 1971. — № 4. — С. 6–20.
7. Cash T. F. Body image. – American Psychological Association, 2011.

Роль семьи в развитии морально-нравственной сферы у младшего школьника с проблемным поведением

Захарова Д.А.
Государственный университет «Дубна», Факультет социальных и гуманитарных наук, Кафедра клинической психологии, Дубна, Россия
darya.zaxarova.03@list.ru

***Аннотация**: В работе представлены результаты клинико-психологического сопровождения ребенка из приемной семьи. Описаны основные этапы, задачи психологической работы, их содержание, а также феноменология развития ребенка и семьи. Показана важная роль консультативного метода в преодолении проблемного поведения.*
***Ключевые слова:** развитие, опосредствование, культурно-историческая психология, консультативный метод, замещающая семья, задержка психического развития.*

Проблема становления личности младшего школьника была представлена в работах многих отечественных авторов (Божович Л.И. 1968; Лисина М.И. 1997; Славина Л.С. 1966; Эльконин Д.Б. 1974). Вслед за П.Я. Гальпериным (Гальперин П.Я 1981) и Л.С. Выготским (Выготский Л.С. 2023) мы понимаем психику как прижизненно складывающиеся формы ориентировки ребенка, переходящие из коллективных форм совместной деятельности во внутренний свернутый план (в виде системы средств, ориентиров, способов действования). Несмотря на разность позиций, в отечественной традиции под личностью чаще все же принято видеть целостную систему, смысловую и ценностную ориентацию человека в мире, себе и отношениях.

Проблематику становления личности мы рассматриваем в контексте складывающейся системы ориентиров человека в морально-нравственном пространстве. Онтогенез морально-нравственной сферы берет начало в раннем детстве, когда ребенок через игру, совместную деятельность со взрослым (через широкий культурный контекст как сказки, фильмы, поступки родителей и т.д.) присваивает важные ориентиры человеческих отношений и образа человека. Л.С. Славина показывает, что корни аффективного поведения младших школьников связаны с низкой произвольностью, сниженной мотивацией и непреодоленным эгоцентризмом (т.е. ребенок не способен «увидеть» и понять кого-то кроме себя, не может опосредствовать свое поведение). Представим пример из нашей практики, демонстрирующий динамику личности младшего школьника в ходе клинико-психологического сопровождения.

Характеристика случая. М., 8 л., из полной, приемной семьи. Запрос родителей: плохое поведение дома (непослушание, игнорирование просьб, намеренная порча предметов), плохая успеваемость и поведение в школе, деструкция в играх и взаимодействии со сверстниками. По результатам обследования и в ходе первых занятий были выявлены: сниженная мотивация к УД, преобладание игровых мотивов (неспособность длительно удерживать сюжет, принимать роль). Задания на мелкую моторику не вызывали интереса, при неуспехе наблюдались аффекты или прекращение деятельности, при этом М. интеллектуально сохранен.

Всего с 16.04.23 по 01.08.24 г.г. было проведено 75 занятий. Психологическая работа шла по нескольким линиям, которые нередко осуществлялись параллельно: 1. Проведение развивающих занятий; 2. Формирование внимания; 3. Консультирование родителей по вопросам развития ребенка; 4. Включение ребенка в диадную и групповую формы взаимодействия. Этапы работы, их содержание и динамика развития представлены в таб.1.

В начале работы М. не выражал интереса к совместной деятельности, не принимал многие из вводимых средств, а также темы игр, не входящие в сферу интересов. Преобладали игры предметно-манипулятивного характера, морально-нравственная оценка поступков героев М. не выделялась. В играх прослеживалась деструкция и конфликты (разделение игрушек, агрессивные формы наказания), не связанные с сюжетом. При выполнении творческих задач сохранялись отказы и протесты.

Таблица 1. Этапы сопровождения М., структура и содержание занятий.

Период	Задачи	Динамика
Диагностический (1-7 занятие)	Установление контакта Диагностика зоны актуального и ближайшего развития Диагностика игровой деятельности и средств построение сотрудничества Диагностика детско-родительских отношений	1. Проявление инициативы в выборе темы, сюжета, героев игры 2. Повышение уровня игры (частичное принятие правил и недлительное их удержание) 3. Возможность контроля эмоций в случае, если выбранная для занятия деятельность входит в сферу интересов
Развитие сюжетно- ролевой игры (8-50 занятие)	Усложнение игровых сюжетов Развитие познавательного интереса Повышение инициативности в организации игрового процесса Развитие средств и форм совместной деятельности Развитие морально-нравственной сферы через проигрывание проблемных ситуаций.	1. Появление инициативы в организации игры, планировании сюжета 2. Появление морально-нравственной оценки поведения героев, соответствующий эмоциональный ответ 4. Выполнение творческих задач не вызывает отказа 5. Появление произвольности, повышение познавательного интереса 6. Отказ от деструкции в играх
Формирование внимания (26-31 занятие)	Компенсация операциональных затруднений в осуществлении контроля Смена позиции ребенка и родителей к успеху/неуспеху в деятельности.	1. Повышение концентрации внимания 2. Снижение переключаемости внимания 3. Повышение инициативности в творческой деятельности 4. Повышение познавательного интереса
Консультирование родителей по вопросам развития ребенка (25-50 занятие)	Изменение привычных способов реагирования (перестройка системы санкций и наказаний, воспитательных приемов) Развитие форм родительской поддержки Перестраивание совместной с ребенком деятельности	1. Изменение форм поддержки (появилось совместное обсуждение проблем и их объяснение) 2. Повышение рефлексии родителей 3. Изменения остаются нестойкими из-за частых «срывов» родителей и возврату к прежним средствам общения
Включение ребенка в диадную и групповую формы взаимодействия (50-75 занятие)	Перестройка системы средств и форм взаимодействия Развитие децентрации в группе	1. Децентрация стала проявляться в выполняемых задачах (забота о ближнем, смещение ролевых позиций). 2. Ребенок активен, стремится занять ведущую позицию 3. Познавательные задания (викторины, ребусы и т.д.) вызывают интерес и привлекают внимание. 4. Решения при работе в группе принимаются после совместного обсуждения со сверстником.

В процессе сопровождения в связи с перестройкой СД в игре появилась тематика межличностных отношений. Игра приобрела развернутый, сюжетный характер. Роль принимается и удерживается, сопровождается ролевой речью. Поступки персонажей соответствуют сюжету. Становится доступна морально-нравственная оценка поведения героев, своих поступков и решений внутри игрового пространства. Со временем снижается, а затем преодолевается деструкция. Ребенок самостоятельно приступает к выполнению творческой деятельности (лепка, вырезание). В общении с родителями М. стал проявлять внимательность и чуткость. Повысилась инициативность в оказании помощи и поддержке ближнему. Во взаимоотношениях с сыном появилось совместное обсуждение проблем и их объяснение. Со стороны родителей часто возникают “срывы”, ведущие к использованию

привычных средств общения с ребенком, что приводит у ребенка к откатам на предшествующие позиции.

Выводы:

1. Сопровождение развития личности младшего школьника должно быть системным, включать работу по нескольким направлениям (с учетом целостного контекста развития).

2. Аффективные проблемы в поведении младшего школьника касаются системы ценностных и смысловых ориентиров. За этим нередко скрывается невозможность ребенка понимать наличный контекст, смысл поставленной перед ним задачи, мотивы другого человека, соотносить себя с другими, регулировать себя, свое поведение в соответствии с культурно заданной системой ориентиров.

3. В качестве метода исследования, нам кажется продуктивным консультативный, который включает в себя разнообразие форм клинико-психологического сопровождения подопечных и помогает системно охватывать контекст жизни ребенка, менять его через доориентировку или переориентировку в существенных задачах.

Литература

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. - М.: Просвещение, 1968.-179с.

2. Выготский, Л.С. Основы дефектологии / Л. С. Выготский. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 332 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-11695-3.

3. Гальперин П.Я. О методе поэтапного формирования умственных действий // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. - М., 1981. - С. 97-101.

4. Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка. / Под редакцией Рузской А. Г. — М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. — 384 с.

5. Славина Л.С. Дети с аффективным поведением. – Просвещение, 1966.

6. Эльконин Д.Б.

Психология обучения младшего школьника // Психология и педагогика. - М., 1974. - 416 с.

7. Хозиев В. Б. К вопросу о месте консультативного метода исследования в грядущей парадигме психологии //Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2. – №. 1. – С. 190-206

Гендерная идентичность и особенности детско-родительского взаимодействия в юношеском возрасте

Н. З. Керимова, Ю.А. Старостина

Филиал Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова; факультет психологии. Баку,Азербайджан.

narmin.kerimova.03@bk.ru

Аннотация. *В последние десятилетия произошло резкое увеличение исследований в области изучения гендерной идентичности, в которых все чаще принимается идея о постепенном возрастном становлении последней на протяжении всей жизни человека (Т.В. Бендас, И.С. Кон и др.). В рамках данной тематики мы предприняли попытку ответить на вопрос: каков вклад детско-родительского взаимодействия в становлении гендерной идентичности у юношей. Материалы, позволяют получить представление о взаимосвязи*

гендера и пола, о гендерной социализации и влиянии гендерных стереотипов на становление личности. ***Ключевые слова:*** *гендер, гендерная идентичность, андрогинность, маскулинность, феминность, родители, юноши, распределение ролей в семье.*

В настоящее время разделение полоролевых функций мужчин и женщин испытывает значительные изменения, происходит *смешение представлений о гендерных ролях*. Эта внутренняя структура, создаваемая в процессе развития, позволяет индивиду организовать образ Я и социально функционировать в соответствии с воспринимаемым полом и гендером. Она не дается индивиду автоматически, при рождении, а вырабатывается в результате социализации. Активным участником этого процесса является сам субъект, который принимает или отвергает предлагаемые ему роли и модели поведения. Важнейшим условием правильного протекания процесса полоролевой идентификации является наличие и фактически и психологически полной семьи с адекватным исполнением родителями половых ролей. В рамках формирования гендерной идентичности посредством социализации, а точнее семьи, для нас представляется важным выявить эти особенности, рассматривая взаимодействие гендерной идентичности и детско-родительских отношений в юношеском возрасте. В последнее время, довольно часто встречаются «материнские семьи», где женщина вынуждена воспитывать детей самостоятельно. В таких семьях, дети лишаются встроенной модели отношений между мужчиной и женщиной, что в будущем нарушает и осложняет процесс построения близких взаимоотношений с противоположным полом (Олифирович Н.И, Зинкевич-Куземкина Т.А, Велента Т.А, 2006). Отсутствия отца в системе воспитания, накладывает огромный отпечаток на личность детей. Мальчики, лишённые общения с отцом, обнаруживают немалое количество страхов и трудностей в построении отношений со сверстниками. Подобные отклонения в большей степени определены компенсаторно-замещающим и односторонним влиянием матери на мальчиков. В случае отсутствия отца или его отчужденности от дочери возникает отцовская (патернальная) депривация. Она приводит к тому, что девочка начинает считать себя нелюбимой, «не заслуживающей любви» и в итоге, став взрослой, оказывается не способной переживать подлинную близость с мужчиной и от этого испытывает разочарование и боль (Норвуд Р., 2013). Формирование гармоничного для пола поведения требует *одновременного восприятия ребенком обеих ролей: мужской у отца и женской у матери.* Как показывают современные исследования, несмотря на важнейшую роль, которую играет в процессе формирования гендерной идентичности детский и подростковый возраст, она может трансформироваться на последующих этапах жизни человека (Tobin, 2010). В юношеском возрасте главными новообразованиями являются становление устойчивого самосознания и стабильного образа Я, формирование идентичности и потребности в самовоспитании, принятие гендерной роли, достижение социальной зрелости, в том числе, завершается достижение жизненных способностей человека. (Малютина Т. В., 2014; Хухлаева О. В., 2002). В этом возрасте ещё наблюдаются морфологические и функциональные изменения, стабилизируется половая зрелость, чётко проявляется фено- и генотип. В связи с вышесказанным, актуально изучение гендерной идентичности в юношеском возрасте, как наиболее интенсивном периоде развития человека, что связано с накоплением потенциала в когнитивной, личностной и эмоциональной областях.

В настоящее время разделение полоролевых функций мужчин и женщин испытывает значительные изменения, происходит смешение представлений о гендерных ролях. Цель была достигнута, были изучены и описаны особенности детско – родительских отношений, моделей распределения ролей в семье и гендерной идентичности. Был проведен теоретический и эмпирический анализ, направленные на выявление связей между детско-родительскими отношениями и самоопределением юношей к той или иной гендерной идентичностью.

Мы придерживаемся такого определения гендерной идентичности, как аспект самосознания личности, который описывает принятие ею себя как представителя конкретного пола. Кроме того, мы полагаем, что гендер включает в себя, помимо ролевого аспекта, также и целостный образ человека. Быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто

обладать теми или иными анатомическими особенностями – это означает выполнять те или иные предписанные нам гендерные роли.

Перспективы и ограничения исследования гендерной идентичности в юношеском возрасте представляют собой сложный комплекс факторов, оказывающих влияние на формирование личности в этом периоде жизни. Несмотря на значительный прогресс в изучении этой проблематики, существуют как перспективы, так и ограничения, которые следует учитывать.

Перспективы включают в себя возможность глубокого понимания многообразия гендерных идентичностей и их влияния на психологическое и социальное развитие подростков. Исследования в этой области могут способствовать формированию более инклюзивной культуры, учитывающей различия в гендерных выражениях и предотвращающей дискриминацию.

Однако ограничения исследования включают в себя сложности в определении и измерении гендерной идентичности, а также ее изменчивость в различных культурных контекстах. Кроме того, социальные и культурные стереотипы могут оказывать существенное влияние на восприятие и интерпретацию результатов исследований. Вышеуказанное позволяет более глубоко понять сложную природу гендерной идентичности в юношеском возрасте и разработать более эффективные подходы к поддержке юношей в их процессе самоидентификации.

Целью исследования является: изучение взаимосвязи особенностей взаимодействия родителей и юношей и их гендерной идентичности.

Общая гипотеза: существует связь между параметрами детско-родительских отношений и гендерной идентичностью в юношеском возрасте.

Частные гипотезы:

1. Гендерная идентичность связана с отвержением и принятием юношей со стороны обоих родителей: при отвержении родителей у девочек больше будет выражен маскулинный тип, а у мальчиков феминный тип.
2. Гендерная идентичность связана с требовательностью в детско-родительских отношениях, а именно: чем более выражена требовательность со стороны отца, тем ярче выражен феминный тип у представителей мужского пола.
3. Эмоциональная близость связана с гендерной идентичностью: близость юношей с отцом связана с высокой маскулинностью, а девушек с матерью связана с высокой феминностью.
4. У представителей андрогинного типа идентичности распределение обязанностей в доме сводится к эгалитарному разграничению и связано с ориентацией на сотрудничество.
5. Чем больше выражен контроль в семье, тем более вероятно предпочтение традиционного типа в семье.

Методики исследования

1. Полоролевой опросник Сандры Бем (Sandra L. Bem, 1974) – предназначена для диагностики психологического пола и определяет степень андрогинности, маскулинности и феминности личности.
2. Опросник И. М. Марковской «Взаимодействие родитель – ребенок» (Марковская И. М., 1998) - предназначена для диагностики особенностей взаимодействия родителей и детей.
3. Проективная методика «рисунок мужчины и женщины» (Н. М. Романова., 2004) - изучения гендерных установок и гендерных аттитюдов личности.

4. Опросник Ю. Е. Алешиной, Л.Я. Гозман и Е. М. Дубровской «Распределение ролей в семье» (Гендерная терапия. М., 2006) - для исследования представлений о ролевой структуре семьи.

В исследовании приняло участие 120 студентов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в городе Баку в возрасте от 16 до 20 лет. Среди респондентов 60 – мужского пола, 60 – женского пола. Важно отметить, что испытуемые не состоят в узаконенных отношениях.

Были сделаны следующие *выводы:*

- Большая часть нашей выборки обладает андрогинным типом гендерной идентичности, которые могут проявлять разнообразные черты и поведение, не всегда соответствующие традиционным гендерным ожиданиям.
- Чем более выражена требовательность со стороны отца, тем ярче выражен феминный тип у представителей мужского пола.
- У представителей андрогинного типа идентичности распределение обязанностей в доме сводится к эгалитарному разграничению и связано с ориентацией на сотрудничество.
- Чем больше выражен контроль в семье, тем более вероятно предпочтение традиционного типа в распределения ролей в семье.

Литература

1. Бендас Т. В. Гендерная психология: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2006.
2. Кон, И.С. Психология половых различий // Вопросы психологии. -2001.- №2. - С. 47–57
3. Малютина Т. В. Психологические и психофизиологические особенности развития в юношеском (студенческом) возрасте // Омский научный вестник. – 2014. – № 2 (126). – С. 129–133.
4. Норвуд Р. Женщины, которые любят слишком сильно. М.: Добрая книга, 2013. 352 с
5. Олифирович Н.И, Зинкевич-Куземкина Т.А, Велента Т.А. Психология семейных кризисов. Речь, 2006–260 с
6. Хухлаева О. В. Психология развития: молодость, зрелость, старость. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 208 с.
7. Tobin, D. D., Menon, M., Menon, M., Spatta, B. C., Hodges, E. V. E., & Perry, D. G. (2010). The intrapsychics of gender: A model of self-socialization. *Psychological Review, 117*(2), 601–622.

Киберсоциализация подростка в семье

Р.Г. Кузьмин

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация

romquz@gmail.com

Аннотация. *Киберсоциализация – неизбежный процесс, протекающий в пространстве современной семьи. Подростковый возраст, сопровождающийся активным освоением технологий, особенно сензитивен к возможностям и рискам, которые встречаются в сети. Роль семьи как агента первичной киберсоциализации огромна и может*

разворачиваться в разных сферах ее протекания: киберсоциализации, связанной с культурой использования устройств и технологий, цифровым этикетом, лингвистическими параметрами, а также безопасностью.

Ключевые слова: *социализация, семья, подросток, цифровизация, воспитание*

Совершенствование технологий и виртуализация общественной жизни ставит перед современной семьей задачу киберсоциализации подростка. Пребывание в онлайн-пространстве сопровождается как множеством возможностей, так и рисками, поэтому роль семьи в воспитании и обучении ребенка взаимодействию в этой среде огромная. По данным исследовательской компании Mediascope в 2022 г., подростки в возрасте 12–17 лет проводят в интернете около 6 часов в день (Mediascope, 2022), при этом в одном из масштабных российских исследований отмечается, что «по уровню цифровой компетентности подростков Россия входит в “тройку” стран с наиболее низкими показателями» (Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., 2023). Стоит отметить, что киберсоциализация в семье может быть как целенаправленной, т.е. подразумевает под собой процесс воспитания, т.е. контролируемое со стороны родителей освоение подростком цифрового пространства, так и стихийной, когда подросток занимается копированием поведения родителей, других членов семьи, референтных лиц. Стоит также отметить определенную поведенческую специфику подросткового возраста – эмансипация от родителей, наблюдающаяся в разных областях его жизни, свойственна и для сферы технологий. Здесь нам кажется уместной дефиниция цифровой эмансипации – т.е. возрастание автономии и субъектности при использовании устройств и технологий и выход из-под патерналистской родительской политики в сфере использования цифровых ресурсов. Киберсоциализация в этой связи представляется особенным процессом, сопровождающим жизнь большинства современных подростков, и может быть рассмотрена с точки зрения различных сфер ее протекания.

1. *Киберсоциализация, связанная с культурой использования устройств и технологий*. Данная сфера предполагает усвоение знаний и навыков, связанных с особенностями и спецификой использования гаджетов. Родители подростка могут обучать его персонализированной настройке и установке программного обеспечения для устройств (телефона, планшета, умных часов и т.д.) и организации “рабочего места” (персонального компьютера, ноутбука, а также эргономике места), сопровождать его в процессе дифференциации целей при использовании интернета (образование и подработка/интернет-серфинг/досуг и др.), обучать навыкам поиска достоверной информации, соблюдать баланс между реальной и виртуальной жизнью (профилактика кибераддикций). Киберсоциализация в данной сфере также может предполагать обучение решению повседневных задач с помощью технологий (например, навигацию с помощью геолокационных приложений, “консультации” от умных колонок, ведение календаря со списком дел и др.). Стоит отметить, что одним из позитивных последствий киберсоциализации, связанной с культурой использования устройств, является совместный досуг родителей и ребенка – просмотр фильмов и сериалов, геймифицированное обучение, игровое взаимодействие, что, по данным исследований, укрепляет семейные связи (Work A., 2017).

2. *Киберсоциализация, связанная с цифровым этикетом.* Эта сфера включает в себя освоение норм и правил поведения в сети. Цифровой этикет может включать в себя вопросы субординации (например, при взаимодействии с учителями и другими сотрудниками образовательного учреждения в социальных сетях, мессенджерах или при дистанционном обучении), правила корректного общения с аудиторией (например, при оставлении комментариев или публикации постов), особенности использования смайлов и стикеров. Отдельно стоит упомянуть специфику саморепрезентации в социальных сетях (оформление профиля, публикация фотографий), которая может быть взята за образец у родителей. Кроме

того, цифровой этикет может предполагать правила, связанные с “дружбой” в социальных сетях с родственниками и родителями (не все подростки добавляют их “в друзья”). Наконец, можно отметить и этику, связанную с использованием нейросетей при подготовке домашнего задания и др. работ. Отношение родителей ко всем этим вопросам может влиять на подростка при автономном взаимодействии с сетью.

3. *Киберсоциализация, связанная с интернет-сленгом и другими лингвистическими параметрами.* В этой сфере можно отметить культуру речи в диалогах, комментариях, игровых чатах, обращениях и электронных письмах. Киберсоциализация будет включать в себя освоение корпуса специфических терминов, связанных с технологиями и виртуальной средой, сленга, неологизмов, сокращений и др.

4. *Киберсоциализация, связанная с безопасностью*. Сфера киберсоциализации, связанная с редукцией рисков, безусловно включает в себя цифровую безопасность. Родители могут обучать подростка вопросам контроля несанкционированного доступа (к устройствам, к аккаунтам, к приложениям), контроля приватности (ограничение публичности, разглашение персональных данных и цифровые следы), контроля контента (правила поведения при встрече с контентом 18+ (порнография, экстремистские материалы, информация о психоактивных веществах, шокирующий контент и др.)), столкновения с кибербуллингом, а также осведомленности, связанной с рисками в финансовых операциях (оплата покупок в интернете, заказ доставок, криптовалюты, тотализаторы и т.п.). Отдельной формой родительского воспитания может стать развитие цифровой резильентности подростков (Бочавер А.А. и др., 2019).

Очевидно, что представленный список сфер киберсоциализации подростков может проходить не только в семье и он не является исчерпывающим. Развитие интернет-технологий и устройств проходит очень интенсивно, появляются новые технологии (например, дополненной реальности, голосового ассистирования), совершенствуются старые. Эти процессы безусловно затрагивают всех пользователей, поэтому родители могут, а в некоторых случаях должны быть проводниками для подростков в мир этих технологий, что требует от них определенной цифровой грамотности и временных ресурсов. Родители могут обучать подростков взаимодействию с этой сферой общественной жизни, однако в этом случае они сами должны иметь высокую осведомленность о специфике отмеченных явлений, а также обладать авторитетом для подростка (Солдатова Г.У., Теславская О.И., 2018).

Список литературы

1. Благополучие детей в цифровую эпоху [Текст] : докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / А. А. Бочавер, С. В. Докука, М. А. Новикова и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 34 с.

2. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран // Социальная психология и общество. – 2023. – Том 14. – № 3. С. 11–30. doi: 10.17759/sps.2023140302

3. Солдатова Г.У., Теславская О.И. Особенности межличностных отношений российских подростков в социальных сетях // Национальный психологический журнал. – 2018. – №3(31). – С. 12–22. doi: 10.11621/npj.2018.0302

4. Mediascope: интернетом в России пользуются 80% населения старше 12 лет // Mediascope. MEDIASCOPE CROSS WEB, ВСЯ РОССИЯ, НАСЕЛЕНИЕ 12+, DESKTOP&MOBILE, АПРЕЛЬ 2022. СРЕДНЕСУТОЧНОЕ ВРЕМЯ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ В ДЕНЬ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mediascope.net/news/1460058/ (дата обращения 07.09.2024).

5. Work A. The Value of Parental Co-Viewing on Children and Families // Cinesthesia. – 2017. – Vol. 6, Iss. 1, Article 3. Available at: https://scholarworks.gvsu.edu/cine/vol6/iss1/3 (дата обращения 07.09.2024).

Особенности психологической безопасности личности студентов из неполных семей

А.В. Литвинова, Н.Е. Бабарыкина

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

annaviktorovna@mail.ru, babarikina-nadya@mail.ru

Аннотация. *Проанализированы компоненты и структура психологической безопасности личности как интегрального качества, включающего составляющие психологического благополучия и базисных убеждений. У студентов из неполных семей выражен компонент психологической безопасности - посттравматический рост и факторы «Реализация потенциала», «Гибкая перестройка поведения». Показатель психологическое благополучие достоверно выше у студентов из полных семей им свойственны факторы «Автономия личности» и «Осмысленность жизни».*

Ключевые слова: *психологическая безопасность личности, психологическое благополучие, базисные убеждения, студенческий возраст, неполная семья*

Исследование психологической безопасности личности важно и актуально в современном мире, где человек постоянно подвергается различным стрессовым ситуациям, разрушительным социальным и информационным воздействиям. В связи с этим проблема исследования психологической безопасности личности студентов приобретает особую значимость. В отечественных исследованиях психологическая безопасность - рассматривается как интегративная категория (процесс, свойство, состояние), проявляющаяся на уровне общества, локальной среды, личности, утверждается единство безопасности образовательной среды как состояния, свободного от проявлений психологического насилия и психологической безопасности личности, определяющей состояние защищенности (Баева И.А. и соавторы, 2020), обеспечивающее духовно-нравственную, эмоциональную, волевую, когнитивную устойчивость к стресс-факторам (Литвинова А.В. и соавторы, 2022). Раскрывается структура психологической безопасности личности, включающая морально-коммуникативный, мотивационно-волевой, ценностно-смысловой, внутренний комфорт (Литвинова А.В. и соавторы, 2021).

Исследуются средовые и личностные риски нарушения психологической безопасности личности. Одним из таких рисков является неполная родительская семья. Риском нарушения психологической безопасности личности для девушек и юношей из неполных семьей, является недостаток внимания со стороны отца. Отсутствие отца у юношей ограничивает возможности наблюдать модели мужского поведения, что может вести к бессознательному присвоению женских черт (Адамсонс К., Джонсон С., 2013). Девушки в большей мере не удовлетворены отношениями с мужчинами, чаще разводятся, испытывают трудности в установлении близких и доверительных отношений (Мустонен У. и соавторы, 2011). Студенты из неполных семей часто сталкиваются с психологическими проблемами, которые влияют на обучение, развитие и адаптацию, психологическую сепарацию, они испытывают чувство одиночества, неуверенности в своем будущем, нереализованности, отсутствие цели и приводят к нарушению психологической безопасности личности (Белинская Е.П., Дубовская Е.М., 2016; Литвинова А.В., 2020).

Мы предположили, что у студентов из неполных и неполных семей наблюдаются различия в компонентах психологической безопасности личности и в структуре их взаимосвязи. В исследовании были использованы Методика «Экспресс-диагностика психологической безопасности личности» (И.И. Приходько); Шкала психологического благополучия (К. Рифф); Шкала базисных убеждений (Р. Янов – Бульман). Для обработки данных использовались методы математической статистики: критерий Манна-Уитни, факторный анализ (табл.1 и 2) с использованием программы SPSS Statistics.

В исследовании приняли участие 39 студентов 1 и 2 курса Пермского - финансово экономического колледжа, средний возраст 17,5 лет.

Выявлено, что у студентов из неполных семей достоверные различия наблюдаются по компоненту психологической безопасности личности - посттравматический рост (p=0,020). Распад семьи является травматическим событием, однако правильное переживание которого позволяет им найти новые ресурсы. У студентов из полной семьи различия обнаружились по интегративному показателю психологическое благополучие (p=0,045), у них более выражено субъективное самоощущение целостности и осмысленности жизненных условий.

Далее рассмотрим структуру приоритетных факторов в группе студентов из полных семей (табл. 1).

Таблица 1

Результаты факторного анализа в группе студентов из полных семей

Показатели	Фактор 1	Показатели	Фактор 2
дисперсия 41,5%		дисперсия 17,6%	
Автономия личности		Осмысленность жизни	
Автономия	0,83	Ценностно-смысловая сфера	0,93
Цели в жизни	0,82	Стратегии совладания со стрессом	0,81
Личностный рост	0,81	Морально-волевая урегулированность	0,77

Позитивные отношения	0,78	Посттравматический рост	-0,58

В первый фактор вошли такие показатели психологического благополучия как автономия, цели в жизни, личностный рост, позитивные отношения. Приоритетным фактором является «Автономия личности», определяющая стремление студентов к достижению целей, открытости новому опыту, налаживанию доверительных межличностных отношений с окружающими. Второй фактор включает показатели психологической безопасности личности: ценностно-смысловая сфера, стратегии совладания со стрессом, морально-волевая урегулированность, посттравматический рост. Фактор обозначен как «Осмысленность жизни», позволяющий студентам в меньшей мере быть эмоционально включенным в трудную жизненную ситуацию и предполагающий осмысленность собственных действий и чувств.

Проанализируем структуру приоритетных факторов в группе студентов из неполных семей (табл. 2).

Таблица 2

Результаты факторного анализа в группе студентов из неполных семей

Показатели	Фактор 1	Показатели	Фактор 2
Реализация потенциала		Гибкая перестройка поведения	
дисперсия 53,9%		15,6%	
Личностный рост	0,85	Стратегии совладания со стрессом	0,84
Цели в жизни	0,82	Ценностно-смысловая сфера	0,82
Самопринятия	0,81	Посттравматический рост	0,79
Управления средой	0,80	Морально-волевая урегулированность	0,73
Удача	0,78		
Убеждение о контроле	0,76		

В первый фактор вошли показатели личностный рост, цели в жизни, самопринятие, управление средой и такие шкалы базисных убеждений как удача и убеждение о контроле. Фактор отражает взаимосвязи компонентов психологического благополучия и базисных убеждений. Фактор определен как «Реализация потенциала». Второй фактор включает показатели психологической безопасности личности: стратегии совладания со стрессом, ценностно-смысловая сфера, посттравматический рост, морально-волевая урегулированность. Фактор обозначен как «Гибкая перестройка поведения».

В структуре психологической безопасности студентов из полных и неполных семей выявлены общие составляющие – первый фактор включает компоненты психологического

благополучия, второй – психологической безопасности личности. Базисные убеждения вошли только в фактор «Реализация потенциала» у студентов из неполных семей. Компоненты в факторах представлены в разной последовательности и выраженности, что демонстрирует специфику субъективных представлений студентов о собственно психологической безопасности личности и их приоритетное стремление к переживанию психологического благополучия, комфорта, удовлетворённости жизнью.

Литература

1. Баева И.А., Гаязова Л.А., Кондакова И.В., Лактионова Е.Б. Психологическая безопасность личности и ценности подростков и молодежи // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 25. № 6. С. 5–18. DOI:10.17759/pse.2020250601
2. Белинская Е.П., Дубовская Е.М. Неполная семья как институт социализации: взаимосвязь представлений матери о психологическом благополучии ребенка и ее стратегий совладания с трудностями // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 3. С. 33–47. DOI:10.17759/sps.2016070303
3. Литвинова А.В. Влияние психологической сепарации от родителей на целеполагание студентов из неполных семей // Психология и Психотехника. 2020. № 3. С. 1-16. DOI: 10.7256/2454-0722.2020.3.33684
4. Литвинова А.В., Котенева А.В., Кокурин А.В., Иванов В.С. Проблемы психологической безопасности личности в экстремальных условиях жизнедеятельности Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 1 С. 8—16. DOI: https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100101
5. Литвинова А.В., Березина Т.Н., Кокурин А.В., Екимова В.И. Психологическая безопасность обучающихся во взаимодействии с виртуальной реальностью //Современная зарубежная психология. - 2022. - Том 11. № 3. - С. 94–104
6. Adamsons K., Johnson S. An updated and expanded meta-analysis of nonresident fathering and child well-being // Journal of Family Psychology. 2013. V. 27 (4). Aug. P. 589–599
7. Mustonen U., Huurre T., Kiviruusu O., Haukkala A., Aro H. Long-term Impact of Parental Divorce on Intimate Relationship Quality in Adulthood and the Mediating Role of Psychosocial Resources // Journal of Family Psychology. 2011. Vol. 25, № 4. P. 615–619
8. Литвинова А.В., Березина Т.Н., Кокурин А.В., Екимова В.И. Психологическая безопасность обучающихся во взаимодействии с виртуальной реальностью //Современная зарубежная психология. - 2022. - Том 11. № 3. - С. 94–104
9. Adamsons K., Johnson S. An updated and expanded meta-analysis of nonresident fathering and child well-being // Journal of Family Psychology. 2013. V. 27 (4). Aug. P. 589–599
10. Mustonen U., Huurre T., Kiviruusu O., Haukkala A., Aro H. Long-term Impact of Parental Divorce on Intimate Relationship Quality in Adulthood and the Mediating Role of Psychosocial Resources // Journal of Family Psychology. 2011. Vol. 25, № 4. P. 615–619

Молчанова А.А.
МГУ имени М.В. Ломоносова , Москва, Россия
aamolch@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматривается специфика семейной системы детей, активно занимающихся спортом. Особое внимание уделяется влиянию спортивной деятельности на внутрисемейные отношения, роли родителей в поддержке и мотивации ребенка, а также формированию семейных ценностей и привычек. Описаны факторы, способствующие гармонизации семейной среды и возможные трудности, возникающие из-за высокой вовлеченности в спортивную сферу.*

Ключевые слова: *дети, активно занимающиеся спортом; семейная система; спортивная идентичность; родительские ожидания.*

В настоящее время немалая группа детей включена в интенсивные занятия спортом. Зачастую в спортивную сферу детей приводят родители, причем уже в младшем дошкольном возрасте. Именно родители (эмоциональная поддержки, тайм-менеджмент, управление финансовыми ресурсами, включенность в спортивную жизнь ребенка) играют одну из ключевых ролей в спортивной карьере юного спортсмена. Соответственно, актуальным становится вопрос исследования особенностей семейной системы детей, вовлеченных в активные занятия спортом.

Цель исследования: выявление особенностей функционирования семейной системы детей-спортсменов. Исследование проходило в 2022-24 году среди родителей детей, занимающихся в секциях художественной гимнастики детско-юношеских спортивных школ и спортивных клубов Московской области (N=46).

Методики исследования: модифицированный вариант опросника А.В. Кушнирук «Шкала измерения спортивной идентичности» (2021 г.); опросник «Шкала измерения спортивной идентичности для родителей» (авторский вариант); методика «Незаконченные предложения. Оценка родительских ожиданий» для родителей (авторский вариант).

Можно выделить несколько типичных причин, которыми руководствуются родители при выборе для ребенка той или иной спортивной секции:

1) родители сами всю жизнь находятся в спорте (чаще всего в профессиональном) и считают, что он дал многое (дисциплинированность, здоровье, тщательность и пр.); поэтому их ребенку тоже необходимо пройти через такую «школу жизни»;

2) родители имеют большие проблемы со здоровьем, влияющие на их жизнедеятельность (например, лишний вес, дефекты внешности: сутулость/косолапость и т.д.) и не хотят, чтобы их дети сталкивались с подобными несовершенствами. В результате родители отдают ребенка в спорт, решая при этом собственные проблемы.

3) ребенок имеет проблемы со здоровьем, и родители пытаются компенсировать их за счет занятий спортом (например, исправление осанки (сколиоза), закачивание определенной группы мышц в случае, если имеется дисплазия суставов и т.п.).

Семейная система оказывает ребенку социальную поддержку на спортивном пути, способствуя адаптации в новом сообществе «спортсменов» и созданию ресурсов для преодоления трудных жизненных ситуаций (конкурентной и оценочной среды). Социальная поддержка бывает 4-х типов:

— *эмоциональная поддержка*: переживание позитивного чувства близости, доверия и общности (включенности в спортивную жизнь ребенка) – направлена на нормализацию душевного состояния и открытое выражение чувств;

— *инструментальная поддержка*: деньги или вещи, помощь в восстановлении после нагрузок;

— *поддержка в форме социальной интеграции*: включенность в определенную сеть социальных интеракций (например, родительский чат спортивной секции, общение в обществе родителей в ходе тренировок и соревнований), в рамках которой отмечается совпадение ценностей и представлений о жизни. В результате чего формируется социальная общность;

— *поддержка в виде стабильности отношений*: дает чувство уверенности и чувство доверия (что родитель поддержит и при неудаче, и при получении успеха) (Молчанова А.А., Молчанов И.В., 2023).

Однако помимо социальной поддержки родители предъявляют ребенку требования, ожидания и транслируют установки. Родительские ожидания могут быть завышенными/заниженными, влияющими на мотивационную сферу, перфекционистскими (Молчанова А.А., 2023). Родительские ожидания должны иметь адекватный уровень, чтобы способствовать планомерному развитию личности и самооценки ребенка. Именно адекватность, согласно многим исследованиям, является основным признаком эффективности родительских установок и ожиданий. К тому же у родителей добавляются новые критерии оценивания своего ребенка, включенного в спортивную деятельность, что связано с интериоризацией тренерских оценок спортсменов (например, внешнего вида, достижений и пр.).

Стоит отметить, что в ходе занятий спортом в сообщество «спортсменов» включаются не только дети, но и люди, косвенно вовлеченные в спортивную деятельность (родители, прародители) – формируется спортивная идентичность, способствующая поддержанию мотивации продолжения занятий спортом, высокой спортивной результативности и снижению тревожности (в особенности перед соревнованиями) (Кушнирук А.В., 2021). Система спорта принципиально нацелена на быстрое формирование спортивной идентичности у юных спортсменов и их родителей (участие в беспроигрышных соревнованиях, покупка спортивного инвентаря, рекламируемого спортсменами и производителями спорттоваров) (Молчанова А.А., 2022; Молчанова А.А., 2023)).

Так был обнаружен высокий уровень спортивной идентичности не только у детей, но и у родителей гимнасток M (среднее) = 39,7 (из 50 возможных баллов). При этом не выявлено корреляций между спортивной идентичностью родителей и детей. Можно сказать, что в ходе занятий спортом, *у значимых взрослых (родителей / прародителей) возникает свой особый вариант спортивной идентичности – «родитель спортсмена»*, т.е. это включенность в спортивную жизнь ребенка: сопровождение ребенка на соревнованияя (родители являются самыми активными болельщиками); организация оптимального режима для ребенка (создание баланса тренировки-учебная деятельность-отдых и реабилитация); отслеживание результатов ребенка и его прогресса (как относительно себя, так и относительно других спортсменов); наличие друзей среди родителей спортсменов, построение с ними общих спортивных планов и организация спортивных мероприятий (сборы / соревнования и пр.). У родителей и праророидетей возникает сопричастность спортивным результатам и процессу спортивной подготовки. В то же время спортивная идентичность детей проявляется во включенности в сообщество «спортсмены», в наличии друзей-спортсменов, посвящении большого количества времени спортивной деятельности и оттачиванию мастерства. Спортивную идентичность родителей и детей объединяет факт того, что спорт стал важной частью их жизни.

Семейная система центрируется на ребенке, подстраивается под тренировочный и соревновательный график несмотря на то, что в семье может быть несколько детей. Отметим, что центрация внимания, сил, времени и пр. осуществляется именно по отношению к ребенку-спортсмену. То есть отдых, досуг, финансы – всё в семье работает на благо результата юного спортсмена: обеспечивание участия в спортивных сборах, покупка профессиональной экипировки и инвентаря, финансирование поездок на соревнования и т.д.

В дальнейшем, по мере взросления ребенка, семейная система организует оптимальный тайм-менеджмент, чтобы ребенок был успешен как в спортивной, так и учебной деятельности. Тайминг просчитан до минут, что позволяет всей семейной системе, включая ребенка-спортсмена, вести жизнь стабильно по разработанному ритму. *Именно спортивная деятельность ребенка, является центрирующим звеном для объединения всех членов семейной системы, включая даже прародительскую семейную систему*. Формируется развернутая инфраструктура в рамках семейной системы для обеспечения успешности ребенка сначала в спорте, затем и в учебной деятельности, а далее – в профессиональной. Именно такая самоотдача семейной системы формирует у ребенка представление о ценности института семьи, о возможностях, которые открывает гармоничная семья ребенка. Как правило, дети уже в младшем школьном возрасте формируют первичный образ будущей семьи, рассматривают даже распределение ролей и функций среди членов семьи.

Таким образом, родители оказывают социальную поддержку своим юным спортсменам с самого начала спортивной карьеры, при этом косвенным образом включаясь в занятия ребенка, формируя те или иные требования, ожидания и критерии оценки (руководствуясь установками собственными и интериоризированными тренерскими). Фокус родителей юного спортсмена направлен на три аспекта: 1) на процесс; 2) на постепенное улучшение и оттачивание спортивного мастерства; 3) на рефлексию. *Спортивная деятельность изменяет структуру взаимодействия в семейной системе: она центрируется на ребенке-спортсмене, что позволяет раскрыть позитивную функцию института семьи, сформировать образ гармоничных семейных отношений, способствующий развитию ребенка.*

Литература

1. Кушнирук А.В. Спортивная идентичность как предиктор самоэффективности у людей с разным уровнем вовлеченности в физическую активность // Национальный психологический журнал. – 2021. – №3(43). – с. 43-49.

2. Молчанова А.А. Родительский перфекционизм и его влияние на формирование личности ребенка // Сборник материалов «Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования науки». – Москва, 2023, с. 108-112.

3. Молчанова А.А. Спортивная идентичность как условие развития личности ребенка, активно занимающегося спортом // Инструктор по физической культуре. – 2022. – №7. – с. 12-16.

4. Молчанова А.А. Спортивная идентичность как условие сохранения устойчивой мотивации занятий спортом у детей и подростков // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. No 4. С. 159–173. DOI: 10.28995/2073-6398-2023-4-159-173

5. Молчанова А.А., Молчанов И.В. Спортивные соревнования: нужны ли они ребенку? // Современные психологические и педагогические технологии. 2023. № 4. С. 14-22.

Моральные дилеммы и притчи в экологическом воспитании семьи

Пряжников Н.С.
Кафедра возрастной психологии факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, Россия, Москва
nsp-22@mail.ru

Аннотация. *В статье уточняется проблематика экологического воспитания, традиционная, направленная больше на объекты природы, и расширенная, направленная на весь окружающий мир. Выделяются уровни экологического сознания, начиная от организма (здоровья) конкретного человека и кончая вопросами гармонии Общества, Природы и Космоса. Рассматриваются возможности и ограничения используемых методов экономического воспитания. Особое внимание уделяется методам и педагогическим приемам косвенного воздействия на сознание воспитанников, их родителей и педагогов.*

Ключевые слова: *моральные дилеммы, экологическое воспитание, семья.*

Актуальность. Экологическое воспитание является важным направлением общего воспитания и личностного развития детей и подростков, что отражено в многочисленных статьях и пособиях (Арышева Т.Г., 2023; Козина Е.Ф., 2024; Невзорова А.В., 2017; Николаева С.Н., 2024; и др.). Важный акцент во многих работах делается на воспитание любви к Природе, что часто подразумевает и любовь к своей Родине, т.е. экологическое воспитание нередко затрагивает и проблематику патриотического, гражданского воспитания. Интересный опыт также представлен в религиозном воспитании, где говорится о том, что и Земля, и звери, как и люди созданы Богом и любимы Им, и что человек также должен бережно относиться ко всем этим созданиям (творениям), и не брать от Природы больше, чем это необходимо ему для нормальной жизни (Библия и экология, 2024). По сути, эти идеи, только более конкретизированные, представлены и в Федеральном законе «Об охране окружающей срезы» (Федеральный закон…, 2002).

Все это часто берется за основу целых образовательно-воспитательных систем, программ, проектов, ориентированных на развитие экологического сознания у детей и подростков (Невзорова А.В., 2017; Николаева С.Н., 2024). Где-то это представлено на уровне будничной работы, также имеющей свою ценность. Нередко, экологическое воспитание предполагает и активное участие в этом родителей детей и подростков, обсуждающих с детьми разные истории об отношении человека с миром природы. Например, эффективны «притчи» о природе и бережному отношению к ней (Осипова С.В., 2024). В целом, работа по экологическому воспитанию предполагает и ознакомительную часть (экскурсии на природу), и практическую часть (работа на приусадебных участках, в «живых уголках», общение с домашними животными и др.), творческий блок (выставки детских рисунков, стихов и даже видеороликов о природе и т.п.), различные массовые мероприятия (форумы, субботники и др.). В итоге, можно констатировать, что работа в этом направлении ведется, и немалая…

Актуальность экологического воспитания подчеркивает и то, что ряд авторов вообще считают, что экологическое сознание и экологическая ответственность определяет само развитие всей человеческой культуры. Например, А.М.Хазен считает, что чем более развит биологический вид, тем больше мусора он после себя оставляет. Понятно, что речь идет именно о человеке. Здесь даже возникает парадокс: чем более развит конкретный человек, тем больше для него возникает рисков деградации, если он не наведет порядок в своей голове, в своих делах и в своей душе… А многие авторитетные культурологи (М.М.Бахтин, А.Ф.Лосев…) считают, что деградация культур начинается тогда, когда накопившийся «культурологический мусор» (нерешенные проблемы) перестают беспокоить население и

элиты данного общества, и этот «мусор» становится чуть ли не гордостью деградирующего общества.

Уточнение проблемы, цели и предмета экологического воспитания:

Несмотря на определенный опыт и даже размах работы в данном направлении, мы все же считаем, что следует уточнить саму проблематику, цели и предмет экологического воспитания. За основу мы взяли известную типологии личности предложенную Б.С.Брутусем, который выделял разные уровни развития личности: эгоцентрический, группоцентрическй, просоциальный и эсхатологический (духовный). Используя общий принцип выделения таких уровней, можно, адаптируя их к вопросам экологического воспитания, уточнить эти уровни и предложить следующее: 1) забота об отдельных системах своего организма; 2) забота о своем организме в целом (включая и душевное благополучие); 3) забота о своих родных и близких; 4) забота о значимых группах и социальной среде, где человек учится, работает, отдыхает, живет; 5) забота о своем районе, городе, крае, регионе; 6) забота о своей стране; 7) забота обо всей планете Земля; 8) забота о Космосе и мире в целом…

Заметим также, что нередко «экологичность» связывают с этичностью, что даже отражено в терминах «экология человеческих отношений», «экология общения» и др. Также, можно обнаружить связь экологии и эргономики, предполагающей, насколько человеку (учащемуся, работнику…) вообще удобно, комфортно, безопасно находиться в данной среде труда, обучения, отдыха или проживания… Таким образом, можно выделить традиционное понимание проблематики экологичности, связанной непосредственно с Природой и миром живых существ, и расширенное понимания проблематики экологического воспитания, ориентированного на гармонию человека с самим собой и со всем окружающим миром.

Проблема фрагментарности, ситуативности и противоречивости экологического сознания:

К сожалению, много примеров, когда даже взрослые люди (включая и воспитателей, и педагогов, и родителей) демонстрируют своим детям примеры противоречивого поведения. Например, говорят и требуют от детей одно, а сами эти же требования нарушают. Или действуют очень фрагментарно, когда по каким-то позициям у них полный порядок и даже гармония с природой (например, на своей даче), а по другим позициям, и в других ситуациях их отношения с природой просто варварское (оставляют мусор после шашлыков в общественных местах, легко выкидывают мусор из окон автомобилей и т.п.). Подобные примеры отражают лишь некоторые уровни экологического сознания (выделенные выше) у незадачливых героев ситуаций, и если это будут отмечать сами дети и подростки, то модно надеяться, что и к своему экологическому поведению они будут относиться более критично.

Проблема методов экологического воспитания

На фоне многообразных направлений и методов экологического воспитания, отраженных в различных статьях и пособиях, мы считаем, что часто недооценивается дискуссионный метод. Здесь можно взять за основу подход Л.Кольберга, использующего «моральные дилеммы». Например, включать в эти дилеммы конкретные ситуации недобросовестного отношения к Природе, и обсуждать их вместе с воспитанниками. Мы полагаем, что начинать это можно даже с детского сада. Важно, чтобы дети эмоционально переживали за природу, за животных, да и за людей, которые в своем безответственном поведении начинают деградировать. А если дети и подростки будут еще и смеяться над неудачным экологическим поведении неких абстрактных героев, то повышается вероятность того, что они будут способны и на себя посмотреть со стороны и не повторять такое поведение.

Конечно, в такой работе следует проявлять определенную тактичность («экологичность») и не травмировать конкретных участников таких разговоров, тем более, никак не намеках на то, что подобное поведение проявляют родители детей. С родителями лучше такие ситуации рассматривать на родительских собраниях, но и там, никак нельзя намекать на конкретных родителей, а обсуждать «абстрактные» случаи. Здесь возникает сложный вопрос: могут ли дети делать замечания взрослым (родителям, родственникам или педагогам), если они увидят, что сами взрослые относятся к природе нехорошо. Мы считаем,

что могут, но здесь самим детям следует объяснить, что такие замечания должны делаться в очень уважительной, корректной форме. А родителям (на родительских собраниях) важно сказать о том, что если ребенок сделает им подобное замечание, то они не наказывать их должны, а скорее – порадоваться тому, что ребенок развивается как гармоничная личность и как будущий полноценный гражданин своей страны.

Интересен опыт использования специальных игровых занятий, включая и настольные игры, где моделируются экологические проблемы бизнеса и производства. Эти игры могут быть построены по типу известной игры «Монополия», но помимо прибыли, в новых играх предприятия еще и «производят» отходы, загрязняющие среду и если с ними ничего не делать, то наступает экологическая катастрофа. Например, как в разработанной нами игре «Бизнес-Мусор» и модифицированной версии этой игры – «Страна богатых и умных (СВУ)» (Пряжников Н.С., 2008). Опыт использования этих игр со старшеклассниками и студентам показал, что участники иногда сильно переживают, если их стремление к прибыли (игровая «жадность») оказываются важнее заботе о чистоте территорий, где они построили свои игровые предприятия, что и проводит к экологической катастрофе… И мы считаем, что именно переживания, здоровые эмоции и чувства должны лежать в основе настоящего экологического воспитания.

Литература

1. Арышева Т.Г. Экологическое воспитание как средство формирования нравственности и духовности детей/ Опубликовано 27.04.2023 - 9:28 // https://nsportal.ru/shkola/raznoe/library/2023/04/27/ekologicheskoe-vospitanie-kak-sredstvo-formirovaniya-nravstvennosti (дата обращения : 08.09.2024)
2. Библия и экология. Что об отношении человека к природе и животным написано Библии// https://apologetica.ru/staty/bibliia-i-ekologiia.html (дата обращения: 08.09.2024).
3. Козина, Е. Ф. Теория и методика экологического воспитания дошкольников : учебник для среднего профессионального образования / Е. Ф. Козина. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 454 с.
4. Невзорова А.В. Образовательные результаты экологического воспитания младших школьников во внеурочной деятельности// Ярославский педагогический вестник – 2017 – № 5, с. 70-74.
5. Николаева С.Н. Система экологическое воспитания в школе. – М.: ИНФРА-М, 2024 г., Серия: Высшее образование. Магистратура. – 247 с. // Подробнее: https://www.labirint.ru/books/981553/ (дата обращения: 08.09.2024).
6. Осипова С.В. Экологические притчи. Проект по окружающему миру (подготовительная группа)/ Опубликовано 08.02.2024 - 18:50// https://nsportal.ru/detskiy-sad/okruzhayushchiy-mir/2024/02/08/ekologicheskie-pritchi / (дата обращения: 08.89.2024).
7. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. – М.: Изд. центр «Академия», 2008. – 320 с.
8. Федеральный закон "Об охране окружающей среды" от 10.01.2002 N 7-ФЗ (последняя редакция), 10 января 2002 года N 7-ФЗ// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 08.09.2024)

Взаимосвязь экологического сознания детей младшего школьного возраста и экологического сознания их матерей

Т.Ю. Садовникова, К.А. Симанова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
tatsadov@yandex.ru, ksushzes@mail.ru

Аннотация. *Цель исследования – изучить взаимосвязь экологического сознания детей младшего школьного возраста и экологического сознания их матерей. Актуальность темы определяется существующим в современном обществе РФ противоречием: между важностью создания благоприятных условий для формирования экологического сознания детей младшего школьного возраста и недостаточной теоретической разработанностью и методической обеспеченностью задачи становления экологического сознания детей.*

Ключевые слова: *экологическое сознание, младший школьный возраст, антропоцентрическое и экоцентрическое типы экологического сознания, психологическое благополучие личности*

Актуальность исследования.

Проблема становления экологического сознания в детских возрастах, роли родителей в формировании ответственного отношения детей к природе, является междисциплинарной, **б**езусловно обладает теоретической и практической значимостью в условиях современного мира, для которого характерен рост природных и техногенных катастроф. Установлено, что наибольшее деструктивное влияние пространственно-предметной среды на личность наблюдается именно в младшем школьном возрасте, что подчеркивает актуальность исследования. Ученые рассматривают экологическое сознание личности, как высший уровень психического отражения природной и искусственной среды, своего внутреннего мира, рефлексии о месте и роли человека в мире природы (В.И. Медведев, А.А. Алдашева, В.И. Панов, Е.Н. Новоселова, Р.Г. Мелкумова и др.). Адекватное экологическое сознание связано с психологическим благополучием человека.

Цель исследования – изучение особенностей экологического сознания (ЭС) детей младшего школьного возраста в связи с особенностями экологического сознания их матерей.

Выборка. 37 младших школьников, возраст от 7,0 до 11,0 лет (M = 9,56; SD = 1,106) и их матери, возраст от 28 до 52 лет (M = 37,19; SD = 4,39), всего 37 диад.

Методики: 1.Анкета для родителей 2. Батарея методик «Опросник экологического сознания» В.И. Панова (2004, 2012), 3. Методика «Взаимодействие родителя с ребёнком» (ВРР) И.М.Марковской (2005), 4. Авторский опросник «Экологические установки родителей» (ЭУР). *Методики для младших школьников:* 1). Анкета, 2). Методика «Натурафил» С.Д. Дерябо, В.А. Ясвина (1996), 3). Методика «Незавершенные предложения» Сакса - Леви, в модификации З.Б. Атабаевой (2021), 4). «Опросник экологического сознания» для детей (ОЭСд) М.О. Мдивани с коллегами (2016).

Основные результаты.

1.Выявлена значительная вариативность ЭС современного младшего школьника. И характеризуется: А) высокой ценностью природной среды при наименьшей ценности техногенной среды; Б) сила влияния природы на человека, в восприятии младших школьников, скорее, позитивная, чем негативная; В) положительным влиянием человека на природу.

Девочки, по сравнению с мальчиками, сильнее ощущают единение с природой через телесные ощущения, эстетические ощущения, и через активность, а мальчики выше оценивают ценность гаджетов и технологий по сравнению с ценностями природы и общения.

2.ЭС матерей младших школьников характеризуется: а) высокой ценностью природной и социальной среды при наименьшей ценности техногенной среды; б) оценкой силы влияния человека на природу и влияния природы на человека как достаточно заметной, причем, как позитивной, так и негативной; с). более значимой частотой отрицательного влияния человека на природу, чем положительного, г) более важными эстетическими ощущениями как основой единения с природой, чем телесными; д) ярко выраженной экологической ответственностью по природоохранным предприятиям регионального уровня,

т.е. близкой среды обитания, и персонального уровня, при менее выраженной экологической ответственностью по природоохранным предприятиям – на государственном и международном уровне.

3. Разработан и апробирован авторский опросник «Экологические установки родителей (ЭУР)». Выявлен высокий уровень показателей поведенческих, когнитивных, эмоциональных установок матерей младших школьников, их насыщенный детский опыт взаимодействия с природой при умеренной выраженности ценностных установок и важности представленности экологических ценностей в цифровом окружении ребенка.

4. Выявлена связь между ЭС младших школьников и ЭС их матерей. Дети, чьи матери убеждены в положительном влиянии природы на человека, придают большое значение эстетическим ощущениям и активности для ощущения единения с природой, больше мотивированы к практической деятельности с объектами природы; у детей, чьи матери считают, что человек отрицательно влияет на природу, более выражены активные действия ребенка для взаимодействия с природой.

5. Были выделены две группы матерей, отличающиеся характером детско-родительских отношений: группа 1 (***«сотрудничающие»***), матери более принимающие, последовательные, менее строгие, менее авторитарные; группа 2 (***«контролирующие»***), матери более контролирующие, более тревожные за ребёнка, более строгие и менее последовательные в своих действиях.

Особенности ЭС матерей, отличающихся характером детско-родительских отношений, по нашим данным, имеют различия: у матерей из группы 1 убеждение о положительном влиянии человека на природу никак не связано с ЭС их детей, а у матерей из группы 2 убеждение о положительном влиянии человека на природу, обратно связано с убеждением в негативном влиянии человека на природу у их детей.

Выводы.

Выявлена значительная вариативность ЭС современного младшего школьника.

Выявлена связь между ЭС младших школьников и ЭС их матерей

Экологические установки матерей связаны с особенностями экологического сознания их детей младшего школьного возраста, а именно выраженные эмоциональные установки родителей напрямую связаны с пониманием детьми положительного влияния природы, а богатый детский опыт взаимодействия с природой у матерей связан с более выраженным восприятием природы у детей посредством эстетических ощущений.

Особенности ЭС матерей, отличающихся характером детско-родительских отношений, по нашим данным, имеют различия.

Гипотезы исследования нашли подтверждение.

Связь ранних дезадаптивных схем с характером близких отношений в юношеском возрасте

А.А. Сухова

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

anchosya@gmail.com

Аннотация. *Данная работа посвящена исследованию взаимосвязи ранних дезадаптивных схем и характера близких межличностных отношений. Выявлены наиболее выраженные ранние дезадаптивные схемы для выборки юношеского возраста. Проанализирована выраженность ранних дезадптивных схем при различных сочетаниях темперамента и опыта близких межличностных отношениях.*

Ключевые слова: *ранние дезадаптивные схемы, близкие межличностные отношения, темерамент, юношеский возраст*

Введение. Ранние дезадаптивные схемы (РДС) — психические структуры, которые развиваются в детстве в процессе межличностных взаимодействий и формируют шаблон, определяющий интерпретацию дальнейшего жизненного опыта (Young, Weinberg, Beck, 2001). Высокая выраженность РДС является фактором риска возникновения психических расстройств и обуславливает психологическое неблагополучие человека (Thimm, Chang, 2022; Barazandeh et al., 2016 и др). По этой причине важно понимать, какие обстоятельства жизни связаны с формированием РДС. Изучение коррелятов дезадаптивных схем становится все более распространенным в российской психологической науке (Галимзянова, Касьяник,Тихомирова, Гришина, 2016; и др.), однако на русском языке отсутствуют работы, которые бы рассматривали связи РДС со всеми факторами формирования ранних дезадаптивных схем, описанными в модели Дж.Янга. Именно это и стало целью нашей работы.

Методики исследования

1. Схемный опросник Янга (YSQS3R) в адаптации П.М. Касьяника и Е.В. Романовой (Касьяник, Романова, 2016)

2. Опросник «Привязанность к близким людям» (Сабельникова, Каширский, 2015).

3. Опросник М.В. Яремчук в модификации О.В. Алмазовой и Г.В. Бурменской (М.В. Яремчук, 2006; Алмазова, 2015)

4. «Опросник родительского принятия – отвержения» (Parental Acceptance-Rejection Questionnaire) в адаптации Г.В. Бурменской

4. «Опросник структуры темперамента-компакт» В.М. Русалова и И.Н. Трофимовой (Русалов, Трофимова, 2007)

Характеристика выборки

В настоящем исследовании приняли участие 127 человек. Из них 60 респондентов (47,2% от общего числа) были мужского пола, 67 (52,8% от общего числа) – женского. Возраст респондентов был от 20 до 25 лет (M=22,9, SD =2,40). 68,5% респондентов выросли в полной семье, 31,5% - в неполной. Данные были получены путем адресной рассылки Гугл-формы.

Результаты исследования

Результат анализа описательных статистик показал, что наиболее выраженными среди респондентов оказались схемы Жестких Стандартов и Поиска одобрения. Наименее выраженными – схемы Эмоциональной депривированности и Дефективности. Этот результат согласуется с другими исследованиями, проведенными на российских выборках (Тихомирова, Гришина, 2016; Галимзянова, Касьяник, Романова, 2016). Мы не обнаружили значимых различий в выраженности РДС у респондентов из полных и неполных семей, за исключением схемы Подавления эмоций (U=1329,500; p=,031).

С помощью кластерного анализа нами были получены следующие значимо различающиеся сочетания особенностей темперамента и опыта близких отношений:

Сочетание благоприятных особенностей темперамента и позитивного опыта близких межличностных отношений (35 человек, 27,56% от общего числа респондентов)

Сочетание неблагоприятных особенностей темперамента и позитивного опыта близких межличностных отношений (32 человека, 25,19% от общего числа респондентов)

Сочетание благоприятных особенностей темперамента и негативного опыта близких межличностных отношений (19 человек, 14,96% от общего числа респондентов)

Сочетание неблагоприятных особенностей темперамента и негативного опыта близких отношений (41 человек, 32,2% от общего числа респондентов).

Мы предполагали, что при сочетании благоприятных особенностей темперамента и позитивного характера близких межличностных отношений выраженность ранних дезадаптивных схем меньше, чем при других сочетаниях. А при сочетании неблагоприятных особенностей темперамента и негативного характера близких межличностных отношений выраженность ранних дезадаптивных схем больше, чем при других сочетаниях особенностей темперамента и характера близких межличностных отношений.

На рис. 1 приведено распределение оценок по всем доменам схем у респондентов из разных кластеров.

Первая часть гипотезы получила свое четкое эмпирическое подтверждение: при сочетании благоприятных особенностей темперамента и позитивного характера близких межличностных отношений выраженность РДС меньше, чем при других сочетаниях (попарно, критерий Манна-Уитни).

Вторая часть гипотезы не подтвердилась. Мы не увидели наибольшую выраженность РДС при сочетании негативного опыта близких отношений и неблагоприятных особенностей темперамента.

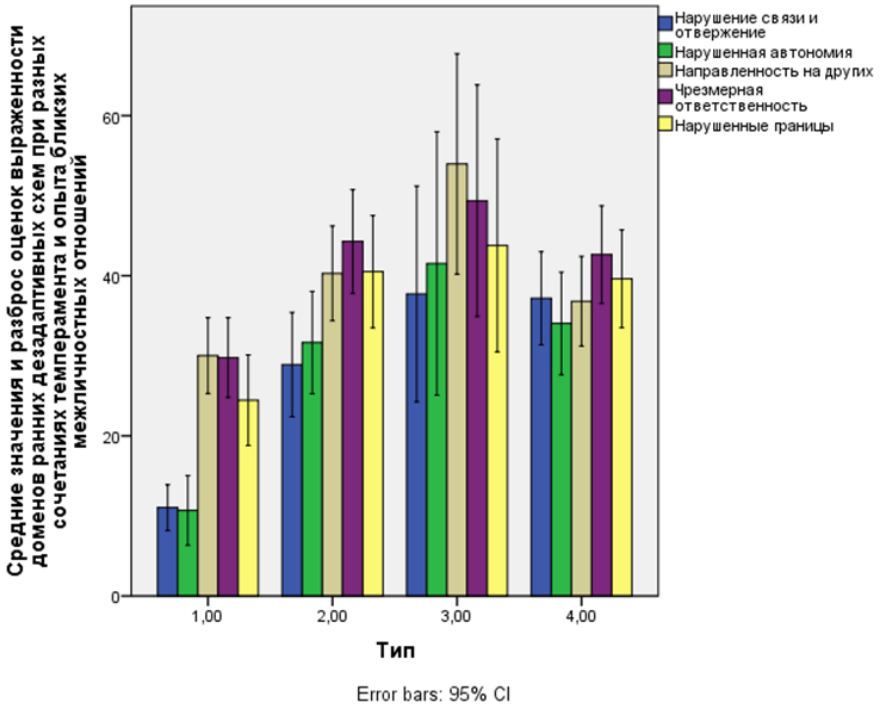

Рис. 1. Средние значения и разброс оценок выраженности доменов ранних дезадаптивных схем при разных сочетаниях темпераментальных особенностей и опыта близких межличностных отношений

Мы можем говорить о том, что выраженность любого неблагополучия – темпераментального или в области близких межличностных отношений связано с большей выраженностью РДС.

Результаты нашей работы могут быть применены в практике психологического консультирования (консультативная работа с коррелятами РДС) и дальнейших исследованиях: необходим поиск протективных факторов для людей с уязвимым темпераментом или проблемами в близких межличностных отношений.

Литература

1. Алмазова О.В. Привязанность к матери как фактор взаимоотношений взрослыхсублингов // Дисс. канд. псих. наук. – М.: 2015, – 265 с.

2. Галимзянова М.В., Касьяник П.М., Романова Е.В. Выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов функционирования схем у мужчин и женщин в период ранней, средней и

поздней взрослости // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2016. – №. 3. – С. 109-125.
3. Касьяник П.М., Романова Е.В. Диагностика ранних дезадаптивных схем. – СПб.: Санкт-Петербург. политех. университет, 2014. – 120 с.
4. Сабельникова Н.В., Каширский Д.В. Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. – №. 4. – С. 84-97
5. Тихомирова М.А., Гришина Н.В. Ранние дезадаптивные схемы в контексте психологического благополучия // Петербургский психологический журнал. – 2016. – №. 16. – С. 83-102.
6. Яремчук М. В. Роль привязанности к родителям в формировании романтических отношений в старшем подростковом возрасте //М.:2006. – Т. 29.
7. Barazandeh H. et al. A systematic review of the relationship between early maladaptive schemas and borderline personality disorder/traits // Personality and Individual Differences. – 2016. – V. 94. – P. 130-139.
8. Rusalov V., Trofimova I. Structure of Temperament and its measurement. Psychological Services Press, 2007.
9. Thimm J.C., Chang M. Early maladaptive schemas and mental disorders in adulthood: A systematic review and meta-analysis // International Journal of Cognitive Therapy. – 2022. – V. 15. – №. 4. – P. 371-413
10. Young, J., Weinberg, A., & Beck, A. Cognitive therapy for depression. Clinical Handbook of Psychological Disorders. New York: Guilford Press. 2001. pp. 264–308.

Четыре «Подводных Камня» взаимодействий детей и домашних питомцев

Е.Ю. Федорович
Отдел «Академия», ГАУ Московский зоопарк, город Москва, Российская Федерация
labzoo_fedorovich@mail.ru

Аннотация. *Вопреки широко распространенным в современной городской культуре установкам о «пользе» домашних питомцев (далее – ДПП) для детей, необходимо исследовать и учитывать при работе не только с детьми, но и со взрослыми, у которых в детстве в семье были ДПП следующие моменты: активная вовлеченность ДПП в конфликтные отношения в семьях; переживание детьми своей бесправности при принятии решений о судьбе ДПП; переживание детьми утраты ДП; физическое травмирование детей питомцами без оказания психологической поддержки со стороны взрослых.*

Ключевые слова: *Домашние питомцы; психотерапия с помощью животных*

Вопреки широко распространенным в современной городской культуре установкам относительно того, что домашние питомцы (далее – ДПП) «полезны» детям, а также несмотря на активное развитие психотерапии и коррекционной работы с помощью животных (animal-assisted therapy, animal-assisted activity и т.п.), является безответственным рекомендовать ДПП в качестве «безошибочного спасательного средства» или «заместителей» функций других членов семьи для восполнения эмоциональных дефицитов и иной психологической поддержки детей, а также в качестве фактора, способствующего воспитанию в детях ожидаемых качеств («трудолюбия, ответственности» и т.п.). Среди психологов и других

специалистов (в основном – зоологов), которые предлагают услуги «животных-терапевтов», часто наблюдается сильное влияние собственных переносов и не пережитых травм, касающихся их отношений с собственными ДПП, при интерпретации поведения животных, что негативно сказывается на их рекомендациях и действиях. Супервизии в области ААТ практически не существует.

Материалы доклада были получены на основе проведения структурированных интервью с хозяевами ДПП (2010-2014 гг., при участии А.Я. Варги), опросов первокурсников факультета психологии МГУ в период 1010-1019 гг, преподавания на факультете психологии (до 2019 г.) и в Московском зоопарке (2019-2024) курса повышения квалификации «Поддержание животными-домашними питомцами психологического благополучия своих хозяев: ограничения и особые возможности», а также организации и участия в работе Клуба выпускников Академии МЗ, работающих в области коррекции поведения домашних питомцев (1921-1924 гг.).

Основными «подводными камнями» взаимодействий детей и ДПП, с нашей точки зрения, являются:

1. Использование ДПП в качестве триангуляторов между взрослыми членами семьи и детьми, где особой проблемой является *вовлеченность ДПП в конфликтные отношения членов семьи в неблагополучных семьях*. Для многих детей, в семьях которых существует насилие, животные представляют собой одновременно как источник утешения, так и источник уязвимости. С одной стороны, взаимодействие с ДПП позволяет детям получать эмоциональную поддержку в периоды сильного стресса, особенно в ситуациях, когда поддержка со стороны других членов семьи недоступна, но с другой стороны ДПП становятся мишенями жесткого обращения с ними со стороны значимых для ребенка взрослых и даже самих детей. Как показывает опыт, в семьях с абьюзерами, ДПП всегда используются последними для управления членами семьи, для запугивания и принуждения; в подобных семьях дети непременно становятся свидетелями издевательств над животными, непреднамеренного или целенаправленного нанесения им физических травм и увечий, смертей животных, смертей целого ряда последовательно заводимых животных, в том числе и разных видов животных. Дети становятся не только пассивными свидетелями жестоких действий по отношению к ДПП, но и целенаправленно втягиваются абьюзерами в ситуации насилия. При том, что дети в неблагополучных семьях могут быть глубоко эмоционально привязанными к ДПП и получать от них психологическую поддержку, они с большой вероятностью сталкиваются с описанным выше неблагоприятным опытом, не имея возможности повлиять на ситуацию, не имея поддержку со стороны матери или других членов семьи, не имея возможности прорабатывать подобные травмы. Нередко матери не решаются уйти из семьи, боясь за жизнь ДПП, пренебрегая благополучием детей.

2. Переживание детьми своей бесправности при принятии решений о судьбе значимых для них ДПП . Решения о заведении новых животных в доме, об оставлении ДПП на прежнем месте жительства при переезде или при различных поездках, о передаче животных родственникам или другим людям/в приюты, об эвтаназии принимаются почти исключительно взрослыми членами семьи, и, по крайней мере, до старшего подросткового возраста, мнения детей, как правило, не учитываются. Большинство взрослых людей в наших интервью, которые говорили о том, что «домашние питомцы – это опасно», но не могли объяснить, почему, имели подобный опыт травмы. Некоторые молодые люди 25-30 лет среди главных опасений, испытываемых ими в детство относительно ДПП, упоминают и существовавший у них страх того, что не найдут ДПП, вернувшись домой.

3. Переживание детьми утраты домашнего питомца. Для современных городских детей «модель переживания утраты значимого другого» формируется при утрате ДП, а не старших родственников. В отличие от случаев утраты людей, надежных и широко распространенных ритуалов, облегчающих переживание травмы утраты домашних питомцев не существует. Многие родители, погруженные в собственные переживания утраты, не

обращают внимание на переживания детей, либо же принижают или отрицают значимость утраты ДП для ребенка, предлагая, например, его замену или уничтожая все «признаки жизни» умершего животного. Смерть ДПП нередко является темой, которую часто избегают при обсуждении с детьми, так как родители считают, что детей следует ограждать от подобных переживаний или не находят ресурсов их обсуждать, будучи сами поглощенными утратой.

Современные городские дети нередко остаются со своими непроработанными переживаниями утраты эмоционально значимых для них отношения один на один. В наших опросах молодые люди 17-20 лет включали умерших несколько лет (в нашем случае – от 3 до 7 лет) тому назад животных в состав своей семьи (семейная социограмма «Круг Эйдемиллера»). Умерший ДП может сохранять функцию «сплачивания семьи», в восприятии переживших подобную травму в детстве, в течение последующих многих лет.

Воображаемая угроза утраты ДП из-за необходимости жить отдельно нередко мешает подростку сепарироваться из семьи, а воспринимаемая как угроза утрата контроля над жизнью значимого ДП и расставание с ним является также поводом отказаться от поступления в учебные заведения в другом городе; проведение каникул вдали от дома и т.п.

4. Физическое травмирование детей ДПП без оказания психологической поддержки со стороны взрослых. Как показывают исследования, нанесение животными физических травм (покусы, расцарапывание) детям до 5 лет происходит, как правило, дома, и, в большинстве случаев – это собственные, знакомые детям, ДПП. Ничего не известно о поддержке со стороны родителей детей в этих случаях, нередки случаи замалчивания происшествия, наказания животных в присутствии детей, либо обвинения детей в случившемся. Только на первый взгляд выглядят парадоксальными случаи, когда родители активно сопротивляются тому, чтобы собаку, нанесшую тяжелую травму ребенку, удалили из семьи.

Связь между наличием в детстве семейного ДП и последствиями этого опыта часто рассматривается в существующей литературе односторонне позитивно. Однако, существуют и серые, и темные стороны подобного опыта, которые необходимо исследовать и учитывать при работе не только с детьми, но и со взрослыми, у которых в детстве в семье были ДПП. Эти «серые» стороны на удивление стойко игнорируются специалистами, в компетенции которых входит работа с психологическим неблагополучием как детей, так и взрослых, а также изучение текущего состояния семьи. Описанные выше проблемы не ограничивают полный список «подводных камней» в отношениях между детьми и живущими в семье ДПП, однако, с нашей точки зрения, они являются первоочередными, которые следует принимать во внимание при работе с детьми, в семьях которых имеются животные.

ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСКО РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Осознанное и ответственное родительство: целевой ориентир дошкольного образования

Авдулова Т.П.
ФГБНУ ИРЗАР, МОСКВА, РФ; ФГБНУ ВО МПГУ, МОСКВА, РФ
avdulova@bk.ru

Аннотация. *Содержательное определение осознанного и ответственного родительства включает в себя три уровня: представления родителей о ребенке, о себе как родителе и понимание взаимоотношений с ребенком; социальные характеристики отношений с*

обществом, социальными институтами и группами; функциональные компоненты родительства Обобщающим, мета компонентом является сознательное и рефлексивное принятие родителем на себя ответственности в отношении ребенка.

Ключевые слова: *осознанное и ответственное родительство, дошкольный возраст, ценность ребенка, консультативная практика*

Целевым ориентиром взаимодействия дошкольной образовательной организации с семьей, согласно Федеральной образовательной программе дошкольного образования (ФОП ДО), является организация условий развития осознанного и ответственного родительства и благополучия семьи. Эта цель достигается как в рамках просвещения родителей, повышения их психолого-педагогической осведомленности, так и благодаря общей системе взаимодействия семьи, ребенка и системы образования (Авдулова Т.П., Бурлакова И.А., Кротова Т.В., 2023). В Год семьи в России особое внимание фокусируется на укреплении института родительства и разработке новых моделей поддержки семьи в системе образования.

В этом контексте весьма важными представляются ожидания общества в отношении развития будущих поколений, а характер этого развития определяется и на уровне личности, и на уровне отношений, родительской позицией. Учитывая сензитивность возраста, уровень дошкольного образования призван обеспечить не только образование детей, но и обогащение родительской позиции, помощь родителям в осознании и практическом воплощении таких актуальных задач воспитания детей как развитие активности и инициативности; формирование регуляторных процессов (на уровне произвольности, волевого поведения и в эмоциональной сфере); открытость опыту преодоления.

Определяя, родительство как особую деятельность, регулируемую и биологическими, и культурно-историческими факторами, О.А. Карабанова подчеркивает социально предписанный характер родительства и его опосредованность нормами, правилами, культурными традициями и опытом (Карабанова О.А., 2015). Смыслом осознанного и ответственного родительства является не только реализация какого-то минимума функций и удовлетворение потребностей ребенка, но стратегическое и тактическое понимание родительских функций, осознание особенностей развития и уникальных качеств своего ребенка и построение соответствия между возрастными задачами развития и конкретной личностью ребенка, – то есть современный родитель фактически призван выстраивать модель родительства, в которую включены психологические и педагогические знания и умения (Авдулова Т.П., Бурлакова И.А., Кротова Т.В., 2023; Карабанова О.А., 2015).

Хотя семья традиционно является консервативным и стабильным началом, удивительным образом, институт родительсва претерпевает динамичные и достаточно контрастные изменения. Это и общая направленность родительского воспитания на гуманизацию отношений и ориентацию на личность ребенка, формирование позитивного родительства и осознание многообразия родительских функций, не сводимых к присмотру и уходу; и ценностное отношение к ребенку как источнику счастья, смысла и личностного роста для всей семьи. Одновременно в современном родительстве наблюдаются акцентуированные позиции приоритета «парниковых» условий, когда главной ценностью становится физическая и психологическая безопасность окружения ребенка, эмоциональный комфорт и максимальное удовлетворение потребностей ребенка. К акцентуированным позициям можно отнести и тренд на отношение к ребенку как простроенному долгосрочному «проекту», в котором реализуются родительские амбиции, не всегда в согласии с индивидуальностью ребенка. В таком проекте эмоциональные запросы просчитываются, а общение отдается на аутсорсинг. Сохраняются варианты отчужденного, эмоционально холодного отношения к детям и конфликтной, а иногда кризисной реализации родительской роли.

Содержательное определение осознанного и ответственного родительства (далее ООР) выстраивается как многомерный феномен, объединяющий уровни субъектов (родитель и ребенок), их отношений (взаимодействие с ребенком, чувствительность к потребностям

ребенка, характер контроля) и уровень общества (ожидания общества, нормы, традиции, ценность родительства), где главный результат ООР - формирование гражданина общества. Важно включить в понимание ООР и отношения внутри социальных групп, которые так же опосредуют родительскую позицию. Сюда относятся взаимоотношения родитель – расширенная семья; родитель - социальные институты (ДОО, организации дополнительного образования и др.); родитель - родительское сообщество. Именно через социальные группы родитель решает задачи адаптации ребенка, его социализации в соответствии с возрастом и реализации способностей, освоения способов презентации своего потенциала в социальных сообществах.

ООР является феноменом, модерируемым ожиданиями самих родителей и общества в отношении содержания родительских функций, их реализации во взаимодействии с детьми. Просветительская помощь родителям со стороны дошкольных образовательных организаций нужна в построении осознанной, произвольной, субъектной и опосредованной социальными нормами и правилами системы воспитания. Фактически это рост родительства в русле высших психических функций, моделируемых обществом. Важно понимание осознанного и ответственного родительства как ценности общества и системной реализации родителями определенного качества заботы, воспитания и образования детей. Цель осознанного и ответственного родительства - способность к контролю, планированию, прогнозированию и регуляции процесса воспитания на основе имеющихся знаний, личностных ценностей и опыта решения родительских задач.

Обобщая все выше сказанное, мы можем говорить об осознанном и ответственном родительстве как интегральной психологической системе, объединяющей ценностные и смысловые решения задач по удовлетворению физиологических и психологических потребностей ребенка (в безопасности, надежных эмоциональных связях, общении) и созданию условий для развития, воспитания и образования здоровой, зрелой личности.

На первом интегративном уровне феномен ООР отражен представлениями родителей о ребенке, о себе как родителе и пониманием взаимоотношений с ребенком. Второй осью многоуровневой системы координат ООР являются социальные характеристики отношений с обществом, социальными институтами и группами. Третьей осью интегративного понимания ООР является характеристика функциональных компонентов родительства и качества их реализации в зависимости от когнитивного, эмоционального и поведенческого развития. Обобщающим, мета компонентом является сознательное и рефлексивное принятие родителем на себя ответственности в отношении ребенка.

Литература

1. Авдулова Т.П., Бурлакова И.А., Кротова Т.В. Просвещение родителей / законных представителей детей дошкольного возраста как способ формирования позиции осознанного, ответственного родительства. Современное дошкольное образование, 2023. №4 (118). – С.64-74. DOI 10.24412/2782-4519-2023-4118-64-74

2. Карабанова О. А. Позитивное родительство – путь к сотрудничеству и развитию // Пед. образование в России, 2015. № 11. – С. 157–161.

3. Поливанова К.Н. Современное родительство как предмет исследования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru, 2015. Том 7. №2. – С. 1–11. doi: 10.17759/psyedu.2015070301 (дата обращения 25.03.2024).

Отличительные особенности родительской позиции бабушки по сравнению с материнской

Вранцева Н.А., Захарова Е.И.

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Баку, Азербайджан
E-I-Z@yandex.ru, nina.aleksandrovna.vr@gmail.com

Аннотация. *В работе представлен сравнительный анализ родительских позиций матери и бабушки. В исследовании приняли участие диады мама-бабушка, являющиеся членами одной семьи. Результаты исследования свидетельствуют о том, что бакинские женщины склонны к чрезмерной опеке, снижению требовательности. В то же время матери в большей степени склонны оказанию психологической поддержки ребенка, способствуют его социализации. В целях предотвращения конфронтации участников воспитательного воздействия рекомендовано организация гармонизирующего воздействия.*

Ключевые слова: *родительская позиция, прародители, воспитание, родительская позиция бабушки.*

Важнейшей функцией семьи является уход и воспитание ребёнка. Для гармоничного развития личности ребёнка крайне важно, чтобы воспитательные воздействия родителей были непротиворечивы. При постоянном столкновении с непоследовательными и несогласованными требованиями матери и отца ребёнок научается ловко уклоняться от них. Противоречивое воспитание затрудняет формирование адекватной оценки ребёнком своих возможностей, дезорганизует его, складывается неадекватная система ориентиров поведения (Гребенникова Н.В., Гурова Е.В., Захарова Е.И., 2014), ребёнок может испытывать чувство незащищённости, недоверия к родителям (Caldera Y.M., Lindsey E.W., 2006). Однако важна согласованность не только материнской и отцовской позиций, но и прародительских позиций, поскольку бабушки являются активными участниками воспитательного процесса. У каждого из участников, воспитывающих ребёнка, своя позиция, свои взгляды на воспитание, сформировавшиеся под влиянием собственного жизненного опыта.

На сегодняшний день в основном в исследованиях речь идёт о согласованности родительских позиций матери и отца (Winsler A., Madigan A.L. and Aquilino S.A., 2005). Стили воспитания прародителей и их влияние на развитие личности ребёнка мало изучено. (Sadruddin A. F., et al., 2019). Исследователи фокусируют внимание в большей мере на роли бабушки и её психологическом и физическом благополучии, в неполных семьях, или семьях, где бабушки становятся опекунами, замещают умерших или лишённых родительских прав родителей, иными словами изучается влияние участия в воспитании на саму бабушку и её роль в неблагополучных семьях (Арчакова Т.О., 2009; Rodgers-Farmer A.Y., 1999; Minkler M., et al., 1997; Ehrle G. M., Day H. D.,1994). Тем не менее хотя их немного, но есть исследования, посвящённые изучению стилей воспитания бабушек в относительно благополучных семьях. Так, показано, что бабушки по сравнению с матерями в большей мере склонны к принятию, одобрению, сочувствию, эмпатии ребёнку, больше оказывают ему поддержки, реже наказывают. Отношения бабушки с внуком можно охарактеризовать как более игривые и раскованные, чем с матерью (Беднарчук А.И., 2016). Бабушки придерживаются более «мягкого» стиля воспитания и выражают более высокий уровень согласия с ребёнком по сравнению с матерью. В отличии от бабушек, матери в большей степени поощряют инициативу и самостоятельность ребёнка (Сорокина О.А., 2017). Также обнаружено, что бабушки менее чувствительны к потребностям ребёнка, по сравнению с матерями (Kaminski P.L., et al., 2008). Родительские позиции бабушек, проживающих вместе с внуками и раздельно также имеют свою специфику. Родительские позиции раздельно проживающих бабушек отличаются большим стремлением к общению и развитию самостоятельности внуков, в то время как родительские позиции бабушек из расширенных семей характеризуются стремлением контролировать поведение внука, принятием на себя родительской роли, что может приводить к размыванию семейных ролей (Yorgason J.B., Padilla-Walker L., Jackson J., 2011). Несмотря на то, что в расширенных семьях отношения между внуками и прародителями более близкие, чем

в нуклеарных, однако они сопровождаются большей напряжённостью и конфликтностью (Булыгина М.В., Комарова С.В., 2019).

В поисках особенностей родительской позиции бабушки по сравнению с материнской была использована батарея опросных методик (ОДРЭВ Е.И. Захаровой, ВРР И.М. Марковской, PARY, ОРО А.Я. Варги-Столина) для выявления характера детско-родительских отношений в бакинских семьях с детьми дошкольного возраста. Результаты показали, что родительские позиции матери и бабушки имеют значимые различия. Так, матери оценивают себя как более чувствительных к состоянию ребёнка (U=105; p=0,028), лучше понимают причины возникновения состояния (U=90,5; p=0,008) и более эффективно способны воздействовать на него (U=110; p=0,040), по сравнению с бабушками. У матерей возникает больше позитивных эмоций во взаимодействии с ребёнком, чем у бабушек (U=93; p=0,011). Бабушки чаще раздражаются при общении с ребёнком (U=102,5; p=0,022), менее терпимы к негативным проявлениям в его поведении (U=112; p=0,046), в меньшей степени готовы к сотрудничеству с ребёнком (U= 96,5; p=0,014). Бабушки по сравнению с матерями рассматривают свою позицию как более жертвенную (U=87; p=0,006), воспринимают её как источник ограничений (U=101; p=0,021). Таким образом, можно прийти к выводу, что родительские позиции матери и бабушки различаются.

Были найдены связи между различными аспектами родительских позиций матери и бабушки, свидетельствующие о трансляции семейной традиции. Так, суровость и излишняя строгость матерей прямо коррелирует с суровостью и строгостью бабушек (r=0,643, p <0,05) то есть по этой характеристике они схожи. Установки на исключение внесемейных влияний матерей обратно коррелирует с аналогичной установкой бабушек (r= -0,616, p <0,05). Обратно коррелируют и установки на сверхавторитет родителей матерей и бабушек (r= -0,715, p <0,01). В этом у них прослеживается рассогласование. Получается, что чем строже бабушка, тем строже мать, и тем менее последовательны её воспитательные воздействия (r=-0,720, p <0,05) и тем сильнее выражена конфронтация воспитательных позиций в семье (r=0,744, p <0,01) и наоборот. Также чем выше сверхавторитет бабушки, тем менее выражено стремление матери чрезмерно вмешиваться во внутренний мир ребёнка (r= -0,799, p <0,01), исключать внутрисемейные влияния (r= -,590, p <0,05). Чем меньше бабушки ориентируются на состояние ребёнка при построении с ним взаимодействия, тем больше матери склонны к оказанию эмоциональной поддержки ребёнку (r=-0,692, p <0,05), больше стремятся к телесному контакту с ним (r= -0,632, p <0,05) и наоборот. Женщины таким образом стремятся компенсировать воспитательные позиции друг друга. Чем больше интересы бабушки ограничены рамками семьи, тем менее зависимы и несамостоятельны матери (r= -0,582, p <0,05), и наоборот. Матери продолжают традицию воспитания по параметру строгости, однако отрицательные корреляции говорят о том, что матери стараются выстраивать отношения с ребенком «в противовес», «наперекор» тому, как это делают бабушки. В этом и прослеживается несогласованность родительских позиций матери и бабушки, однако есть и аспекты, по которым можно проследить их согласованность, при этом под согласованностью мы понимаем схожесть родительских позиций. Так, мамы и бабушки выражают удовлетворённость своими отношениями с ребёнком, но при этом переживают неудовлетворённость ролью хозяйки дома. Способность к сопереживанию и оказанию эмоциональной поддержки ребёнку, стремление к контакту с ребёнком и чрезмерное вмешательство в его внутренний мир, стремление его контролировать, желание придерживаться последовательных воспитательных воздействий – аспекты, по которым родительские позиции матерей и бабушек схожи. Обобщая эти характеристики, мы видим воспитание по типу «кумир семьи», что является фактором риска для гармоничного развития личности ребёнка. Это может быть культурной особенностью родительской позиции бакинских женщин.

Родительские позиции матерей и бабушек в неполных семьях в большей степени не согласованы и характеризуются низкой степенью принятия родительской роли, негативным отношением к себе как к родителю, при безусловном принятии самого ребёнка. Возможно это связано с переживаниями женщин по поводу отсутствия у ребёнка полноценного

родительского воспитания, ролевой перегруженностью, и в связи с этим неспособностью обеспечить его достаточным количеством заботы, внимания, и ощущением своей несостоятельности как матери. Мамы здесь высоко эмоционально чувствительны, однако у них возникают трудности в воздействии на состояние ребёнка, в этом проявляется их родительская некомпетентность. Это отражает необходимость оказания психологической помощи женщинам в неполных семьях.

Таким образом, результаты исследования специфики родительских позиций матери и бабушки позволяют сделать выводы о том, что:

1. Родительская позиция ухаживающих за ребёнком дошкольного возраста бакинских женщин (матери, бабушки) на фоне высокого уровня принятия ребёнка содержит в себе такие особенности как чрезмерная опека и забота, склонность к снижению уровня требований, установление зависимых отношений с ним, что может стать фактором риска в его развитии. В этом прослеживается согласованность родительских позиций матери и бабушки.

2. Позиция прародителя содержит в себе такую особенность, как сужение сфер самореализации (фокусировка на семейном контексте), что наряду с возрастными изменениями (снижение гибкости, толерантности) приводит к излишней раздражительности, неготовности к сотрудничеству и учёту состояния ребёнка при взаимодействии с ним.

3. В неполных семьях, с отсутствующим отцом и при совместном проживании матери с бабушкой (со своей матерью) наблюдается меньшая согласованность родительских позиций, что может быть продолжением детско-родительского конфликта.

4. Несогласованность позиций матерей и бабушек прослеживается в том, что при стремлении бабушек оградить внука от внесемейных влияний, недостатке ориентации не его состояние при взаимодействии, матери наоборот способствуют увеличению влияний внешнего, социального окружения, оказывают больше эмоциональной поддержки ребёнку, стремятся к более тесному контакту с ним. При усилении авторитета бабушки, авторитет матери снижается, увеличивается чувство жертвенности материнской позиции, ограниченность интересов рамками семьи.

Наличие несогласованности родительских позиций в семье ставит вопрос о необходимости разработки программ гармонизирующего воздействия.

Литература

1. Арчакова Т.О. Родительство после родительства: бабушки, взявшие на себя воспитание внуков [Электронный ресурс] // Электронный сборник статей портала психологических изданий PsyJournals.ru. 2009. Т.1. № 2009-1. URL: https://psyjournals.ru/serialpublications/pj/archive/2009_1/22714 (дата обращения: 12.04.2024)
2. Беднарчук А.И. К вопросу о функциях старшего поколения (бабушек и дедушек) в современной семье // Система ценностей современного общества, 2016. №. 50. – С. 143-148.
3. Булыгина М.В., Комарова С.В. Прародители и внуки (обзор зарубежных исследований) //Современная зарубежная психология, 2019. Т. 8. №. 4. – С. 97-105.
4. Психология семьи: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / [Н.В. Гребенникова, Е.В. Гурова, Е.И. Захарова и др.]; под ред. Е. Г. Сурковой. — М.: Издательский центр «Академия», 2014. — 240 с.
5. Сорокина О.А. Сравнительный анализ материнского и прародительского стилей воспитания дошкольника в семье //Управление дошкольным образовательным учреждением, 2017. №. 3. – С. 107-111.
6. Caldera Y.M., Lindsey E.W. Coparenting, mother-infant interaction, and infant-parent attachment relationships in two-parent families //Journal of Family psychology. 2006. Vol. 20. №. 2. P. 275.

7. Ehrle G. M., Day H. D. Adjustment and family functioning of grandmothers rearing their grandchildren //Contemporary Family Therapy. 1994. Vol. 16. P. 67-82.

8. Kaminski P.L. Hayslip Jr,B., Wilson, J L., Casto, L.N. Parenting attitudes and adjustment among custodial grandparents //Journal of intergenerational relationships. – 2008. Vol. 6. №. 3. P. 263-284.

9. Minkler, M., Fuller-Thomson, E., Miller, D., Driver, D. Depression in grandparents raising grandchildren: Results of a national longitudinal study. Archives of Family Medicine. 1997. Vol. 6(5). P. 445-452. https://doi.org/10.1001/archfami.6.5.445

10. Rodgers-Farmer A.Y. Parenting stress, depression, and parenting in grandmothers raising their grandchildren //Children and Youth Services Review. 1999. Vol. 21. – №. 5. P. 377-388.

11. Sadruddin, A. F., Ponguta, L. A., Zonderman, A. L., Wiley, K. S., Grimshaw, A., Panter-Brick, C. How do grandparents influence child health and development?A systematic review. Social Science & Medicine. 2019. Vol. 239(4). doi:10.1016/j.socscimed.2019.112476

12. Winsler A., Madigan A.L. and Aquilino S.A. The correspondence between maternal and paternal parenting styles in early childhood. Quarterly Studies of Early Childhood, 2005. Vol. 20(1). P.1-12.

13. Yorgason J.B., Padilla-Walker L., Jackson J. Nonresidential grandparents' emotional and financial involvement in relation to early adolescent grandchild outcomes // Journal of research of adolescence. 2011. Vol.21. №3. P.552–558. doi:10.1111/j.1532-7795.2010.00735.x

Привязанность к матери и Я-концепция у девушек из неполных семей

Завгородняя И.В., Рудницкая Т.М.
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Россия
zavgorodnyai@mail.ru, tatyanarudnitskaja@yandex.ru

Аннотация. *В статье на основании результатов эмпирического исследования проводится анализ проявлений привязанности к матери и компонентов Я-концепции у девушек из неполных семей. Установлены проявления ненадежной привязанности у данной группы девушек. Продемонстрированы содержательно и количественно различные взаимосвязи между параметрами привязанности и показателями у девушек из неполных и полных семей, что рассматривается как специфичность механизмов личностного функционирования девушек.*

***Ключевые слова*:** *привязанность, доверие к матери, стремление к общению с матерью, отвержение матерью, Я-концепция, самооценка, саморегуляция, юношеский возраст, неполная семья, полная семья.*

Состав семьи имеет большое значение для становления личности подрастающего человека, который в ней воспитывается. При отсутствии одного из родителей самовосприятие ребенка концентрируется вокруг того родителя, который живет с ним и выстраивает определенное качество привязанности как глубокой эмоциональной связи, обеспечивающей витально необходимое ощущение защищенности и безопасности (Боулби Дж., 2004). Результатом самовосприятия является содержание Я-концепции как системы представлений личности о себе. Она трансформируется на протяжении всей жизни человека, но ее основа формируется под воздействием различных социальных влияний, среди которых особенно важными являются состав семьи, в которой развивается ребенок и контакты со значимыми Другими, прежде всего, с матерью (Авдеева Н.Н., 1997).

Я-концепция выросшего ребенка, в частности девушки, и её привязанность к матери могут зависеть от того, вынуждена ли мать дополнительно выполнять функции второго родителя в условиях неполной семьи, сталкиваясь с ограничением возможностей выстроить полноценные взаимоотношения с ребенком. Следовательно, состав семьи, в которой развивалась девушка, являясь основой её привязанности к матери и Я-концепции, может привести к формированию гармоничной личности, способной полноценно функционировать и выстраивать взаимоотношения с окружающими людьми, или, напротив, создает искажения в содержании Я-концепции и привязанности к матери, что обуславливает трудности в жизнедеятельности формирующейся личности. Это обусловливает актуальность проводимого нами исследования.

Цель исследования состояла в изучении специфики привязанности к матери и Я-концепции и у девушек из неполных семей.

Полная семья представляет собой семью, состоящую из матери, отца и детей. Под неполной семьей в нашем исследовании понимается семья, состоящая из одного родителя (матери) и детей (ребенка). Поскольку в неполной семье один родитель вынужден выполнять функции обоих, прослеживается ряд негативных последствий воспитания в неполной семье (Белаш Н.И., Серебрякова Т.А., Семеновой Л.Э., 2019), а именно: неадекватная половая идентификация ребенка, его низкая самооценка, излишняя привязанность к матери, повышенная личностная тревожность, нарушения в когнитивном развитии. При этом отмечается, что дети из неполных семей более самостоятельны и социально адаптированы.

Привязанность к матери, формируясь в раннем детстве, основана на врожденных стремлениях ребенка к выживанию, с одной стороны, и к установлению социальных контактов со взрослыми людьми, с другой. Привязанность представляет собой сложную систему взаимоотношений, в ходе которой ребенок адаптируется к психологическим особенностям ухаживающего за ним взрослого, а потому она всегда индивидуальна. Начиная с подросткового возраста, можно говорить о появлении репрезентации привязанности как системы представлений человека о себе и окружающем мире, с помощью которой он воспринимает и интерпретирует получаемый опыт (Бриш Х.К., 2012). Следовательно, в юношеском возрасте существует устойчивое качество привязанности, свойственное каждой личности. Оно соотнесено с содержанием Я-концепции как результатом самовосприятия растущего ребенка в контексте его отношений со значимым взрослым, в качестве которого, чаще всего, выступает мать.

В работах отечественных авторов (Агапов В.С., 2011; Столин В.В., 1983) Я-концепция рассматривается как компонент самосознания и подчеркивается её интегративная функция. В то время как в исследованиях зарубежных психологов (Бернс Р., 1986; Роджерс К., 1994) Я-концепция понимается в контексте человеческого Я (self, эго-идентичность и др.), а её основной функцией выступает познание себя. В нашем исследовании под Я-концепцией мы понимаем совокупность всех представлений личности о себе, сопряженную с их оценкой и включающую в себя три компонента: когнитивный (Образ Я), оценочный (самооценка) и поведенческий (потенциальная поведенческая реакция, самоконтроль, регуляция своих действий).

Объектом эмпирического исследования выступили девушки (студентки Воронежского государственного университета) в возрасте от 18 до 21 года. Общий объем выборки составил 136 девушек, из которых 35 девушек из неполных семей и 101 девушка из полных семей. В соответствии с целью исследования были опрошены девушки, не имевшие после трехлетнего возраста контакта со своими биологическими отцами и воспитывающиеся матерями без участия отчима.

В качестве методик сбора эмпирических данных выступили: 1) методика «Опросник привязанности к родителям и сверстникам» (Г. Армсден, М. Гринберг, в адаптации Н. В. Сабельниковой, Д. В. Каширского, Т. Ю. Садовниковой); 2) методика «Личностный дифференциал» (Ч. Осгуд, в адаптации Е. Ф. Бажина, А. М. Эткинда); 3) методика «Определение уровня самооценки» (С. В. Ковалев); 4) опросник «Стиль саморегуляции

поведения» (ССПМ) (В. И. Моросанова). Статистический анализ данных осуществлялся с применением рангового непараметрического U-критерия Манна-Уитни и коэффициента ранговой корреляции Кендалла, расчеты осуществлялись с помощью статистического пакета IBM SPSS STATISTICS 27.

В ходе изучения показателей привязанности к матери у девушек было выявлено, что средние значения доверия у девушек из неполных семей ($\bar{X}$=34,0) несколько ниже значений данного параметра у девушек из полных семей ($\bar{X}$=36,0). Следовательно, девушки из неполных семей меньше чувствуют понимание и принятие со стороны матери, в их отношениях не всегда существует возможность открыто выражать свою точку зрения.

Аналогичным образом представлены средние значения стремления к общению у двух групп девушек ($\bar{X}$=21,1 и $\bar{X}$=22,9 соответственно), что позволяет говорить о меньшей направленности на контакт с матерью девушек их неполных семей, недостаток эмпатии и поддержки во взаимоотношениях.

Однако средние значения отчуждения как параметра привязанности к матери у девушек из неполных семей выше ($\bar{X}$=13,1), чем у девушек из полных семей ($\bar{X}$=10,2). Следовательно, девушки, воспитывающиеся без участия отца, больше чувствуют материнскую отстраненность, непонимание со стороны матери, возникающий дискомфорт в процессе общения с ней.

Соотношение параметров привязанности к матери позволяет определить средние значения целостного показателя привязанности у девушек из неполных и полных семей. У первых общий показатель привязанности к матери ниже ($\bar{X}$=42,1), чем у вторых ($\bar{X}$=48,7). Следовательно, привязанность к матери у девушек из неполных семей менее надежная, чем у девушек из полных семей.

Изучение когнитивного компонента Я-концепции у девушек позволило установить, что у девушек из неполных семей средние значения шкал «Оценка» и «Активность» несколько ниже ($\bar{X}$=11,3 и $\bar{X}$=3,0), чем у девушек из полных семей ($\bar{X}$=12,9 и $\bar{X}$=5,4). Тем не менее, значения шкал «Оценка» и «Активность» у девушек из двух групп семей находятся на среднем и низком уровне, соответственно. Следовательно, девушки из неполных и полных семей проявляют достаточно самоуважения и принятия себя как личности, в основном удовлетворены собой. При этом они интровертированы, сдержаны и не стремятся к проявлению самостоятельной активности. Однако девушки из неполных семей все же меньше довольны собой и более активны по сравнению с девушками из полных семей.

Исследование самооценки как эмоционально-оценочного компонента Я-концепции позволило выявить, что средние значения данного параметра находятся на низком уровне у девушек из двух групп семей. Средние значения самооценки девушек из неполных семей выше ($\bar{X}$=71,6), чем у девушек из полных семей ($\bar{X}$=59,8). Специфика измерительной шкалы используемой психодиагностической методики определяет инверсионную интерпретацию результатов. Следовательно, самооценка девушек из неполных семей ниже, чем у девушек из полных семей. Это проявляется в том, что они не уверены в себе, обладают выраженным критическим отношением к своим качествам и достижениям, недовольны собой.

Изучения поведенческого компонента Я-концепции установило, что средние значения всех шкал регуляции своих действии у девушек из неполных и полных семей находятся на среднем уровне. При этом у девушек схожие значения по параметрам «Планирование» ($\bar{X}$=5,8 и $\bar{X}$=5,9 соответственно), «Моделирование» ($\bar{X}$=4,9 и $\bar{X}$=5,2), «Программирование ($\bar{X}$=4,9 и $\bar{X}$=5,2), «Оценивание результатов» ($\bar{X}$=5,8 и $\bar{X}$=6,1), «Гибкость» ($\bar{X}$=5,6 и $\bar{X}$=5,9), «Самостоятельность» ($\bar{X}$=5,3 и $\bar{X}$=4,8), и «Общий уровень саморегуляции» ($\bar{X}$=28,8 и $\bar{X}$=29,3).

Следовательно, у девушек из обоих типов семей в целом сформирована потребность в осознанном планировании своей деятельности, они способны строить реалистичные планы, программы действий соответствуют планам деятельности, а получаемые результаты – принятым целям. У них адекватные субъективные критерии оценки результатов своих действий, они могут проявлять необходимую критичность. Девушки могут гибко перестроиться в ситуации изменения значимых условий деятельности, способны

компенсировать неблагоприятные для достижения поставленных целей личностные особенности. В целом, девушки из полных и неполных семей способны самостоятельно планировать и осуществлять свою деятельность.

Применение U-критерия Манна-Уитни позволило выявить статистически значимые различия между девушками из двух групп семей по всем измеряемым показателям привязанности к матери («Доверие» (U=1409, p≤0,05), «Общение» (U=1372, p≤0,05), «Отчуждение» (U=1097, p≤0,05)), а также по общему показателю привязанности (U=1292, p≤0,05). Кроме того, установлены статистические значимые различия между двумя группами девушек по параметру самооценки (U=1156, p≤0,05). Статистически более высокие показатели по шкалам «Доверие», «Общение», «Общий показатель привязанности» принадлежат девушкам из полных семей, а девушкам из неполных семей – по шкале «Отчуждение» и по уровню самооценки. Последнее позволяет говорить о ее более низком уровне (в соответствии обратным ключом интерпретации используемой психодиагностической методики).

Полученные данные свидетельствуют о том, что девушки из неполных семей менее довольны эмоциональной связью со своей мамой по сравнению с девушками из полных семей. Девушки, воспитывающиеся матерями без участия отца или отчима, считают, что мама не уделяет им должного внимания, недостаточно уважает их чувства и точку зрения по различным вопросам, не в полной мере принимает их такими, какими они являются, не понимает их и не придает нужной значимости их суждениям в большинстве случаев. Исходя из этого, девушкам из неполных семей трудно доверять своим мамам, они предпочитают не рассказывать им о своих трудностях, поскольку в большинстве случаев это приводит к чувству стыда и ощущению собственной глупости, что расстраивает их, не всегда могут положиться на маму. В их взаимоотношениях представлены признаки ненадежной привязанности к матери. При этом девушки из неполных семей обладают более низкой самооценкой в отличие от девушек из полных семей.

Не выявленные статистически значимые отличия между девушками из двух групп семей в выраженности других параметров Я-концепции может говорить о том, что они схожими образом описывают свои личностные особенности и способны проявлять идентичные характеристики саморегуляции. В соответствии с этим на первый взгляд может показаться, что Я-концепция девушек из неполных семей не имеет существенных различий с Я-концепцией девушек из полных семей.

Однако применение коэффициента ранговой корреляции Кендалла позволило выявить отличия в статистически значимых корреляционных связях между параметрами привязанности к матери и показателями Я-концепции девушек из двух групп семей. Это является основанием для выделения специфических механизмов личностного функционирования у девушек из неполных семей.

Установлено, что доверие к матери коррелирует с количественно меньшим числом показателей Я-концепции девушек из неполных семей: с активностью девушек (r = 0,275, p≤0,01); самооценкой (r = -0,433, p≤0,01); моделированием (r = 0,261, p≤0,01). В то время как в полной семье корреляции доверия к матери установлены с самоуважением (r = 0,267, p≤0,01); активностью (r = 0,209, p≤0,01); самооценкой (r = -0,268, p≤0,01); моделированием (r = 0,234, p≤0,01); программированием (r = 0,159, p≤0,05); оцениванием результатов (r = 0,172, p≤0,01); самостоятельностью (r = -0,252, p≤0,01); общим уровнем саморегуляции (r = 0,157, p≤0,01).

Аналогичным образом у девушек из неполных семей стремление к общению с матерью коррелирует лишь с активностью (r = 0,322, p≤0,01); самооценкой (r = -0,354, p≤0,01); программированием (r = 0,266, p≤0,05); общим уровнем саморегуляции (r = 0,332, p≤0,01). При этом у девушек из полных семей количество корреляций между стремлением к общению с матерью и параметрами Я-концепции количественно значительно больше: с самоуважением (r = 0,269, p≤0,01); с активностью (r = 0,223, p≤0,01); с самооценкой (r = -0,195, p≤0,01); с моделированием (r = 0,196, p≤0,01); с программированием (r = 0,219, p≤0,01); с оцениванием результатов (r = 0,168, p≤0,05); с самостоятельностью (r = -0,209, p≤0,01); и с общим уровнем саморегуляции (r = 0,182, p≤0,05).

Следовательно, в полной и в неполной семье у девушек при росте доверия в отношениях с мамой и стремления к общению с ней увеличивается контактность, активность, способность к моделированию и программированию своих действий, а также возрастает общий уровень саморегуляции. При этом девушки из полных семей характеризуются увеличением самоуважения, способности к адекватной оценке достигнутых результатов и снижением самостоятельности, чего не прослеживается у девушек из неполных семей.

Отчуждение в отношениях с матерью обнаруживает содержательно отличные корреляции для девушек двух групп. У девушек из неполных семей отчуждение с матерью коррелирует с уверенностью в себе ($r = -0,328$, $p \leq 0,01$), активностью ($r = -0,305$, $p \leq 0,05$), самооценкой ($r = 0,336$, $p \leq 0,01$), гибкостью ($r = -0,280$, $p \leq 0,01$), общим уровнем саморегуляции ($r = -0,242$, $p \leq 0,05$). В полной семье у девушек данный параметр коррелирует с самоуважением ($r = -0,263$, $p \leq 0,01$), самооценкой ($r = 0,150$, $p \leq 0,05$), моделированием ($r = -0,200$, $p \leq 0,01$), программированием ($r = -0,166$, $p \leq 0,05$), самостоятельностью ($r = 0,205$, $p \leq 0,01$), общим уровнем саморегуляции ($r = -0,149$, $p \leq 0,05$).

Исходя из этого, в полной семье при возрастании отвержения со стороны мамы у девушек снижается самоуважение, способность к моделированию и программированию своих действий и возрастает самостоятельность. В то время как в неполной семье девушки становятся менее уверенными в себе, у них уменьшается активность, они проявляют меньшую гибкость в регуляции своего поведения.

Общий показатель привязанности к матери у девушек из неполных семей коррелирует с такими параметрами Я-концепции, как активность ($r = -0,286$, $p \leq 0,05$), самооценка ($r = -0,459$, $p \leq 0,01$), моделирование ($r = 0,327$, $p \leq 0,01$), гибкость ($r = 0,279$, $p \leq 0,05$), общий уровень саморегуляции ($r = 0,323$, $p \leq 0,01$). У девушек из полных семей количество корреляций с показателем привязанности к матери значительно больше: с уверенностью в себе ($r = 0,287$, $p \leq 0,01$), с активностью ($r = 0,211$, $p \leq 0,01$), с самооценкой ($r = -0,236$, $p \leq 0,01$), с моделированием ($r = 0,226$, $p \leq 0,01$), с программированием ($r = 0,183$, $p \leq 0,05$), с оценкой результатов ($r = 0,159$, $p \leq 0,05$), с гибкостью ($r = 0,143$, $p \leq 0,05$), с самостоятельностью ($r = -0,246$, $p \leq 0,01$), с общим уровнем саморегуляции ($r = 0,174$, $p \leq 0,05$).

Полученные эмпирические результаты позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Привязанность к матери у девушек из неполных семей менее надежная, чем у девушек из полных семей. Девушки, воспитывающиеся матерями без участия отца, в большей мере склонны не доверять своим мамам, дистанцируются от общения с ними, чувствуют отчуждение.

2. Выраженность когнитивных и регуляторных компонентов Я-концепции у девушек из неполных и полных семей имеет схожие проявления. Девушки из обоих типов семей могут выстраивать целостный образ себя, осознают свои позитивные и негативные характеристики, способны с сознательному использованию регуляционных процессов в соответствии с возникшей ситуацией. Исключение составляет самооценка как эмоционально-оценочный показатель Я-концепции. У девушек из неполных семей самооценка имеет более низкий уровень. Несмотря на то, что большинство девушек из обоих типов семей не уверены в себе, демонстрируют критическое отношение к своим качествам и достижениям, неудовлетворены собой, девушки из неполных семей могут болезненней воспринимать критику и демонстрировать бóльшее недовольство собой.

3. В неполной семье привязанность девушек как эмоциональная связь с матерью коррелируют с содержательно разными компонентами Я-концепции и их меньшим количеством по сравнению с девушками из полных семьей. Следовательно, механизмы личностного функционирования девушек, воспитанных с участием отца или без него, отличны. Привязанность к матери у девушек в полной семье активирует более широкий спектр самопрезентаций и регуляторных процессов, по сравнению с неполной семьей.

Литература

1. Авдеева Н. Н. Привязанность ребенка к матери и образ себя в раннем детстве / Н. Н. Авдеева // Вопросы психологии, 1997. № 4. – С. 3–10.

2. Агапов В. С. Фундаментальные идеи С. Л. Рубинштейна в современных исследованиях самосознания и Я-концепции субъекта // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна. Москва : Ин-т психологии РАН, 2011. – С. 234–247.

3. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Москва : Прогресс, 1986. – 800 с.

4. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей / Дж. Боулби. – Москва : Академический проект, 2004. – 232 с.

5. Бриш К. Х. Терапия нарушений привязанности : от теории к практике / Москва : Когито-Центр, 2012. – 316 с.

6. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / Москва : Прогресс, Универс, 1994. – 480 с.

7. Семенова Л. Э. Особенности Я-концепции подростков, воспитывающихся в условиях отцовской депривации / Л. Э. Семенова, Т. А. Серебрякова, Н. И. Белаш // Вестник Мининского университета, 2019. Т. 7, №2. – С. 11–33.

8. Столин В. В. Самосознание личности /Москва : Издательство Московского Университета, 1983. – 284 с.

Представление азербайджанских подростков о конфликтах в детско – родительских отношениях (на примере азербайджанских семей)

Садовникова Т.Ю., Садыгова Л.М.г.
Филиал Московского Государственного Университета имени М. В. Ломоносова в Баку
sadygovalajza@gmail.com

Аннотация. *Исследование проводилось с участием 106 подростков от 14 до 18 лет. В процессе проведения были использованы методики «Подростки о родителях» Л.И. Вассермана и др. (русскоязычная версия опросника ADOR) (Вассерман и др., 2004); модификация методики «Ситуации взрослости» О.В. Курышевой; модифицированная методика «Незаконченные предложения»; проективная методика: сочинение подростков на тему «Конфликты современных подростков с родителями», направленная на изучение представлений подростков о конфликтах с родителями. Исследование подтверждает, что детско-родительские отношения выступают условием психологических особенностей конфликтов подростков с родителями, а также присутствует связь представления подростков о конфликтах с родителями и переживанием чувства взрослости подростка.*

Ключевые слова: *детско-родительские отношения, конфликты между родителями и подростками, чувство взрослости.*

Подростковый возраст в современной психологии развития рассматривается как сложный, очень значимый этап в жизни подростка и его окружения, в первую очередь, родителей и сверстников. Дети в подростковом возрасте начинают вести себя как «взрослые». Одним из важных новообразований в подростковом возрасте является «Чувство взрослости» (Д.В. Эльконин), которое возникает в этом возрасте, отражает переживание подростком

чувства, что «он уже не ребёнок». Подросткам важно чувствовать себя взрослыми, самостоятельными, независящими ни от кого, и это проявляется в потребности подростка занять новую позицию во взаимоотношениях со взрослыми (Прихожан, Толстых, 2015, 2016; Божович, 2009). В этот период жизни подростка распространённой проблемой являются детско – родительские конфликты, которые могут возникать по разным причинам, охватывающие как психологические, так и социальные факторы (Бурменская Г.В., и др., 2007; Выготский Л.С., 1984; Карабанова О.А., 2005, 2007).

Актуальность исследования. Подростковый возраст в современной психологии развития рассматривается как сложный, очень значимый этап в жизни подростка и его окружения, в первую очередь, родителей и сверстников. В этот период переходит перестройка отношений ребёнка к миру и самому себе. Подростки начинают переживать такие периоды, когда он ощущает себя как «не ребёнок» и начинает стремится к самостоятельности и взрослости, и к такому же отношению со стороны взрослых, что может привести к конфликтам в системе детско-родительских отношений. Мы предполагали, что характер детско – родительских отношений подростка связан с соотношением позиций, как подростка, так и родителя по признанию взрослости подростка и выступает условием формирования психологических особенностей конфликтов подростков с родителями, связанных; а также то, что переживание чувства взрослости подростком является фактором, определяющим психологические особенности конфликтов подростков с родителями.

В исследовании приняли участие 106 учеников 8-х, 9-х, 10-х и 11-х классов.

Были выбраны следующие методики: для изучения уровня удовлетворённости образом тела был использован *«Подростки о родителях»* Л.И. Вассермана и др. (русскоязычная версия опросника ADOR) (Вассерман Л.И. и др., 2004) направленная на изучение характера детско-родительских отношений; модификация методики *«Ситуации взрослости»* О.В. Курышевой для изучение субъективного представления о своем образе взрослости у подростков и переживании чувства взрослости подросткам ; модифицированная методика *«Незаконченные предложения»* и проективная методика: *сочинение подростков на тему «Конфликты современных подростков с родителями»* направленные на изучение представлений подростков о конфликтах с родителями.

Для проверки гипотез мы провели корреляционный анализ (критерий Спирмена) для проверки наличия или отсутствия предполагаемой связи между показателями детско – родительских отношений между пятью шкалами по методике ADOR (выявление характеристик детско-родительских отношений - оценка отца и матери), и шестью параметрами, показателями конфликтов подростков с родителями, которые мы выделили при анализе данных методики «Сочинение».

Таблица 1. Связь показателей конфликтов с родителями и ДРО подростков: корреляционный анализ

	К3	**Значимость (M-U)**	**К6**	**Значимость (M-U)**
POZ_Am	- 0.228	0.045	0.333	0.003
HOS_Am	0.249	0.028		

Как видно из таблицы 1, желание занять позицию взрослого (К3) коррелирует с позитивном отношением (POZ_Am) со стороны матери (на уровне тенденции) и с враждебностью с ее стороны (HOS_Am). Также выявлена значимая корреляция между позитивном отношением матери (POZ_Am) и причиной конфликтов подростков с родителями (К6). Если мать проявляет много внимания и тепла к ребёнку, у подростка меньше возникает желания «отделяться» от родительской семьи (эмансипироваться). С повышением позитивного отношения, интереса со стороны матери к ребёнку, подростки чаще отрицают наличие конфликтов в семье. Полученные данные указывают на то, что большинство матерей проводят больше времени с детьми, тем самым принимая больше участия в их воспитании. Это может быть связано с тем, что отцы, в основном, занимаются обеспечением материальных нужд

семьи, в то время как матери, делают основной упор на воспитание детей и занятие домашним хозяйством.

Чтобы рассмотреть связь между представлением подростков о конфликтах с родителями и переживанием подростками чувства взрослости мы провели кластеризацию и выделили 2 группы значимо отличающиеся друг от друга: *«бунтующие»*, признают наличие конфликтов, проявляют выраженное желание занять позицию взрослого и в качестве позиции конфликта обвиняют либо родителей, либо обоих – и самих подростков, и родителей; *«неконфликтные»*, значительно реже признают наличие конфликтов, при этом имеют более чёткое представление о причине конфликтов. Затем мы провели корреляционный анализ компонентов образов взрослости в каждой группе.

Таблица 2. Связь компонентов образа взрослости по второй группе подростков («неконфликтные»)

		Саморегуляция (S_GEG)	Готовность к трудностям (TRUD)
Признание\не признание взрослости (NO_V)	Знч.(2-сторон)	,026	,235
Ответственность (OTV)	Знч.(2-сторон)	,026	,055

Таблица 3. Связь компонентов образа взрослости по первой группе подростков («бунтующие»)

		NO_V	FREE	S_GEG	TV	TRUD
Признание\не признание взрослости (NO_V)	Знч.(2-сторон)		,001	,019	486	,025
Свобода, независимость (FREE)	Знч.(2-сторон)	,001		,000	000	,000
Саморегуляция (S_GEG)	Знч.(2-сторон)	,019	,000		002	,000
Ответственность (OTV)	Знч.(2-сторон)	,486	,000	,002		,000
Готовность к трудностям (TRUD)	Знч.(2-сторон)	,025	,000	,000	000	

Для более наглядного представления о связях между компонентами образа взрослости в каждой группе мы построили корреляционные плеяды.

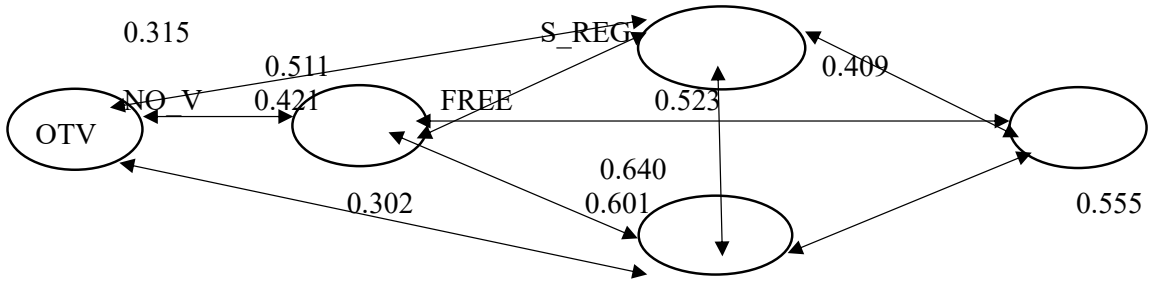
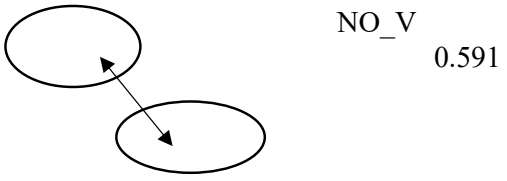

Рис. 25. Корреляционная плеяда образа взрослости первой группы подростков («бунтующие»; признают наличие конфликтов с родителями)

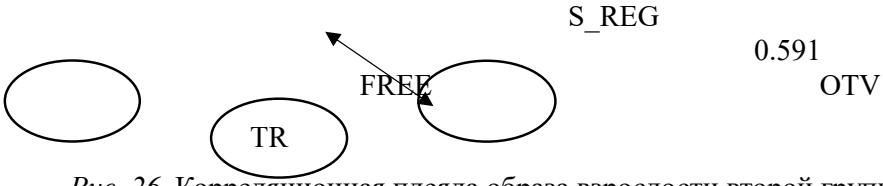

Рис. 26. Корреляционная плеяда образа взрослости второй группы подростков («неконфликтные»: не признают наличие конфликтов с родителями)

У первой группы («бунтующие») присутствует много значимых связей в образе взрослого – компоненты (связаны между собой и, можно сказать, что взросление происходит комплексно. У второй же группы, «неконфликтные», в образе взрослости присутствуют только две жесткие связи, связанные с проблемой саморегуляции. Подростки этой группы видят взрослость как большую ответственность, которая требует более высокой саморегуляции. При этом, одновременно, саморегуляция у них связана с отрицанием желания стать взрослым.

Таким образом, наши гипотезы о том, что характер детско – родительских отношений подростка выступает условием формирования психологических особенностей конфликтов подростков с родителями, а также то, что что переживание чувства взрослости подростком является фактором, определяющим психологические особенности конфликтов подростков с родителями нашли подтверждения.

Литература

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб., Питер. 2009. – 400 с.

2. Бурменская Г.В., Захарова Е.И., Карабанова О.А., Лидерс А.Г. Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков// Учебное пособие для студентов высших учебных заведений – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007 г. – 480с.

3. Вассерман Л.И., Горьковская И.А., Ромицына Е.Е. «Родители глазами подростка: психологическая диагностика в медико-педагогической практике» СПб.: Речь, 2004 – 256с.

4. Выготский Л.С. Проблема возраста / Собрание сочинений: в 6 т. / Гл. ред. А.В. Запорожец. М.: Педагогика, 1982—1984. Т. 4.

5. Добролюбова А.С. Дипломная работа «Представления подростков о конфликтах с родителями», под руководством Садовниковой Т.Ю., МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет психологии, 2009

6. Карабанова О.А. Возрастная психология: конспект лекций. М.: Айрис-пресс, 2005б.

7. Карабанова О.А. Понятие «социальная ситуация развития» в современной психологии // Методология и история психологии, 2007. Т.2 №4. – с.40-56.

8. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Айрис-пресс, 2005а.

9. Прихожан А.М. Родители жалуются на подростков. Подростки жалуются на родителей, 2009. www.psyparents.ru. (дата обращения: 27.05.2023)

10. Толстых Н.Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Том 23. № 4. – С. 7–24. DOI: 10.17759/cpp.2015230402

11. Толстых Н.Н., Прихожан А.М. Психология подросткового возраста. М.: Юрайт. 2016. – 325 с.

Кагермазова Л.Ц.
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», г.Грозный, РФ
laura07@yandex.ru

Аннотация. *В статье рассматриваются стили родительских взаимоотношений с детьми дошкольного возраста, влияние детско-родительских отношений на готовность ребенка к обучению в школе. Психолого-педагогические условия по формированию у детей дошкольного возраста: когнитивной, эмоционально-волевой, ценностно-смысловой сферы, коммуникативных умений и навыков. Разработана психолого-педагогическая программа по просвещению родителей (лиц заменяющих родителей) по формированию готовности ребенка к обучению в школе.*

Ключевые слова*: формирование готовности ребенка к обучению в школе, психолого-педагогические условия, психолого-педагогическая программа по просвещению родителей.*

Педагогический процесс ориентирован на формирование у детей не только знаний, умений и навыков, но и потребности в общении с окружающими людьми, умении вступать в общение со взрослыми и сверстниками, адекватно реагировать на происходящее вокруг, проявлять свои эмоциональные состояния, принятыми в обществе нормами жизнедеятельности (Омельченко Е.М., 2009). Взаимодействие педагога с родителями направлено на создание единого воспитательного поля, единой социальной сферы, где наивысшие ценности являются основой жизни, достойной человека (Гуткина Н.И., 2007). В трудах известных русских педагогов и общественных деятелей К.Д.Ушинского, Н.И.Пирогова, П.Ф.Каптерева, а также В.А. Сухомлинского подчеркивается решающая роль семьи в формировании личности ребенка, в воспитании его нравственно-духовных, эмоциональных, интеллектуальных качеств (Давыдова О.И., 2019). Таким образом, обучив родителей комбинированию различных приемов семейного общения, можно повлиять на социально-эмоциональное развитие детей дошкольного возраста через наглядный пример установления и развития межличностных отношений в семье (Кагермазова Л.Ц., 2023).

Взаимодействие семьи и школы - источник и важный механизм развития образовательной среды. Оно осуществимо, если педагоги и родители станут союзниками и единомышленниками, заинтересованно и согласованно будут решать проблемы воспитания. Создание условий взаимодействия школы и семьи - одна из актуальных и сложных проблем в работе школы и каждого педагога. Одним из главных условий является взаимодействие педагогов и родителей на основе принципов гуманной педагогики, что предполагает установку учителей на уважительные и заинтересованные отношения с семьей, на признание права родителей участвовать в педагогическом процессе в качестве его полноправных субъектов. Следующим важным условием эффективного взаимодействия родителей и школы является уровень педагогической культуры семьи (Кагермазова Л.Ц., 2021). Педагогическая культура семьи – это составная часть общей культуры человека, в которой воплощен накопленный человечеством опыт семейного воспитания (Эльконин Д.Б., 1991). Изучение, диагностика уровня педагогической культуры родителей, использование ее как образовательного ресурса является необходимым условием сотрудничества. В общеобразовательных школах сложились разнообразные формы взаимодействия с семьей: общественные форумы знаний, творческие отчеты о писателях, дни открытых дверей, праздники знаний и творчества, турниры знатоков, совместные олимпиады, выпуск предметных газет, заседания, отчеты научных обществ учащихся и т.д. (Мухина В. С., 2018).. Это могут быть конкурсы: «Семья-эрудит», «Семейное увлечение», читательские конференции «Круг семейного чтения» и др. Школа создаёт следующие педагогические условия для организации успешного сотрудничества с семьей: взаимодействие педагогов и родителей на основе принципов гуманной педагогики; изучение

и повышение уровня педагогической культуры семьи; организация мероприятий, ориентированных на повышение положительной мотивации родителей к совместному сотрудничеству. Следовательно, соблюдение охарактеризованных выше условий эффективного взаимодействия школы и семьи способствует, на наш взгляд, успешному развитию педагогически целесообразного сотрудничества семьи и школы, а также способствует включенности родителей в самоорганизующуюся воспитывающую среду школы - благоприятную для личностного роста и развития детей.

Литература

1. Гуткина Н.И. Психологическая готовность к школе. Санкт-Петербург: Питер, 2007 - 324 с.

2. Давыдова О. И. Компетентностный подход в работе дошкольного образовательного учреждения с родителями.-СПб.: ООО «Детство Пресс», 2019. – 215 с.

3. Кагермазова Л.Ц., Масаева З.В., Барышева Е.И. Возрастная психология. Психология развития/Учебно-методическое пособие для студентов, обучающихся по программе бакалавриата по направлениям подготовки 44.03.01 – «Педагогическое образование», 44.03.05 – «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) / Том Часть 1. Грозный, 2023. – 116 с.

4. Кагермазова Л.Ц., Абакумова И.В., Масаева З.В., Теоретические и методологические основы профессионально-педагогического общения. Учебное пособие. Калуга, 2021. – 228 с.

5. Мухина В. С. Шестилетний ребенок в школе.- М.: Просвещение, 2018. - 182 с.

6. Омельченко Е.М.Современные подходы к изучению проблемы готовности к школьному обучению детей старшего дошкольного возраста. Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2009; № 2 (2): 68-76.

7.Эльконин Д. Б. Некоторые вопросы диагностики психического развития детей: диагностика учебной деятельности и интеллектуального развития детей / Д. Б. Эльконин; под редакцией Д. И. Фельдштейна. - Издание 2-е стереотипное. - Москва; Воронеж: Педагогика, 1991. - 416 с.

Особенности родительских установок в семьях несовершеннолетних правонарушителей

Круглова Е.А., Смирнова С.В., Круглова А.А.
Ивановский медицинский университет, Иваново, Россия
kruglo-e@mail.ru

Аннотация. *В статье анализируются особенности родительских установок и детско-родительских отношений в семьях подростков, совершивших правонарушения. В качестве диагностического инструментария использовалась методика PARI Е.С. Шефер и Р.К. Белл. Результаты исследования показали наличие неконструктивных установок и форм взаимодействия с ребенком в семьях подростков-правонарушителей. По итогам исследования предложены соответствующие формы профилактики негативных форм семейного воспитания.*

Ключевые слова: *подростки, несовершеннолетние правонарушители, семья, родительские установки.*

Актуальность проблемы семейного воспитания подростков, совершивших правонарушение, не вызывает сомнений. К сожалению, число случаев отклоняющегося поведения детей и подростков в настоящее время неуклонно растет (Ефимова О.Н., 2021). Это связано с определенными негативными социальными изменениями в обществе,

недостаточностью профилактических мер и многими другими факторами (Иванова О.А., 2021). Однако первостепенную роль в социализации личности подростка продолжает играть семья. Она способствует формированию как положительных качеств, позитивной нравственной и гражданской позиции ребенка, так и развитию различных отклонений в его психике и поведении (Божович Л.И., 2001).

В связи с этим, анализ стилевых характеристик детско-родительских отношений в семьях подростков, совершивших правонарушение, представляется особо актуальной проблемой в научном и практическом плане и имеет высокую общественную значимость.

Известно, что различные виды отклоняющегося поведения имеют свои специфические особенности на каждом этапе возрастного развития, однако особое распространение они получают в подростковом возрасте, когда происходят значительные изменения в физическом развитии и психике подростка, обусловленные возрастным кризисом (Воробьева К.А., 2021). Именно поэтому для многих подростков характерен повышенный уровень аффективности и агрессивности, негативизм по отношению к другим людям и к обществу в целом, дезорганизованность поведения и, как следствие, нарушение социальной адаптации и возникновение девиаций (Круглова Е.А., 2023). При этом, объективными базовыми предпосылками для их формирования являются различные нарушения семейных отношений, неконструктивные формы воспитания и негативный родительский пример, способствующий отклонениям в психосоциальном развитии подростков (Ильянкова Е.И., 2019; Кожухова Е.М., 2020).

Поэтому целью данного исследования стал сравнительный анализ родительских установок по отношению к детям в семьях законопослушных подростков и подростков, совершивших правонарушения с помощью методики Е.С. Шефер и Р.К. Белл (PARI). В исследовании приняли участие матери подростков-правонарушителей и матери законопослушных подростков. Численность каждой группы – 32 респондента.

Результаты исследования, представленные в таблице, показали, что существуют определенные различия в родительских установках и детско-родительских отношениях в изучаемых семьях. Значимость данных различий определялась с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Таблица 1

Результаты изучения родительских установок в семьях несовершеннолетних правонарушителей и законопослушных подростков

	Сумма рангов, несовершеннолетние правонарушители	Сумма рангов, законопослушные подростки	U	p
Зависимость от семьи	1005,50	824,50	359,50	0,18
Ощущение самопожертвования	**594,00**	**1236,00**	**129,00**	**0,00**
Семейные конфликты	**1180,00**	**650,00**	**185,00**	**0,00**
Сверхавторитет родителей	870,00	960,00	405,00	0,51
Неудовлетворенность ролью хозяйки	**1118,50**	**711,50**	**246,50**	**0,00**
Безучастность мужа	**1046,50**	**783,50**	**318,50**	**0,05**
Доминирование матери	940,50	889,50	424,50	0,71
Несамостоятельность матери	1022,00	808,00	343,00	0,12
Вербализация	852,00	978,00	387,00	0,36

	Сумма рангов, несовершеннолетние правонарушители	Сумма рангов, законопослушные подростки	U	p
Партнерские отношения	**627,50**	**1202,50**	**162,50**	**0,00**
Развитие активности ребенка	**610,00**	**1220,00**	**145,00**	**0,00**
Уравненные отношения	**665,50**	**1164,50**	**200,50**	**0,00**
Раздражительность	**1134,00**	**696,00**	**231,00**	**0,00**
Излишняя строгость	**1319,00**	**511,00**	**46,00**	**0,00**
Уклонение от контакта	**1046,00**	**784,00**	**319,00**	**0,05**
Чрезмерная забота	809,50	1020,50	344,50	0,12
Подавление воли	**1361,00**	**469,00**	**4,00**	**0,00**
Подавление агрессивности	**1162,50**	**667,50**	**202,50**	**0,00**
Подавление сексуальности	991,50	838,50	373,50	0,26
Чрезвычайное вмешательство в мир ребенка	926,00	904,00	439,00	0,88
Стремление ускорить развитие ребенка	859,00	971,00	394,00	0,41
Оптимальный эмоциональный контакт	**542,50**	**1287,50**	**77,50**	**0,00**
Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком	**1283,50**	**546,50**	**81,50**	**0,00**
Излишняя концентрация на ребенке	1019,00	811,00	346,00	0,13

Результаты исследования показали, что матери несовершеннолетних правонарушителей отмечают большее число семейных конфликтов, невключенность мужа в семейные дела, для них также характерна неудовлетворенность ролью хозяйки. Родители подростков, совершивших правонарушение, характеризуются низким уровнем выраженности партнерских отношений с детьми, низким уровнем направленности на развитие активности ребенка, а также меньшей ориентированностью на равные отношения с ребенком. Для родителей несовершеннолетних правонарушителей характерным является более высокий уровень раздражительности, строгости и уклонения от контакта с ребенком по сравнению с родителями, воспитывающих детей, которые не совершали правонарушений.

Исследование установок, относящихся к показателям излишней концентрации на ребенке, позволило установить, что родители несовершеннолетних правонарушителей отличаются более высоким уровнем выраженности установки на подавление воли и агрессивности ребенка. Отмечается также более высокий уровень эмоциональной дистанции с ребенком и низкий уровень выраженности оптимального эмоционального контакта с ним.

Таким образом, можно говорить о явной недостаточности конструктивных родительских установок у матерей несовершеннолетних правонарушителей. В качестве типичных особенностей отмечаются более выраженные негативные эмоциональные реакции по отношению к ребенку, стремление к чрезмерному контролю агрессии и подавлению воли.

Родители несовершеннолетних правонарушителей отмечают неблагоприятность семейной обстановки в целом, а также характеризуются выраженными негативными установками и эмоциональной дистанцией по отношению к ребенку.

В связи с этим, основой профилактики подростковых девиаций, в первую очередь должна стать работа с семьей. Ее базовыми элементами, по нашему мнению, являются:

- своевременная диагностика неблагоприятных факторов семейного воспитания на более ранних возрастных этапах развития ребенка;
- осуществление регулярного психологического просвещения родителей детей и подростков с привлечением различных специалистов: психологов, медиков, педагогов, юристов и др.;
- проведение индивидуальных психологических консультаций, в том числе, по результатам психологической диагностики;
- коррекционные индивидуальные и групповые формы работы не только с подростками, но и их семьями в целях обучения адекватным формам поведения в различных ситуациях.

Литература

1. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды / Под ред. Д.И. Фельдштейна; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. 3-е изд. М.: МПСИ. Воронеж. МОДЭК. 2001. – 349 с.
2. Воробьева К.А. Социально-психологические детерминанты асоциальной направленности личности в подростковом и юношеском возрасте // Мир образования - образование в мире, 2021. № 2 (82). – С. 53-60.
3. Ефимова О.Н. Психологические особенности подростка-правонарушителя // Проблемы современного педагогического образования, 2018. № 58-4. – С. 313-317.
4. Иванова О.А. Факторы формирования девиантного поведения в подростковом возрасте // Научные исследования XXI века, 2021. № 4 (12). – С. 135-138.
5. Ильянкова Е.И. Нарушения детско-родительских отношений, как фактор формирования личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей // Устойчивое развитие науки и образования, 2019. № 4. – С. 288-291.
6. Кожухова Е.М. Девиантное поведение как следствие воспитания семьи // Проблемы современной науки и образования, 2020. № 6-1 (151). – С. 84-87.
7. Круглова Е.А. Особенности направленности личности подростков-правонарушителей и их взаимосвязь с детско-родительскими отношениями // Развитие человека в современном мире, 2023. № 1. – С. 31-44.

Взаимосвязь самооценки подростков со степенью идентификации с родителем

Кудрявцева Е.Ю.

Филиал Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте, Ташкент, Узбекистан

hanielsper@gmail.com

Аннотация. *В данной статье рассматривается исследование взаимосвязи самооценки подростков со степенью идентификации подростков с родителями определённого пола, анализируются взгляды психологов на феномен идентификации, обсуждаются гендерные различия в уровнях самооценки подростков, а также особенности детско-родительских отношений во взаимосвязи с самооценкой подростков.*

***Ключевые слова**: идентификация с родителем, детско-родительские отношения, самосознание подростков, самооценка подростков.*

Хотя основы самооценки ребёнка закладываются ещё в детстве, Л.А. Мартыненко подмечает, что процесс формирования самооценки субъекта активно развёртывается именно в подростковом возрасте. В этот период происходит становление мировоззрения, а также представлений о себе: собственно личностных качествах и образе тела (Мартыненко Л.А., 2019). Самооценка является важным психологическим новообразованием подросткового возраста. Л.С. Выготским отмечалось, что на процесс формирования у подростков образа «Я» значительное влияние оказывает контекст среды, в которой он воспитывается (Басина Е.З., Берцфаи Л.В., Бугрименко Е.А., 1988). Невзирая на стремление подростка обрести самостоятельность и независимость, родители по-прежнему играют в его жизни определяющую роль. В своих исследованиях В.А. Гурьева показала, что для формирования здоровой самооценки подростку необходимо получать заботу и поддержку со стороны родителей (Гурьева В.А., 1994). Е.П. Сапогова также указывает на весомый вклад родительского отношения в формирование установок подростка относительно себя и мира (Сапогова Е.Е., 2021).

Но не только родительское отношение к подростку формирует его самооценку. О.В. Белановская, опираясь на представления Л.С. Выготского, полагает, что личностное становление невозможно без идентификации, т.к. благодаря данному процессу подросток усваивает формы поведения, формирует собственное «Я» и определённое отношение к самому себе (Белановская О.В., 2000). Сам Л.С. Выготский, хоть и не использовал в своих трудах термин "идентификация", говорил о том, что существует механизм отождествления, подражания, который видится нам схожим с процессом идентификации, т.к. находит своё проявление в "становлении себя через другого" (Выготский Л.С., 1983).

L. Lazowick, напротив, считает, что подражание и идентификация, хоть и связаны, но не являются одним и тем же. Подражание — это значимый аспект процесса идентификации. В своей статье учёный проводит следующую границу: подражание связано со сходством конкретного паттерна поведения между Субъектом (в нашем случае — подростком) и Моделью (в нашем случае — родителем), в то время как идентификация связана со сходством у Субъекта и Модели опосредующих поведение факторов. К подобным факторам можно отнести интериоризированные высказывания Модели, которые обрели для Субъекта статус убеждений и стали предтечей его поведения, а также когнитивную оценку Субъектом результатов поведения Модели (Lazowick L., 1955).

Взгляды Hoffman отражают понимание идентификации как краеугольного камня развития самооценки. Подросток в процессе идентификации, как бы, "ставит себя на место родителя", подражает ему, воспринимает себя похожим на него. Данное действие позволяет подростку рассматривать собственную личность сквозь призму родительского восприятия (Hoffman M.L., 1971). Если родитель воспринимает подростка условно хорошим, то высоки шансы, что и подросток будет воспринимать себя таким же. Стоит отметить, что Berenson усматривает двойную связь между идентификацией и самооценкой подростка. Он обосновывает так называемую "инвестиционную" функцию идентификации. Позитивная оценка подростком своего родителя и стремление подростка демонстрировать сходство с ним приводят к тому, что родительское восприятие меняется в лучшую сторону, вследствие чего в лучшую сторону меняется и самооценка подростка (Berenson K. et al., 2005).

Тем не менее, идентификация может иметь и негативные последствия. Higgins указывает на то, что в процессе идентификации Субъект усваивает ожидания относительно

себя. Вместе с представлением Субъекта о том, что родительские стандарты, ранее предъявляемые к конкретному поведению в конкретной ситуации, становятся всё более общими по своей природе, может наблюдаться снижение самооценки Субъекта (Higgins E.T., 1991).

Касаясь изменений представлений о себе в процессе идентификации, стоит указать, что у девушек-подростков и парней-подростков эти изменения неодинаковы. Higgins, Loeb и Ruble в своём исследовании обнаружили, что парни-подростки оценивают собственное "Я" как отличное от образов родителей и родительских ожиданий, а девушки-подростки, напротив, воспринимают своё "Я" как наиболее приближенное к родительским образам и стандартам. Учёные пришли к выводу, что из-за более явной выраженности ориентации на семью, у девушек-подростков стремление уподобиться родителю и оправдать его ожидания, связано, в первую очередь, с желанием примерить на себя роль будущего родителя (Higgins E.T., Loeb I., Ruble D., 1995).

J. Degner и J. Dalege выявили ряд особенностей, связанных с идентификацией с родителями определенного пола. Учёные подчёркивают, что интериоризированные убеждения подростков, чаще всего, усваиваются от матери. Объясняется это тем, что мать на протяжении детства и отрочества проводит с ребёнком гораздо больше времени, чем отец. Но есть и другой взгляд, который также не исключается психологами — ребёнку свойственнее перенимать паттерны поведения и убеждения родителя одного с ним пола. Ввиду того, что ребёнку важно обрести гендерную идентичность, а также понять, как следует себя вести представителю определённого пола (Degner J., Dalege J., 2013).

Таким образом, целью нашего исследования стало изучение взаимосвязи степени идентификации подростков с родителем и уровнем самооценки подростков. В качестве методик исследования были использованы: методика «Личностный семантический дифференциал» (адаптированная сотрудниками Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, 1992), а также тест самооценки Мерилин Дж. Соренсен (1998). Методика «Личностный семантический дифференциал» применялась для определения показателя степени идентификации подростков с родителем, который подсчитывался путём вычисления евклидовых расстояний между ролью «Я сам(а)» и ролью «Мой отец», а также между ролью «Я сам(а)» и ролью «Моя мать». Следовательно, учитывая, что чем меньше евклидово расстояние, тем сильнее идентификация (и наоборот), далее следует обращать особенное внимание на коэффициенты корреляции.

Выборку нашего исследования составил 201 подросток: 109 девушек и 92 парня.

Всего в рамках нашего исследования было выделено две общих и три частных гипотезы. Первая общая гипотеза – существует взаимосвязь между степенью идентификации подростков с родителем определённого пола и уровнем самооценки подростков. На основании данной гипотезы были сформулированы две частных гипотезы. Частная гипотеза 1.1. – с повышением степени идентификации с отцом самооценка подростков повышается. Для проверки данной гипотезы был применён метод корреляционного анализа (был подсчитан коэффициент корреляции по критерию Кендалла). Было выяснено, что степень идентификации с отцом значимо не взаимосвязана с уровнем самооценки подростков-девушек ($r=0,152$, $p=0,092$), но значимо взаимосвязана с уровнем самооценки подростков-парней ($r=0,260$, $p=0,012$). Таким образом, идентификация с отцом, выражающаяся в склонности в чём-то подражать отцу, выявлять у себя сходства с отцом, реагировать на жизненные обстоятельства похожим, как отец, образом, поддерживать его взгляды на жизнь, оказывается не взаимосвязана с самооценкой девушек. Рассматривая идентификацию в качестве процесса усвоения полоролевых норм (Белановская О.В., 2000), мы приходим к выводу, что девушки-подростки не испытывают необходимости в копировании поведения отца, т.к. девушкам-

подросткам необходимо интериоризировать образ и нормы поведения женщины, но не мужчины. Однако, степень идентификации с отцом положительно взаимосвязана с самооценкой парней. Следовательно, учитывая евклидовы расстояния, мы можем увидеть, что, чем выше степень идентификации с отцом, тем ниже самооценка у подростков-парней. Объяснить данные результаты можно, опираясь на представления ранее упомянутых Higgins, Loeb, Ruble, которые выяснили, что парням-подросткам в принципе свойственно воспринимать себя отличными от родителей и их ожиданий (Higgins E.T., Loeb I., Ruble D., 1995). Следовательно, снижение самооценки подростков-парней при повышении степени их идентификации с отцами может быть связано с тем, что подросток-парень чувствует себя неуверенно, понимая, что так и не стал самостоятельным и независимым.

Частная гипотеза 1.2. – с повышением степени идентификации с матерью самооценка подростков понижается. Для проверки данной гипотезы был применён метод корреляционного анализа (был подсчитан коэффициент корреляции по критерию Кендалла). Было выяснено, что степень идентификации с матерью значимо не взаимосвязана с уровнем самооценки подростков-девушек (r=0,157, p=0,111), но значимо взаимосвязана с уровнем самооценки подростков-парней (r=0,323, p=0,002). Таким образом, идентификация с матерью, выражающаяся в склонности в чём-то подражать матери, выявлять у себя сходства с матерью, реагировать на жизненные обстоятельства похожим, как мать, образом, поддерживать её взгляды на жизнь, оказывается не взаимосвязана с самооценкой девушек. Вероятно, это связано с тем фактом, что отождествление себя с матерью является основным механизмом усвоения полоролевых норм. Помимо этого, ориентация на семью, предполагающая «примерку» на себя роли будущей жены и матери (Higgins E.T., Loeb I., Ruble D., 1995), является естественной частью взросления, не противоречащей становлению «Я» у девушек-подростков. Однако, степень идентификации с матерью положительно взаимосвязана с самооценкой парней. Следовательно, чем выше степень идентификации с матерью, тем ниже самооценка у подростков-парней. Данное обстоятельство объясняется нами так: самооценка подростков-парней вследствие идентификации с матерью понижается, т.к. матери, чаще всего, феминны. Осознавая сходство с матерью, не дистанцируясь от её образа, парень-подросток чувствует себя недостаточно сильным и мужественным (Козырева Е.В., 2002).

Во второй общей гипотезе нашего исследования было выдвинуто предположение о наличии различий в уровнях самооценки подростков, идентифицирующих себя с родителем определённого пола (с матерью или с отцом). Соответственно, частная гипотеза 2.1. – уровень самооценки подростков, идентифицирующих себя с матерью, ниже уровня самооценки подростков, идентифицирующих себя с отцом. Для проверки данной гипотезы был проведён сравнительный анализ при помощи непараметрического критерия Манна-Уитни. Оказалось, что уровень самооценки подростков, идентифицирующих себя с матерью, в среднем, такой же, как и уровень самооценки подростков, идентифицирующих себя с отцом (U Манна-Уитни= 4456,5; p=0,156). Основаниями данной гипотезы выступали теоретические положения о том, что феминность, присущая в большей степени женщинам, находит своё отражение в самокритичности, снижающей самооценку, а маскулинность, свойственная в большей степени мужчинам, — в силе и уверенности в себе, повышающих самооценку (Козырева Е.В., 2002). Но, как оказалось, данные основания не были достаточными, вследствие чего разницы между уровнем самооценки подростков, идентифицирующих себя с матерью, и уровнем самооценки подростков, идентифицирующих себя с отцом, обнаружено не было.

Таким образом, наше исследование дало возможность понять, каким образом самооценка подростков взаимосвязана со степенью идентификации с родителем.

Литература

1. Басина Е.З., Берцфаи Л.В., Бугрименко Е.А. Особенности психического развития детей 6-7-летнего возраста / под ред. Д. Б. Эльконина, А. Л. Венгера. - Москва: Педагогика, 1988. - 135 с.

2. Белановская О.В. Идентификация как механизм развития личности // Адукацыя і выхаванне. – 2000. – № 10. – С. 36–40.
3. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т.3. — С. 144.
4. Гурьева В.А. Социальное сиротство — причина и результат психической аномальности девиаций личности и поведения // Сироты России: проблемы, надежды, будущее. — М., 1994. — С. 53—54.
5. Козырева Е.В. Влияние маскулинности-феминности на проявление ауто- и гетероагрессии // Психология XXI века. Тезисы Международной межвузовской научно-практической студенческой конференции. – СПБ.: СПбГУ, 2002. – С. 125–127.
6. Мартыненко Л.А. Особенности восприятия образа собственного тела в подростковом возрасте // Современная реальность в социально-психологическом контексте – 2019: сборник научных трудов / под науч. ред. О. А. Белобрыкиной, М. И. Кошеновой; М-во науки и высшего образования Российской Федерации, Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. – С. 110-114.
7. Сапогова Е.Е. Родитель как сверхзначимый другой в смысловой системе взрослого человека // Психологические проблемы смысла жизни и акме. - 2021. - №5. - С. 25-32.
8. Berenson K., Crawford T., Cohen P., Brook J. Implications of Identification with Parents and Parents' Acceptance for Adolescent and Young Adult Self-esteem // Self and Identity. - 2005. - №17. - P. 289-301.
9. Degner J., Dalege J. The apple does not fall far from the tree, or does it? A meta-analysis of parent-child similarity in intergroup attitudes // Psychol Bull. - 2013. - №6. – P. 270-304.
10. Higgins E.T. Development of self-regulatory and self-evaluative processes: Costs, benefits, and tradeoffs // Self processes and development: The Minnesota symposium on child psychology. - 1991. - №23. - P. 125-166.
11. Higgins E.T., Loeb I., Ruble D. The four A's of life transition effects: Attention, accessibility, adaptation, and adjustment // Social Cognition. - 1995. - №13. - P. 215-242.
12. Hoffman M.L. Identification and conscience development // Child Development. - 1971. - №42. - P. 1071-1082.
13. Lazowick L. On the nature of identification // J. Abnorm. Soc. Psychol. - 1955. - №51. - P. 175-183.

Специфика родительской воспитательной согласованности в детоцентрической семье

Клещёва Е.А.
Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь
elena-klescheva@mail.ru

Аннотация. *Представлены результаты исследования детско-родительского взаимодействия и воспитания в детоцентрической семье с детьми-подростками. Воспитание детей в детоцентрической семье выстраивается на родительской согласованности в том, что дети должны воспитываться в условиях гиперпротекции, контроля, опеки, социальной инфантилизации по принципу «семейного кумира» для взращивания идеальной личности. Родители считают воспитательные усилия и стратегию взаимодействия с детьми правильными и оправданными.*

Ключевые слова*: детоцентрическая семья, гиперпротекция, детско-родительское взаимодействие, семейное воспитание*

Семейное воспитание как научная проблема находится под пристальным вниманием учёных, психологов-практиков, педагогов. Проблема семейного воспитания исследовалась под разным углом, но по-прежнему так и не получены ответы на многочисленные вопросы относительно воспитания детей в семье. Отечественными и зарубежными исследователями А.Я. Варга, А.Е. Личко, В.Юстицкис, Г.Т. Хоментаускас, Э.Г. Эйдемиллер и др. определялись критерии типологизации воспитания, маркеры деструктивного семейного воспитания, показатели воспитания, которое в полном объеме позволяет социализироваться ребёнку, разрабатывался диагностический инструментарий для определения особенностей семейного воспитания и т.д.. Научный интерес ученых также определялся выявлением закономерностей семейного воспитания в семьях разных типов. Например, учёными доказано, что семейное воспитание зависит от степени взаимной выгоды всех членов семьи (Петровский А. В., 2003); от качества детско-родительских отношений, эмоционального вовлечения и вклада в отношения, интенсивности любви и уважения (Захаров А.И., 2006), (Соколова Е.А., 2019); от наличия дистанции в общении, формы родительского контроля, степени протекции, требований и строгости санкций, удовлетворения потребностей (Эйдмиллер Э.Г, 2015) и др.

В условиях современной реальности, в которой и семья претерпевает изменения по структуре, составу, лидерству, семейным ценностям т.д., возникает семья с совершенно отличительной структурой, содержанием детско-родительских отношений и механизмами функционирования. *Детоцентрическая семья — это семья с инверсией семейной иерархии, в которой ребёнок является абсолютной ценностью для родителей, обладает властью, первенством и преимуществом перед другими членами семьи в удовлетворении потребностей, его воспитание по типу потворствующей гиперпротекции становится приоритетным делом жизни его родителей* (Клещёва Е.А., 2023).

Однозначно, воспитание в детоцентрической семье имеет свою специфику. Специфика определяется отличием от семейного воспитания в традиционной семье, в которой лидерскую позицию закономерно занимает отец или мать на правах родителя и главы семьи. Но детоцентрическая семья относится к функциональным семьям, в которых могут успешно реализовываться все семейные функции, включая воспитательную, соблюдая основной принцип семейного воспитания – родительскую согласованность.

В детоцентрической семье сохраняется основной принцип семейного воспитания, основанный на родительской согласованности. Однако отмечаем, что центральной фигурой, определяющий вектор воспитания детей, является мать. Именно мать определяет приоритетное место ребёнку в семейной иерархии, а не иные члены семьи. Отцы же обычно действуют согласовано с матерями в сфере детско-родительского взаимодействия и семейного воспитания (Клещёва Е. А., 2020.). Это основано на безусловности её любви к ребёнку (Фромм Э., 1990.), устойчивом стереотипе о том, что воспитание детей - исключительно материнская обязанность, подкрепляемом также устойчивым убеждением о некоторой отцовской некомпетентности в воспитании ребёнка.

Итак, в чем проявляется родительская согласованность в отношении детей в детоцентрических семьях (Клещёва Е.А., 2023). Эмпирические результаты исследования детоцентрической семьи получены в результате длительного масштабного исследования

современных семей. В данной статье представлены результаты исследования полных однодетных и малодетных детоцентрических семей (N=80 и N=76 соответственно) с детьми подросткового возраста. Особенности определялись путём сравнения с традиционными семьями. Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась методами t-критерий Стьюдента и U-критерий Манна-Уитни.

У родителей в полных семьях согласованные представления о семейной сплоченности и семейной адаптации ($t_э = 0,7$ при $p<0,1$). Результаты получены средствами методики «Шкала семейной адаптации и сплочённости» FACES-3 (Д. Х. Олсон, Дж. Портнер, И. Лави в адаптации Э.Г. Эйдмиллера, И. В. Добрякова, И.М. Никольской) (Олифирович Н.И., 2006), (Эйдмиллер Э. Г., 2006). В *полной однодетной детоцентрической семье* обнаруживается эмоциональная разобщённость Родители не определены в стиле воспитания и склонны к противоречивому стилю руководства, который варьируется от либерального до авторитарного безотносительно требуемой для этого жизненной ситуации. Родителям свойственно привлекать ребёнка к семейным решениям, родительским спорам и конфликтам, опираясь при этом на его мнение. Роли, обязанности, семейные правила непостоянны, могут изменяться и делегироваться тем членам семьи, которые в решении семейных вопросов некомпетентны. Родительская непоследовательность в воспитании ребёнка может выражаться в нетерпимости к его друзьям и интересам, нестабильности и несбалансированности опеки и контроля. *Полная малодетная детоцентрическая семья* отличается эмоциональной дистанцированностью членов семьи и неустойчивостью семейной системы к изменениям. Эти семьи со слабым родительским контролем, лояльностью к детям. Характерно то, что нет устойчивого лидера, следовательно, родительские решения часто импульсивны и непродуманы. Однако, семейные правила чётко определены.

Родители преимущественно используют одни и те же подходы к воспитанию детей в детоцентрических семьях ($U=67,5$ при $p<0,05$ по результатам опросника «Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса). Их воспитательные практики согласованы. За исключением полной малодетной детоцентрической семьи, в которой отцы конструктивно взаимодействуют с младшими детьми, а матери — с девочками. Итак, абсолютная убеждённость родителей в уникальности своих детей определяет стратегию их воспитания – потворствующая гиперпротекция. В детоцентрических семьях родители практически не предъявляют детям требования, очень мало, запретов, да и они не существенные. Совершенно любое поведение ребёнка поощряется, запреты ребёнок с лёгкостью нарушает, так как родительский контроль минимальный. Наказания не практикуются, а поощрение является единственным методом воздействия. Ребёнок поощряется за незначительные заслуги либо за естественные изменения, связанные с возрастными новообразованиями. Ребёнку усилий по самосовершенствованию нет необходимости прикладывать для поощрения. В целом, родителям характерно потворствование. Желание ребёнка становится законом для родителей, следовательно, любая потребность ребёнка удовлетворяется. В данном случае родительская критичность отсутствует, и мать с отцом не осознают последствий выбора такой стратегии воспитания. Существенных различий во взаимодействии родителей с детьми разного пола при сохранении родительской согласованности обнаружены не были, вопреки устойчивому стереотипу о существенных различиях в отношении и взаимодействии родителей с девочками и мальчиками.

Во многих аспектах родители из детоцентрических семей одинаково воспринимают своих детей, имеют схожие представления о них, о характере отношений с детьми (по результатам проективной методики «Родительское сочинение» А. А. Шведовской (Шведовская, А.А., 2005).

Образа ребёнка из полной однодетной детоцентрической семьи схож у отца и матери и существенных различий в представлениях родителей нет.

Родители ребёнка воспринимают взрослым и коммуникабельным, что выгодно отличает его от сверстников. Гордятся его хорошим поведением, отмечая, что положительное поведение

обязательно в соответствии с некоторыми социальными нормами – продукт родительского воспитания. Родители считают, что наиболее важные и значимые качества у ребёнка, которые способствуют хорошей учёбе, овладению конкретных знаний, усвоению учебных дисциплин: упорство, умение общаться на английском языке, настойчивость в овладении точных наук и т. д. В описании качеств ребёнка есть некоторые различия. Родители перечисляют положительные качества ребёнка. Но перечень положительных качеств мальчика относительно не большой. Родители активно поддерживают умение хорошо контактировать с родителями, желание взаимодействовать с ними, хорошее чувство юмора и стремление быть лучшим. При описании качеств девочки используют больше эпитетов: рассудительная, самостоятельная, добрая, способная., сообразительная, умная и т. д. и этими качествами она отличается от своих сверстниц. К тому же родители перечисляют большее количество увлечений девочек, чем мальчиков. Но они связаны с саморазвитием ребёнка, так называемые «полезные» увлечения: занятия музыкой и танцами, изучение дополнительного иностранного языка, рисование, гастрономические увлечения и т.д. У родителей идеальные ожидания и реальные требования к ребёнку не отличаются вне зависимости от пола. К требованиям относят успеваемость в школе, добросовестное отношение к учёбе, обязательно получение высшего образования успешность в профессии, соблюдение режима и упорство в саморазвитии. Однако родителям свойственна излишняя тревога за ребёнка, что и провоцирует излишнюю опеку. Они переживают за то, что ребёнок может быть подвергнут влиянию «плохой» компании, а также из-за упрямства не достигнуть результата в образовании и профессии. Родители считают, что возможные трудности могут возникнуть из-за лени и неусидчивости. Считают, что со взрослением у ребёнка появился интерес общения со сверстниками, что с одной стороны их радует, но при этом и вызывает беспокойство.

В *полной малодетной детоцентрической семье* образы детей схожи, но обнаружены некоторые несущественные различия в образах разнополых и разновозрастных детей у отца и матери.

Старший и младший мальчик в семье характеризуется родителями положительно. Он отличается от своих сверстников тем, что послушный, умный, воспитанный, вежливый и т. д., отличается хорошим поведением и «достиженец» (целеустремлённый, настойчивый, умный, способный и т.д.). Однако отец необъективно оценивает возраст мальчиков. Так старшего мальчика воспринимает младше сверстников ребёнка, тогда как младший мальчик расценивается отцом как более взрослый и более умный. Родители проецируют на мальчика многочисленные способности в конкретных науках или учебных дисциплинах. Отец усиливает этот список качествами, существенно расширяющими диапазон реализации младшего ребёнка. Однако совершенно рассогласовываются родительские представления об идеальных ожиданиях от ребёнка, а соответственно требования, к нему предъявляемые. Мать ожидает от старшего и младшего сына успехов в учёбе, чтобы стал «лучшим из лучших», помощником, защитником; организовывал свой досуг так, чтобы постоянно развивался, требует послушания. Отец делает акцент на здоровье сыновей, хочет видеть их счастливыми, считает важным сформировать умение принимать правильные решения в трудных жизненных ситуациях, реализовывать свои мечты. В приоритете у отца, чтобы старший сын основал свою собственную семью, стал хорошим мужем и достойным отцом. Родители беспокоятся, что лень. упрямство, доверчивость, подверженность влиянию могут помешать старшему и младшему сыну реализоваться, достичь успеха. По мнению родителей, контакт, близкие отношения со старшей и младшей девочкой налажены лучше, чем у других родителей с их детьми. Девочка выделяется из группы сверстников множеством положительных характеристик: ей все восхищаются, она воспитана лучше других, более рассудительна, эрудирована, более сдержана в поведении, более коммуникабельная, серьезнее других и т.д. Вообще портрет старшей и младшей девочки насыщен позитивными эпитетами. К наиболее важным особенностям, наиболее благополучно сказывающимся на развитии старшей девочки мать указывает близость с матерью, а отец — с отцом. Идеальные ожидания и реальные требования, предъявляемые к дочери родителями многочисленны, порой даже чрезмерны.

Родители хотят, чтобы дочь стала успешной, счастливой, добивалась любой цели, получила образование и профессию, соблюдала режим дня, следила за здоровьем, придерживалась правильного питания. Мать беспокоится за дочь, испытывает немотивированную тревогу, страх, из-за ложных мыслей, что дочь обидят, обманут другие люди. Поэтому мать удерживает дочь дома всеми способами как можно дольше. Тогда как отец хочет, чтобы дочь вышла замуж, создала свою семью и родила детей.

И в заключение. Согласованная родительская позиция в детоцентрической семье состоит в следующем. Основная стратегия воспитания в детоцентрической семье – потворствующая гиперпротекция. Она спровоцирована идеализацией ребёнка по принципу «семейного кумира», инверсией семейной иерархией. Важно сделать акцент, что родители считают все воспитательные меры и усилия оправданными и правильными. Намеренная социальная инфантилизация рассматривается родителями как возможность как можно дольше оберегать ребёнка от опасностей. Они долго считают ребёнка маленьким, опекают его. Причин этому, на наш взгляд, несколько. Наличие немотивированной родительской тревоги, фобия утраты ребёнка и потребность в тотальном контроле.

Вообще родители из детоцентрической семьи постоянно делают акцент на позитивном воспитательном влиянии на ребёнка, на свой исключительной родительский вклад. Например, мать считает, что одним из центральных позитивных характеристик её родительства является то, что воспитанию мать «посвятила всё свое время», «ребёнок заполнил всю мою жизнь» и т.д. По мнению матери, только такая стратегия может являться наиболее безошибочной в том, чтобы вырастить «лучшего ребёнка». Нами доказано, что цель родителя из детоцентрической семьи - вырастить идеальную личность. Перед ребёнком ставятся конкретные задачи по учёбе и развитию. Родителями даются конкретные установки на будущее. Родители беспокоятся, тревожатся за здоровье и будущее своего ребёнка, боятся упустить сензитивный период ребёнка для получения знаний. Они проецируют свои желания и нереализуемые амбиции на ребёнка, фактически делая их своим нарциссическим расширением

Нами обнаружены субъективные причины современных родителей из детоцентрических семей гиперопекать своего ребёнка. Первая — у современных родителей появляется устойчивое убеждение в том, что их сверхзадача — вырастить идеальную личность. И список требований к ребёнку непомерно велик. Поэтому задача родителя становится управлять, опекать и контролировать ребёнка, тем самым доведя его до идеального образа «сверхчеловека». Вторая — родитель получает вторичную выгоду от организации такого взаимодействия с ребёнком, которая состоит в ложной гарантии обеспечения безопасности собственного идеального образа родителя как воспитателя, опекуна.

Реальность современной семьи – явление детоцентризма. Детоцентрическая семья безусловно специфична по организации детско-родительских отношений и воспитательного родительского воздействия. Мы с удивлением обнаружили, что родители из детоцентрической семьи, соблюдая основной принцип семейного воспитания – согласованность, при этом деструктивные искажения воспитательной практики воспринимают как единственно правильную норму. А негативные последствия такого воспитания и риски развития ребёнка не прогнозируют, либо вообще игнорируют или не осознают.

Литература

1. Петровский, А. В. Всегда ли правы родители: Психология воспитания / А. В. Петровский, В. А. Петровский – М: Изд-во «АСТ», 2003. – 397 с.

2. Захаров, А. И. Происхождение и психотерапия детских неврозов / А.И. Захаров. - Спб: изд-во КАРО, 2006. – 671 с.

3. Соколова, Е. А. Социально-психологические особенности детско-родительских взаимоотношений в современных семьях с одним или несколькими детьми / Е. А. Соколова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования, 2019. Т. 8 - № 6А. – С. 164-171.

4. Эйдмиллер, Э. Г, Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. / Э. Г. Эйдмиллер – Спб: Издательский дом «Питер», 2015 – 672с.

5. Клещёва, Е. А. Детоцентрическая семья: социально-психологическая структура и механизмы функционирования : монография / Е.А. Клещёва; М-во образования Респ. Беларусь, Баранович. гос. ун-т. – Барановичи: РИО, 2023. – 196 с.

6. Клещёва, Е. А. Специфика взаимодействия матери и ребёнка в детоцентрической семье / Е. А. Клещёва // Психосоциальная адаптация в трансформирующемся обществе: субъект-субъектная коммуникация как фактор социализации индивида [Электронный ресурс] : материалы V Междунар. науч. конф., Минск, 23–24 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И. А. Фурманов (отв. ред.) [и др.]. — Минск : БГУ, 2020. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-985-566-947-1. — С. 92—98

7. Фромм, Э. Искусство любить. Исследование природы любви / Пер. Л. А. Чернышёвой. — М.: Педагогика, 1990. — 160 с.

8. Олифирович, Н. И. Психология семейных кризисов / Н. И. Олифирович, Т. А. Зинкевич-Куземкина, Т. Ф. Велента. — СПб.: Речь, 2006. — 360 с.

9. Эйдмиллер, Э. Г. Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учебное пособие для врачей и психологов. Изд. 2-е, испр. и доп / Э. Г. Эйдмиллер, И. В. Добряков, И. М. Никольская. — СПб.: Речь, 2006. — 352 с.

10. Шведовская, А. А. Использование методики «Родительское сочинение» в диагностике детско-родительских отношений в дошкольном возрасте // Психологическая диагностика, 2005. №4. – С. 70–103

Проявления возрастных кризисов у детей в связи с параметрами семейного взаимодействия

Василенко В.Е., Наталенко Я.В., Уланова Ю.Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет; Академия развития и досуга; Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

v.vasilenko@spbu.ru; ynatalenko@mail.ru; yuliya_ulanova@list.ru

Аннотация. *Исследовались взаимосвязи проявлений кризисов 1 года, 3 лет и 6-7 лет с параметрами семейного взаимодействия. Выборка: кризис 1 года - 43 ребенка, кризис 3 лет - 117 детей, кризис 6-7 лет - 31 ребенок, их матери, а также 31 отец детей в кризисе 1 года. Гипотеза подтвердилась - благополучие в эмоциональной стороне семейного взаимодействия и зрелость стилевых характеристик воспитания могут выступать ресурсами для конструктивного протекания возрастных кризисов, снижения негативистской симптоматики.*

Ключевые слова*: возрастной кризис, кризис 1 года, кризис 3 лет, кризис 6-7 лет, характеристики семейного взаимодействия, эмоциональное взаимодействие родителей с детьми, стилевые характеристики воспитания*

В отечественной психологии возрастные кризисы рассматриваются как нормативные (Выготский Л.С., 1984). При этом можно разделять «объективный» кризис – конструктивные новообразования и «субъективный» - поведенческие симптомы (Гуськова Т.В., Елагина М.Г., 1987). Возрастной кризис – это и кризис системы отношений, когда родители проходят 2 стадии – этап усиления прежних воспитательных воздействий и этап поиска новых воздействий (Поливанова К.Н., 2000).

Актуальным является обобщение данных о семейных факторах кризисных проявлений в разные периоды детства. *Целью* ряда исследований, проводимых на кафедре психологии развития и дифференциальной психологии СПбГУ, было выявление взаимосвязей симптоматики кризисов 1 года, 3 лет и 6-7 лет с параметрами семейного взаимодействия. Представим краткое обобщение этих данных.

Основная гипотеза исследования: Благополучие в эмоциональной стороне семейного взаимодействия и зрелость стилевых характеристик воспитания могут выступать ресурсами для конструктивного протекания возрастных кризисов, снижения негативистской симптоматики.

Выборка исследования кризиса 1 года - 117 человек: 31 триада «мать-отец-ребенок» и 12 диад «мать-ребенок», т.е. 43 ребенка, 43 матери и 31 отец. Возраст детей – от 10 мес. до 2 лет, средний возраст – 1,5 года. Исследование проводилось в 2016-18 гг. на базе Детского развивающего центра Колпинского района Санкт-Петербурга. *Методы*: опросник проявлений кризиса 1 года В.Е. Василенко, опросник ОДРЭВ Е.И. Захаровой, опросник PARY Е.Шеффер и Р.Белл в адаптации Т.В. Нещерет.

Выборка исследования кризиса 3 лет - 117 детей и 117 их матерей. Возраст детей - от 2 лет 1 мес. до 3 лет 11 мес., средний возраст – 3 года. Выборка была разбита на 3 микровозрастные группы: 1) от 2 лет 1 мес. до 2 лет 9 мес. (45 детей), 2) от 2 лет 10 мес. до 3 лет 6 мес. (44 ребенка), 3) от 3 лет 7 мес. до 3 лет 11 месяцев (28 детей). Исследование проводилось в 2014 г. на базе МОУ «ЦППМ и СП» и ДОУ Всеволожского района ЛО. *Методы*: опросник симптомов кризиса 3 лет В.Е. Василенко, анкета проявлений кризиса 3 лет Т.В. Гуськовой в модификации, опросник ОДРЭВ Е.И. Захаровой, опросник АСВ Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса, карты наблюдений семейного взаимодействия Ю.Ю. Улановой, В.Е. Василенко и шкала FACES-III Д.Х. Олсона, Дж. Портнера, И. Лави в адаптации Э.Г. Эйдемиллера.

Выборка исследования кризиса 6-7 лет – 31 диада «мать-ребенок», средний возраст дошкольников – 6,5 лет. Исследование проводилось в 2011 г. на базе ГДОУ Санкт-Петербурга. *Методы:* опросник симптомов кризиса 6-7 лет В.Е. Василенко, опросник АСВ Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса.

Использовалась IBM SPSS Statistics 21: описательные статистики, корреляционный анализ по Спирмену, регрессионный анализ.

Исследование кризиса 1 года выявило в целом высокую выраженность кризиса (64% выраженности).

Корреляционный анализ показал, что для формирования конструктивных новообразований ребенку необходима чувствительность матери и зрелость ее поведенческих проявлений при эмоциональном взаимодействии. При этом на выборке отцов, наоборот, конструктивные новообразования выше при меньшей выраженности позитивных чувств при взаимодействии. Негативистские проявления кризиса менее выражены при умениях матери воздействовать на состояние ребенка, оказывать ему поддержку, при принятии ребенка.

Можно предположить, что для благополучного протекания кризиса 1 года ребенку важны 2 модели поведения: безусловное эмоциональное принятие (чаще связано с материнской фигурой) и последовательность в выстраивании границ, введении запретов (чаще связана с ролью отца).

Кризис 1 года, особенно его негативистский компонент, более выражен при установках матерей на излишнюю строгость и в то же время на партнерские отношения, менее выражен при установках на чрезмерную заботу и подавление агрессивности.

Исследование кризиса 3 лет показало, что первую микровозрастную группу можно отнести к предкритической фазе (36% выраженности кризиса), вторую и третью – к критической (39% и 42% соответственно).

Корреляционный анализ выявил, что характеристики семейного взаимодействия в большей степени взаимосвязаны с невротическими реакциями, затем – с негативистскими, менее всего – с конструктивными проявлениями кризиса 3 лет.

Регрессионный анализ показал, что в предкритическую фазу предикторами проявлений кризиса 3 лет (28% дисперсии по опроснику и 36% дисперсии по анкете) являются характеристики эмоционального взаимодействия: недостаточное эмоциональное принятие ребенка, в то же время чувствительность к нему и удовлетворенность семейной сплоченностью. В критическую фазу (27% и 18% дисперсии) предикторами выступают стилевые характеристики: воспитательная неуверенность матерей (провоцирует кризисные проявления) и потворствующая гиперпротекция (затягивает наступление критической фазы). В фазе пролонгированного кризиса (после 3,5 лет) влияние характеристик семейного взаимодействия наиболее существенно (74% и 56% дисперсии). Так, кризис затягивается у детей в трех основных случаях: 1) потворствующая гиперпротекция, 2) неразвитость родительских чувств; проблемы с эмоциональным принятием ребенка 3) строгость и требовательность при реальном взаимодействии с ребенком, застревание на этапе «усиления прежних воспитательных воздействий». Недостаточная семейная сплоченность и, наоборот, очень тесные семейные связи также могут пролонгировать кризис после 3,5 лет.

Исследование кризиса 6-7 лет выявило невысокую выраженность кризиса (37% выраженности).

Корреляционный анализ показал, что стилевые характеристики воспитания в большей степени связаны с негативистской симптоматикой кризиса. Так, общий показатель негативистской категории положительно коррелирует с воспитательной неуверенностью и вынесением конфликта между супругами в сферу воспитания.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась, прежде всего, в части негативистской симптоматики – для ее ослабления важны благополучие в эмоциональной стороне семейного взаимодействия и зрелость стилевых характеристик воспитания.

Литература

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 4. Детская психология / Под ред. Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. – 432 с.
2. Гуськова Т.В., Елагина М.Г. Личностные новообразования у детей в период кризиса трех лет // Вопросы психологии, 1987. №5. – С. 78-86.
3. Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. М.: Академия, 2000. – 184с.

Симбиоз отношений в диаде «мать – ребенок»

Туревская Р.А.
АНО НППЦ Туррион, Москва, Россия
info@turita.net

Аннотация. *Статья посвящена анализу концепций симбитических отношений, особенностям родительской позиции в воспитании детей, включая детей с нарушениями развития (РАС). Исследования детей с РАС и их семей позволяет расширить феноменологию и генез симбиотческих отношений и сформулировать авторскую позицию: вопреки общепринятому рассмотрению симбиоза как субъект-объектных отношений, предлагается рассматривать их как субъект-субъектные отношения, обосновывается необходимость исследований симбиоза именно в диаде взаимодействия. Подчеркивается несводимость концепции симбиоза только к практике воспитания (гиперопеке) без учета развития самого ребенка.*

***Ключевые слова**: детско-родительские отношения, симбиотические отношения, стили и нарушения воспитания, дети с нарушениями развития, гиперопека.*

Симбиотические отношения представляют собой ключевую проблему прикладной психологии и психотерапии, как в детском/подростковом возрасте, так и во взрослом состоянии. Ее значимость трудно переоценить, т.к. наличие симбиотичских отношений за пределами раннего возраста представляет невозможность/трудности формирования автономии личности. Несмотря на высокую частоту встречаемости этой проблемы в последнее время, до сих пор она не получила должной теоретической разработки, отсутствуют надежные методы диагностики симбиотических отношений, так же как и стратегии психологической помощи. Особую проблему составляет исследование симбиотических отношений в диаде «мать-ребенок» в семьях, воспитывающих детей с аномальным развитием, в частности детей с аутизмом.

Исследования явлений симбиоза были предприняты Э.Берном, в его трудах симбиоз рассматривался как вполне адекватное явление, которое только способствует развитию ребенка. Мать учит его правильно распоряжаться всеми имеющимися психическими и психологическими ресурсами для достижения более высокого уровня развития. Такой симбиоз может легко разорваться, если того захочет один из участников симбиотических отношений. Проблема симбиоза при таком подходе видится лишь в том, что идеальных родителей не бывает, именно поэтому здоровый симбиоз со временем может перерасти в патологический.

Патологических симбиоз будет не способствовать развитию личности, а угнетать ее автономию и формировать негативные черты и установки, которые будут препятствовать установлению адекватных отношений с миром и формированию нормального уровня самооценки и самоценности у ребенка. Такой симбиоз будет проблемой не только в детском возрасте, но и исказит автономию личности в дальнейшем. Человек, личность которого формировалась в патологических симбиотических отношениях с матерью, будет переносить эту модель поведения на свои дальнейшие отношения. Такой взрослый в отношениях ищет того эмоционального удовлетворения и личностного развития, которое в достаточной мере не было реализовано в детстве. Симбиоз не ведет к нормальному личностному развитию, но человек просто не имеет в своем сознании другой модели поведения, которая была бы наиболее продуктивна.

Большой вклад в психоаналитическое понимание симбиоза и его роли в становлении личности внесла М. Малер. Она считала, что существует период нормального симбиоза, возрастные границы которого определяются четырехмесячным интервалом (1-5 м.) ребенка. В этот период он не только не несет вреда, но и является необходимым, потому что без этого невозможно становление и развитие ребенка. Именно М. Малер первой начала формировать отношение к симбиозу в таком возрасте как к нормальному процессу развития. Симбиоз в раннем возрасте продиктован абсолютной потребностью ребенка в матери и ее относительной потребностью в ребенке. Наличие симбиоза в раннем возрасте является следствием такого состояния недифференцированности, в котором Я еще не отделилось от не-Я. Нормальный симбиоз должен сменяться процессом первоначальной сепарации-индивидуации. Этот процесс является не только очень значимым для личности, но и очень сложным. Именно поэтому в своем развитии он проходит несколько стадий:

Фаза нормального (нарциссического) симбиоза.

Дифференциация и формирование образа тела.

Практикование.

Воссоединение.

Консолидация индивидуальности и начало формирования эмоциональной константности объекта (Макаренко А.С., 2014).

Аналитические исследования в попытках понять суть симбиоза продолжались и в более поздних работах, в которых основная черта симбиоза расссматривалась как иллюзорное

соматопсихическое слияние с материнской репрезентацией, иллюзия общей границы у двух физически отдельных индивидов (Балинт М., 2019).

В рамках неофрейдизма этому явлению также уделялось особое внимание. Эрих Фромм рассматривал симбиоз как союз индивида с другим индивидом, при котором каждый из взаимодействующих теряет целостность своего эго. Каждый становится зависимым. Этим термином обозначался паттерн вредных «токсичных» человеческих отношений.

Таким образом, попытки объяснения симбиоза со стороны зарубежных ученых при их многообразии сводятся к тому, что симбиоз представляет собой нарушение детско-родительских отношений, которое приводит к нарушению автономии личности.

Вопросами о проблеме симбиотических отношений занимались и отечественные ученые. В.В. Столин рассматривал симбиоз в контексте дистанции в общении. Он пишет о том, что мать, которая находится в симбиотических отношениях, ощущает себя единым целым с ребенком. Она слишком тревожится за него, старается контролировать все стороны жизни, даже процесс психического развития. Когда же ребенок становится более самостоятельным, она испытывает настоящий дискомфорт и стремится вернуть ребенка под свой контроль. Дистанция межличностных отношений в таком случае минимальная. В этом случае может быть нарушена автономия личности (Бодалев А.А., Столин В.В., 1989).

Э.Г. Эйдемиллер и В.В. Юстицкис также считают, что основой симбиоза в детско-родительских отношения является гиперпротекция со стороны родителей. При таком отношении к воспитанию родители слишком опекают ребенка, подавляя его инициативность, самостоятельность и независимость.

Особенность многих исследований симбиотических отношений состоит в том, что симбиоз исследуется в контексте нарушений воспитания, в частности, гиперопеки особенностей материнского отношения (например, тревожности). Вместе с тем исследование семей детей с РАС показало, что наряду с гиперопекой есть и другие стили родительского воспитания, которые могут быть связаны с сохранением, воспроизводством симбиотических отношений, например, «попустительство» как стратегия воспитания. При этом не учитывается тот факт, что результатом гиперопеки со стороны матери может быть как симбиоз отношений, так и протестное поведение ребенка против подобного взаимодействия.

Следует отметить, что при исследовании симбиотических отношений необходимо учитывать, что участвуют два субъекта (тогда как часто симбиоз рассматривается именно как субъект-объектные отношения), данное понятие необходимо рассматривать как диаду. Именно поэтому наряду с анализом родительских установок, необходимо также рассматривать позицию ребенка по отношению к данным установкам, сами взаимоотношения и паттерн детского развития. Ошибочно считать ребенка в рамках симбиоза только объектом взаимоотношений с родителем без своей собственной позиции. Симбиоз часто имеет условную выгоду для обеих сторон (Туревская Р.А., Касарева Е.Н., 2016).

Исследовав семьи, воспитывающие детей с расстройством аутистического спектра, было обнаружено, что структура симбиотических отношений кроме гиперопеки включает в себя также когнитивные нарушения - слияние, искажение родительской позиции, «включающей в себя образ ребенка», и сверхобобщенное представление о несостоятельности ребенка. В семьях, воспитывающих детей с нейротипичным развитием, симбиотические отношениия, с меньшей долей состоят из несостоятельности ребенка, в большей – из гиперопеки (Туревская Р.А., Сенин С.С, 2018).

На основе исследований нейротипичных и детей с аномальным развитием и их семей (300 испытуемых) был создан родительский опросник симбиотических отношений, выделены особенности (психосоматические, когнитивные, эмоционально-личностные) детей, воспитывающихся в рамках симбиоза отношений (Туревская Р.А., 2024, в печати).

Таким образом, обобщая представления отечественных и зарубежных ученых о проблеме симбиоза и его влияния на автономность личности можно прийти к выводу о том, что симбиоз, являясь необходимым этапом раннего развития, за пределами этого возраста в значительной мере искажает нормальное личностное развитие ребенка, становясь причиной

формирования негативных черт характера и неумения выстраивать нормальные межличностные отношения, препятствует формированию самостоятельности личности. В целом ребенок, который воспитывался в условиях симбиоза, часто не готов к встрече с реальным миром. Он нередко кажется ему враждебным и опасным, что нарушает процесс социализации.

Литература

1. Туревская Р.А., Косарева Е.Н. Системный подход к исследованию симбиотических отношений в детском возрасте. Материалы Всероссийская юбилейная научно-практическая конференция «Теоретические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии (к 85-летию Ю.Ф. Полякова), состоявшейся 14-15 февраля 2013г, (в соавт.). /под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рощиной, С.Н.. Москва: ООО «Сам Полиграфист», 2013, с.178-179.
2. Туревская Р.А., Косарева Е.Н. , Егоршева И.В. Личностно-ориентированный подход в системе сопровождения семей, воспитывающих детей с отклоняющимся развитием. Материалы VI –ой Международной конференции «Психологические проблемы современной семьи», МГУ им. М.В.Ломоносова. Федеральный проект «Крепкая семья», 2015, (в соавт.), с.1265-1281.
3. Туревская Р.А., Сенин С.С. Диагностика симбиотических отношений в семьях, воспитывающих детей с РАС. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ. Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции. Уральский государственный педагогический университет. 2018, с 587-590.
4. Туревская Р.А. Родительский опросник симбиотических отношений (РОСО), Москва, 2024 (в печати), 97 с.

ПСИХОЛОГИЯ МАТЕРИНСТВА И ОТЦОВСТВА

Безусловное принятие как причина проявления эмоционального компонента позитивных родительских чувств

М.М. Басимов

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва, Россия

basimov_@mail.ru

Аннотация. *Рассмотрена проблема исследования в рамках семейной психологии причинно-следственных связей, не вписывающихся в линейные модели, но описываемые «значимыми» корреляциями, которые психологическое сообщество трактует как содержательные линейные при описании результатов исследования. На примере зависимости переменной «Эмоциональный компонент позитивных родительских чувств» от переменной «Безусловное принятие» рассмотрены в сравнении с одной стороны модели связи для квинт независимой переменной, с другой стороны регрессионной модели на основе коэффициента линейной корреляции.*

Ключевые слова: *эмоциональный компонент позитивных родительских чувств, безусловное принятие, коэффициент корреляции, коэффициент силы связи, уравнение регрессии*

Рассмотрим результаты изучения статистических связей с привлечением данных, полученных Е.А. Падуриной в рамках исследования (выборка n=140) семейных детско-

родительских отношений (Падурина, 2008). Для изучении статистических связей использовался авторский метод М.М. Басимова, когда наряду с линейными связями выявляются и простейшие нелинейные зависимости любой формы (Басимов, 2011), что позволяет лучше понять такой сложный психологический предмет исследования, как родительство.

Рассматривая многочисленные исследования по семейной психологии (цитирования смотрите в статьях) можно отметить, что причинно-следственные связи в рамках этой тематики в подавляющем большинстве не вписываются в линейные модели, хотя психологическое сообщество в подавляющем своем большинстве по-прежнему пытается опираться на линейные модели, придумав что «значимая» (ненулевая корреляция со звездочками), а не сильная корреляция для значительной выборки (100 и более) является достаточной, чтобы говорить о содержательности результата. А таких «значимых» корреляций всегда набирается порядка трети от всех пар переменных, и значит даже при отсутствии сильных корреляций, у автора есть «богатый» выбор для написания статей и диссертаций. При этом часто в диссертациях авторы, перечисляя «значимые» корреляции, не делают их разделение по силе, когда в одном списке присутствуют как сильные, так и слабые корреляции, и не важно, что 0.24 и 0.90 – это принципиально не одно и тоже.

Рассмотрим подробно зависимость переменной «Эмоциональный компонент позитивных родительских чувств» (Y) от переменной «Безусловное принятие» (X), которая в рамках линейного подхода описывается значимой (n=140, p=0.01) линейной корреляцией **r=0.2745**, которая по своему значению является все-таки слабой. Хотя если переходим к изучению простейших нелинейных зависимостей в модели для квинт независимой переменной – это сильная зависимость с коэффициентом силы связи **SV'=1.04**. График зависимости представлен на рисунке 1. Обратная зависимость X(Y) значительно более слабая с коэффициентом силы связи **SV'=0.38**.

В зависимости переменной «Эмоциональный компонент позитивных родительских чувств» (Y) от переменной «Безусловное принятие» (X) зависимая переменная вначале резко убывает с -304 до -8740 по шкале сравнительной весомости при переходе с 1 квинты (33-39 баллов по шкале теста) на 2 квинту (40-42 балла по шкале теста), далее наблюдается резкий рост до +487 при переходе на 3 квинту (43-44 балла по шкале теста) независимой переменной. После чего наблюдается торможение и незначительный рост до +685 на 4 квинте (45-46 баллов по шкале теста), далее резкий рост с +685 до +8824 при переходе на 5 квинту (47-48 баллов по шкале теста). График представлены на рисунке 1.

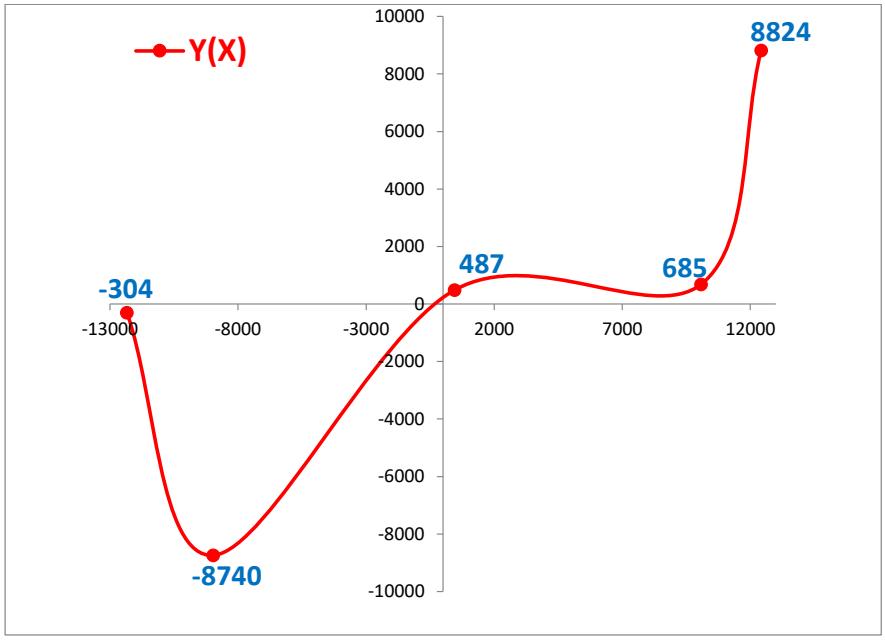

Рис. 1. Зависимость переменной «Эмоциональный компонент позитивных родительских чувств» (Y) от переменной «Безусловное принятие» (X) (сравнительные весомости для квинт переменной X)

Квинты	1	2	3	4	5
X	33-39	40-42	43-44	45-46	47-48
VES(Y)	-304	-8740	+487	+685	+8824
X(X)	-12339	-8963	+459	+10080	+12424

Таким образом, первоначальный рост безусловного принятия отрицательно влияет на формирование эмоциональный компонент позитивных родительских чувств, но в дальнейшем формирование безусловного принятия – одного из главных ожиданий ребенка, глубинного, незыблемого, фундаментального знания того, что ты хороший и правильный способствует монотонному, но при этом с различной скоростью, росту эмоционального компонента позитивных родительских чувств.

И если первоначальные изменения безусловного принятия связано с тревожностью, которая сразу не проходит, и с чем связан резкий спад эмоционального компонента позитивных родительских чувств до своих наименьших значений на 2 квинте, то при средних показателях безусловного принятия наблюдается временное торможение в формировании эмоционального компонента позитивных родительских чувств. Хотя при максимальных показателях безусловного принятия, когда родители любят ребенка просто так, просто за то, что он есть, наблюдаются наибольшие значения показателя «Эмоциональный компонент позитивных родительских чувств» на 5 квинте.

Далее рассмотрим вклад линейной корреляции в две зависимости переменных Y(X) и Z(X) от переменной X. Так как переменные представлены своими стандартными баллами, то все средние значения по переменным равны 50 (M(X)=50; M(Y)=50; M(Z)=50), а все средние квадратические отклонения равны 10 (S(X)=10; S(Y)=10; S(Z)=10).

Для зависимости Y(X) коэффициент корреляции Rxy=0.275, коэффициенты уравнения регрессии: b=0.275*10:10=0.275; a=50*(1-0.275)=36.25. В результате уравнение регрессии имеет следующий вид: **Y=36.25+0.275*X**. Графики смотрите на рисунке 2.

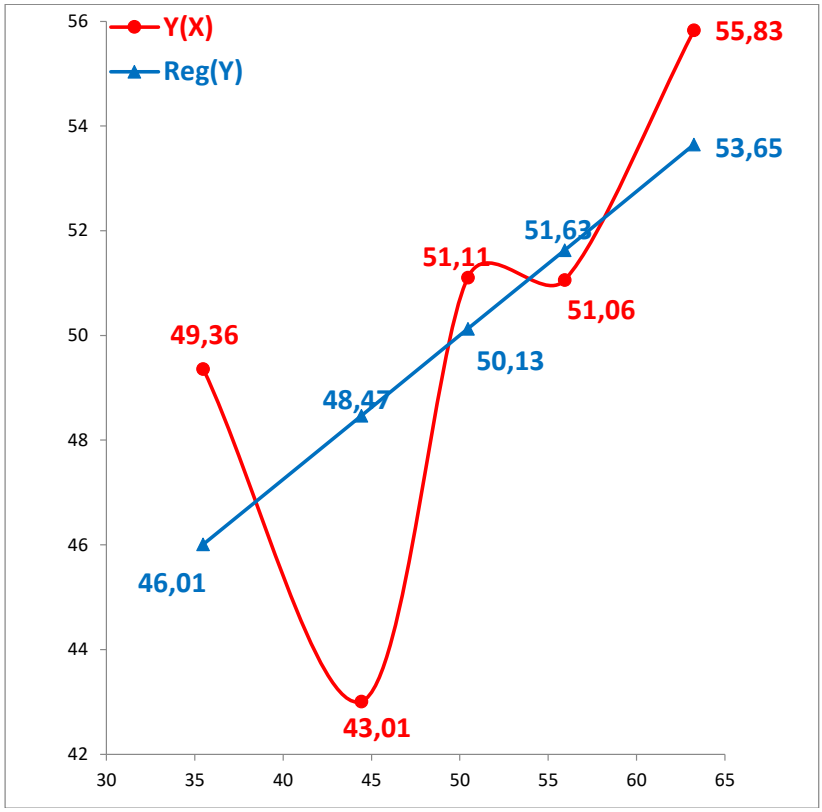

Рис. 2. Зависимость переменной «Эмоциональный компонент позитивных родительских чувств» (Y) от переменной «Безусловное принятие» (X) и ее линейная регрессия (стандартные Т-баллы для квинт переменной X)

Квинты X	1	2	3	4	5
X	35.48	44.44	50.46	55.94	63.26
Reg(Y)	46.01	48.47	50.13	51.63	53.65
Y(X)	49.36	43.01	51.11	51.06	55.83

Таким образом, в соизмеримых стандартных баллах можно отметить, что в рамках линейной регрессии изменение переменной – 7.64 ед., а по близкой к реальности модели простейшей нелинейной зависимости, основанной на квинтах независимой переменной, – 19.17 ед., что значительно больше. Поэтому «значимости» корреляции совсем недостаточно для описания психологического феномена в виде линейной модели, необходимо, чтобы корреляция была сильной (больше 0.7), а выборка достаточно большой (больше 100 объектов). Это ошибка 2 типа, когда исследователем, базирующимся в своих представлениях на «значимости» корреляции, может описываться картина явно не соответствующая реальности, а кроме того в его распоряжении субъективный выбор независимой и зависимой переменной.

Родительская идентичность мужчины в контексте построения пространственно-временной перспективы жизненного пути личности

Ю.В.Борисенко

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
Evseenkova@mail.ru

Аннотация. *В тезисах представлены материалы эмпирического исследования роли родительской идентичности личности в построении пространственной и временной перспективы картины мира человека. Полученные результаты свидетельствуют о том, что параметры родительской идентичности определяются присутствием прошлого (опыт) и будущего (трансцендентальность смыслов) в настоящем, что определяет вектор построения пространственно-временной перспективы жизненного пути личности.*
Ключевые слова*: родительская идентичность, отцовство, пространственно-временная организация картины мира человека.*

В современном мире общественный и научный интерес все чаще обращается к вопросам сложностей родительства вплоть до изучения проблем родительского выгорания [Piotrowski, 2023; Piotrowski, 2024]. Однако, на наш взгляд акцентирование на негативных моментах родительства без обращения к поиску разрешения проблем, без анализа долгосрочной перспективы влияния родительства на личность, жизнь и психологическое состояние родителя (как это зачастую происходит в исследованиях, обращенных к анализу трудностей психологического вхождения в роль родителя) может способствовать созданию негативных установок по отношению к родительской роли у молодежи и создавать сложности в становлении родительской идентичности личности. Процесс становления идентичности включает в себя на начальном этапе поиск вширь (Luyckx и др., 2008), то есть, поиск максимально широкого спектра информации о вариантах поведения личности в сфере родительства. Огромное количество материалов, описывающих трудности родительства, особенно без указания на способы их преодоления, создает контекст такого поиска для молодежи. Далее происходит поиск вглубь, то есть целенаправленное исследование какой-то определенной схемы поведения, а затем принятие и идентификация с обязательствами (Berzonsky, Papini, 2021). Не умаляя значимости исследования проблем родительства, мы полагаем, что более перспективным является исследование способов преодоления сложностей вхождения в родительство, в том числе и социального, и глубинного психологического характера. И именно изучение позитивных влияний родительства на личностное развитие, как мужчин, так и женщин позволит найти пути преодоления трудностей, которые возникают в процессе реализации родительской роли. Родительство серьезно меняет представление человека о себе и о мире. В этой связи важно понимать значение родительской идентичности личности для построения пространственной и временной перспективы мира человека. То есть, целью нашего исследования было изучить, каким образом, особенности родительской идентичности позволяют личности определить свое место в мире.

Учитывая специфику отцовства по сравнению с материнством, состоящую в уникальности вклада отца в социализацию ребенка, в меньшей биологической, большей социальной и семейной детерминированности отцовства по сравнению с материнством при одновременной нечеткости ролевых ожиданий относительно отцовской роли, зависимости степени вовлеченности в жизнь ребенка от степени вовлеченности матери в жизнь ребенка, процессы поиска идентичности и принятия обязательств в родительской сфере для мужчины приобретают особенную остроту и сложность, определяя отрефлекирование социальных влияний и собственных тенденций и позиций с точки зрения всего жизненного пути личности.

Выборка включала в себя 170 человек (140 отцов и 30 мужчин без детей) — жителей России. Средний возраст мужчин-отцов — 39 лет. Все испытуемые — жители Кемеровской области. Участие в исследовании происходило на основе добровольного мотивированного согласия испытуемых. Для сбора данных использовались следующие личностные опросники: «Опросник родительской идентичности» Дж. Плека (Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (ORI) (Maurer и др., 2001), «Тест статусов и структуры эго-идентичности» Е.Л. Солдатовой (СЭИ-тест) (Солдатова, 2015), «Шкала измерения процессов идентичности»

(DIDS) (Luyckx и др., 2008; Борисенко, 2020в), «Шкала определения стадии идентичности» (ISRI) (Cote, 1997; Борисенко, 2020а), «Шкала определения стадии родительской идентичности» (Борисенко, 2020а), «Утрехтская шкала исследования процессов родительской идентичности» (U-MICS-PI) (модификация К. Пиотровски (Piotrowski, 2018; Борисенко, 2020б). В качестве вспомогательной методики использовался «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО) Д.А. Леонтьева.

Проанализировав данные корреляционного анализа для параметра результативности поиска места в жизни (методика ISRI), мы можем сделать вывод, что он взаимосвязан со многими характеристиками родительской идентичности мужчины.

Так, удовлетворенность результатом поиска места в жизни взаимосвязана прямо со следующими параметрами: удовлетворенность отношениями с ребенком (0,71), чувство реализованности как родителя (0,67), найденный стиль родительства (0,67), процесс жизни (0,67), чувство состоятельности как родителя (0,66), чувство родительской идентичности (0,63), воспитательно-ухаживающая родительская идентичность (0,62), цели в жизни (0,62), найденный способ общения с детьми (0,56), идентификация с обязательствами (0,50), отношения с матерью (0,48), осмысленность жизни (0,48), важность родительства в пространстве жизни (0,45), оценка уважения окружающих как родителя (0,44), результативность жизни (0,40), возраст ребенка (0,37), поиск вширь (0,35). При этом она обратно взаимосвязана с параметрами глубокий поиск (-0,39) и пересмотр обязательств (-0,47).

То есть, осмысленность взаимоотношений с ребенком открывает новые горизонты жизни и не ограничивает пространство жизни семьей, но включает человека в социальное пространство как уважаемого и значимого члена общества.

Значение родительства в пространстве жизни мужчины-отца определяется такими параметрами, как: поиск вширь (0,67), идентификация с обязательствами (0,67), отцовские установки (0,63), удовлетворенность отношениями с ребенком (0,58), провайдерская родительская идентичность (0,48), желание детей в будущем (0,40), принятие обязательств (0,35), принятие обязательств (0,35), отношения с матерью (0,31). При этом оно обратно взаимосвязано с параметрами: локус контроля – жизнь (-0,43), количество детей (-0,59), пересмотр обязательств (-0,81).

Характерно, что данный параметр имеет прямые связи со всеми шкалами принятия обязательств и обратно связан с пересмотром обязательств. Кроме того, отцовские установки и провайдерская родительская идентичность определяют место детей в жизни мужчины. Это связано с его удовлетворенностью отношениями с ребенком и даже желанием детей в будущем.

Показательно, что для параметра найденный круг общения были найдены прямые взаимосвязи с возрастом ребенка (0,52) и количеством детей (0,32). Подросший ребенок является важным партнером общения, определяя пространство социального взаимодействия человека, причем с возрастом эта тенденция усиливается.

При этом оценка уважения окружающих прямо взаимосвязана с такими параметрами, как: поиск вширь (0,78), идентификация с обязательствами (0,70), отцовские установки (0,64), удовлетворенность отношениями с ребенком (0,52), принятие обязательств (0,50), провайдерская родительская идентичность (0,40), чувство идентичности (0,40), чувство взрослости (0,34), принятие обязательств (0,31) и обратно связана с количество детей (-0,40), пересмотр обязательств (-0,74).

При этом отцы полагают, что принятие обязательств определяет их оценку как родителя окружающими. Уважение окружающих к человеку, по мнению отцов, связано с уважением его как родителя. Специфичным для нашей выборки оказалось то, что уважение окружающих, по мнению отцов, обратно связано с количеством детей, что отражает социальные стереотипы о многодетных семьях. При этом человек с более развитым чувством зрелости и взрослости, нашедший свое место в мире и жизни выше оценивает представления окружающих о себе, как родителе.

Ранее мы обнаружили, что именно для мужчин временные трансформации родительства имею гораздо большее значение, чем для женщин (Борисенко, 2022). Они настолько важны, что составляют отдельный фактор, позволяющий описать перспективный взгляд на свою жизнь в связи с родительством. Характеристики, определяющие этот фактор и изменяющиеся со временем – это: чувство зрелости, количество детей, найденный круг общения, результативность жизни, пересмотр обязательств, удовлетворенность браком и чувство идентичности (Борисенко, 2022).

Оценка родительской роли связана не только с временной перспективой, меняющейся с возрастом самого испытуемого и возрастом ребенка, но и с местом родительства в пространстве жизни человека. Принимая во внимание, что провайдерская позиция более важна для отца (Maurer и др., 2001), возможно именно снижение нагрузки на обеспечение ребенка, позволяет по-другому увидеть отношения с ребенком. И эти параметры взаимосвязаны с удовлетворенностью браком и чувством идентичности. Интересно, что важность отношений с собственным отцом снижается, что может быть связано с тем, что именно ролевые характеристики мужчины (провайдер) передаются отцом, а личностное взаимодействие с ребенком в более взрослом возрасте индивидуально.

При этом с возрастом отца взаимосвязаны такие параметры как: чувство зрелости (0,66), количество детей (0,60), воспитательно-ухаживающая родительская идентичность (0,57), результативность жизни (0,50), локус контроля – жизнь (0,47), пересмотр обязательств (0,43), найденный круг общения (0,42), чувство идентичности (0,37), локус контроля – я (0,37), осмысленность жизни (0,33) и отрицательно связаны: желание детей в будущем (-0,78), принятие обязательств (-0,53), глубокий поиск (-0,52). Эти же параметры с таким же знаком взаимосвязаны и с возрастом ребенка.

Значимость родительской идентичности в процессе выстраивания дальнейшей перспективы жизни прослеживается в определении взаимосвязей характеристики результативности поиска приемлемого сейчас и в будущем стиля жизни, который, по мнению испытуемого, будет устраивать в дальнейшем. Этот параметр взаимосвязан с такими характеристикам, как: воспитательно-ухаживающая родительская идентичность (0,69), удовлетворенность отношениями с ребенком (0,65), процесс жизни (0,65), чувство реализованности как родителя (0,62), отношения с матерью (0,57), чувство состоятельности как родителя (0,56), цели в жизни (0,55), чувство родительской идентичности (0,51), найденный стиль родительства (0,51), найденный способ общения с детьми (0,44), осмысленность жизни (0,43), провайдерская родительская идентичность (0,40), идентификация с обязательствами (0,37), возраст ребенка (0,37), важность родительства в пространстве жизни (0,32), локус контроля – я (0,31). И отрицательно связан с пересмотром обязательств (-0,40).

Эти данные подтверждаются также данными, полученными в рамках глубинного интервью. Мужчины, не имеющие детей в настоящий момент, планируют это сделать в будущем, при этом вполне представляют себя в роли отцов и считают, что рождение ребенка сильно изменит их жизнь – с рождением ребенка изменится и отношение окружающих к ним в положительную сторону, изменится и их отношение к самим себе. То есть, можно констатировать наличие определенных представлений и стереотипов об оценке обществом отцовства у мужчин, еще не имеющих детей.

Испытуемые – молодые отцы (средний возраст 31,1) описывая изменения, которые связаны с родительством их собственной жизни, характеризуют пространственные характеристики в терминах: «огромной ответственности», «исчезла пустота», «жизнь стала более насыщена событиями», «появилась ответственность», «сейчас труднее», «все поменялось». Мужчины старшего возраста (средний возраст 56,2) полагают, что «стало гораздо больше забот, но и жизнь стала интереснее и осмысленнее», жизнь стала полная чаша», «наслаждаюсь жизнью», и особенно часто говорят о значении детей как «продолжения жизни».

При ответах на вопрос о том, что для них мужчина без ребенка, испытуемых подбирали метафоры, связаннее с продолжением жизни: «дерево без листьев», «человек без будущего», «тупик». Интересно, что связь рождения ребенка и временной перспективы жизни прослеживается даже в ответах невовлеченных отцов. И акцент на перспективе продолжения индивидуальной жизни отца детьми усиливается с возрастом.

Таким, образом, можно говорить, о том, что родительская идентичность мужчины несет в себе характеристики открытости человека по отношению к миру и к самому себе; она определяется присутствием прошлого (как трансгенерационного, так и субъективно-личностного опыта) и будущего (трансцендентальность смыслов) в настоящем, что определяет вектор построения пространственно-временной перспективы жизненного пути личности и помогает в процессе разрешения экзистенциальных вопросов в период взрослости, что определяет значимость родительства не только как социального феномена в контексте выполнения социальной роли воспитателя, кормильца и защитника подрастающего поколения, не только значимость общения с отцом для развития личности ребенка, но и субъективную личностную значимость для развития и гармонизации жизни самого мужчины.

1. Борисенко Ю.В. Адаптация методики Identity Stage Resolution Index (ISRI) на русский язык // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Том 22. № 3. С. 735—743. DOI:10.21603/2078-8975-2020-22-3-735-743 (2020а)
2. Борисенко Ю.В. Адаптация методики the Utrecht-management of identity commitments scale-parental identity (U-MICS-PI) для исследования процессов родительской идентичности // Психология. Психофизиология. 2021. Том 14. № 2. С. 17—26. DOI:10.14529/jpps210202 (2020б)
3. Борисенко Ю.В. Апробация и адаптация методики исследования процессов идентичности “Dimensions Of Identity Development Scale (DIDS)” // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2020. № 3(42). С. 33—41. (2020в)
4. Борисенко Ю.В. Особенности родительской идентичности российских мужчин и женщин // Экспериментальная психология, 2022. - Т.15. - № 3. - С. 178—198. DOI: https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150312.
5. Солдатова Е.Л. Шляпникова И.А. Связь эго-идентичности и личностной зрелости // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2015. Том 8. № 1. С. 29—33.
6. Berzonsky, M. D., Papini, D. R. Cross-lagged associations between cognitive dispositions, identity processing styles, and identity commitments. //*Self and Identity*, 2021. - *21*(8). – p. 963–979. https://doi.org/10.1080/15298868.2021.2013309
7. Cote J.E. Identity Stage Resolution Index (ISRI) An empirical test of the identity capital model // Journal of Adolescence. 1997. Vol. 20. P. 421—437.
8. Luyckx K., Schwartz S.J., Berzonsky M.D., et al. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence // Journal of Research in Personality. 2008. Vol. 42. P. 58—82.
9. Maurer T.W., Pleck J.H., Rane T.R. Parental identity and reflected appraisals: Measurement and gender dynamics // Journal of Marriage and the Family. 2001. Vol. 63. P. 309—321.
10. Piotrowski K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain // Scandinavian Journal of Psychology. 2018. Vol. 59. P. 157—166. DOI:10.1111/sjop.12416
11. Piotrowski, K., Dzielińska, M., Lasota, M. Processes and Statuses of Parental Identity at Different Stages of Parenthood. // Identity, 2024. - №24(2). – p. 139–155. https://doi.org/10.1080/15283488.2024.2315454
12. Piotrowski, K., Mikolajczak, M., Roskam, I. I Should Not Have Had a Child: Development and Validation of the Parenthood Regret Scale. // Journal of Family Psychology. 2023. - № 37(8). – p. 1282–1293. https://doi.org/10.1037/fam0001158

Родительский стресс, выгорание и сородительство в супружеской паре

В. А. Дорошенко, С. С. Савенышева
Факультет психологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия
vlada.doroshenko@list.ru

Аннотация. *Представлены результаты исследования, целью которого является изучение особенностей влияния сородительства на родительский стресс матерей и отцов детей дошкольного возраста. Показано, что важнейшим условием формирования родительского стресса является общий уровень срадительства, представлена модель взаимовлияние показателей отцов и матерей.*
Ключевые слова: *сородительство, совместное воспитание, родительский стресс, родительское выгорание, дошкольный возраст.*

Родительский стресс (далее – РС) является отсутствием баланса между восприятием требований от родительской роли и существующих у родителей ресурсов для соответствия им (Abidin R. R., Brunner J. F., 1995). Также мы затрагиваем более близкое и изученное понятие эмоционального выгорания у матерей. Родительское выгорание (далее – РВ) определяется как истощение, связанное с выполнением своей родительской роли (Чагарова Д. Р., 2020).

Сородительство (coparenting) является новым понятием в российской психологии и требует активного исследования. Feinberg определяет «coparenting» как отношение родителей друг к другу в роли родителя, что также подразумевает ответственность обоих при воспитании ребёнка. Он разработал 4-компонентную концептуальную основу родительских отношений: 1. Согласие/несогласие в вопросе воспитания детей. 2. Разделение труда в воспитании ребенка между супругами 3. Поддержка/подрыв со стороны родителей. 4. Совместное управление динамикой семьи (Feinberg M., 2003).

РС активно исследуется зарубежными авторами (Савенышева С. С., Аникина В. О., Мельдо Э. В., 2019), но имеет не такое большое количество исследований в отечественной психологии. При этом практически значимым является выявление факторов РС. И семейные факторы, на наш взгляд, могут выступать наиболее мощными предикторами РС.

В связи с этим, ***целью исследования*** является изучение особенностей влияния сородительства на РС матерей и отцов детей дошкольного возраста.

Выборка исследования – 62 пары родителей, проживающие совместно и воспитывающие ребёнка-дошкольника 3-7 лет (M=4,1). Матери в возрасте от 22 до 49 лет (M=34,73), отцы в возрасте от 25 до 55 лет (M=36,6).

Методики: Социально-биографическая анкета для родителей; «Краткая шкала сородительства» («Brief Co-parenting Relationship Scale») (Feinberg M. E., Brown L. D., и Kan M. L., 2012) – наша адаптация; Шкала родительского стресса Берри-Джонса (Мисиюк Ю. В., Тихонова И. В., 2022); опросник «Родительское выгорание» - модификация Н. И. Ефимовой (для матерей) (Ефимова И. Н., 2013); опросник «Шкала воспринимаемого стресса-10» В. А. Абабкова (для матерей) (Абабков В. А. и коллеги, 2016).

В данном исследовании были использованы следующие ***методы математико-статистической обработки данных***: анализ средних, корреляционный анализ Спирмена, факторный анализ, метод путей (AMOS).

С помощью анализа путей была получена модель 1 (Хи-квадрат =10,391; df=9) - взаимовлияние показателей матерей. Было выявлено, что высокий уровень РС матерей приводит к эмоциональному истощению и перенапряжению ($p<0,01$). При этом перенапряжение влияет на эмоциональное истощение ($p<0,01$). Также уровень РС матерей влияет на уровень РС отцов ($p<0,01$).

Также была получена следующая модель 2 (Хи-квадрат =12,564; df=13) – взаимовлияние показателей отцов и матерей. Общий уровень РС матерей влияет на уровень воспринимаемого ими стресса ($p<0,01$), и вместе они оказывают влияние на общий уровень РС отцов ($p<0,01$). Общий уровень сородительства матерей также влияет на общий уровень сородительства отцов ($p<0,01$), высокий уровень которого, в свою очередь, может снижать уровень РС отцов ($p<0,05$).

Таким образом, общий уровень сородительства матерей влияет на общий уровень сородительства отцов, который, в свою очередь, влияет на общий уровень РС отцов. При этом РС матерей влияет на их эмоциональное истощение и перенапряжение, и последнее влияет на эмоциональное истощение.

Литература

1. Abidin, R. R. and Brunner, J. F. 1995. Development of a parenting alliance inventory. Journal of Clinical Child Psychology, 24(1): 31–40.
2. Feinberg, M. E., Brown, L. D., & Kan, M. L. (2012). A multi-domain self-report measure of coparenting. Parenting, 12(1), 1–21.
3. Feinberg, M. 2003. The internal structure and ecological context of coparenting: A framework for research and intervention. Parenting: Science and Practice, 3
4. Абабков В. А., Барышникова К., Воронцова-Венгер О. В., Горбунов И. А., Капранова С. В., Пологаева Е. А., Стуклов К. А. Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10» // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 2. С. 6–15.
5. Ефимова И. Н. Возможности исследования родительского «выгорания» // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». № 4 / 2013.
6. Мисиюк Ю.В., Тихонова И.В. Русскоязычная версия "Шкалы родительского стресса": результаты первичной оценки внутренней надежности и валидности // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. №9 (101).
7. Савенышева С.С., Аникина В.О., Мельдо Э.В. Факторы родительского стресса матерей детей раннего и дошкольного возраста: анализ зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 4. С. 38–48.
8. Чагарова, Д. Р. Синдром эмоционального выгорания матерей / Д. Р. Чагарова // Молодежь. Наука. Образование : Сборник научных трудов по материалам конкурса научных работ "Студент-исследователь". – Карачаевск : Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2020. – С. 211-215.

«Образ Я» в самосознании матери

Е.С. Киричик

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Брест, Республика Беларусь

Email: kirichikelena@yandex.ru

Аннотация. *В статье представлен анализ научных взглядов на проблему развития самосознания матери, а также приводятся результаты эмпирического исследования образа Я матерей. Результаты исследования проанализированы с позиции взгляда на выборку в целом, а так же с учетом возрастных аспектов матерей и их детей. Выявлены значимые различия самоописаний матерей, имеющих детей младенческого, раннего и дошкольного возрастов в сфере семейных отношений, а также в сфере личностной идентификации, в зависимости от возраста матерей.*

Ключевые слова: *материнство, самосознание, когнитивная сфера самосознания, образ Я, самосознание матери.*

Наличие социально-психологических и демографических проблем в обществе актуализирует исследование вопросов материнства. Материнство как деятельность по обеспечению благополучия ребенка и как процесс личностного развития женщины опосредовано самосознанием матери (Н.Н. Васягина, 2007). Исследование компонентов самосознания матери позволит понять его содержание и определить механизмы его трансформации. Культурные установки, стереотипы, опыт родительского общения и взаимодействия, материнское отношение с раннего детства воспринимается и становится фундаментом самосознания будущей матери.

Содержание самосознания матери как структуры личности женщины включает: представления о себе как о матери, образ своего ребенка, представления о материнстве в целом, переживание себя матерью, направленность на реализацию себя в качестве матери, реализацию определенного стиля воспитания и характера взаимодействия с ребенком (Н.А. Устинова, 2011; М.Ю. Чибисова, 2003). Материнская деятельность в зависимости от изменяющихся содержания возраста и задач развития ребенка наполняется новым содержанием (М.Ю. Чибисова, 2003).

Характер материнского взаимодействия с ребенком на каждом возрастном этапе развития ребенка изменяется в зависимости от задач развития. Взросление ребенка позволяет взрослеть и развиваться матери, обогащая тем самым ее самосознание новыми представлениями, знаниями, оценками, намерениями, целями, решениями.

Одним из базовых компонентов самосознания является когнитивный компонент, как система представлений индивида о себе, состоящей из нескольких образов Я: представления о своем теле (телесное Я), представления о материальных объектах, которые человек считает своими (материальное Я), о своем месте в обществе и социальных ролях (социальное Я), о своих качествах личности, способностях (психологическое Я) и др.

Образ себя как будущей матери становится основой будущего родительского восприятия. Знания о материнстве формируют отношение к нему и определяют репродуктивные установки женщины (Е.С. Киричик, 2022,2023). Образ «Я-мама» и как следствие оценка и принятие себя как матери, реальное отношение и чувства к ребенку, материнская позиция, стиль воспитания возникают только в процессе беременности и после рождения ребенка, как особые элементы самосознания матери (Т.В, Леус, 2001). Целостное понимание самосознания матери отражено в трудах И.Е Валитовой: «…самосознание матери представляет собой сложное психическое образование и психический процесс, сущность которых состоит в постижении и отражении матерью образа Я, эмоционально-ценностном отношении к этому образу и регуляции на этой основе поведения» (И.Е. Валитова, 2018).

Цель нашего исследования – определить динамику образа Я матери как когнитивного аспекта ее самосознания.

На начальном этапе эмпирического этапа была определена выборка исследования – женщины, имеющие единственного родного ребенка в возрасте до 7 лет. В исследовании приняли участие 228 женщин в возрасте от 20 до 46 лет (средний возраст 30,7 лет). Выборка была разделена на три группы, в зависимости от возраста детей: 1) матери имеющие детей от 0 до 1 года (76 женщин); 2) матери имеющие детей от 1 года до 3 лет (77 женщин); 3) матери имеющие детей от 3 до 7 лет (75 женщин).

Методика «Кто Я» позволяет оценить содержание когнитивного компонента самосознания. Методика «Кто Я» была создана в 1954 году М. Куном и Т. Макпартландом. Данная методика представляет собой нестандартизированное самоописание с открытой формой. В нашем исследовании использование методики «Кто Я?» приближенно к оригиналу, при котором испытуемым предлагают написать любое количество ответов на вопрос «Кто Я?» в течение 12 минут. Ответы предлагалось давать в том порядке, в котором они спонтанно возникают (Т.В. Румянцева, 2006).

Описания респондентов охватывают не только ролевые аспекты, но все сферы представлений человека о своей личности. Обработка данных методики «Кто Я» производилась методом контент-анализа. Всего было проанализировано 3362 самоописания. В результате группировки были выделены 4 сферы, включающие от 3 до 9 категорий:

1. Семейные отношения:

- семейное положение (супруга, жена);
- идентификация и деятельность по дому (хозяйка, готовлю еду);
- роль родителя (мать, мама) и отношения с ребенком (люблю гулять с ребенком);
- родственные связи (дочь, сестра, внучка, тетя, крестная мать, невестка).

2. Учебно-профессиональные роли:

- профессия (врач, учитель, логопед);
- идентификация и трудовая деятельность (трудоголик, сотрудник, профессионал);
- идентификация и учебная деятельность (студент, ученик, люблю учиться, люблю читать).

3. Личностная идентификация:

- личностная позиция (человек, личность, имя, знак зодиака);
- пол (женщина, девушка);
- этнически-региональная позиция (белоруска, живу в Бресте);
- увлечения, интересы (люблю спорт, путешественница, люблю природу);
- личностные взгляды (оптимист, верю в Бога);
- качества характера (добрая, ответственная), способности (успешная, умная), страхи;
- внешность и тело (красивая, выносливая, здоровая);
- материальная собственность (владею кафе, живу в общежитии)
- неопределенные характеристики (я не знаю кто я).

4. Межличностные роли, отношения:

- коммуникативные качества (заботливая, общительная);
- коммуникативные роли (друг, подруга, собеседник);
- социальные роли (соседка, покупатель, клиент).

В таблице 1 представлены результаты подсчёта высказываний всех участниц исследования по четырем сферам. Согласно полученным результатам, сфера личностной идентификации, включающая индивидуальные характеристики, которые являются определением для каждой отдельной личности, уникальным непохожим набором черт отличающей одного человека от другого, имеет наибольшую долю самоописаний среди матерей. На втором месте, по частоте упоминаний, – сфера семейных отношений, включающая представления о себе как о части семейной системы, как о человеке, исполняющем одну или несколько семейных ролей, значимом субъекте семейных отношений. На третьем месте – сфера межличностных ролей и отношений, которая позволяет реализовать себя во взаимодействии не только с близкими людьми, но и с социумом в целом, проявить свои коммуникативные способности и найти свою роль в общении. Менее всего представлена сфера учебно-профессиональных ролей, которая указывает на реализацию человека в познании и труде, на его место в нише учебной и профессиональной деятельности.

Таблица 1 – Количественные результаты подсчета высказываний (выборка в целом)

Сферы образа Я	Кол-во высказываний	%
Семейные отношения	909	27,04
Учебно-профессиональные роли	441	13,12
Личностная идентификация	1460	43,43
Межличностные роли, отношения	552	16,42
Всего	3362	100,00

Выявлены значимые корреляционные связи между самоописаниями (коэффициент ранговой корреляции Спирмена). Расчеты производились в программе SPSS версия 23. По

результатам использования непараметрических методов обнаружено, что чем чаще женщины описывают свои личные характеристики, тем чаще они уделяют внимание самоописаниям межличностных ролей (r_s=0,236; p=0,000), и тем реже описывают себя со стороны выполнения семейных ролей (r_s=-0,147; p=0,026). Описание семейных ролей оказалось напрямую связано с самоописаниями учебно-профессиональных ролей (r_s=0,218; p=0,001).

Рассматривая представленность высказываний матерей по сферам, в зависимости от возраста их детей, стоит отметить, что больше всего описаний «Кто Я» встречается у матерей, имеющих детей дошкольного возраста, меньше всего – у матерей младенцев. На рисунке 1 наглядно представлена частота самоописаний матерей, относящихся к различным сферам, в зависимости от возраста их детей. Сфера семейных отношений в большей степени представлена в самоописаниях матерей, имеющих детей раннего возраста, и в меньшей степени – у матерей детей дошкольного возраста. Учебно-профессиональные роли чаще присутствуют в самоописаниях матерей, имеющих детей младенческого возраста, нежели у матерей детей старших возрастов. Характеристики Я, описывающие индивидуальные личностные качества, чаще встречаются у матерей имеющих детей дошкольного возраста, несколько реже – у матерей, имеющих детей раннего возраста и еще реже – у матерей младенцев. Описания межличностных ролей и отношений чаще встречаются у матерей, имеющих детей младенческого возраста, чем у матерей детей раннего и дошкольного.

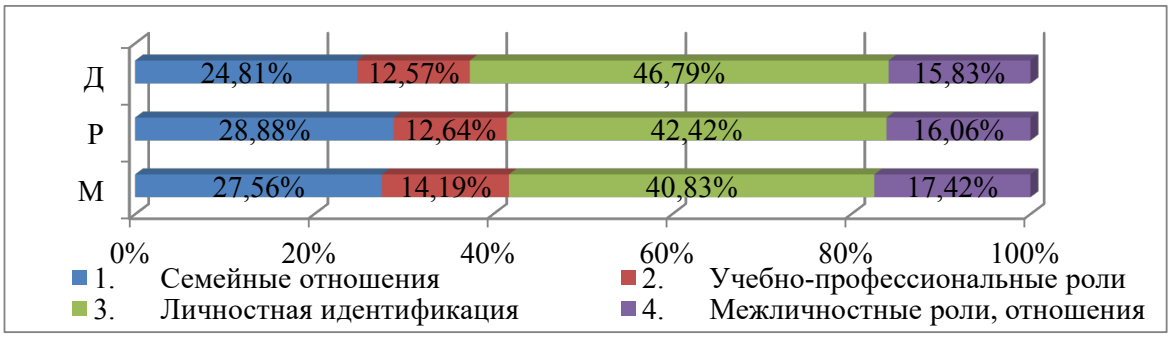

Рисунок 1 – Представленность сфер самоописаний у матерей, имеющих детей младенческого, раннего и дошкольного возраста

С целью нахождения различий между показателями матерей, имеющих детей разного возраста мы применили непараметрические методы математической статистики – критерий Крускала-Уолиса и критерий Манна Уитни. При определении критических значений критерия Крускала-Уолиса значения сравниваются с критическими значениями критерия хи-квадрат.

По результатам статистического анализа среди самоописаний матерей, имеющих детей младенческого, раннего и дошкольного возрастов, выявлены статистически значимые различия в сфере семейных отношений ($\chi 2$=6,276; p=0,043). Критерий Манна Уитни позволяет попарно проанализировать показатели возрастных групп, по результатам выявлены различия среди матерей имеющих детей раннего и дошкольного возраста (U=2270; p=0,021) и среди матерей, имеющих младенческого и дошкольного возраста (U=2330; p=0,049).

Кроме того, по критерию Крускала-Уолиса выявлены различия в сфере личностной идентификации у матерей, в зависимости от их возраста ($\chi 2$=18,230; p=0,001). Выборка по критерию возраста женщин была разделена на 5 возрастных категорий: 1) 20–25 лет; 2) 26–30 лет; 3) 31–35 лет; 4) 36–40 лет; 5) 41–46 лет. На рисунке 2 представлена частота высказываний матерей в пределах сфер образа Я в зависимости от возраста матерей. Стоит отметить, что чем старше женщина, тем в большей степени она воспринимает себя с точки индивидуально-личностных качеств и тем реже описывает себя с точки зрения выполнения семейных ролей.

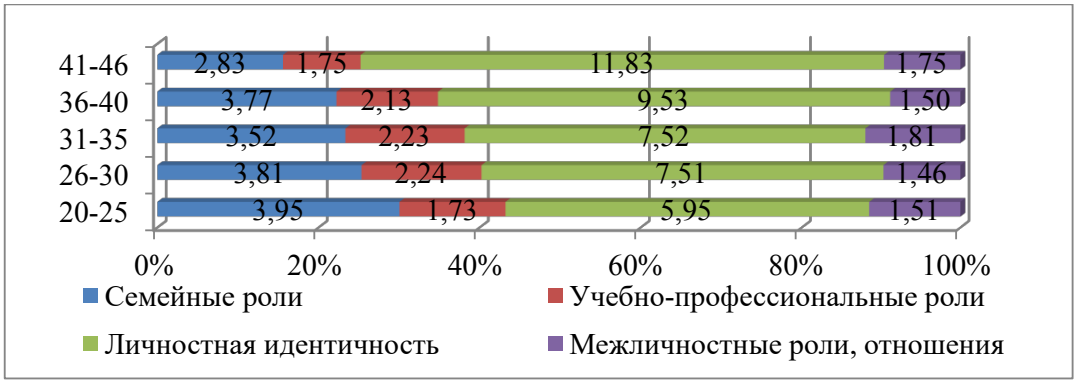

Рисунок 2 – Представленность сфер самоописаний матерей разного возраста

По критерию Крускала-Уолиса выявлены различия в сфере личностной идентификации у матерей, в зависимости от их возраста ($\chi 2$=18,230; p=0,001). В таблице 2 представлены результаты статистического анализа различий сферы личностной идентификации по критерию Манна Уитни.

Таблица 2 – Статистически анализ различий сферы личностной идентификации

Возраст	Результаты расчетов
20–25 лет и 26–30 лет	U=1131,50; p=0,039*
20–25 лет и 36–40 лет	U=349,50; p=0,002**
20–25 лет и 41–46 лет	U=98,00; p=0,002**
26–30 лет и 41–46 лет	U=222,00; p=0,009**
31–35 лет и 36–40 лет	U=785,00; p=0,037*
31–35 лет и 41–46 лет	U=222,00; p=0,008**

*Примечания: * – различия статистически значимы на уровне p=0,05, ** – различия статистически значимы на уровне p=0,01.*

Результаты расчетов с использованием коэффициента корреляции Спирмена указывают на наличие корреляционной связи между возрастом матерей и сферой личностных характеристик: чем старше мать, тем чаще она употребляет, относительно описания себя, индивидуально-личностные характеристики (r_s=0,240**; p=0,000).

Таким образом, согласно полученным результатам сфера личностной идентификации в наибольшей степени представлена среди всех самоописаний матерей, что может свидетельствовать о том, что женщины в первую очередь воспринимают и знают себя со стороны индивидуальных личностных качеств, а выполнение семейных ролей, межличностных и учебно-профессиональных для них вторично. Обнаружена прямая связь между самоописаниями личностных характеристик и межличностных ролей, а также обратная связь между самоописаниями личностных характеристик и семейных ролей. Чем более мать проявляет свою индивидуальность, тем более она проявляет себя в межличностных отношениях и коммуникации в социуме, что ведет к уменьшению значимости выполнения семейных ролей. Установлена также прямая связь между указаниями на семейные и учебно-профессиональные роли. Чем больше женщина воспринимает себя через призму семьи, тем в большей степени реализует себя в обучении и трудовой деятельности, и наоборот. Больше всего описаний «Кто Я» встречается у матерей, имеющих детей дошкольного возраста, меньше всего у матерей младенцев, что может говорить о степени познавательной активности, направленный на себя, у матерей детей разного возраста. Среди матерей, имеющих детей-младенцев, больше всего встречаются самоописания, относящиеся к учебно-профессиональной сфере и сфере межличностных отношений, среди матерей детей раннего возраста чаще встречаются самоописания, относящиеся к сфере семейных отношений, а среди матерей дошкольников – самоописания в сфере личностной идентификации. Такие показатели могут говорить о смене приоритетов матерей в процессе взросления их детей. Выявлена связь

возраста женщины и сферы личностной идентификации в когнитивной составляющей самосознания матери: чем старше женщина, тем в большей степени она воспринимает и описывает себя с точки индивидуально-личностных качеств. С возрастом ребенок все больше становится самостоятельным, все меньше нуждается в направляющей помощи матери, а мать все больше ощущает себя женщиной и стремится к личностной самореализации, тем самым отодвигая значимость семейных ролей.

Литература

1. Валитова, И.Е. Особенности самосознания матери ребенка с ограниченными возможностями здоровья / И.Е. Валитова // Развитие личности. – 2018. – № 4. – С. 57–85.
2. Васягина, Н. Н. Структурно-содержательный анализ самосознания матери / Н. Н. Васягина, Е. Н. Рыбакова // Образование и наука. – 2007. – №2 – С.75 –84.
3. Киричик, Е. С. Особенности развития ребенка как фактор трансформации самосознания матери/ Е. С. Киричик // Социальная психология здоровья и современные информационные технологии : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. семинара, Брест, 15 апр. 2022 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: А. В. Северин, С. Л. Ящук. – Брест : БрГУ, 2022. – С. 64 –68.
4. Киричик, Е. С. Проблема материнства и мотивации деторождения в современном обществе / Киричик Е. С. ; науч. рук. Валитова И. Е. // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации : материалы X Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 8 декабря 2023 г. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – С. 137 – 139.
5. Леус, Т. В. Представление женщины о себе как о матери до и после родов : автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.01 / Т. В. Леус ; Ин-т психологии РАН. – М., 2001. –19 с.
6. Румянцева, Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. / Т. В. Румянцева – СПб. : Речь, 2006. – 176 с.
7. Устинова, Н.А. Материнство как специфическое новообразование самосознания и личности женщины / Н.А. Устинова // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – 4-1 (29). – С. 76–79
8. Чибисова, М. Ю. Феномен материнства и его отражение в самосознании современной молодой женщины : автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.13 / М. Ю. Чибисова ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2003. – 21 с.

Психические состояния и принятие родительской позиции у матерей детей раннего возраста

О.П. Кондаурова
Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия
E-mail:888oeolala@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена проблеме материнства. Сложности, с которыми сталкивается женщина, выполняя материнские обязанности, часто зависят от возраста ребенка, степени принятия родительской позиции. Выборку составили 40 женщин в возрасте от 24 до 33 лет. В рамках исследования выявлено, что имеются особенности в степени принятия различных показателей родительской позиции, психических состояний у матерей детей раннего возраста и младенцев.*

Ключевые слова: *матери детей раннего возраста, утомляемость, состояние тревоги, эмоциональное отношение.*

Во все культурно-исторические периоды развития общества проблема материнства привлекала внимание и являлась актуальной. В последнее время в нашей стране данной проблеме уделяется особое внимание, проводятся научные исследования в рамках которых изучаются различные аспекты материнства (Филиппова Г.Г., 2000; Васягина Н.Н., 2010; Захарова Е.И., 2016; Куликов Л.В., Маленова А.Ю., Потапова Ю.В., 2020). Жизнь женщины меняется с рождением ребенка, и к ней нужно готовится еще до рождения ребенка. От степени принятия позиции материнства во многом зависит ответственность, исполнение материнских обязанностей, выдерживание физических и психических нагрузок (Якупова В.А., 2017).

В зависимости от возраста ребенка, выделяют различные этапы материнства. С учетом возрастных особенностей психического развития ребенка, у матерей сохраняются прежние и появляются новые материнские обязанности. В связи с этим материнство приобретает специфические черты и требует постоянного совершенствования, включения адаптационных механизмов психических состояний и принятия материнской роли. Сложности, с которыми сталкивается женщина, выполняя материнские обязанности, определяют особенности материнства, и обусловливают возможность в разной степени принятия родительской позиции, а также возникновения различных, не всегда благоприятных психических состояний (Захарова Е.И., 2015; Ильина Т.И., Гуриева С.Д., 2019; Андреева М.В., Кондаурова О.П, 2022).

Исходя из вышесказанного, целью нашего исследования является выявление особенностей принятия родительской позиции, и проявляющиеся психических состояний матерей с детьми младенческого и раннего возраста. В исследования приняло участие 40 женщин в возрасте от 24 до 33 лет, состоящих в браке, с одним ребенком, (20 матерей младенцев и 20 матерей детей раннего возраста). Нами были использованы: Опросник «Степень принятия родительской позиции» (Е.И. Захарова); Методика определения доминирующего состояния: краткий вариант (Л.В. Куликов). Были использованы - описательная статистика, метод сравнительного анализа – U-критерий Манна-Уитни).

С помощью опросника «Степень принятия родительской позиции» у матерей младенцев и детей раннего возраста получены следующие результаты исследования: среди матерей младенцев принятие родительской позиции отношения к заботе о ребенке, удовлетворению его потребностей (2,50 ± 2,306), среди матерей детей раннего возраста (1,65 ± 2,834); среди матерей младенцев принятие родительской позиции отношения к ответственности родителя (5,80 ± 1,824), среди матерей детей раннего возраста (4,50 ± 2,164); среди матерей младенцев принятие родительской позиции отношения к зависимости положения родителя (1,85 ± 3,031), среди матерей детей раннего возраста (3,75 ± 2,673); среди матерей младенцев принятие родительской позиции отношения к руководству ребенком (3,70 ± 2,618), среди матерей детей раннего возраста (2,95 ± 2,585); среди матерей младенцев принятие родительской позиции отношения к необходимости поддерживать ребенка (2,15 ± 2,895), среди матерей детей раннего возраста (3,95 ± 2,259); среди матерей младенцев принятие родительской позиции эмоционального отношения к ребенку (3,40 ± 2,349), среди матерей детей раннего возраста (1,90 ± 2,827).

Для определения возможных различий по показателям принятия родительской позиции у матерей младенцев и детей раннего возраста нами был проведен сравнительный анализ с использованием критерия U Манна-Уитни. Значимые различия обнаружены в степени принятии родительской позиции по показателям: отношения к необходимости поддерживать ребенка ($U=130,0$, $p<0,05$), в большей степени принятие у матерей детей раннего возраста; отношения к зависимости положения родителя ($U=126,5$, $p<0,05$), в большей степени принятие у матерей детей раннего возраста; отношения к эмоциональной близости матери с ребенком ($U=131,5$, $p<0,05$) в большей степени принятие у матерей младенцев. По остальным показателям принятия родительской позиции отличий нет, и степень их принятия у всех матерей находится на среднем уровне.

Далее нами были проанализированы особенности доминирующих психических состояний матерей. Значимые различия обнаружены по следующим доминирующим

психическим состояниям: «тонус: высокий-низкий», для матерей младенцев в большей степени характерна утомляемость и сниженный уровень ресурсов (U=121,5, p<0,05); «спокойствие - тревога», для матерей младенцев характерен повышенный уровень состояния тревоги (U=127,0, p<0,05); «устойчивость – неустойчивость эмоционального тона», для матерей младенцев характерна неустойчивость эмоционального тона (U=129,5, p<0,05). По остальным показателям значимых различий нет, так для матерей в обеих группах – характерна, как пассивность, так и активность в реакциях на различные ситуации, преобладает приятие положительного образа себя, и в целом удовлетворенность жизнью у них выше среднего.

Таким образом, можно отметить, что матери младенцев чаще находятся в состоянии усталости, тревоги, неустойчивости настроения, возможно это связано с тем, что для благоприятного психического и физического развития ребенка, требуется постоянное присутствие и внимательное, адекватное реагирование матери на запросы ребенка. Кроме этого, одним из сложных моментов для матерей младенцев является зависимость от ребенка, им сложно перестроиться, и принять это в полной мере, также они понимают и чувствуют, что главным каналом их взаимодействия с ребенком является эмоциональная составляющая, в связи с чем степень принятия эмоциональной близости с ребенком у них более высокая, в то время, как для матерей раннего возраста появляются еще и другие необходимости, возможности взаимодействия с ребенком. Полученные результаты свидетельствуют о том, что матери детей раннего возраста уже более адаптированы к зависимости от ребенка, при этом еще и осознают, что ребенку нужно оказывать более активную поддержку для его развития, чем раньше. И, можно отметить, что их принятие ответственности перерастает в принятие полномочий, которые становятся ресурсом материнства. К положительным моментам следует отнести, то, что у всех матерей преобладает приятие положительного образа себя, и в целом удовлетворенность жизнью у них выше среднего. Для улучшения демографической ситуации в стране необходимо оказывать материальную, физическую и психологическую поддержку матерям. Выявленные психологические особенности матерей младенцев и детей раннего возраста могут способствовать оказанию им более квалифицированной помощи по психологическому сопровождению и поддержке.

Литература

1. Андреева, М.В., Кондаурова, О.П. Эмоциональное выгорание матерей с детьми младенческого возраста // Казанский педагогический журнал. - 2022. № 5. - С. 236-244.
2. Васягина, Н.Н. Сущностные характеристики самосознания матери // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 2. С. 181–186.
3. Ильина, Т.И., Гуриева, С.Д. Кризис идентичности как фактор проявления синдрома эмоционального выгорания у женщин-матерей // Человек и образование. – 2019. № 3. – С. 85–94.
4. Захарова, Е.И. Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли // Культурно-историческая психология. 2015. Том 11. № 1. С. 44–49. https://doi.org/10.17759/chp.2015110106
5. Захарова Е.И. Родительство как возрастно-психологический феномен: дис. … докт. псих.наук. М., 2016. –Том 1, 376 с. – Том 2, 100 с.
6. Куликов, Л.В., Маленова, А.Ю., Потапова, Ю.В. Субъективная картина материнства в российских и зарубежных исследованиях // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С.135-167. https://doi.org/10.11621/vsp.2020.04.07
7. Филиппова Г.Г. Психология материнства (сравнительно-психологический анализ): дисс. ... д-рапс. наук: 19.00.01. – Институт дошкольного образования и семейного воспитания РАО, Москва, 2000. – 453 с.
8. Якупова В.А. Психологические условия успешного освоения материнской роли // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Том 25. № 1. С. 59–71. DOI: 10.17759/cpp.2017250105

Особенности психологического изучения репродуктивных установок

А.М. Коновалова
ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет); ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва, РФ
konovalovaam@gmail.com

Аннотация. *В работе содержится краткий анализ актуальности изучения репродуктивных установок, а также методологические проблемы, связанные с их изучением. Анализируются методы и методики чаще всего используемые в современных исследованиях. Делается вывод о необходимости отхода от использования преимущественно социологических методов и о необходимости комплексного изучения социальных установок через их когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты.*
Ключевые слова: *демография, репродуктивная установка, методы и методики.*

Проблема отношения современного поколения к созданию семьи и рождению детей является актуальной ввиду сложной демографической ситуации как в Российской Федерации, так и в мире.

По данным Демографических ежегодников России уровень рождаемости в Российской Федерации снижается последние 9 лет, в 2020 году он составил 1,43 млн человек, в 2021 году – 1,39 млн человек, в 2022 году – 1,3 млн. Средний возраст матери растет последние 27 лет и составляет по данным 2022 года 28,9 лет. Естественная убыль населения в 2020 году составила 702 072 человек, дефицит увеличился по сравнению с предыдущим годом на 54,81%; в 2021 году убыль составила 1 043 341 человек; в 2022 – 594 557. Количество заключенных браков снизилось в 2020 году по отношению к предыдущему на 18,87% и составило 770 857. В 2021 и 2022 годах этот показатель улучшился: количество браков составило 923 550 и 1 053 756 соответственно. Количество разводов в 2022 году при этом также возросло – относительно 2020 года прирост составил 20,92%. И хотя некоторые статистические показатели, такие, как естественная убыль и количество заключенных браков, постепенно улучшаются, о приросте населения говорить не приходится.

За последние десятилетия во многих странах общий уровень рождаемости заметно снизился. Согласно прогнозам, население 61 страны сократится на 1 процент или более в период с 2022 по 2050 год из-за устойчиво низкого уровня рождаемости и, в некоторых случаях, повышенного уровня эмиграции. В 2021 году средняя рождаемость населения мира составила 2,3 рождения на женщину в течение жизни, снизившись с примерно 5 рождений на женщину в 1950 году. Прогнозируется, что к 2050 году глобальная рождаемость снизится до 2,1 рождения на женщину (World Population Prospects 2022).

К факторам, оказывающим непосредственное влияние на решения в области деторождения и создания семьи, можно отнести неготовность создавать семью и выполнять родительские функции, психологическую незрелость при вступлении во взрослую жизнь, трансформацию образа семьи и появление новых социальных движений по отказу от детей (Калинина и др., 2015; Ростовская и др, 2020). Изменяющиеся тенденции и ценности внутри общества влияют на формирование установок человека относительно рождения детей. Исходя из статистических данных, можно сделать вывод, что репродуктивные установки претерпели некоторую трансформацию и более не позволяют обеспечить положительный уровень естественного прироста населения, как и положительный уровень рождаемости, что делает их изучение актуальным вопросом (Ростовская и др., 2021).

Большую роль в формировании отношения молодых людей к рождению детей, несомненно, играет общество. Личность формируется при взаимодействии биологических и

социальных факторов, большое влияние на развитие личности оказывает деятельность человека и его общение с другими представителями общества. Представления о родительстве формируются под воздействием представлений о нем, принятых в данном обществе, в данной культуре. В современном обществе (как за границей, так и в России) ставки делаются на самостоятельность, независимость субъекта, на его личное развитие, карьеру, на способность его жить «для себя», на получение максимального, можно сказать, гедонического удовольствия от жизни. И в данном мировоззрении не всегда находится место для семьи и детей.

При всей актуальности изучения репродуктивных установок, перед исследователями встает вопрос, а как их изучать? Проанализируем, какие методы и методики используют в современных исследования на эту тему.

В исследовании Е.В. Аргуновой использовались стандартизованные телефонные опросы взрослых женщин фертильного возраста. Опросы проводились методом стандартизованного телефонного интервью с последующим сравнительным и когортным анализом. Основой для анкеты послужил проект «Россия-2000», адаптированный для телефонного опроса (Аргунова, 2023).

Т.Б. Гудкова использует следующие методы: анализ данных «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» (Росстат) и фокус-групповые дискуссии с женщинами репродуктивного возраста, имеющими и не имеющими детей, на тему «Установки и модели репродуктивного поведения». Фокус-группы проводились в различных населённых пунктах с целью оценить мотивы рождения детей и факторы, влияющие на откладывание рождения ребёнка (Гудкова, 2019).

Исследование О.Г. Исуповой и В.В. Уткиной строилось на проведении полуструктурированных интервью с женщинами. Для анализа данных применялись методы открытого и осевого кодирования, что позволило интерпретировать выявленные смысловые конструкции (Исупова, Уткина, 2016).

Исследование Л.А. Поповой основывалось на анализе статистических данных рождаемости и сравнительном анализе результатов социологических опросов, проведенных в разные годы, для оценки влияния демографической политики на уровень рождаемости и репродуктивные установки населения. Важной частью исследования стало социологическое обследование «Здоровье и качество жизни населения» (Попова, 2022).

Исследование Е.В. Овчинниковой и И.А. Бегининой включает авторское социологическое исследование с использованием вероятностной квотно-территориальной выборки из 480 респондентов в Саратове. Как дополнительная эмпирическая основа анализа использовалась электронная база данных выборочного исследования репродуктивных ориентаций населения, проведенного Федеральной службой государственной статистики в сентябре-октябре 2017 года (Бегинина, Овчинникова, 2021).

Н. Бурага и И. Толмач используют следующие методики: «Ролевой опросник деторождения» авторства М. Родштейн, который исследует структуру и содержание репродуктивной установки у женщин, охватывая аспекты как эмоционального, так и поведенческого компонентов репродуктивного поведения. «Методика ценностных ориентаций» авторства М. Рокича, направленная на определение ценностных предпочтений личности, которые могут влиять на репродуктивные установки (Бурага, Толмач, 2017).

Беглый анализ зарубежных исследований также показывает, что исследователи чаще всего используют качественные методы такие, как: интервью (в том числе телефонные), опросы (в том числе онлайн), анализ документов и др.

На наш взгляд, психолог должен рассматривать репродуктивные установки как вариант социальных установок. Социальная установка – это предрасположенность (склонность) субъекта к совершению определенного социального поведения; при этом предполагается, что атитюд имеет сложную структуру и включает в себя ряд компонентов: предрасположенность воспринимать, оценивать, осознавать и, как итог, действовать относительно данного социального объекта (явления) определенным образом (Зинченко, Мещеряков, 2008).

Многие исследователи выделяют различные компоненты в составе социальных установок. Но большинство (М. Смит, А.Г. Асмолов, М.А. Ковальчук) сходится во мнении о том, что в основе социальных установок лежат три компонента: а) когнитивный компонент (осознание объекта социальной установки); б) аффективный компонент (эмоциональная оценка объекта); в) поведенческий компонент (последовательное поведение по отношению к объекту).

Попробуем описать содержание репродуктивных установок в связи с их трехкомпонентной структурой.

В когнитивный компонент репродуктивной установки может входить, к примеру, знание об оптимальном возрасте для рождения первого ребенка; знание о правильном воспитании ребенка; процессе родов. Сюда же входит мнение о предпочитаемом поле ребенка, об ориентации на то или иное количество детей, интервалы между рождением, осведомленность в отношении средств контрацепции и абортов и пр. А также знание о возможных осложнения при естественных родах, сложностях воспитания и пр. В результате будущие родители могу сталкиваться с противоречивыми желаниями при принятии того или определенного решения.

В эмоциональном компоненте репродуктивной установки также прослеживаются противоречия. Эмоциональный аспект установки может быть очень индивидуальным и разнообразным. В зависимости от личных ценностей, жизненного опыта и обстоятельств у каждого человека могут быть разные эмоциональные реакции и отношение к теме деторождения. Некоторые люди могут испытывать радость и счастье при мысли о рождении детей. Для них это может быть связано с желанием создать семью, продолжить род, испытывать радость от воспитания и видеть своих детей здоровыми. Другие люди могут испытывать тревогу или страх перед рождением детей. Это может быть вызвано различными факторами, такими как финансовые затруднения, неуверенность в своих способностях воспитания, сомнения в своей психологической готовности к родительству или беспокойство о будущем ребенка. Также есть люди, которые осознанно выбирают не иметь детей по разным причинам, таким как стремление к свободе, карьерным амбициям, этическим соображениям и пр. Эмоциональный компонент установки составляют позитивные или негативные чувства, связанные с рождением того или иного числа детей, их очередностью, полом, интервалы между рождением в случае нескольких детей.

Поведенческий аспект установки может проявляться в разных формах, включая планирование семьи, использование контрацепции, поиск информации о родительстве и процессе рождения, обсуждение этой темы с партнером и другими людьми, а также само принятие решения иметь или не иметь детей/вступать в семейные отношения. По сути, это готовность или неготовность совершать определенные действия. Этот аспект также довольно индивидуальный и может меняться в течение времени под влиянием различных факторов.

Опираясь на эти компоненты, удачное определение репродуктивных установок дал В.В. Бойко. Репродуктивную установку он понимает как комплекс поведенческих актов, суждений, оценок и позиций личности. Она выражает фактическое (поведенческое), эмоциональное и сознательное отношение человека к рождению детей (Бойко, 1988).

Таким образом, логично предположить, что и для полноценного глубокого изучения как социальных установок вообще, так и репродуктивных в частности, психолог должен исследовать все три компонента установки – не только то, как человек отвечает на вопросы про свои репродуктивные планы, но и испытываемые им эмоции, а также то, насколько верно его действия с постулируемым отношением. На данный момент нам удалось найти лишь одну психологическую методику, удовлетворяющую этому положению – опросник репродуктивных установок О.С. Карымовой (Карымова, 2010).

Опросник репродуктивных установок О.С. Карымовой состоит из 24 суждений. В основе опросника лежит принцип создания установочных шкал Л. Терстоуна и Р. Лайкерта. Опросник содержит вопросы на исследование всех трех компонентов репродуктивных установок: аффективного, когнитивного и конативного (поведенческого), к каждому из них

относится по 8 суждений. Испытуемым предлагается выразить степень своего согласия/несогласия с утверждениями по классической пятибалльной шкале.

На данный момент мы проводим пилотажное исследование с использованием именно этой методики. При этом при изучении такой деликатной темы, со всей очевидностью, исследователь не может обойтись без развернутого опроса и сбора анамнеза. Нам видится обязательным выяснение у респондентов опыта беременностей, абортов самопроизвольных и не самопроизвольных и пр.

Напоследок затронем самый сложный вопрос в изучении репродуктивных установок, а именно тот факт, что наличие тех или иных установок не всегда приводит к соответствующему репродуктивному поведению. Установки возникают под влиянием конкретных потребностей и существуют в форме бессознательной готовности к определенным действиям. Реализуется в том случае, когда имеются для этого благоприятные условия. Следовательно, для того, чтобы выявить процесс становления установки на рождение детей и создание семьи (или отказ / откладывание), необходимо исследовать те потребности, которые удовлетворяются с их помощью, а также и социальные условия, благоприятствующие этому. Однако, история психологического изучения установок показывает, что связь установки и реального поведения индивида или группы не всегда буквальна и очевидна.

Литература

1. Аргунова Е.В. Динамика репродуктивных установок петербурженок фертильного возраста (2011–2021) // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 31-39.
2. Бегинина И.А., Овчинникова Е.В. Социально-демографические факторы репродуктивных установок и практик молодежи в России и Саратовском регионе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 381-389. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-4-381-389
3. Бойко В.В. Малодетная семья: Социально-психологический аспект. М., 1988.
4. Бурага Н., Толмач И. Репродуктивные установки и ценностные ориентации молодых женщин. In: Studia Universitatis Moldaviae (Seria Ştiinţe ale Educaţiei), 2017, nr. 5(105), pp. 183-187.
5. Гудкова Т.Б. Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы. Демографическое обозрение. 2019. 6(4). С. 83-103.
6. Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь. М.; СПб, 2008.
7. Исупова О. Г., Уткина В. В. Молодые женщины в органах государственного управления России: факторы, определяющие карьерные траектории. The Journal of Social Policy Studies. 2018. 16(3). С. 473-486.
8. Калинина Т.В., Панишева К.А. Неготовность молодежи к созданию семьи // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. LIX междунар. науч.-практ.конф. No 12(57). Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2015. С. 157-162.
9. Карымова О.С. Социально-психологические особенности репродуктивной установки бесплодных мужчин и женщин: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.05 - Оренбург, 2010.- 241 с.
10. Попова Л.А. Репродуктивные установки молодых реальных поколений в условиях усиления мер демографической политики // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2022. N 2. С. 95-111.
11. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Архангельский В.Н. Поколенческие изменения брачного поведения россиян: Социологический анализ // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. No 11. С. 45–53.
12. World Population Prospects 2022: Summary of Results. UN DESA/POP/2022/TR/NO. 3. [Электронный ресурс]. URL:

https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf

Баланс сфер жизни и родительский стресс работающих мам детей раннего и дошкольного возраста

Г.М. Лебедева[1], Е.Ю. Чеботарева[2]
1-НИУ ВШЭ, 2- МГППУ, НИУ ВШЭ, РУДН, г. Москва, РФ
1- bgm.lebedeva@gmail.com, 2 - chebotarevy@yandex.ru

Аннотация. *Представлены результаты эмпирического исследования с участием 88 женщин в возрасте от 27 до 45 лет, совмещающих воспитание детей в возрасте от 2 до 7 лет с работой. Выявлено, что уровень родительского стресса женщин, совмещающих воспитание детей раннего и дошкольного возраста с профессиональной деятельностью обратно связан с их субъективным ощущением баланса работы и личной жизни. Характер этой связи опосредован ценностными установками женщин.*
Ключевые слова: *родительский стресс, ценностные установки, баланса работы и личной жизни*

Родительский стресс сейчас является очень распространенной проблемой, особенно актуальной для матерей маленьких детей, пытающихся совмещать родительство с профессиональной деятельностью. Исследования связи родительского стресса с профессиональной деятельностью показывают различные результаты – в одних не выявлено значительной разницы в родительском стрессе между работающими и неработающими матерями (Yeo, Teo, 2013), а в других (Mikolajczak et al.,2018) показано, что неработающие матери испытывают больший родительский стресс, чем работающие. Сам факт наличия детей связан с более высокой выраженностью конфликта между работой и личной жизнью. Есть данные, что работающие женщины чувствуют себя наиболее благополучно, если считают своими приоритетами работу и профессиональное развитие, но при этом ограничивают свой вклад в работу в пользу здоровья и семьи. (Моспан и др., 2016)

Подходы к определению баланса личной жизни и работы отличаются представлениями о том, существуют ли сферы личной жизни и работы независимо друг от друга или, наоборот, дополняют друг друга, либо конкурируют между собой за ресурсы человека (Штроо, 2015).

В своем исследовании мы исходили из понимания баланса сфер жизни как сочетания минимального негативного вмешательства ролей и существенного позитивного влияние ролей друг на друга (Frone, 2003)

Нами было проведено эмпирическое исследование, посвященное изучению взаимосвязи родительского стресса с балансом сфер жизни у работающих матерей детей раннего и дошкольного возраста. В исследовании приняли участие 88 русскоговорящих женщин, как состоящих, так и не состоящих в браке, в возрасте от 27 до 45 лет (M=36), работающих не менее 20 часов в неделю и воспитывающих хотя бы одного ребенка в возрасте от 2 до 7 лет. Были использованы методики «Шкала родительского стресса» Дж. О. Берри и У. Х. Джонса в переводе Л.В. Петрановской и «Субъективный баланс работы и личной жизни» А.Н. Моспан и др., «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой в экспресс - формате «Свободный выбор ценностей».

В ходе исследования выявлены значимые связи компонентов родительского стресса с показателями баланса работы и личной жизни: чем выше общий показатель баланса жизненных сфер, тем ниже уровень каждой из составляющих родительского стресса работающих матерей маленьких детей. Дисбаланс сфер (восприятие сфер как мешающих и\или негативно влияющих друг на друга), в свою очередь, положительно коррелирует с

составляющими родительского стресса, то есть работающие матери, находящиеся в стрессе, не оценивают сферы своей жизни как сбалансированные.

Исполнение родительской роли не приносит женщинам позитивных эмоций тогда, когда проблемы на работе ощущаются негативно влияющими на другие сферы жизни, а приносит удовольствие родительство, когда в целом личная жизнь воспринимается как источник сил для работы, а также когда личная жизнь работу компенсирует.

С более негативным влиянием сфер связано ощущение более сильного давления требований со стороны родительской роли и переживание утраты контроля над своей жизнью. В свою очередь негативное влияние требований родительской роли ниже, а ощущение контроля над жизнью выше, когда сферы воспринимаются ка независимые друг от друга и\или личная жизнь компенсирует работу. Неудовлетворенность собой как родителем также выше при более сильном конфликте сфер жизни и ниже, когда личная жизнь рассматривается как источник сил для работы.

Также мы обнаружили, что показатель сбалансированности сфер жизни прямо связан с восприятием работающими матерями доступности нужных и ценных ресурсов, тогда как дисбаланс связан с их дефицитом. В частности, женщины, придающие высокую значимость семье и отношениям, чаще черпают в этих сферах ресурс для работы, благополучие в семейной сфере для них компенсирует неудовлетворенность работой.

Таким образом, более низкий уровень родительского стресса женщин, совмещающих воспитание детей раннего и дошкольного возраста с профессиональной деятельностью, связан с их субъективным ощущением хорошего баланса работы и личной жизни. Смещение баланса в сторону любой из сфер связано с переживанием более высокого уровня родительского стресса. Характер связи между балансом сфер жизни и родительским стрессом опосредован ценностными установками женщин.

Литература

1. Моспан А.Н., Осин О.Е., Иванова Т.Ю., Рассказова Е.И., Бобров В.В. Баланс работы и личной жизни у сотрудников российского производственного предприятия // Организационная психология, 2016, 6, 2. 8–29.
2. Штроо В.А. Позитивный дисбаланс между работой и личной жизнью. // Бизнес-анализ и поведенческая экономика. Межвузовский сборник научных трудов и результатов совместных научно-исследовательских проектов, М., 2015. 77-88.
3. Frone M.R. Work-family balance. /Handbook of occupational health psychology. Quick J.C., Tetrick L.E. (eds.). Washington, DC: American Psychological Assosiation, 2003. 143–162.
4. Mikolajczak M., Roskam I. Parental burnout: Moving the focus from children to parents //New directions for child and adolescent development, 2020, 174. 7-13.
5. Yeo K.J., Teo S.L. Child behavior and parenting stress between employed mothers and at home mothers of preschool children // Procedia - Social and Behavioral Sciences, 2013, 90. 895-903.

Родительский стресс, выгорание матерей дошкольников в связи с их личностными особенностями и нарушениями воспитания

Любушина А. А., Савенышева С. С.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E–mail: lyubushina_a_a@mail.ru

Аннотация. *В данной работе изучается взаимосвязь родительского стресса (РС) и выгорания (РВ) с показателями семейного взаимодействия. Выборка состоит из 76 матерей детей дошкольного возраста. Методы: шкала РС, опросник уровня РВ, опросник анализа стилей воспитания. Обнаружено, что воспитательная неуверенность и неразвитость*

родительских чувств матерей являются предикторами РС, РВ и нарушений в процессе воспитания по типу гипопротекции и чрезмерности требований, запретов, санкций.
Ключевые слова: *родительский стресс, родительское выгорание, стили воспитания, личностные особенности.*

Изучением различных факторов и последствий родительского стресса (РС) занимаются более 30 лет (Савенышева С.С., 2019), однако, уделяется незначительное внимание его связи с детско-родительскими отношениями и личностными особенностями родителей. Кроме того, остается недопонимание того, является ли РС причиной или следствием нарушений детско-родительских отношений. В свою очередь, личностные особенности матери могут выступать предиктором как нарушений детско-родительских отношений, так и РС, и РВ. Кроме того, в нашей стране отсутствуют исследования, изучающие влияние этих феноменов друг на друга. В связи с чем, считаем необходимым изучить эти 3 феномена в комплексе. Таким образом, *цель* работы состоит в выявлении путей взаимосвязи РС, РВ и личностных особенностей родителей, связанных с воспитанием детей.

Выборку составили 76 матерей дошкольников. Средний возраст матерей – 35,9 лет (от 26 до 50 лет), детей – 5,3 лет (от 4 до 7 лет). *Методики*: опросник родительского стресса Д. Берри и В. Джонса в адаптации Ю.В. Мисиюк, опросник родительского выгорания И.Н. Ефимовой, опросник анализа семейного взаимодействия Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса. *Математические методы:* корреляционный (по Спирмену), факторный, регрессионный анализ и метод путей AMOS.

В виду большого количества переменных нарушенного воспитания, нами была проведена их факторизация, в результате которой получено 3 фактора. Первый фактор (20,9% дисперсии) назван «Гипопротекция» и включает в себя такие отклонения как: гипопротекция (0,599), гиперпротекция (-0,526) и игнорирование потребностей ребенка (0,534). Второй фактор (19,85% дисперсии) назван «Недостаточность ТЗС» и включает в себя: недостаточность требований-обязанностей (0,679), потворствование (0,622), недостаточность санкций (0,551) и недостаточность запретов (0,529). Третий фактор (11,6% дисперсии) назван «Избыточность ТЗС» и состоит из чрезмерности: запретов (0,691), санкций (0,579), обязанностей (0,533) и неустойчивости стиля воспитания (0,537).

Корреляционный анализ факторной структуры выявил связь РС с факторами «Гипопротекция» и «Избыточность ТЗС», а РВ только с фактором избыточности. Личностные характеристики матерей (неразвитость родительских чувств и проекция нежелательных качеств ($p<0,01$), воспитательная неуверенность и предпочтение детских качеств ($p<0,05$)) имеют значимые связи с показателями РС и РВ.

По результатам регрессионного анализа, матери, имеющие недостаточно развитые родительские чувства и неуверенные в своих воспитательных стратегиях, испытывают высокий уровень РС ($\beta=0.538$, $p=0.000$). Также, матери, использующие тактики нарушенного воспитания по факторам «гипопротекция» и «избыточность ТЗС» имеют более высокие показатели РС ($\beta=0.465$, $p=0.000$). При анализе РВ, выявлено, что только неразвитость родительских чувств матерей является предиктором их эмоционального истощения ($\beta=0.594$, $p=0.000$).

Исходя из полученных данных, нами была построена теоретико-эмпирическая модель, предполагающая, что матери с низким уровнем развитости родительских чувств и испытывающие воспитательную неуверенность будут иметь больший уровень РС и РВ, а также использовать нарушения в воспитании по факторам «Гипопротекция» и «Избыточность ТЗС». Осуществив проверку модели (AMOS), выявлено, что неразвитость родительских чувств матери является предиктором формирования нарушений в воспитании по фактору «Избыточность ТЗС», РС и эмоционального истощения матерей. В свою очередь, эмоциональное истощение вызывает нарушение в воспитании по фактору «Гипопротекция», которое усиливает РС. Кроме того, воспитательная неуверенность матерей также является предиктором нарушений в воспитании по фактору «Избыточность ТЗС» и РС. Уровень

согласия модели с данными: $x_{\text{и-квадрат}}$ = 5,627; df=6; p=0,466; CFI=1,000; GFI=0,976; RMSEA=0,000; Pclose = 0,581.

Опираясь на результаты нашего исследования, можно заключить, что личностные особенности матерей, связанные с неразвитостью родительских чувств и воспитательной неуверенностью, способствуют развитию у матерей нарушений в процессе воспитания, РС и РВ. Кроме того, матери, испытывающие эмоциональное истощения, начинают еще более усугублять свои воспитательные стратегии, что приводит к усилению уровня РС. Таким образом, личностные характеристики матерей (неразвитость родительских чувств и воспитательная неуверенность) являются предикторами нарушенного воспитания, РС и РВ.

Литература

Савенышева С.С., Аникина В.О., Мельдо Э.В. Факторы родительского стресса матерей детей раннего и дошкольного возраста: анализ зарубежных исследований / Современная зарубежная психология 2019. Том 8. № 4. с. 38-48 (РГНФ №19-013-00594)

Исследование психологических детерминант материнства у студенток медицинского университета

Е. С. Набойченко, Е. А. Серкова-Холмская
Уральский государственный медицинский университет,г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: ielizavieta.kholmskaia@mail.ru

Аннотация. *В статье раскрывается проблема исследования психологических детерминант материнства у студенток репродуктивного возраста (от 18 до 25 лет), обучающихся с первого по шестой курс в Уральском государственном медицинском университете. Приведены результаты эмпирического исследования психологических детерминант материнства у молодых девушек, выявлены психолого-педагогические характеристики формирования репродуктивных установок, психологической готовности к деторождению у студенток. Обозначена проблема необходимости формирования психологической готовности к материнству в условиях образовательной среды.*
Ключевые слова: *детерминанты, студенты медицинского вуза, материнство*

Введение

Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 2024 год объявлен Годом семьи. Данное решение обусловлено с целью популяризации государственной политики в области защиты семьи и традиционных семейных ценностей. Как отмечает Т.М. Иванова, отмечается смещение реализации репродуктивных установок на более поздний период времени у молодых девушек, что приводит к конфликту между биологической и психологической готовностью рождения детей. (Т.М. Иванова, 2017).

По мнению, М.В. Булыгиной детерминантами материнства выступают такие особенности женщины как, вовлеченность в семейно-воспитательные отношения, эмоциональность, ориентация на готовность к осознанному выполнению материнской роли (М.В. Булыгина, 2023). В исследованиях отдельно рассматривается изучение психологических детерминант материнства. Так, психологическими детерминантами материнства выступает совокупность внутренних и внешних факторов. К внешним факторам относят принятые социальные нормы, культурные особенности, экономические возможности, а основными внутренними детерминантами выступают мотивация и потребность в детях, репродуктивная установка и

психологическая готовность к выполнению роли родителя (А.А. Реан, 2017, И.С. Морозова и др., 2014, Ю.Г. Ткачева, 2023).

Мы считаем, что с позиции психолого-педагогического подхода необходимо рассмотрение таких психологических детерминант материнства, как репродуктивная активность и пассвиность, генофилия и генофобия и репродуктивная установка как составляющие психологической готовности к осуществлению роли матери.

Перейдем к описанию эмпирического исследования.

Материалы и методы

Эмпирическое исследование проводилось на базе Уральского государственного медицинского университета, выборку составили 150 студенток репродуктивного возраста – от 20 до 28 лет.

Для исследования психологических детерминант материнства у студенток использовалась стандартизированная психологическая методика: М.Н. Родштейн «Ролевой опросник деторождения». Для изучения психологических детерминант материнства у девушек студенческого возраста, мы разделили респондентов на две подгруппы: первая группа (группа А) – испытуемые младших курсов, группа Б – испытуемые старших курсов обучения

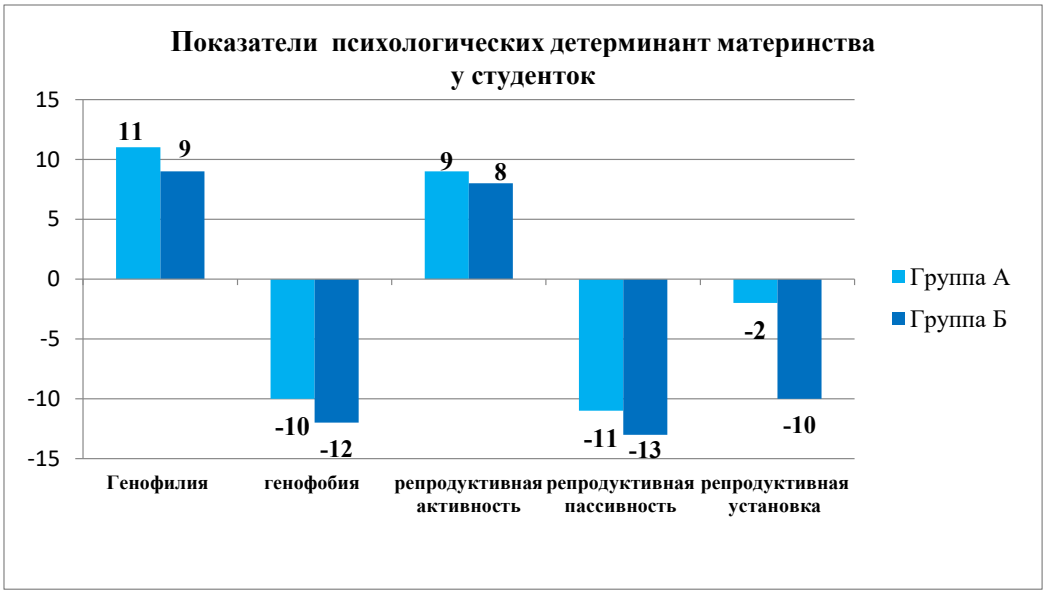
Для выделения специфики изучаемой выборки были использованы методы описательной статистики (средний балл).

Результаты

По методике «Ролевой опросник деторождения» были получены следующие результаты: средний показатель по шкале «Генофилия» в целом по выборке составил 11 баллов из 40, что свидетельствует о том, что у девушек отсутствует желание иметь детей в актуальный жизненный период.

На рисунке представлены средние значения показателей группы А-студенток младших курсов и группы Б – обучающиеся старших курсов.

По полученным данным можно отметить, что у девушек выражен показатель генофобии (-12),(-10)), что свидетельствует о том, что респонденты испытывают физический и психологический страх к вступлению в интимные отношения и рождению детей. Стоит отметить, что показатели репродуктивной пассивности (-13, (-11)) и общий показатель репродуктивной установки (-10,(-2)) также находится в отрицательной зоне. Данные свидетельствуют о том, что девушки пока не готовы предпринимать какие-либо действия для того, чтобы становиться матерями в ближайшее время.

Заключение

Результаты исследования показали, что девушки репродуктивного возраста пока не готовы в ближайший жизненный период заводить семью и становиться матерями. Изучение проблемы формирования навыков осознанного родительства как предмета психологического сопровождения в условиях образовательной среды является актуальной задачей для практической психологии и педагогики.

Результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что необходимо создать систему психологической подготовки студентов к родительству посредством внедрения ее в образовательный процесс. Психолого-педагогическая программа по формированию навыков осознанного родительства будет способствовать повышению статуса семьи среди молодежи, снижение тенденции «чайлд-фри» в обществе и повышению демографических показателей.

Литература

1. Булыгина М.В. Родительские установки, потребность в социально-психологической поддержке и отношения с собственной матерью в современных моделях материнства // Социальная психология и общество. - 2023. – Том 13. № 2. - С. 199–213. DOI: 10.17759.
2. Иванова Т. М. Подходы к воспитанию будущей матери в России во второй половине XIX– начале XX в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (117). С. 60–63. EDN: YNVYWZ
3. Морозова И.С., Белогай К.Н., Борисенко Ю.В., Отт Т.О. К проблеме детерминации репродуктивного поведения молодежи // Frontier Materials & Technologies. - 2014. - №1. - С. 130-134. DOI: 10.18323
4. Реан А.А. Восприятие матери: общие тенденции и гендерно-социальные особенности // Национальный психологический журнал . - 2017. - №№ 2(26). - С. 58-68.
5. Ткачева Ю. Г., Зинченко В. О. Формирование готовности к материнству у студенток в системе высшего образования: результаты исследования [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11, № 5. URL: https://mir-nauki.com/PDF/40PDMN523.pdf (дата обращения: 05.05.2024). EDN: XMUXAN

Современное отцовство в России: многообразие форматов и путей реализации

О.Ю. Одинцова, Ю.В. Мисиюк
Ярославский государственный медицинский университет, г. Ярославль, РФ
odintcova@ysmu.ru, misiyk@ysmu.ru

Аннотация. С 2000-х гг. российское научное поле характеризуется возрастающим количеством работ, посвященных отцовству. При этом дискурс макропроцессов, происходящих в сфере родительства и отцовства, весьма полярен. Ряд авторов констатируют кризис моногамной семьи. Однако описанное в социологических изысканиях многообразие современных отцовских практик, выявляет широкую картину форматов реализации родительского потенциала мужчины, свидетельствующих о необходимости инвентаризации форм реализации отцовства.

Ключевые слова: мужчина, отцовство.

Несмотря на распростаненость традиционного родительства (отец-«кормилец», мать-«хранительница очага»), гегемония полоролевого подхода и гипертрофированная инструментальная роль мужчины в семье детерминировало появление нескольких поколений

«безотцовщин» - детей, выросших в условиях неучастия отца в повседневной жизни семьи в связи с его трудовой занятостью и последовательным делегированием вопросов воспитания матери (Шевченко И.О, 2023 с. 177). Действительно, в ракурсе традиционного отцовства родительство воспринимается мужчиной как дополнительная деятельность, выходящая за рамки его гендерной роли, поскольку после трудовой деятельности «кормильца» нормативным является отдых и покой, следовательно, эмоциональная (иногда в сочетании с физической) дистанцированность от ребенка.

Вместе с тем, социологические работы описывают широкую и адаптивную картину форматов реализации родительского потенциала мужчины. К примеру, типология «постпостпатриархального» отцовства включает такие формы родительства мужчины, как «*модерный кормилец*» – отец, обеспечивающий свою семью, реализующий функцию ее защиты и одновременно стремящийся к доверительным, эмоционально теплым, тесным отношениям с детьми, оставляя за партнершей основную ответственность за уход и воспитание детей, равно как и домашний быт; «*рефлексивный отец*» – отец, стремящийся к индивидуальному пересмотру отцовской роли с целью отказа от воспроизводства паттернов поведения собственного родителя, в результате травмирующего опыта детско-родительских отношений (Безрукова О.Н., Самойлова В.А., 2022); «*целостный отец*» – активный отец, характеризующийся интенсивным присутствием, ответственностью, участием в повседневной жизни детей и семьи, взаимозаменяемый с матерью и разделяющий позицию равноправного с партнершей ведения быта; «*эгалитарный отец*» – отец, ориентированный на симметричное с партнершей разделение обязанностей по обеспечению семьи и воспитанию детей в ситуации бикарьерного уклада семьи, при этом женщина выбирает равнозначную мужчине роль «кормилицы», обеспечивающей половину семейного бюджета; «*генеративный отец*» – отец-наставник, чуткий советчик, заботливый руководитель, направляющий вектор телесного, когнитивного, личностного, социального и духовного развития ребенка, модератор и транслятор ценностей и смыслов в детско-родительских отношениях (Рождественская, 2020).

Не менее вариативны формы включенности современных отцов в семейную (супружескую) организацию и постразводные отношения. Среди них *моноотцовство* – отец, самостоятельно воспитывающий ребенка по причинам развода, асоциального образа жизни матери, отказа / лишения ее родительских прав, нахождения партнерши в статусе без вести пропавшей, овдовения и пр. При этом с юридической точки зрения категории «одинокий отец» / «отец-одиночка» официально не существует. Теоретический конструкт «моноотцовство» является более корректным. С*оциальное отцовство* / *повторнобрачное* (сводное, замещающее) *отцовство* – выполнение мужчиной отцовской роли по отношению к падчерице / пасынку / приемным детям, родившимся от предшествующего брака партнерши (биологически не родные, но физически доступные отцы)*; неофициальное отцовство* – исполнение отцовских функций в повторно образованных союзах по отношению к детям от предыдущих партнерств без их усыновления / удочерения; *внебрачное отцовство* – признание мужчиной отцовства при отсутствии совместного проживания с ребенком, участия в его воспитании и обеспечении в ситуации нерезидентного родительства (биологически родной, но физически недоступный отец); *эпизодическое отцовство* – мужчина, реализующий отцовские функции в течение определенных временных эпизодов, которые могут сопровождаться качественным времяпровождением, поддержкой, участием в жизни ребенка, при этом отец не проживает с ребенком и не участвует в его воспитании на постоянной основе.

Отдельного упоминания заслуживают работы, посвященные несостоявшемуся отцовству в результате сознательного нежелания мужчины реализовывать родительский потенциал и заботиться о своих детях, в случае *отсутствующего отцовства*. В соответствующей литературе упоминаются также вариации «плохого» отцовства (*bad dads*) – «воскресного», «отказного» отцовства, дистанцированные, рестриктивные, эмоционально холодные, отстраненные отцы (Рождественская Е.Ю., 2020).

Вывод. В современной России очевидны глубокие процессы трансформации отцовства. Рефлексивное осмысление в научном пространстве данного явления не имеет четкой

оформленности и завершенности: с одной стороны, обсуждается кризис отцовства вследствие снижения ориентации на традиционализм как единственно возможную форму воплощения родительского потенциала мужчин и залога успешной реализации семьей ее функций. Соответственно, представители функционального похода в исследованиях института семьи констатируют ее неустойчивость перед «большими» и «малыми» вызовами, дисфункциональность, бесперспективность и деинституционализацию. С другой стороны, исследователи, работающие в парадигме трансформационной концепции, подчеркивают необходимость современной семьи отвечать на текущие социальные запросы, общественные нормы и ожидания. В свою очередь, это детерминирует сменяемость форм жизнеустройства семьи как показателя ее адаптивности, динамики и развития. Результатом становится нормативность немодального отцовства, выходящего за рамки традиционного.

Литература

1. Безрукова, О.Н. Самойлова, В.А. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 94–106. DOI: 10.31857/S013216250016969-8.
2. Рождественская, Е.Ю. Вовлеченное отцовство, щаботливая маскулинность // Мониторинг. 2020. №5. С. 155-185. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1676.
3. Шевченко, И.О. Эволюция научных исследований отцовства // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 175-196. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.12.
4. Янак, А.Л. Типология немодального родительства // Теория и практика общественного развития. 2021. №9. С. 25-31. DOI:10.24158/tipor.2021.9.3.

Разработка опросника для определения материнского выгорания на базе «Инструмента оценки выгорания» (Burnout Assessment Tool, Schaufeli W. B., Desart S., De Witte H., 2020)

Полонецкая Е.В., Первичко Е.И.

Факультет психологии Московского государственного университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
elena.polonetskaya@mail.ru

Аннотация *в статье рассматриваются вопросы развития исследований в отношении родительского выгорания, существующие диагностические инструменты для оценки выгорания в целом и родительского и материнского выгорания в частности, анализируются теоретические модели ведущих иностранных опросников MBI и BAT, обосновывается необходимость разработки нового русскоязычного опросника материнского выгорания, сообщаются предварительные результаты адаптации и апробации нового опросника на базе модели BAT.*

Ключевые слова: *материнство, выгорание, истощение, диагностика, опросник.*

Отдельные исследования, предметом которых было выгорание в широком контексте (помимо профессионального), начали появляться с конца 80х, к примеру, в 1989 году было проведено пионерское исследование по выгоранию матерей, которые полностью отдают свое время воспитанию детей на базе опросника профессионального выгорания Маслак (Maslach Burnout Inventory, MBI), рассматривая такую деятельность как аналог профессиональной занятости) (Pelsma D. et al, 1989). В 2000х интерес к исследованию выгорания вне профессиональной сферы усилился, и в последние годы тема родительского выгорания привлекает особое внимание исследователей. Уже существует несколько систематических

обзоров и метаанализов по данной тематике (в том числе см. Gérain P., Zech E., 2021; Mikolajczak M., Aunola K.. Sorkkila M., Roskam I., 2020). Среди прочего, были выявлены связи между родительским выгоранием и психологическим неблагополучием родителей, ухудшением отношений в родительской паре и даже случаев насилия по отношению к детям. Это подчеркивает общественную значимость изучения родительского выгорания.

При этом отсутствие систематических сравнительных исследований не позволяет решить такие проблемы изучения феномена выгорания, как формирование полной и непротиворечивой теоретической модели, выявление единой симптоматики вне зависимости от сферы возникновения выгорания и усиление возможностей дифференциальной диагностики со смежными расстройствами. Таким образом в настоящее время, с учетом появившихся за последние 20 лет публикаций о выгорании в самых разных сферах, желательным представляется переход к систематическим сравнительным исследованиям различных типов выгорания по сферам возникновения. К сожалению, несмотря на большое количество доступных в данный момент материалов, их крайне сложно сравнивать между собой ввиду использования неоднородных инструментов выявления и оценки выгорания. В связи с вышеизложенным, наиболее продуктивным представляется создание «семейства» опросников с минимальными отличиями в формулировках с использованием единой международно признанной теоретической и методологической базы с целью сбора однообразного эмпирического массива данных.

Данную траекторию в определенной степени можно отметить в развитии опросников на базе MBI в отношении разных сфер профессионального выгорания, выгорания студентов, родительского выгорания. Однако продолжение использования опросника MBI в качестве базы для современных исследований, с учетом растущей критики инструмента (см., к примеру, De Beer L.T. et al., 2024) и его изначальной разработки исключительно для профессиональных сфер деятельности не представляется оптимальным.

В иностранной литературе наиболее распространенным инструментом для выявления родительского выгорания на настоящий момент представляется опросник на базе MBI - Parent Burnout Inventory, PBI (Roskam I., Raes M., Mikolajczak M., 2017). В России, насколько известно авторам, данный инструмент апробирован не был, и в основном используются две следующие специализированные методики: 1) Опросник эмоционального выгорания у матерей на базе опросника выгорания В. Бойко (Базалева Л.А., 2010) и 2) Опросник родительского выгорания на базе опросника MBI в адаптации Н. Е. Водопьяновой (Ефимова И.Н., 2013).

Существующие сейчас в России инструменты не до конца решают обозначенные выше научные и практические задачи, в связи с чем представляется оправданным переход к более современному международному инструменту. Авторами настоящей статьи была проведена работа по адаптации и предварительной апробации и валидации опросника для выявления материнского выгорания на базе перевода получившего в последнее время большое распространение англоязычного опросника для выявления профессиоанльного выгорания «Инструмент оценки выгорания» (Burnout Assessment Tool, BAT) (Schaufeli W. B., Desart S., De Witte H., 2020).

Теоретическая концептуализация состояния выгорания в исследованиях К. Маслак и ее коллег состоит в описании его через три сферы проявления выгорания: реакция в ответ на стресс, изменение характера межличностных связей и изменение уровня притязаний и самооценки, и таким образом, в модели выгорания Маслак основными являются три фактора, корреспондирующие с описанными выше сферами проявления выгорания соответственно: подавляющее истощение, циничное и отстраненное отношение к своей деятельности и субъективное ощущение недостаточной компетентности и общей неуспешности (Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M., 2001). Шауфели с коллегами продолжили и развили линию, намеченную работами Маслак, при этом новая теоретическая концептуализация выгорания лежит в сочетании невозможности и нежелания прилагать усилия к определенному виду деятельности (Schaufeli W. B., Desart S., De Witte H., 2020). По своей структуре опросник BAT

совпадает с опросником MBI в выявлении двух таких факторов, как истощение и психологическое дистанцирование (деперсонализация). Он также включает в себя два дополнительных первичных фактора эмоциональных и когнитивных затруднений, которые не используются в MBI. В отличие от опросника MBI, опросник BAT не содержит шкалы субъективной оценки профессиональных достижений, роль которой частично взяла на себя шкала психологического дистанцирования. Также, в опроснике BAT показатели психологического дистресса и психосоматической симптоматики были выделены в качестве дополнительного единого вторичного фактора. Таким образом, теоретическая концепция понимания выгорания в рамках опросника BAT расширяется от выявления общего состояния истощения и скрининга мотивационного аспекта деятельности (модель MBI), к дополнительному скринингу когнитивной и эмоционально-волевой сферы (точнее, вопросов ее субъективного восприятия) и состояния дистресса, его соматических последствий (при использовании шкалы вторичных факторов).

Подготовленная адаптация англоязычного опросника BAT для скрининга материнского выгорания базируется на авторском переводе с использованием метода двойного слепого прямого и обратного перевода, с доработкой на основании замечаний привлеченных специалистов. Авторами также был изучен и опробован на ограниченной выборке (N=85) адаптированный опросник BAT на базе перевода Евгения Осина, доступного на официальном сайте опросника BAT (данная версия русскоязычного опросника была валидирована и апробирована частично, см. Колачев и др, 2019), который, однако, не был использован в дальнейшей работе, так как его формулировки требовали существенной доработки для адаптации к скринингу материнского выгорания. В дополнение, адаптация на базе указанного существующего перевода в ходе пилотажного исследования показала результаты, несколько уступающие адаптации на базе нового авторского перевода в отношении внутренней согласованности и конструктной валидности.

Разработанный адаптированный опросник «Инструмент оценки выгорания матерей» (ИОВ-М) представляет собой компактный скрининговый инструмент, состоящий из 32 вопросов в полной версии (включает в себя все факторы) и 22 вопросов в сокращенной версии (включает только основные факторы, с исключением вторичных факторов). Опросник позволяет делать как расчет общего коэффициента выгорания, так и оценку отдельных факторов выгорания с использованием соответствующих шкалам. Полученные в ходе исследования на группе в 792 женщины с детьми до 7 лет данные показывают хорошую внутреннюю согласованность (α Кронбаха = 0.94) и конструктную валидность опросника ИОВ-М, а также надлежащее соответствие опросника теоретической модели:

(1) для полной версии опросника: RMSEA <0.08 (0.05), CFI > 0.90 (0.94) и TLI > 0.90 (0.93), SRMR < 0.08 (0.04); и

(2) для сокращенной версии опросника: RMSEA <0.08 (0.05), CFI > 0.90 (0.96) и TLI > 0.90 (0.95), SRMR < 0.08 (0.04).

На данном этапе новый опросник «Инструмент оценки выгорания матерей» (ИОВ-М) в обеих своих версиях может быть рекомендован к использованию в научных исследованиях для скрининга материнского выгорания и его отдельных факторов.

Литература

1. Базалева Л.А. Возможности исследования эмоционального выгорания у матерей в психологии личности. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – М.: 2010 – №. 1. – С. 174–182.
2. Ефимова И.Н. Возможности исследования родительского «выгорания» // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». – 2013 – № 4. – С. 31 – 40.
3. Колачев Н.И., Осин Е.Н., Шауфели В., Дезарт Ш. Личностные ресурсы и выгорание у сотрудников библиотек Московской области // Организационная психология. 2019. Т. 9. №2. С. 129–147.

4. De Beer L.T., van der Vaart L., Escaffi-Schwarz M., De Witte H., Schaufeli W.B. (2024) Maslach Burnout Inventory – General Survey: A systematic review and meta-analysis of measurement properties. // European Journal of Psychological Assessment. DOI: 10.1027/1015-5759/a000797.
5. Gérain P., Zech E. Do informal caregivers experience more burnout? A meta-analytic study. // Psychology Health and Medicine. 2021. 26(2). P. 145-161. DOI: 10.1080/13548506.2020.1803372.
6. Pelsma, D. M., Roland, B., Tollefson, N., & Wigington, H. Parent burnout: Validation of the Maslach Burnout Inventory with a sample of mothers // Measurement and Evaluation in Counseling and Development. 1989. 22(2). P. 81–87.
7. Roskam I., Raes M., Mikolajczak M. Exhausted Parents: Development and Preliminary Validation of the Parental Burnout Inventory. // Frontiers in Psychology. 2017. No. 8. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00163.
8. Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. Job burnout. // Annual Review of Psychology. 2001. P. 397 – 422. DOI: 10.1146/annurev.psych.52.1.397.
9. Mikolajczak M., Aunola K.. Sorkkila M., Roskam I. 15 Years of Parental Burnout Research: Systematic Review and Agenda. // Current Directions in Psychological Science. 2020. 32(4). P. 276-283. DOI: 10.1177/09637214221142777.
10. Schaufeli W. B., Desart S., De Witte H. Burnout Assessment Tool (BAT) —Development, Validity, and Reliability. // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. 17(24). DOI: 10.3390/ijerph17249495.

Родительское выгорание, родительский стресс и привязанность матерей к близким людям

Н.В. Сабельникова, Т.В. Карпова
Алтайский государственный педагогический университет
nsabelni@mail.ru

Аннотация*. Обсуждается проблема родительсткого выгорания. В качестве условий снижения родителского стресса указывается привязанность женщины к близким людям. Результаты исследования указывают на более значимую роль отношений привязанности с супругом и с близким другом/подругой в переживании матерями родительского стресса*.
Ключевые слова*: материнство, эмоциональное выгорание,*

Феномен материнского эмоционального выгорания, связанный с переживанием родительского стресса, в последние годы привлекает все большее внимание российских и зарубежных психологов (Л. А. Базалева, И. Н. Ефимова, Г. Г. Филиппова, M. Mikolajczak, I. Roskam). Забота о детях часто требует от родителей больших эмоциональных и физических затрат, особенно в семьях, воспитывающих ослабленных детей или детей с ограниченными возможностями развития. Перегрузки, испытываемые родителями в ситуациях, когда требования родительской роли превышают имеющиеся ресурсы способствуют переживанию стресса, переутомления, эмоциональной отстраненности (Roskam, Brianda, &

Mikolajczak, 2018). Установлено, что родительское выгорание имеет негативные последствия как для самих родителей, так и для их детей, оно не только способствует нарушениям здоровья, расстройству сна и аддикциям и даже появлению суицидальных мыслей у родителей, но также способствует пренебрежительному отношению к детям и жестокому обращению с ними (Mikolajczak et al., 2018).

В связи с этим, особую роль приобретают исследования факторов, способствующих родительскому выгоранию (Базалева, 2010 Mikolajczak, Roskam, 2020). Несмотря на интерес к проблеме факторов эмоционального выгорания родителей, роль личностных особенностей родителей, способствующих или препятствующих родительскому выгоранию, все еще недостаточно изучена.

Особый интерес для представляет роль личностных особенностей родителей, способствующих или препятствующих родительскому выгоранию. Исследователи отмечают связь количества и качества отношений с членами семьи с родительским выгоранием (Mikolajczak M. et al., 2018; Roskam I. et al., 2021). Однако, связь привязанности к близким людям и родительского выгорания недостаточно исследована. Известны исследования, отмечающие связь стилей привязанности с эмоциональным выгоранием на рабочем месте и эмоциональным выгоранием студентов (например, Iuga., David & Danet, 2023: Vîrgă D. et al., 2019).

Наше исследование посвящено изучению связи эмоционального выгорания матерей с уровнем переживаемого ими родительского стресса и привязанности к близким людям. Мы предположили, что 1) надежность привязанности к близким людям негативно связана с переживанием родительского стресса и с родительским выгоранием; 2) качество привязанности к супругам в большей мере препятствует переживанию родительского стресса и родительскому выгоранию.

Выборка и методики исследования

Выборку составили 100 женщин в возрасте от 19 до 48 лет, как состоящих, так и не состоящих в официальном браке, имеющих детей в возрасте от 0 до 18 лет. Участницам было предложено ответить на платформе Google forms на вопросы демографической анкеты и следующих психологических методик: Опросник «Уровень родительского стресса» ((Parenting Stress Index (PSI), Abidin в адаптации И. Н. Галасюк, О. В. Митиной, Т. В. Шининой), Опросник родительского выгорания (Parental Burnout Assesment, PBA, Roskam, I., Brianda, M.E., & Mikolajczak, M., 2018 в адаптации Егоровой, Старченковой, опросник «Опросник отношений» Бартоломью и Хоровитца (Relationship Questionnaire, Bartholomew & Horowitz, 1991), опросник "Опыт близких отношений - структуры отношений" Фрейли с коллегами (Experiences in Close Relationships – Relationships Structures, ECR-RS, Fraley et al., 2011) в адаптации Сабельниковой, Каширского, Нефедовой.

Участие респондентов было добровольным и информированным. После заполнения форм, по желанию, участницы получали одну бесплатную консультацию психолога.

Полученные данные были подвергнуты статистической обработке в программе *JASP 0.17.2.1.* Для выявления связей родительского выгорания, уровня родительского стресса и выраженности стилей привязанности матерей применялся корреляционный анализ (по К. Пирсону). Для выяснения характера связи между этими показателями использовался медиационный анализ.

Результаты исследования

Статистически значимые связи между переменными, установленные на основе корреляционного анализа по К. Пирсону, отражены в таблице 1.

Таблица 1

Таблица значимых парных корреляций показателей стресса с выраженностью стилей привязанности и эмоциональным выгоранием матерей

Шкалы	Стрессоустойчивость	Эмоциональная устойчивость	Деформированность психики	Неадаптивность психики	Привязанность к ребенку	Общий стресс
Выраженность стилей привязанности						
НС	0.281**	0.216*	0.196*	0.307***	-	-
ИОС	-0.370***	-0.362***	-0.309***	-0.324***	-0.218*	-0.307***
Показатели родительского выгорания						
Истощение	0.405***	0.460***	0.351***	0.295**	0.409***	0.372***
Перегруженность	-	-	-	0.307**	-	-
Дистанцирование	0.354***	0.343***	0.313***	0.226*	0.336***	0.322***
ОПРВ	0.455***	0.496***	0.385***	0.335***	0.443***	0.411***

Примечание. В таблицу включены только статистически значимые коэффициенты корреляции; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; НС- выраженность надежного стиля привязанности; ИОС – выраженность избегающе-опасающегося стиля привязанности; ОПРВ – общий показатель родительского выгорания.

Согласно результатам, представленным в таблице 1, выраженность надежного стиля привязанности у матерей статистически достоверно негативно связана со следующими показателями родительского стресса: стрессоустойчивость, эмоциональная устойчивость деформированность психики и неадаптивность психики, выраженность избегающе-опасающегося стиля привязанности у матерей позитивно связана со всеми показателями родительского стресса. Все показатели родительского стресса статистически достоверно коррелируют с показателями родительского выгорания.

Отметим, что нами не было отмечено линейных зависимостей между привязанностью и родительским стрессом. Тем не менее, результаты корреляционного анализа позволили предположить наличие непрямых зависимостей между выраженностью избегающе-опасающегося стиля привязанности матерей и показателями их родительского выгорания. Для проверки этого предположения мы построили и проанализировали модель медиации (табл.2).

Таблица 2

Регрессионные коэффициенты влияния стиля привязанности на родительское выгорание

			β	*SE*	*Z*	*p*
РС	→	РВ	0.846	0.136	6.208	< .001
ИОС	→	РВ	3.187×10-4	1.365	2.335×10-4	1.000
ИОС	→	РС	1.832	0.939	1.951	0.050

Примечание. ИОС – выраженность избегающе-опасающегося стиля привязанности; РВ – общий показатель родительского выгорания; РС – общий показатель родительского стресса.

.

Как можно видеть из таблицы 2, выраженность избегающе-опасающегося стиля привязанности прямо не предсказывает переживания родительского выгорания, однако, имеет статистически значимое влияние положительное влияние на родительский стресс, а родительский стресс, в свою очередь, достоверно предсказывает родительское выгорание.

Следующим этапом исследования стало выявление роли привязанности к разным людям (матери, отцу, супругу или романтическому партнеру и другу) в переживании родительского стресса и родительского выгорания. Согласно полученным результатам (табл.2), избегание отношений привязанности со всеми рассматриваемыми фигурами привязанности, кроме друга связано с отдельными показателями переживания стресса: неустойчивостью к стрессу, эмоциональной неустойчивостью и неадаптивностью психики. Беспокойство об отношениях привязанности со всеми фигурами привязанности связано неустойчивостью к стрессу, эмоциональной неустойчивостью, с деформированностью и неадаптивностью психики. Общий показатель стресса связан с беспокойством и избеганием в отношениях с супругами и романтическими партнерами и беспокойством в отношениях привязанности с близким другом. Показатели родительского выгорания не были связаны с показателями привязанности к близким людям.

Таблица 2

Таблица значимых парных корреляций показателей стресса с показателями качества привязанности к близким людям

Шкалы	Стрессоустойчивость	Эмоциональная устойчивость	Деформированность психики	Неадаптивность психики	Привязанность к ребенку	Общий стресс
Показатели привязанности к близким людям						
И (мать)	0.249**	0.223*	-	0.265**	-	-
Б (мать)	0.253**	0.270**	0.240*	0.263**	-	-
И (отец)	0.258**	0.290**	-	0.243***		
Б (отец)	0.294**	0.305***	0.268**	0.330***	-	-
И (супруг(а))	0.385***	0.395***	0. 350***	0.480***	-	0.228***
Б (супруг(а))	0.410***	0. 370***	0.362***	0.437***	-	0.267***
И (друг)	-	-	-	-	-	-
Б (друг)	0.370***	0.362***	0.309***	0.324***	-	0.239***

Примечание. В таблицу включены только статистически значимые коэффициенты корреляции; * p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001; НС- выраженность надежного стиля привязанности; ИОС – выраженность избегающе-опасающегося стиля привязанности; ОПРВ – общий показатель родительского выгорания, Б – беспокойство об отношениях привязанности, И -избегание отношений привязанности.

С помощью регрессионного анализа обратным пошаговым методом (*Backward*) в результате шести итераций была получена итоговая модель, (R=0.417, $Adj\ R^2$ = 0.158; F= 12.061, p<.001), содержащая два предиктора избегание в отношениях с супругом (или романтическим партнером) и беспокойства в отношениях с близким другом.

Таблица 3

Оценка значимости регрессионных коэффициентов модели

Предикторы	*B*	SE	β	t	p
Константа	-16.200	12.072		-1.342	0.184
Избегание отношений с супругами или романтическими партнерами	3.328	1.038	0.283	3.207	0.002
Избегание отношений с отцом	3.380	1.051	0.284	3.216	0.002

Таким образом, в результаты проведенного исследования показали наличие тесной связи родительского стресса с родительским выгоранием и нелинейной связи качества привязанности с родительским выгоранием, опосредованной переживанием родительского стресса. Результаты также указывают на более значимую роль отношений привязанности с супругом и с близким другом/подругой в переживании матерями родительского стресса.

Литература

1. Базалева, Л. А. Личностные факторы эмоционального «выгорания» матерей в отношениях с детьми / Л. А. Базалева. – Краснодар, 2010.
2. Ефимова И. Н. Возможности исследования родительского «выгорания» //Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. – 2013. – №. 4. – С. 31-40.
3. Филиппова, Г. Г. Эмоциональное выгорание матери: новая проблема в перинатальной психотерапии / Г. Г. Филиппова. – Текст: электронный // Антология российской психотерапии и психологии. – М., 2017. – URL: 401 https://www.psymama.ru/biblioteka/stati/psihologiya-roditelstva/emotsionalnoevygoranie-materi-novaya-problema-v-perinatalnoj-psihoterapii.
4. Iuga I. A., David O. A., Danet M. Student burnout in children and adolescents: the role of attachment and emotion regulation //Children. – 2023. – Т. 10. – №. 9. – С. 1443.
5. Mikolajczak M. et al. Exhausted parents: Sociodemographic, child-related, parent-related, parenting and family-functioning correlates of parental burnout //Journal of Child and Family Studies. – 2018. – Т. 27. – С. 602-614.
6. Mikolajczak M., Roskam I. Parental burnout: Moving the focus from children to parents //New directions for child and adolescent development. – 2020. – Т. 2020. – №. 174. – С. 7-13.
7. Roskam I. et al. Parental burnout around the globe: A 42-country study //Affective science. – 2021. – Т. 2. – №. 1. – С. 58-79.
8. Roskam I. et al. Parental burnout around the globe: A 42-country study //Affective science. – 2021. – Т. 2. – №. 1. – С. 58-79.
9. Roskam I., Brianda M. E., Mikolajczak M. A step forward in the conceptualization and measurement of parental burnout: The Parental Burnout Assessment (PBA) //Frontiers in psychology. – 2018. – Т. 9. – С. 758.
10. Vîrgă D. et al. Attachment styles and employee performance: The mediating role of burnout //The Journal of psychology. – 2019. – Т. 153. – №. 4. – С. 383-401.

Отношение матери к ребенку и ее психическое здоровье в период беременности и после родов и психическое развитие младенца

С.С. Савенышева, В.О. Аникина, М.Е. Блох
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
owlsveta@mail.ru

Аннотация. *Исследование направлено на комплексное изучение влияния отношения матери к ребенку и ее психического здоровья в период беременности и после родов на психическое развитие младенца. В лонгитюдном исследовании приняло участие 98 женщин в период беременности и через 4-8 мес. после родов. Результаты: на психическое развитие младенца влияют отношение матери в период беременности и после родов, и ее психическое здоровье в период беременности.*
Ключевые слова*: психическое здоровье, отношение к беременности и ребенку, психическое развитие младенца, беременность.*

Исследования пренатальных и постнатальных предикторов психического развития младенца в большей части сосредоточены на изучения влияния эмоционального состояния в период беременности в зарубежной психологии (обзор исследований - Савенышева С.С., 2018) и на изучении роли отношения к беременности и ребенку - в отечественной (Добряков И.В., 2010; Мещерякова С.Ю., 2000). Исследования, включающие обе сферы, причем в пре- и постнатальный период практически не встречаются. В связи с этим целью нашего исследования является комплексное изучение влияния отношения матери к ребенку и ее психического здоровья в период беременности и после родов на психическое развитие младенца.

Выборка. Исследование проводилось в 2 этапа: 1й - период беременности, приняло участие 98 беременных женщин, в возрасте 18-44 года (среднее – 30,7 лет), на сроке беременности от 8 до 40 недель (в среднем 31 неделя), 2й – эти же женщины через 4-8 мес. после рождения ребенка.

Методы исследования. Для оценки психического здоровья на обоих этапах использовались: Шкала психологического функционирования (The Achenbach System of Empirically Based Assessment, Adult ASR/18-59; Achenbach, T., Rescorla, L., 2003, в адаптации Е.Р. Слободской); Шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина (шкала ситуативной тревожности); Шкала оценки влияния травматического события (Impact of Events Scale-Revised) (Weiss & Marmar; адаптация Н.В. Тарабриной, 2001); Опросник «Способы совладающего поведения» Лазаруса (только в период беременности).

Для оценки отношения к ребенку в период беременности применялись: Шкала оценки пренатальной привязанности (Maternal Antenatal Attachment Scale, MAAS; Condon J., 1993), Тест отношений беременной (ТОБ, Добряков И.В., 2010); после рождения ребенка: Шкала оценки постнатальной привязанности (Maternal Postnatal Attachment Scale; Condon J., 1998); Тест отношений матери (ТОБ(М), Блох М.Е., Савенышева С.С., Аникина В.О., Грандилевская И.А., 2020). Для оценки психического развития младенца использовалась методика комплексной оценки уровня развития младенцев в возрасте от 2 до 16 мес. (KID-R Scale - Kent Infant Development Scale) (адаптация И.А. Чистович, Ж. Рейтер, Я.Н. Шапиро).

Результаты. Большинство младенцев нашей выборки (74%) характеризуются нормативным психическим развитием, для 15% детей характерно опережающее развитие и для 11% - некоторое отставание. Анализ отдельных параметров свидетельствует об опережении в когнитивном развитии и социальной сфере, и отставании в сфере самообслуживания.

Исследование взаимосвязи отношения к ребенку и показателей психического здоровья как в пренатальный, так и постнатальный период выявил их тесную взаимосвязь.

Анализ динамики отношения к ребенку от периода беременности к послеродовому периоду выявило показал усиление привязанности к своему ребенку, увеличение уровня эйфорического типа отношения к ребенку и небольшое снижение тревожного и оптимального типа. Исследование динамики показателей психического здоровья до/после родов показало значимое снижение уровня ПТСР, депрессивного и соматического расстройств и расстройства по типу избегания у матерей после рождения ребенка.

Анализ влияния психического здоровья матери и копинг-стратегий в период беременности и после рождения ребенка на его психическое развития показал более значимое влияние пренатальных показателей психического здоровья по сравнению с постнатальными на различные параметры психического развития. Регрессионный анализ показал, что предиктором общего показателя психического развития младенца выступили синдром нарушений мышления, низкий уровень возбудимости (ПТСР) и копинг-стратегия «Планирование решения проблемы».

Анализ влияния пренатальных показателей отношения матери к беременности и ребенку выявил негативное влияние на психическое развитие младенца игнорирующего, тревожного и положительное – эйфорического типов гестационной доминанты. Исследование роли постнатальных показателей показало, что с уровнем развития ребенка выявлены

положительные взаимосвязи у эйфорического типа и негативные у тревожного. Моторное, предречевое и социальное развитие детей, а также общий показатель их психического развития выше при более высокой привязанности к ним матерей.

Выводы: на психическое развитие младенца влияют как отношение матери в пре- и постнатальный период, так и ее психическое здоровье, но последнее, преимущественно, – в период беременности.

Литература

1. Добряков И.В. Особенности течения перинатального периода и психомоторное развитие младенца в зависимости от типа психологического компонента гестационной доминанты // Психическое здоровье. 2010. Т. 8. № 12 (55). С. 13-18.
2. Мещерякова С.Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 18-27.
3. Савенышева С. С. Влияние состояния и отношения к ребенку матери в период беременности на последующее психическое развитие ребенка: анализ зарубежных исследований //Мир науки. Педагогика и психология. 2018. Т. 6. №. 1. С. 14.

Материнство в заключении. Опыт психологической работы с женщинами в исправительных учреждениях

Е.В. Шидловская, В.Ю. Авраменко

Благотворительный проект «Душевный подарок», г. Москва, РФ

schidlovskay@yandex.ru

Аннотация. *Опыт совместной работы перинатального психолога и врачей-неонатологов, педиатров на протяжении 4-х лет в исправительных учреждениях России (Можайск, Челябинск, Азов, Красноярск, Усть-Лабинск, Нижний Тагил). Совместно с благотворительным фондом «Протяни руку» разработана программа помощи беременным женщинам в заключении и женщинам, которые находятся в колонии вместе с детьми от 0 до 4-х лет. Проблема материнства в заключении стигмирована в обществе. Однако мама за решеткой - тоже мама.*

Ключевые слова*: беременность, материнство, исправительное учреждение, колония.*

Материнство - термин, который необходимо рассматривать комплексно, с точки зрения специалистов разных сфер – психологической, социальной и медицинской. Социально одобряемое материнство — это положительные эмоции и чувства. Не принято утверждать, что в абсолютном большинстве случаев женщина, ставшая матерью, рано или поздно неизбежно столкнется с трудностями, кризисами, эмоциональной нестабильностью. На фоне несоответствия реальности ожиданиям у женщин часто возникает чувство вины и недосягаемость образа «идеальной матери».

Г.Г. Филиппова рассматривает материнство как психосоциальный феномен: с одной стороны, как обеспечение условий для развития ребёнка, с другой стороны, как часть личностной сферы женщины.

Проблема материнства в заключении стигмирована в обществе. Однако оказавшись в колонии, женщина не перестает быть матерью и, следовательно, проходит все этапы материнства. Очевидно, условия для развития ребенка в стенах исправительного учреждения отличаются от среды, в которой ребенок живет на свободе. На территории исправительных учреждений есть совместное проживание матери и ребенка в специально выделенном месте – доме ребенка (так называемом «периметре в периметре»). Женщина может заботится о ребенке, но эта забота отличается от заботы на свободе. У матерей в заключении наблюдается

тревожность, страхи (в том числе страх травматизации) и переживания, связанные с вопросами социализации и адаптации детей как в колонии, так и после отбывания срока. Решающим фактором является дефицит информации. В каком-то смысле женщина находится в «информационном вакууме», так как практически не имеет выбора источника информации психологического, медицинского характера и возможности получения помощи соответствующих специалистов (перинатального психолога, неонатолога).

Совместно с благотворительным фондом «Протяни руку» была разработана очная программа помощи беременным женщинам и женщинам с детьми от 0 до 4-х лет, которые находятся в исправительном учреждении. Главная задача программы – информационная и психологическая поддержка матерей в формировании эмоционального контакта родителя и ребенка независимо от того, где они находятся. Эмоциональный контакт является основой во взаимоотношениях мамы и ребенка как в колонии, так и на свободе.

Программа подготовки к родам в условиях исправительного учреждения проводится психологом и врачом-неонатологом (или педиатром), где совместная работа специалистов с будущими мамами включает в себя 1) обучение умению регулировать глубину дыхания, что способствует увеличению поступления кислорода в кровь; 2) формирование навыков поведения в период родовой деятельности (специальные позы и релаксация); 3) освоение техники правильного и продуктивного дыхания для снятия психоэмоционального напряжения; 4) снятие психоэмоционального напряжения с помощью создания позитивных образов; 5) информацию о событиях, происходящих с ребенком во время родов и сразу после рождения; 6) обучение правильному прикладыванию к груди; 7) практические рекомендации по организации грудного вскармливания и самопомощи; 8) правила безопасного ухода за новорожденным ребенком.

В рамках программы специально для беременных женщин в заключении разработан буклет-дневник «О материнстве и подготовке к нему», по которому можно самостоятельно подготовиться к родам, периоду лактации, а также прочитать информацию по грудному вскармливанию и уходу за малышом.

Программа занятий для мам, которые находятся вместе с детьми от 0 до 4-х лет, состоит из нескольких частей: теоретической и практической в форме групповой работы и индивидуального консультирования. Теоретическая часть - диалоговая. В этой части в кругу на полу или на стульях в ходе беседы, поддерживающей атмосферы обсуждаются следующие темы: 1) диада мать-ребенок; 2) объекты привязанности; 3) этапы развития ребенка; 4) кризисы. Практическая часть — это занятие, где мамы вместе с детьми проводят время и занимаются совместной деятельностью. На занятии в паре со своим ребенком они пробуют рисовать пальчиковыми красками, делать аппликации из пластилина. В ходе упражнений женщины узнают, как можно развивать мелкую моторику, как через подвижную игру «кошки-мышки» получать эмоции и развивать коммуникацию с детьми. Индивидуальные консультации проходят по запросу женщин.

Занятия по данной программе вызывают у женщин положительный эффект в части формирования эмоционального контакта с детьми. Мамы высказывают заинтересованность и благодарность за полученные знания, за ответы на их вопросы. Будучи в колонии, женщины приобретают уверенность, что они могут воспитывать детей здесь и, следовательно, смогут это сделать на свободе.

В течение четырех лет по данной программе получили поддержку женщины в шести исправительных учреждениях России (Можайск, Челябинск, Азов, Красноярск, Усть-Лабинск, Нижний Тагил).

Литература

1. Кузьмич О. Тренинговый курс «Готовлюсь стать мамой». Психологическое сопровождение беременности. М.: - Речь, 2010 г.

2. Неонатология: национальное руководство в 2 т. / под ред. Н.Н Володина, Д.Н. Дегтярева. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2023. – 2 т.
3. Филиппова Г.Г., Захарова Е.И., Печникова Е.Ю. Беременность. Консультации акушера-гинеколога, психолога. М.: - ЭКСМО, 2008 г.

ПОМОЩЬ СЕМЬЯМ С ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ И ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Аутизм и нарушение развития. Включенность родителей в процесс коррекционных работ, анализ на основе исследований Феррои Л.М и Панюшева Т.Д , Манелис Н.Г

Азимова К. Б. к.
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Ташкент, Узбекистан
Komilakhon/azimova@email.ru

На сегодняшний день исследование развития и обучение детей с расстройством аутистического спектра (РАС) становятся наиболее актуальными. К сожалению точных данных о численности детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) в Узбекистане нет, так как статистика по таким случаем в стране может быть ограниченной. Однако, согласно различным оценкам и наблюдениям[3] количество детей с РАС в Узбекистане как и в других странах как Россия, Казахстан и других СНГ странах увеличивается с каждым годом. Это связано с лучшей диагностикой и повышением осведомленности о состоянии. Семьи которые воспитывают особенного ребенка сталкиваются с множества социально-психологическими проблемами. Близкое окружение ребенка оказываются наедине со своей проблемой, потому что у них не хватает знаний насчет этого особенного диагноза чудо ребенка : как взаимодействовать с ним, как воспитывать и обучать его. В какой то степени эта семья считается ранимой потому что они переживают множество кризисных моментов : начинаю принятия диагноза, когда ребенок идет в садик затем в школу оканчивает ее, все эти периоды при воспитания ребенка с расстройством аутистического спектра считается кризисным периодом и родителем такого особенного ребенка оно приходит в десятикратной усложненной форме.

Данной тезисной статье будут указаны описание одной из возможных направлений построение взаимодействия специалистов с родителями для достижения вместе указанных целей и эффективности. Мы можем рассмотреть такое направление стратегии как : «родительский клуб». Цели и задачи такого направления :

- Пополнения арсенала знаний родителей по конкретным вопросом касающихся их детей с расстройством аутистического спектра (РАС).
- Работа над сплоченностью родительского коллектива, работа с тревожность и со стрессом. Получение взаимной связи и поддержки.
- Работа с родителями чтобы выработалось умение коллективного решения. Коррекционная работа, интеграция усилий семьи, и педагогов.
- Обмен родительского опыта при воспитании, профилактика действий родителей по отношению к детям.

[3] Министерство здравоохранения Республики Узбекистана.

При выработке такого направления либо программ существуют множество особенностей то есть принципов. Далее мы будем рассматривать эти принципы :

- Принцип коммуникабельности с учетом религиозных, культурных и национальных особенностей.
- Принцип совместной работы такие как : «родитель-специалист» , «родитель-ребенок», «родитель-специалист-ребенок» что делает родителей по настоящему равноответственными участниками всего процесса в основном педагогического.
- Установление партнерских и доверительных отношений между родителями.

Позднее в исследованиях Феррои Л.М и Панюшева Т.Д[4] было выделенно качественные показатели: инициативность, ответственность, отношение родителей к совместной работе детей и взрослых.

Анализ исследований Феррои Л.М и Панюшева Т.Д[5] включенности родителей позволили выделить следующие аспекты:

- Родители которые добровольно участвуют в педагогическом процессе работы с ребенком видят ценность и усилия работы специалистов.
- «родители- исполнители» которые принимают участие при условии значимой мотивации.

По анкетированиям Н.Г.Манелис и Т.А.Медведовской[6] было выявлено что больше всего кризисный момент приходит в дошкольном периоде и Н.Г.Манелис и Т.А.Медведовской опираясь на результаты своих исследованиях разработали «советы и руководства родителям». Анализ данных, полученных в ходе анкетирования, позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время во многих ДОУ (дошкольное образовательное учреждение) отсутствуют специальные образовательные условия для детей с РАС.

В последние годы в нашей стране уделяется особое внимание реабилитации и образованию детей с ограниченными возможностями здоровья. Дети с расстройствами аутистического спектра составляют среди них многочисленную группу, которая до недавнего времени не имела возможности получать качественные образовательные услуги. В коррекционной работе детьми с нарушениями развития трудно обойтись без поддержки и включенности в процесс родителей. Во многих исследованиях в том числе в исследованиях Феррои Л.М и Панюшева Т.Д[7] , когда удавалось добиться участия членов семьи при работе с детьми нарушениями в развитии в таком случае повышалось продуктивность и эффект коррекционной работы. Воспитание и развитие особенного ребенка невозможно без участия родителей. Чтобы они стали помощниками и путеводителями педагогов психологов и всез специалистов , творчески развивались вместе с детьми, необходимо убедить их в том, что они на это способны, что нет увлекательнее и благороднее дела, чем учиться понимать своего ребенка, а поняв его, помогать во всем, быть терпеливыми и деликатными, и тогда будет результат.

Литература

1. Башина В.М., Козлова И.А., Ястребов В.С., Симашкова Н.В. и др. Организация специализированной помощи при раннем детском аутизме (Методические рекомендации). М., 1989.

[4] Аутизм и нарушения развития. № 3 (34). 2011

[5] Аутизм и нарушения развития. № 3 (34). 2011

[6] Анализ проблем, возникающих в дошкольном образовательном учреждении при создании специальных образовательных условий для детей с РАС.

[7] Аутизм и нарушения развития. № 3 (34). 2011

2. Иванов Е.С. Деятельность службы сопровождения при работе с детьми, страдающими аутизмом // Психолого-педагогическое и медико-социальное сопровождение развития ребенка / Материалы Российско-фламандской науч.-практ. конф. 14-16 марта 2001. СПб., 2001. С. 122-123.

3. Манелис Н.Г., Волгина Н.Н., Никитина Ю.В. и др. Организация работы с родителями детей с расстройствами аутистического спектра: Методическое пособие. Москва: ФРЦ ФГБОУ ВПО МГППУ, 2017. 94 с. ISBN 978-5- 94051-164-9

4. Морозов С.А., Чигрина С.Г. Исследование особенностей семьей, воспитывающих детей с аутизмом // Аутизм и нарушения развития. 2022. Т. 20. № 2. С. 78—84. DOI:10.17759/autdd.2022200209

5. Аутизм и нарушения развития. № 3 (34). 2011. Феррои Л.М и Панюшева Т.Д

Особенности и эволюция эмоциональных связей в семьях с детьми с аутистическими расстройствами разной тяжести

Бардышевская М.К.
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия
marinabard@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности эмоциональных связей в семьях с детьми с аутизмом и их изменения за период включенного терапевтического наблюдения продолжительностью от 2 до 20 лет. Аффективно-поведенческое развитие детей оценивалось с помощью метода АПК (оценка, наблюдение и развитие аффективно-поведенческих комплексов). Описаны благоприятные и неблагоприятные для психического развития ребенка эмоциональные связи, их соотношение с аффективно-поведенческим профилем развития ребенка и условия хорошей компенсации и декомпенсации.

***Ключевые слова*:** дети, семья, родители, аутизм, развитие, наблюдение, оценка, лонгитюд, прогноз, консультирование, психотерапия, обучение.

Основной признак аутизма любой степени тяжести – избегание контактов с людьми, особенно с детьми, стремление к изоляции и залипанию на определенных ощущениях и опыте. Динамика психического развития ребенка с нарушениями коммуникации, включая ситуативную микродинамику и развитие в долговременной перспективе, напрямую зависит от эволюции эмоциональных связей в семье и изменения образа ребенка у родителей и их отношения к нему.

Ребенок с рождения имеет представление об эволюционно ожидаемых, благоприятных для его развития типах связи с близкими и реагирует эмоциональными и поведенческими расстройствами, а в дальнейшем и аномальным психическим развитием, на отсутствие этих связей или их разрыв (Дим-Вилле, Г., 2018; Маганья, Д., 2018; Alvarez, A., Reid, S., 1999).

Тяжесть аутистического расстройства оценивалась нами в контексте нарушений психического развития путем качественно-количественного анализа по методу АПК (наблюдения, оценки и развития аффективно-поведенческих комплексов, Бардышевская, М.К., 2022).

Тяжелые варианты аутистического расстройства включают отказ ребенка от развития в наиболее важных для социализации областях, мутизм или расторможенные влечения, в том числе социально опасную агрессию.

Благоприятные варианты развития ребенка с аутистическим расстройством включают ускоренное развитие в определенной области, незначительные особенности речевого общения при более выраженных нарушениях невербальной коммуникации, мозаичные нарушения влечений, которые проявляются, в основном, в условиях дома и семьи.

Обобщены данные лонгитюдных наблюдений автора за психическим развитием 17 детей (12 мальчиков и 5 девочек), которые на раннем этапе развития (в возрасте от 2 до 5 лет) получили диагноз расстройства аутистического спектра, продолжительность наблюдений за которыми составила от 2 до 20 лет.

Следует отметить, что за время лонгитюдного наблюдения у всех детей, получивших официальный диагноз в дошкольном возрасте, диагнозы изменились, причем в большинстве случаев они менялись неоднократно (максимальное изменение – 6 диагнозов, поставленных в результате 14 госпитализаций за 8 лет наблюдения за развитием мальчика С., с 6 до 14 лет).

Использовался метод терапевтического наблюдения во время консультирования семей с ребенком или подростком с аутистическим расстройством.

Выделены варианты неблагоприятных эмоциональных связей, способствующих фиксации и углублению аутистического расстройства у детей (5 случаев):

1. патологический симбиоз с одним из родителей (или бабушкой), основанный на искаженных влечениях;
2. колебания между симбиозом и изоляцией: гиперконтроль при нахождении ребенка в семье в сочетании с регулярной физической и эмоциональной изоляцией ребенка от семьи (путем госпитализаций, помещения ребенка на пятидневку в интернат и др.);
3. изоляция отца от воспитания ребенка;
4. изоляция ребенка с аутистическим расстройством от общения со старшими детьми в семье или ограничение его общения с ними из-за большой разницы в возрасте; нежелание матери иметь еще детей после ребенка с аутистическим расстройством (или рождение мертвого ребенка, поздний выкидыш и др.);
5. колебания между гиперактивной родительской позицией (с элементами мании) в период обострения состояния ребенка и депрессией матери в ответ на продвижения в психическом развитии ребенка (парадоксальная депрессия родителей детей с аутизмом описаны также в работах французский психоаналитиков (Узель, Д., 2006);
6. ориентация родителей на юридическое обоснование ограничений развития и обучения ребенка (получение инвалидности, понижение уровня программы школьного образования несмотря на формально сохранные интеллектуальные способности ребенка, перевод ребенка на дистантное и домашнее обучение);
7. фокус на медикаментозном лечении, жестких вмешательствах и ограничениях.

Таким образом, эти неблагоприятные варианты сводятся к разным сочетаниям патологического симбиоза, изоляции и повреждения эмоциональных связей в закрытой семейной системе со спутанным распределением ролей. Основной вектор психического развития ребенка – от искажения к повреждению и распаду - «дублирует», отражает эти сначала (в дошкольном возрасте) «воспаленные», а потом (в школьном и подростковом возрасте) стремительно выхолащивающиеся эмоциональные связи.

Выделены варианты связей, более благоприятные для развития ребенка (12 случаев):

1) инфантильный (не патологический) симбиоз (дозированная помощь ребенку в быту, в уходе, в организации основного и дополнительного образования, без измененных влечений и фантазий родителя по поводу деструктивной активности ребенка);
2) активное участие отца в воспитании ребенка (хотя бы периодическое);
3) сеть привязанностей, помощь третьих лиц (няни);

4) установка на расширение семьи, рождение младших (по отношению к пациенту) детей в семье; поощрение эмоциональных связей между детьми в семье;

5) колебания между симбиозом и поощрением самостоятельной активности ребенка;

6) ориентация на повышение образовательных возможностей ребенка, расширение зоны его не только ближайшего, но и отдаленного развития;

7) фокус на развитии, а не на лечении.

Таким образом, эти благоприятные варианты развития детей с аутистическим расстройством, несмотря на в части случаев первично сходный профиль аффективно-поведенческого развития с профилем детей со стабильно тяжелым аутистическим расстройством, предполагают создание разветвленной сети иерархически организованных эмоциональных связей с четким статусом каждого члена семьи. Основной вектор развития ребенка – от повреждения или искажения к задержке и - в случаях - даже к высокой норме в некоторых областях (исследовательское поведение, изобразительная активность, занятия музыкой и др.). Этот вектор соответствует растущим возможностям ребенка с аутистическим расстройством в более открытой развивающейся семейной системе.

Наиболее отчетливая положительная динамика в психическом развитии детей с аутистическими расстройствами отмечается при условии обучения родителей в специальных семинарах и группах по изучению особенностей раннего и аутистического развития, без прямого воздействия на ребенка; при условии совместной психологической работы с семьей ребенка, включая отца; при включенном обучении матери, регулярно участвующей в психотерапевтических сессиях с детьми младшего и дошкольного возраста; при психотерапии родителей.

Литература

1. Бардышевская М.К. Аффективно-поведенческие комплексы: наблюдение, оценка, развитие. М.: Изд-во Моск. университета, 2-е изд. доп. и испр.., 2022, 574 с.

2. Дим-Велле, Г. Первые годы жизни. Психоаналитическая теория детского развития (на основе взглядов Фрейда, Кляйн и Биона). Науч. ред. - А.Кравцова, А. Мирза. М., 2018, 268 с.

3. Маганья, Д. Притихшие дети. Общение без слов с детьми, упорно отсраняющимися от жизни. М.: 2018, 418 с.

4. Узель Д. Работа с родителями аутичных детей// В книге «Работа с родителями. Психоаналитическая терапия с детьми и подростками». Под ред. Дж. Циантиса и др., М.: Когито-центр, 2006.

5. Autism and personality. Findings from the Tavistock Autism Workshop. Ed. by A,Alvarez & S/ Reid, 1999, 273 p.

Актуальные проблемы развития сенсомоторной сферы детей дошкольного возраста с нарушениями интеллекта

Белогай К. Н., Богданович М. А.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово, РФ
masha.bogdanovich.86@bk.ru

Аннотация. *в статье раскрыты основные аспекты развития сенсомоторной сферы детей с нормативным и нарушенным интеллектуальным развитием. Обоснована важность специальной организации обучения дошкольников с нарушениями интеллекта. Автором определена необходимость разработки вопросов развития сенсомоторной сферы детей дошкольного возраста с нарушениями интеллекта и вовлечения в это процесс родителей.*

Ключевые слова: *сенсомоторное развитие, сенсорные эталоны, моторика, нарушения интеллекта, развитие.*

Развитие сенсомоторной сферы в раннем и дошкольном возраста выступает в качестве базы для формирования интеллекта. Начиная с раннего детства, ребенок активно осваивает мир и накапливает разнообразные представления о нем. В последствие именно эти представления станут основой для развития мыслительных операций. Многочисленные исследования подтверждают, что у детей дошкольного возраста с нарушениями интеллекта развитие сенсомоторной сферы значительно отличается от его развития у детей дошкольного возраста с нормативными показателями интеллекта.

Анализ проблем развития сенсомоторной сферы детей дошкольного возраста с нарушениями интеллекта предполагает рассмотрение сущности развития сенсомоторной сферы детей дошкольного возраста, ее этапов при нормативном онтогенезе, механизмов и характерных особенностей развития у детей с нарушениями интеллекта.

Исследования в области сенсомоторной сферы были начаты в период становления психологии как науки. Сенсомоторные реакции были детально изучены В. Вундтом, Ф. Гальтоном, Э. Титченером. В рамках гештальтпсихологии М. Вертхаймером, К. Коффкой, В. Келером были определены свойства восприятия, обоснована целостность структур психики. В этот же период А. Бине и Т. Симон проводились исследования интеллекта, нацеленные на выявление способности к обучению у детей. В отечественной психологии П. К. Анохиным, В. М. Бехтеревым, И. П. Павловым, И. М. Сеченовым были экспериментально доказаны психофизиологические основы формирования сенсомоторной сферы, показана взаимосвязь сенсорного и моторного компонентов (Маклаков А. Г., 2022).

Основы сенсомоторного развития детей дошкольного возраста были заложены в зарубежной психологии и педагогике М. Монтессори, Э. Сегеном, Ф. Фребелем. Ими были созданы методики диагностики и сенсорного воспитания. В отечественной науке вопросами развития сенсомоторной сферы детей занимались Л. А. Венгер, А. В. Запорожец, Н. Н. Поддьяков, Н. П. Сакулина, Е. И. Тихеева. Особо отметим труды Л. А. Венгера, А. В. Запорожца, Н. Н. Поддьякова. Ими были обоснована сущность сенсомоторного развития ребенка, которая заключается не только в том, что совершенствуется восприятие, ребенок овладевает сенсорными эталонами, но и осваивает сенсорные операции (Венгер, Л. А., 2013). Таким образом, показана значимость связи сенсорики и моторики для психического развития.

Опираясь на труды указанных ученых и культурно-историческую концепцию Л. С. Выготского, следует отметить, что сенсомоторное развитие идет в двух направлениях: естественном, что связано с созреванием соответствующих структур головного мозга, совершенствованием сенсорных систем организма, и культурном, выражающимся в опосредовании свойств объектов окружающего мира, их интериоризации (Выготский Л. С., 2024). Первый год жизни ребенка связан с развитием двигательной сферы ребенка. Он учится управлять своим телом, что позволяет расширить возможности познания окружающего мира. В раннем детстве ребенок активно манипулирует предметами, обследует их доступными ему способами, у него совершенствуется работа сенсорных анализаторов, движения становятся более точными, координированными. В результате к началу дошкольного детства у ребенка накоплен достаточный сенсорный опыт для развития сенсомоторной сферы. В дошкольном возрасте совершенствуется процесс восприятия, оно становится более целенаправленным, приобретает черты деятельности. Ребенок способен не только различать сенсорные стимулы, но и называть их, оперировать ими, используя обследование и сравнение.

Педагогов и психологов интересовали вопросы не только сенсомоторного развития детей, но и обучения детей с умственной отсталостью. Огромный вклад в этот вопрос внес Л. С. Выготский. Им были раскрыты и обоснованы особенности развития ребенка с нарушением интеллекта, структура дефекта. Л. С. Выготский, С. Я. Рубинштейн, Ж. И. Шиф в качестве «ядерных» (первичных) признаков нарушений интеллекта называли нарушения в развитии сенсорики и моторики, обусловленные дефектами структур головного мозга, а также слабость

ориентировочной деятельности. В результате отмечается пассивность ребенка с нарушениями интеллекта в познании и исследовании окружающего мира. Именно недостаточность этих процессов становится базой для низкого уровня интеллекта.

По мнению Л. С. Выготского, развитие ребенка с нарушением интеллекта можно стимулировать при правильной организации его обучения. При этом следует учитывать особенности его дефекта и его тяжесть, дифференцировать первичные и вторичные нарушения. Методика развития сенсомоторной сферы была разработана еще М. Монтессори. Она основана на создании специальной развивающей среды, и включения в эту среду ребенка. В отечественной педагогике Л. А. Метиевой, Э. Я. Удаловой была предложена система сенсорного развития детей с нарушениями интеллекта, включающая дидактические игры на развитие разных видов ощущений, формирование сенсорных эталонов и упражнения для развития крупной и мелкой моторики (Метиева Л. А., Удалова Э. Я., 2007). Э. Дж. Айрес была создана технология сенсорной интеграции. Ее суть состоит в создании специальных средовых условий, облегчающих восприятие окружающих объектов и продуктивное взаимодействие с ними (Мингалиева Д. Р., Нигматуллина И. А., 2016). Также для стимуляции сенсорного и моторного развития предлагаются различные нейропсихологические методики, основанные на методе «замещающего онтогенеза», методики сенсорной стимуляции, например, методика Томатиса, средства арттерапии (Фадеева Д., 2023). Несмотря на это современная система работы по развитию сенсомоторной сферы детей с нарушением интеллекта отсутствует.

Значительную роль в развитии сенсомоторной сферы ребенка дошкольного возраста играет взрослый. Это отражено в трудах Л. С. Выготского, П. Я. Гальперина, М. И. Лисиной. Взрослый является для ребенка источником знаний. В возрасте до года именно взрослый помогает ребенка передвигаться в пространстве. В раннем детстве и младшем дошкольном возрасте предметом общения со взрослым является овладение предметными действиями, окружающий мир (Лисина М. И., 1974). В отношении детей с нарушениями интеллекта взрослый играет исключительную роль, поскольку он может стимулировать познавательную активность ребенка, которая выражена слабо. Таким образом, совместная деятельность с взрослым становится фактором способствующим развитию ребенка.

Родители детей дошкольного возраста с нарушением интеллекта не всегда осознают необходимость организации специального общения с ребенком как фактора его развития. Современные исследования показывают, что для них свойственна низкая готовность к взаимодействию с ребенком, низкая потребность в общении с ним, неумение создавать ситуацию совместной деятельности, эмоциональное отвержение (Ткаченко Н. С., Соломатина Ю. Е., 2021). Подобная ситуация выступает вторичным негативным фактором и еще больше тормозит развитие ребенка. Поэтому с детьми дошкольного возраста с нарушением интеллекта требуется не только проведение специализированных занятий с дефектологом, но формирование у родителей компетентности в вопросах сенсомоторного развития.

Итак, актуальные проблемы в развитии проблемы развития сенсомоторной сферы детей дошкольного возраста с нарушениями интеллекта заключаются в необходимости совершенствования системы развития сенсомоторной сферы детей с нарушением интеллекта с учетом структуры и тяжести дефекта, повышения психолого-педагогической компетентности родителей, организации совместной деятельности родителями и ребенка.

Литература

1. Венгер, Л. А. Восприятие и обучение /Л. А. Венгер. – М.: Просвещение, 2013. – 365 с.
2. Выготский, Л. С. Основы дефектологии / Л. С. Выготский. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 332 с.
3. Ильин, Е. П. Психомоторная организация человека / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2003. – 384с.
4. Маклаков, А. Г. Общая психология: учебник для вузов / А. Г. Маклаков. – СПб.: Питер, 2022. – 582с.

5. Метиева, Л. А. Сенсорное воспитание детей с отклонениями в развитии: сборник игр и игровых упражнений / Л. А. Метиева, Э. Я. Удалова. – М.: Издательство «Книголюб», 2007. – 120 с.
6. Мингалиева, Д. Р. Сенсорная интеграция как средство развития детей с различными патологиями развития / Д. Р. Мингалиева, И. А. Нигматуллина // Реабилитация, абилитация и социализация: междисциплинарный подход. – М., 2016. – С. 272-280.
7. Лисина, М. И. Развитие общения у дошкольников. Под ред. А. В. Запорожца, М. И. Лисиной. – М., «Педагогика», 1974. – 288 с.
8. Ткаченко, Н. С. К вопросу об особенностях семейного воспитания детей с интеллектуальными нарушениями / Н. С. Ткаченко, Ю. Е. Соломатина // Заметки ученого. – 2021. – № 6-1. – С. 263-269.
9. Фадеева, Д. В. Современные методы сенсорного развития дошкольников с ограниченными возможностями здоровья / Наследие В. И. Лубовского и современные тенденции развития специального и инклюзивного образования. Сборник научных трудов по материалам XVI Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов, посвященной памяти профессора Р.Е. Левиной. – Курск, 2023. – С. 460-463.

Формирование навыков самообслуживания у ребенка младшего школьного возраста с ТМНР

Д.К. Белогрудова, А.Н. Долженко
Государственный университет «Дубна», Кафедра клинической психологии, Дубна, Россия
chernikova.reih@mail.ru

Аннтотация*. В данной работе рассматривается проблема специфики формирования навыков у детей со слепоглухотой. Проблематика заключается в отсутствии средств для взаимодействия или же их неполноте при выстраивании контакта со слепоглухими людьми. Важно отметить, что такие дети имеют совсем другую специфику. Не такую, как глухие или слепые. Так как при отсутствии слуха остается сохранным восприятие жестов, а при отсутствии зрения остается возможность слышать все вокруг. В связи с отсутствием основных дистальных ощущений мир слепоглухнемого ограничивается. Ребенок не может развиваться спонтанно, как в норме, так как у него нет возможности социализироваться, познавать мир и расширять круг предметов самостоятельно.*

Основополагающим звеном при сопровождении ребенка с ограниченными возможностями является выстраивание работы с его социальной ситуацией развития (семьей, опекунами и ключевыми представителями ребенка). Но выстраивание контакта затрудняется степенью выраженности дефекта, выпадением звеньев взаимодействия с окружающим миром. Ведь еще Л.С. Выготский отмечал, что “Любой телесный недостаток - будь то слепота, глухота. . . - вызывают социальный вывих” (Выготский Л.С.; 2023). В.В. Лебединский также подтверждал данную мысль: “Низкие интеллектуальные возможности ребенка, страдающего олигофренией, не только исходно затрудняют усвоение информации, но и создают для него ситуацию изоляции в среде сверстников, ..., вызывают невротические наслоения, еще более тормозящие контакты с окружающими” (Лебединский В.В.; 2003). Следовательно, психический и физический дефект подопечного порождают низкую восприимчивость, меньшую вероятности самостоятельно нащупать и найти эти средства, развернутые вовне в культурной среде и в совместной деятельности (как это обычно происходит при спонтанном нормативном развитии).

Мы определяем, первым и необходимым, даже ключевым этапом выстраивание контакта с ребенком в рамках коррекционно-развивающей работы. Этот этап усложняется особенностями дефекта ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Формирование эмоционального и мотивационного контекста взаимодействия усложняется в ситуации аффектации (Мещеряков А.И.; 1974). В противоположном случае недостаточный учет всех возможных средств взаимодействия чреват формированием неустойчивого или недостаточно доверительного контакта, непосредственно влияющего на выстраивание всей дальнейшей психологической работы.

Цель исследовательской работы заключалась в анализе доступных средств выстраивания контакта и поиске различных способов формирования базовых навыков самообслуживания ребенка с ТМНР. В рамках исследовательской деятельности нами проводилось организованное взаимодействие со слепоглухим ребенком на базе Государственного бюджетного стационарного учреждения социального обслуживания Московской области «Семейный центр имени А.И. Мещерякова» в период с 23.04.2024 по настоящее время. Но само выстраивание работы осложнялось наличием аутоагрессии у ребенка, которое выражалось в кусании, прокусывании различных частей тела, биением головой об стену. Первой задачей перед нами возникла организация диагностики и выделение феноменологии.

На протяжении всего хода работы периодически организовывались встречи с семьей ребенка, а также давались рекомендации специалистам учреждения. При построении работы мы сделали уклон на следующие сферы:

1. Выведение ребенка на активную деятельность. В основе лежит проблема отсутствия мотива, побуждения к деятельности. Активное оказание помощи должно осуществляться не просто завершением действия самим взрослым, но и передачей инициативы ребенку. Ведь только в совместно-разделенном действии будет происходить усвоение навыка;

2. Введение ритуализации (ритуала приветствия, прощания, приема и завершения пищи, похода в туалет) и соблюдение четкого режима, . К примеру, осуществление массажа верхней и нижней челюстей перед чисткой зубов.

3. Расширение поля деятельности ребенка. Если изначально мы берем наиболее интересующий предмет, то далее начинаем видоизменять взаимодействия с предметом, постепенно вводить различные предметы, отличающиеся по структуре и форме для того, чтобы у ребенка формировался целостный образ предметной деятельности.

-Сравнение характера первоначального обучения слепоглухонемых детей с особенностями обучения умственно отсталых детей, страдающих нарушением слуха, зрения и речи, имеет принципиальный характер. Поэтому выстраивание работы затрудняется не только в связи с большим количеством выпавших звеньев, но и, естественно первичным дефектом в виде недоразвития головного мозга, всей психической структуры.

-Собственно, грамотная организация совместной деятельности, помогает сформировать навыки самообслуживания, организовать эмоциональную поддержку, а в дальнейшем и чувство безопасности. Это расширяет зону ближайшего и актуального развития ребенка, а, значит и его возможности.

Литература

1. Выготский Л. С. Основы дефектологии / Л. С. Выготский. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 332 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-11695-3. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/518576 (дата обращения: 15.02.2023).

2. Ван Дайк, Я. Вызывающее проблемное поведение детей с множественными пороками развития. Оценка и воздействие/ Я. Ван Дайк — Сергиев Посад: 2004 г.

3. Гальперин П. Я. Формирование умственных действий и понятий/ П.Я. Гальперин: М. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий. — В кн.: Исследование мышления в советской психологии, 1965 г.

4. Лебединский В.В. Нарушения психического развития в детском возрасте/ В.В. Лебединский. — Учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений. -М.: Издательский центр «Академия», 2003

5. Мещеряков А. И. Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования поведения/ А. И. Мещеряков — М., «Педагогика», 1974 -328 с.

6. Шипицына Л.М. Специальная психология : учебник для академического бакалавриата / под ред. Л. М. Шипицыной. — М. : Издательство Юрайт, 2016. — 287 с. — Серия : Бакалавр. Академический курс.

7. Эльконин Д.Б. Детская психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений/ Д. Б. Эльконин; ред.-сост. Б. Д. Эльконин. — 4-е изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия», 2007

Психологическая помощь детям с проблемами в развитии: вклад эффективных родителей

И.Е. Валитова
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Брест, Республика Беларусь
irvalitova@yandex.ru

Аннотация. *В статье рассматривается роль родителей в процессе психологической помощи при обращении к психологу с проблемами в развитии детей. Анализируется влияние родителей на возникновение проблем в развитии детей и их возможности в разрешении детских проблем. Определяются цели и содержание работы психолога с родителями, а также условия построения терапевтических отношений в диаде психолог-родитель и в триаде «психолог-родитель-ребенок.*

Ключевые слова*. Дети с проблемами развития, психологическая помощь детям, детско-родительские отношения, терапевтические отношения.*

Увеличение количества проблем в развитии детей, а также повышенное внимание родителей к благополучному развитию ребенка в современной детоцентрической семье (Е.А. Клещева, 2023) повышает спрос на оказание психологической помощи детям, на услуги детской психотерапии. Оказание психологической помощи детям основывается на научных представлениях о закономерностях психического развития ребенка и возникновения проблем и отклонений в развитии детей. В данной статье мы будем рассматривать проблемы развития детей в период дошкольного детства и младшего школьного возраста, не затрагивая подростковый возраст.

Запросы семьи на работу с детьми можно разделить на две большие группы: 1) клинико-психологические проблемы: недоношенные дети, проблемы сна и питания детей, экстернальные и интернальные эмоционально-поведенческие расстройства, невротические речевые расстройства; дети с РАС, СДВГ, ДЦП и другими ОВЗ, психосоматические расстройства и др.; 2) психологические проблемы в развитии детей: дети в кризисной жизненной ситуации (потери), адаптация к детскому саду, школе, школьные проблемы (неуспеваемость, отношения с учителем и сверстниками) и др.

Запросы психологу/психотерапевту предъявляют в большинстве случаев взрослые (чаще – родители и другие родственники ребенка, реже – педагоги), так как сам ребенок ограничен в распознавании своих психологических проблем и в осознании своей потребности в психологической помощи. Поэтому взрослые уже первоначально, то есть на этапе обращения, становятся участниками процесса психологической помощи ребенку, а в дальнейшем они устанавливают терапевтически отношения с психологом, и складывается триада родитель–ребенок–психолог. Важной проблемой становится научное обоснование

отношений внутри этой триады, качество которых влияет на эффективность психологической помощи детям. Одна из задач такого исследования – определение роли родителей в возникновении психологических проблем ребенка, так как терапевтический процесс основан на понимании сущности и этиологии проблемы ребенка.

В настоящее время общепризнанным подходом к объяснению возникновения различных расстройств, в частности, проблем в развитии детей, является биопсихосоциальный подход, который рассматривает 3 группы факторов: биологические, психологические и социальные факторы (А.Б. Холмогорова, 2002). Если биологические и психологические факторы характеризуют генетические и другие врожденные или приобретенные особенности функционирования организма ребенка, психологические факторы – возрастной уровень психического развития ребенка и его отношений с окружающим миром, то социальные факторы – социокультурный и семейный контекст психического развития ребенка, в том числе детско-родительские отношения.

Исследование роли родителей в возникновении проблем в развитии ребенка восходит к работам Д. Баумринд, которая установила взаимосвязь родительского поведения по критериям принятие / отвержение и контроль и особенностей развития ребенка и показала существенные различия между детьми, которые воспитывались родителями с разными стилями воспитания (D.Baumrind, 1967). В более поздних работах психологов и клиницистов описаны феномены и закономерности детско-родительски отношений, которые выступают как факторы нарушений развития и возникновения психологических проблем у детей. Приведем некоторые из них.

В исследованиях регуляторных эмоционально-поведенческих расстройств у детей в раннем возрасте описывается триада нарушений, в которую включены: специфические проблемы детского поведения; дисфункциональные паттерны детско-родительского взаимодействия; уменьшение собственных ресурсов родителей. Каждое из регуляторных расстройств характеризуется этими тремя симптомами (M. Cierpka, 2015).

Патологические типы воспитания детей, выделенные Э.Г. Эйдемиллером, напрямую определяют патологические черты характера ребенка: потворствующая гиперпротекция, содействует развитию истероидных и гипертимных черт характера; доминирующая гиперпротекция усиливает астенические черты характера ребенка; эмоциональное отвержение ребенка способствует развитию эпилептоидных черт характера; повышенная моральная ответственность стимулирует развитие тревожности и беспокойства; безнадзорность приводит к гипертимности и неустойчивости поведения подростка (Э.Г. Эйдемиллер, 2003). А.И. Захаров назвал отвергающее воспитание (непринятие) и гиперсоциализирующее воспитание, которое проявляется в чрезмерной озабоченности будущим ребенка, типами неправильного воспитания, предрасполагающими к невротическим расстройствам у детей (А.И. Захаров, 1988). А.Л. Венгер использовал понятия психологической инвалидизации и инфантилизации детей для объяснения проблем, возникающих в развитии и поведении детей (А.Л. Венгер, 2017).

Рассматривая возможности оказания психологической помощи детям, в качестве базовой модели содержания работы с ребенком мы предлагаем модель родительской позиции, которая понимается как система значимых доминирующих отношений родителя (матери/отца) в значимой для него сфере – благополучие и развитие ребенка. Родительская позиция включает три компонента: отношение родителя к ребенку, отношение родителя к нарушению (расстройству, проблеме) ребенка, отношение родителя к самому себе (И.Е. Валитова, 2023). Данная модель отличается универсальностью, так как позволяет определить основные направления работы с родителем, обратившимся за психологической помощью своему ребенку при наличии у него проблем в развитии /нарушений/расстройств. Определим далее цели и содержание работы психолога с родителем, обратившимся с запросом по поводу проблем ребенка, обобщив собственный опыт и опыт коллег. Цель работы психолога (цель терапии) – как помочь родителю помогать своему ребенку? Без участия родителя, который в

разной степени способствовал возникновению проблемы ребенка, эта проблема не может быть эффективно решена.

1. Психообразование. Рассматриваются симптомы и причины возникновения нарушений у ребенка, анализируется поведение ребенка, каким образом связаны поведение родителя и ребенка, выявление симптомов, вызванных поведением родителя; анализируются ограничения ребенка с данным нарушением, но в то же время его позитивные стороны и преимущества.

2. Отношение родителя к проблемам ребенка. Гипердиагностика проблем ребенка проявляется в следующем: незнание родителем возрастных норм развития; сравнение ребенка с другими детьми и желание, чтобы он был на них похож; несоответствие ребенка желаемому образу родителя; родители принимают свои собственные проблемы за проблемы ребенка; родители не понимают мотивов поведения ребенка; приписывание ребенку проблем для реализации своих собственных потребностей. Гиподиагностика проблем ребенка проявляется в следующем: незнание возрастных норм развития; уверенность родителей в том, что у них не может быть «неполноценного» ребенка; незнание последствий, к которым может привести та или иная проблема; сосредоточенность родителей на своих собственных проблемах, эгоистическая позиция; вера в то, что проблема рассосется, само пройдет (перерастет).

3. Работа с когнициями (убеждениями, суждениями, верованиями) родителя; работа с образом ребенка у родителя. Более точным в этом аспекте является понятие родительских аттрибуций, определяемое как восприятие взрослыми особенностей и качеств ребенка, а также убеждения взрослых относительно детей. Восприятие родителями состояния своих детей, прогнозирование ими их возможностей и ограничений, может повлиять на их благополучное психическое развитие гораздо больше, чем их действительное состояние здоровья (D.B. Bugental, 1987). Важной задачей в работе психолога с родителями является выявление родительских аттрибуций, то есть необходимо составить понимание того, как родители воспринимают ребенка, так как в их образах сочетаются как реально имеющиеся у ребенка качества, так и проецируемые на него качества, связанные с ожиданиями родителей, что обясняется особой пристрастностью родителей к достижениям ребенка (И.Е. Валитова, 2020).

Выявлены возможные когнитивные искажения у родителей, например, «Дети должны слушаться», «Я плохой родитель, если мой ребенок ведет себя «так»!», «Меня раздражает, когда мой ребенок упирается и не хочет делать то, что я прошу!», «Мой ребенок всегда должен вести себя хорошо», «Мне стыдно перед людьми за своего ребенка», «Пока не накричишь, ничего не добиться!», «Мой ребенок – манипулятор!»

4. Работа с образом себя у родителя, восприятие и оценка себя как родителя (матери, отца), осознание собственных целей и ценностей, в том числе в воспитании ребенка.

5. Работа с эмоциональной сферой родителя: преодоление чувства вины, принятие ответственности за здоровье и психологическое благополучие ребенка, профилактика жертвенности родителя через формирование позиции субъектности; формирование умения отделять себя от своего ребенка и от его диагноза (нарушения); принятие ограничений и особенностей ребенка; повышение ресурсности, уверенности (позитивный образ Я-родитель), чувства самоэффективности. Как отмечается авторами, процесс личностного роста и благополучия родителей связан с их установкой на поиск ресурсов ребенка вместо концентрации на его дефицитах и негативных прогнозах, а также на собственных негативных переживаниях (Сергиенко, Холмогорова, 2019).

Важной задачей является обучение родителей умениям преодоления и стресса и самосострадания, так как воспитание ребенка с проблемами в развитии традиционно рассматривается как трудная жизненная ситуация.

6. В работе с родителями детей, обратившимися за помощи в связи с проблемами развития ребенка, важной задачей является установление терапевтических отношений «терапевт-родитель». Фактически отношения в этой диаде становятся отношениями в триаде, так как эти отношения устанавливаются в связи с проблемами ребенка. Психолог может реализовать несколько разных моделей отношений в триаде, в зависимости от степени

активности каждого участника триады в терапевтическом процессе, особенностей коммуникации в каждой паре участников: психолог-ребенок, психолог-родитель, родитель-ребенок. Каждая из моделей отношений требует специального рассмотрения в аспекте содержания и методов работы.

Таким образом, эффективные родители приводят ребенка в терапию, поддерживают мотивацию ребенка к изменениям, помогают определить проблему ребенка, помогают изменять поведение ребенка, используя стратегии управления его поведением, работают над изменением собственного неэффективного поведения, создают и поддерживают валидирующее окружение ребенка. Для усиления эффективности родителя адекватным методом являются поведенческие эксперименты, которые родитель планирует совместно с психологом, помогающим осознать важность модификации поведения родителя в отношении ребенка для модификации изменений в самом ребенке.

Психолог должен проанализировать и осознать, какие отношения складываются у него с родителями ребенка как клиентами, и направить усилия на построение комплаентных отношений. В литературе выделяются две модели комплаенса (Д.С. Данилов, 2014): патерналистская модель основана на модели дефицита – это идея о малом объеме знаний у непрофессионалов (родителей), оценка специалистов как единственных носителей истины, о документальном подтверждении статуса специалиста, поэтому из-за недостаточной компетентности за родителем не признается право на принятие решений. Взаимоотношения родителей и профессионалов описываются даже в терминах «война», «борьба», «сражение». Испытываемые трудности часто возникают из-за патерналистских установок профессионалов, что обозначается как «гегемония профессионалов» (A. Kingston, 2007). Диалогическая модель комплаенса основана на модели партнерства, когда родитель рассматривается как обязательный и полноправный участник терапевтического процесса.

Литература

1. Валитова, И.Е. Образ ребенка у матерей детей с отклонениями в развитии / И.Е. Валитова // Социальная педагогика. – 2021. – №1. – С. 60–66.
2. Валитова, И. Е. Материнская позиция относительно ребенка с проблемами развития: модель как инструмент работы психолога / И. Е. Валитова // Веснік Брэсцкага універсітэта. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2023. – № 1. – С. 168–175.
3. Венгер. Л.А. Клиническая психология развития : учеб. и практикум для бакалавриата и магистратуры /Л.А. Венгер, Е.И. Морозова. – М. : Юрайт, 2017. – 312 с.
4. Данилов, Д.С. Терапевтическое сотрудничество (комплаенс): содержание понятия, механизмы формирования и методы оптимизации / Д.С. Данилов // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. – 2014. – №2. – С. 4–12.
5. Клещева, Е.А. Детоцентрическая семья в психологии: социально-психологическая структура и механизмы функционирования. Монография. – Барановичи : БарГУ, 2023. – 196 с.
6. Холмогорова А.Б. Биопсихосоциальная модель как методологическая основа изучения психических расстройств // Социальная и клиническая психиатрия. – 2002. –Т. 12. – № 3. – С. 97–104.
7. Сергиенко, А.И. Посттравматический рост и копинг-стратегии родителей детей с ограниченными возможностями здоровья / А.И. Сергиенко, А.Б. Холмогорова // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27. – № 2. С. 8–26.
8. Эйдемиллер Э.Г. И др. Семейный диагноз и семейная психотерапия. – СПб : Речь, 2003. – 336 с.
9. Baumrind, D. (1967). Child-care practices anteceding three patterns of preschool behavior // Genetic Psychology Monographs, 1967. V. 75, p. 43–88.
10. Bugental, D. B. Attributions as moderator variables within social interactional systems / D. B. Bugental // Journal of Social and Clinical Psychology. – 1987. – Vol. 5. – P. 469–484.
11. Kingston, A. K. Mothering special needs : a different maternal journey / A. K. Kingston. – London ; Philadelphia : Jessica Kingsley Publishers, 2007. – 191 p.

12. Regulations-störungen. Beratung und Psychotherapie für Eltern mit kleinen Kindern / M. Cierpka (Hrgs). – Berlin, Heidelberg : Springer Verlag, 2015. – 197 s.

Проективная методика «Разговор красками» в психолого-педагогическом сопровождении семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью

С.О. Гурьянова, И.В. Черемисова
Академия ФСИН России, Рязань, Россия
sofi.guryanowa@yandex.ru

Аннотация. *В статье рассматривается применение авторской проективной методики «Разговор красками» И. В. Черемисовой. Исследование проводилось с 17 воспитанниками неврологического стационара с целью выявления межличностных проблем в семье. Авторы акцентируют внимание на закономерности отражения в рисунках восприятия детьми членов семьи. Анализ результатов позволяет сделать вывод о значимости использования методики для диагностики, разработки практических рекомендаций для воспитателей и родителей.*

Ключевые слова: *проективная методика, дети с ограниченными возможностями здоровья, семейные отношения.*

Проективные методы исследования личности, основанные на феномене проекции, уже не одно десятилетие вызывают особый интерес у специалистов в области психологии. Этот феномен лежит в основе всех форм художественного творчества: субъект отражает и проецирует на изобразительный продукт свои индивидуально-психологические свойства, мироощущение, характер, самооценку – своё бессознательное (Лебедева Л.Д., Никонорова Ю.В., Тараканова Н.А., 2022, с. 9-10).

Популярность проективных методик среди практических психологов объясняется простотой и безопасностью применения, низкой вероятностью возникновения протестных реакций у испытуемых, информативностью и широкими возможностями целостного изучения личности.

Исследованием этой проблемы занимались такие ученые, как Г.Э. Бреслав (2000), А. Л. Венгер (2003), Р. Давидо (2019), Д. Дилео (2002), М. Люшер (1996), Л.Н. Собчик (2001) и другие.

Так, согласно К. Маховер (2003), любой детский рисунок является проективным по отношению к внутреннему психическому состоянию личности. Это обстоятельство подчеркивает значимость применения рисуночных проективных методик для диагностики детей дошкольного возраста, которые, ввиду своих возрастных особенностей, не способны давать адекватные ответы на многочисленные вопросы стандартизированных тестов. Для детей, испытывающих затруднения в вербальном выражении своих мыслей и чувств, использование красок в качестве альтернативного канала коммуникации может и вовсе стать единственной возможностью выразить свои эмоции. Так, Р. Давидо отмечает, что детский рисунок представляет собой «полноценную речь, способную приобретать все возможные конфигурации: ломаные или нервные линии, пропуски, блеклые или яркие цвета, гармонию или дисгармонию» (Давидо Р., 2019, с. 18).

Анализ цветовой символики позволяет специалистам эффективно и быстро, не вызывая у ребёнка стресса, обнаружить какие-либо проблемы, если они есть – в частности, тревожность, низкую самооценку или трудности с адаптацией. Это особенно актуально в контексте работы с детьми с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ): для создания рисунка достаточно лишь умения держать карандаш, которое

позволит ребенку рассказать, что он чувствует и каким видит себя и своё окружение (Давидо Р., 2019, с. 17).

Тем не менее, следует отметить, что проективная методика сама по себе не сможет дать глубокую психологическую характеристику ребёнка, её применения недостаточно для постановки диагноза. Однако, как отмечает Р. Давидо, «качество рисунка и его эстетические характеристики могут указывать не только на интеллектуальный уровень, но и на эмоциональное равновесие ребёнка, от которого часто зависят его способности к адаптации как в семейной, так и в учебной среде» (Давидо Р., 2019, с. 12).

Цель нашего исследования заключается в выявлении проблем ребёнка в межличностных отношениях внутри семьи и в анализе закономерностей отражения в рисунке отношения к членам семьи и их восприятия.

Предполагается, что выбор цветовой гаммы и характер нанесения линий в рисунке могут служить «индикаторами» психологических проблем, свидетельствовать о степени адекватности восприятия инструкции и отражения характера межличностных отношений.

В качестве диагностического инструментария нами была использована авторская проективная методика «Разговор красками» И. В. Черемисовой, представляющая собой психологический инструмент, направленный на изучение эмоционального состояния ребенка, его самооценки и степени адаптации в семье и обществе. Техника основывается на анализе применяемой ребенком цветовой символики: для этого участнику исследования предоставляется лист бумаги и набор акварельных красок, после чего он получает инструкцию от психолога.

Суть методики заключается в том, что ребенок, отвечая на вопросы исследователя, обозначает свои чувства и переживания с помощью горизонтальных линий определенного цвета, а не с помощью вербальных формулировок. Это особенно важно для детей с ОВЗ, для которых вербальное общение зачастую представляет сложность.

Задаваемые психологом вопросы можно условно разделить на две группы: а) непосредственно направленные на изучение самовосприятия ребенка и его восприятия своего ближайшего окружения («Какое у тебя настроение?», «Какие ребята в группе?», «Какой ты?», «Какая я (психолог)?», «Какая воспитательница/няня?», «Какая мама/папа/бабушка/др.?»); б) контрольные, предназначенные для проверки адекватности ответов («Каким цветом ты изобразишь «плач» \«смех»\ «страх»\ «счастье»?»). Вопросы, по замечанию И. В. Черемисовой (2007, с. 41), можно менять в зависимости от ситуации.

При этом чрезвычайно важно учитывать семейную ситуацию ребенка: перед тем, как попросить его описать родителей с помощью красок, целесообразно спросить, с кем он живет, и в соответствии с этим сформулировать вопрос. Это может быть полная семья, семья с одним родителем или семья, где ребенка воспитывает мама и бабушка – в таком случае вопрос об отце будет неуместным и некорректным.

Следует отметить, что техника «Разговор красками» не имеет универсальной интерпретации – по замечанию Р. Давидо, для адекватного понимания рисунка необходимо учитывать «социокультурный контекст ребёнка» (Давидо Р., 2019, с. 12).

В этом и заключается ограничение методики: выводы, сделанные на основе интерпретации, имеют вероятностный характер и представляют собой гипотезы, которые, для установления их соответствия действительности, следует обсудить с воспитателями и уточнить в процессе наблюдения за ребенком и беседы с ним. Это – лишь основа для дальнейшей работы.

Однако не стоит преуменьшать и значения этой техники: она дает ту информацию о ребенке, которую он не может или не хочет передать вербально. Он, не зная, как нарисовать правильно, выбирает цвета неосознанно, на основе собственных ассоциаций. Психолог же, опираясь на принятые в научном сообществе интерпретации, это анализирует.

Выборку нашего исследования составили 17 детей дошкольного возраста, находящихся в неврологическом стационаре детской поликлиники №39 Советского района Нижнего Новгорода.

В рамках индивидуального занятия с психологом ребёнку предоставлялись лист бумаги, акварельные краски, кисточка и 2 ёмкости для воды – одна для темных цветов, другая – для светлых (это позволяет избежать смешивания цветов).

Процедуру исследования И. В. Черемисова (2007, с. 40-41) описывает следующим образом: «На небольшом листе бумаге столбиком записываются числа от 1 до 12. Ребёнку предлагается следующая инструкция: «Мы с тобой беседовали, ты мне отвечал словами. Сейчас мы будем разговаривать с тобой не словами, а красками, цветами. Ты когда-нибудь разговаривал красками? Сейчас я тебя научу. А ты потом можешь научить своих друзей. Я тебе буду задавать вопросы, и ты вместо ответа нарисуй полосочку вот здесь (показать ребёнку число, соответствующее вопросу), любым цветом, каким захочешь, какой подходит к твоему ответу».

По результатам исследования, были сделаны следующие выводы:

А) Отношение к членам семьи большей части исследуемых детей можно оценивать позитивно. Анализ цветовой палитры демонстрирует использование широкого спектра цветов – ярких, теплых оттенков: желтого, оранжевого, красного, малинового, белого. Общее впечатление от таких рисунков позитивное. Эти рисунки, в большинстве своём, выполнены уверенными, жирными линиями, занимающими всю площадь листа.

Это может свидетельствовать о том, что авторы этих рисунков чувствуют себя комфортно и безопасно в своей семейной среде – в связи с этим следует отметить мнение Р. Давидо, которая утверждает: «Счастливый ребенок рисует жирными штрихами, которые занимают много места на листе. Неуравновешенный ребенок, напротив, быстро отбросит карандаш» (Давидо Р., 2019, с. 22). Уверенные, хорошо приспособленные дети, по мнению Д. Дилео, «рисуют свободно, с забавной развязностью, создавая фигуру, выражающую своим размером, размахом и броским изображением на странице свободу от сдерживающей тревожности» (Дилео Д., 2002, с. 51).

Разнообразие и яркость цветовой палитры могут указывать на психологическую уравновешенность и успешную адаптацию ребёнка (Давидо Р., 2019, с. 49), свидетельствовать о положительном эмоциональном фоне в семье. Дети, вероятно, чувствует себя любимыми, принятыми и защищенными, что способствует их эмоциональному благополучию, которое отражается в их выборе цвета.

Таким образом, всё вышесказанное позволяет нам сделать предположение о положительных отношениях исследуемых детей с родителями.

Б) Однако наблюдаются и случаи негативного отношения детей к определенным членам семьи при адекватности их ответов на все остальные вопросы, включая контрольные. Например, в рисунке Толи К. (5,5 лет), мальчика с диагнозом ДЦП, для передачи образа матери используется темно-коричневый цвет. Это, по мнению психоаналитиков (Давидо Р., 2019, с. 48), может указывать на плохую адаптацию в семье. Коричневый цвет в данном случае действительно указывает на негативную динамику в отношениях Толи с матерью, что подтверждается наблюдениями воспитательницы, отмечающей её плохое обращение с ребёнком, а также проявления с её стороны агрессии и враждебности.

В рисунке девочки Алёны (9 лет), также имеющей диагноз ДЦП и не способной самостоятельно ходить, линии напоминают скорее мазки. Они занимают примерно сантиметр левой половины листа, характеризуются различной толщиной и нажимом. Это, по мнению Д. Дилео, свойственно неуверенным, тревожным детям: они «склонны рисовать маленькие фигуры, которые застенчиво занимают только маленькую часть листа» (Дилео Д., 2002, с. 51). Для передачи образа матери Алёна использовала черный цвет. По наблюдениям воспитательницы, в отношении мамы к девочке не чувствуется теплоты и любви. Причиной этому может быть наличие у неё здоровой сестры-близнеца: возможно, девочек постоянно сравнивают друг с другом, что, вероятно, создаёт определенные сложности и проблемы в отношениях, отражается в восприятии девочкой матери и создает у нее негативные ассоциации. Существование здоровой сестры может усиливать чувство неполноценности у Алёны, приводить к восприятию себя как менее достойной любви и внимания, что отражается

в ее рисунке и первоначальном отказе от выполнения задания, аргументированном словами о неумении рисовать.

В) Также в ходе исследования нами были обнаружены случаи неадекватных ответов, которые мы определили по следующим критериям:

— *неадекватные цветовые ассоциации в ответах* (в особенности на четыре контрольных вопроса). Так, для изображения образа смеха Данил (5 лет) использовал черный цвет, для счастья — фиолетовый, для плача – красный, для страха – зеленый. Такие необычные цветовые ассоциации могут указывать на сложности в понимании своих эмоций или их выражении или об определенных нарушениях в развитии психики.

Адекватность оценивалась также в ходе беседе. Многие дети комментировали свои ответы. Так, в одном рисунке папа, изображенный оранжевым цветом, охарактеризован «вредным», а мама, изображенная синим – «доброй». В другом рисунке «добрыми» охарактеризованы: воспитательница, изображенная черным цветом, кинезотерапевт и мама, изображенные зеленым цветом, и папа, изображенный красным цветом. Это указывает на противоречие между выбранными цветами и комментариями: прилагательное «добрый» ассоциируется у ребенка с темными, отталкивающими, неприятными оттенками.

В одном рисунке счастье передано с помощью коричневого цвета и описано следующим образом: «когда все радуются», в другом – образ счастья связан с синим цветом: «счастье – когда весело».

— *проявление стереотипии в ответах.* Так, Алёша (8 лет) изобразил на листе не линии, как того требует инструкция, а скорее точки-кляксы. Согласно К.Тейлор, неспособность ребенка провести даже короткую ровную линию может указывать на наличие проблемы психического характера (Лебедева Л.Д., Никонорова Ю.В., Тараканова Н.А., 2022, с. 41). В процессе рисования он использовал лишь 4 цвета: зеленый, оранжевый, черный и красный, при этом зеленый цвет преобладает, фигурируя в 9 позициях из 12. Выбор цветов кажется случайным, лишенным логики; наблюдается застревание на зелёном цвете.

Таким образом, методика «Разговор красками» не имеет универсального «ключа» для интерпретации и сама по себе не может дать исследователю всей информации о внутреннем мире ребёнка. Однако существуют определенные закономерности, на основе которых, учитывая «социокультурный контекст ребёнка», можно формулировать гипотезы и, подтверждая или опровергая их в дополнительном обследовании, делать выводы. Такой рисунок содержит определенные «красные флажки» – знаки, указывающие психологу на необходимость обратить внимание на какую-либо сферу жизни ребёнка.

Эта техника может служить дополнением к традиционным методам обследования, предоставляя специалисту возможность более глубокого понимания внутреннего мира ребенка и его взаимодействия с окружающей средой. Это может служить основой для разработки индивидуальных программ развития, практических рекомендаций для воспитателей и родителей.

Литература

1. Давидо Р. Секретный мир детей в рисунках. Что вы не знаете о своих детях. СПб.: Питер, 2019. 304 с.
2. Дилео Д. Детский рисунок: диагностика и интерпретация. М.: Апрель Пресс, Изд-во Эксмо, 2002. 272 с.
3. Курышева И.В. Любимая психология «дошкольника»: Методические рекомендации по формированию психологической готовности к школе детей с проявлениями асоциального поведения. М.: Вентана Граф, 2007. 137 с.
4. Лебедева Л.Д., Никонорова Ю.В., Тараканова Н.А. Энциклопедия признаков и интерпретаций в проективном рисовании и арт-терапии. Санкт-Петербург; Москва: Речь, 2022. 336 с.

5. Cheremisova IV. Development of Intelligence in Children with Neurological Diseases by Means of Music-to-color Synaesthesia. Aesthetic and Semiotic Approach. *International Journal of Psychology* 108 (2016): 158.

6. Cheremisova IV. The Exercise «Drawing the Music» as a Means of Psychodiagnosis of Children with Neurological Diseases and Mental Disorders. *EC Psychology and Psychiatry* 8.6 (2019): 445-447.

Взаимодействие специалистов СППС и семьи в коррекционно-развивающей работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)

В.В. Дренева, Е.В. Суслова, Е.С. Царёва

Государственное Бюджетное Общеобразовательное Учреждение «Школа №17», Москва, Россия

drenevavv@mail.ru, suslova_ev@scl17.ru, tsareva_es@scl17.ru

Аннотация. *В статье представлен алгоритм взаимодействия специалистов СППС в коррекционно-развивающей работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), а также роль семьи*

Ключевые слова: *специалисты СППС, педагог-психолог, учитель-логопед, коррекционно-развивающая работа, детьми с ограниченными возможностями здоровья, алгоритм взаимодействия специалистов СППС, индивидуальный образовательный маршрут, семья*

Взаимодействие педагога-психолога и учителя-логопеда при работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) является важным аспектом их комплексной поддержки. Совместная работа помогает создать целостный подход к обучению и развитию ребенка, учитывая, как психологические, так и речевые аспекты. Кроме того, эффективное сотрудничество между педагогом-психологом и учителем-логопедом способствует всесторонней поддержке ребенка и обеспечению оптимальных условий для его развития и обучения. В своей статье мы хотели бы поделиться разработанным нами алгоритмом по созданию индивидуального образовательного маршрута в результате совместной деятельности педагога- психолога и учителя-логопеда.

На первом этапе проводится комплексная диагностика. Педагог-психолог и учитель-логопед могут совместно проводить оценку развития ребенка, что позволяет выявить не только нарушения речи (1), но и эмоциональные, поведенческие, и когнитивные нарушения. Таким образом, можно получить полное представление о дефицитах и ресурсах каждого ребенка. Учитывая полученные результаты диагностики, педагог-психолог и учитель-логопед координируют свои планы, чтобы избежать дублирования и обеспечить согласованность подходов (4). Например, если педагог-психолог выявил низкую самооценку, логопед может интегрировать методы для повышения уверенности в своих речевых занятиях.

Следующий этап содержит определение методов, приемов и технологий в работе с ребенком. Например, педагог-психолог может использовать методы когнитивно-поведенческой терапии, арт-терапии, игры для развития социальных навыков и эмоциональной регуляции (5). Учитель-логопед применяет методы коррекции речи, такие как артикуляционные упражнения, лексико-грамматические задания, использование дидактических материалов и игровых методик и др. (2). Совместная работа специалистов может состоять в применении методов, приемов и технологий, которые будут пересекаться в работе педагога-психолога и учителя-логопеда, например, использование игровых методик для развития как социальных навыков, так и речевых умений (3).

При проведении промежуточной диагностики педагог-психолог оценивает эмоциональное состояние ребенка и его поведенческие изменения, корректирует

психологические подходы и стратегии на основе полученных данных. Учитель-логопед проводит регулярные оценки динамики речевого развития ребенка и вносит изменения в план занятий в зависимости от достижения результатов. Педагог-психолог и учитель-логопед обсуждают достижения и трудности, чтобы обеспечить интеграцию коррекционных подходов и адаптацию ИОМ.

Мы понимаем, что коррекционно-развивающая работа с детьми с ограниченными возможностями здоровья станет более эффективной, если семья будет активно сотрудничать со специалистами СППС. На этом этапе работы, педагог-психолог дает рекомендации по эмоциональной поддержке ребенка, развитию коммуникативных и социальных компетенций, развитию познавательной активности и т.д. Учитель-логопед оказывает помощь родителям в организации домашних заданий и упражнениях, предоставляет советы по поддержке речевого развития ребенка.

Педагог-психолог и учитель-логопед проводят совместные консультации для родителей, чтобы обеспечить единое понимание планов и рекомендаций, а также помогают родителям эффективно поддерживать ребенка в домашних условиях.

Таким образом, комплексный подход к работе с детьми с ОВЗ через сотрудничество практикующих специалистов и семьи способствует достижению лучших результатов и улучшению качества жизни таких детей в целом.

Литература

1. Баряева Л. Б., Лейзерова Д. Л. Логопедическая диагностика и методические рекомендации по обучению вербальной и невербальной речи. — СПб.: Литера, 2022. — 64 с.
2. Дианова О. Н., Антипова Ж. В., Микляева Н. В. Логопедия. Методика и технологии развития речи дошкольников. Учебник. — М.: Инфра-М, 2023. — 313 с.
3. Котова, О.Д. Организация коррекционной работы с детьми дошкольного возраста с СДВГ/О.Д. Котова.- Текст: непосредственный// Дошкольная педагогика.-2022.-№8.-С.45-47
4. Тверская О.Н. Серия развивающих игр «Закладка»/О.Н. Тверская, Н.Н. Калинина.- Текст : непосредственный // Дошкольная педагогика.-2020.-№10.-С.43-46
5. Уварова Т. Б., Агаева В. Е. Логопедические технологии диагностики речевых нарушений у дошкольников. Учебное пособие. — М.: Инфра-М, 2022. — 219 с

Изучение эмоционального выгорания у матерей детей с расстройствами аутистического спектра.

Е.И. Жигэу

Международный свободный университет Молдовы, г.Кишинев, Молдова

e_jigau@mail,ru

Аннотация. *Анализируется проблема эмоционального выгорания у матерей детей с ограниченными возможностями здоровья, а именно, с расстройствами аутистического спектра, в сравнении с показателями матерей здоровых детей. Показано, что для матерей, ухаживающими за ребенком с ограниченными возможностями здоровья, состояние тревожности представляет собой существенную причину родительского выгорания. Профессиональная поддержка может быть важным звеном в системе психологической помощи родителям детей с расстройствами аутистического спектра.*

Ключевые слова: *ограниченные возможности здоровья, расстройства аутистического спектра, эмоциональное выгорание, тревожность, психологическая помощь.*

В настоящее время в обществе сложилась стойкая тенденция интенсивного роста количества детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) различного происхождения. Рождение в семье ребенка с ОВЗ сопровождается с встречей рядом серьезных и длительных трудноразрешимых проблем, оказывающих выраженное воздействие на психику родителей. Преодоление этих проблем сопряжено с сильным стрессом для всей семьи и особенно для матери, не может не отразиться на ее здоровье и психологических особенностях.

На сегодняшний день эмоциональное выгорание остается предметом научных дискуссий и исследований, выходит за рамки профессиональной сферы и приобретает особую актуальность в контексте вопросов профилактических мер и коррекционных работ с родителями детей с ОВЗ.

Распределения обязанностей между отцом и матерью, симбиотические связи ребенка с матерью, огромная нагрузка, отсутствие в необходимой мере поддержки со стороны государства и близкого окружения приводит к повышенному нервно-психическому напряжению именно матери. Испытываемые ими негативные эмоции часто не осознаются либо подавляются, что приводит к напряжению и истощению нервной системы, а, следовательно, к эмоциональному выгоранию.

Целью данной работы явилось изучение эмоционального выгорания матерей детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). Предполагалось, что эмоциональное выгорание матерей детей с РАС тесно связано с состояниями тревожности матерей.

В исследовании принимали участие 2 группы обследуемых: 25 матерей, воспитывающих детей с РАС и 25 матерей здоровых детей. Возраст детей - от 2 до 10 лет.

В качестве диагностического инструментария использовались: методика «Анализ семейной тревоги» (Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис), «Шкала тревоги Спилбергера-Ханина», методика «Родительское выгорание» (И.Н. Ефимова).

В результате исследования было выявлено, что показатели родительского выгорания, уровни ситуативной и личностной тревожности, показатели общесемейной тревожности значимо выше у матерей детей с ОВЗ. Также они чаще характеризуются родительским выгоранием, с высокой степенью эмоционального истощения. Высокие показатели деперсонализации и редукции родительских успехов также наблюдаются у матерей из этой выборки. Средние уровни ситуативной и личностной тревожности у матерей детей с ОВЗ выше, чем у матерей со здоровыми детьми, что вытекает из объективных сложностей в развитии детей с особенностями здоровья и в ежедневном уходе за ними. Уровень семейной тревожности выше в группе матерей детей с ОВЗ (10,12), чем в группе матерей со здоровыми детьми (3,48). Более того, высокий уровень семейной тревожности наблюдается исключительно в первой группе (у 36% выборки).

В исследуемой группе матерей детей с РАС выявлена значимая корреляция между проявлениями родительского выгорания и уровнем семейной тревожности, что позволяет сделать вывод, что у матерей, воспитывающих нездорового ребенка родительское выгорание в определенной мере зависит от внутрисемейной ситуации (во второй выборке показатели эти взаимосвязи несущественны).

Значимой также является связь ситуативной и личностной тревожности с симптомами родительского выгорания исследуемой группы – только редукция родительских успехов демонстрирует умеренную корреляцию с обоими видами тревожности, при этом эмоциональное выгорание и деперсонализация в большой степени зависит от ситуативной и личностной тревожности. Следовательно, для матерей, ухаживающими за ребенком с ограниченными возможностями здоровья, состояние тревожности представляет собой существенную причину родительского выгорания. В каждой из исследуемых групп редукция родительских достижений негативно связана с тревожностью, однако, у матерей ребенка без

ОВЗ она меньше. Таким образом, при родительском выгорании тревожные матери в каждой из групп не предрасположены ощущать собственную несостоятельность и отсутствие родительских навыков, обесценивать свою родительскую деятельность и опускать планку самооценки как родителя. Таким образом, тревожность матерей детей с ОВЗ тесно связано с ее эмоциональным выгоранием.

В настоящее время отмечается значительное увеличение числа детей с РАС – одним из самых сложных и загадочных нарушений психического развития. Став взрослыми, примерно 60% таких детей оказываются полностью зависимыми во всех аспектах жизни. Однако показано, что постоянная квалифицированная помощь способствует положительным изменениям в состоянии детей, их социализации. И то, насколько работа с ребенком будет слаженной, интенсивной, эффективной, во многом обусловлена психологическим и эмоциональным состоянием его родителей, уровнем их активности.

В целом, непрерывная, комплексная, профессиональная поддержка является важным звеном в системе психологической помощи родителям детей с расстройствами аутистического спектра, и способствует улучшению организации их поведения и социализации.

Обучение матерей способам взаимодействия с их слепыми младенцами

Т.П. Кудрина
ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики», Москва, Россия
koudrina@ikp.email

Аннотация. *Трудности, с которыми сталкиваются матери при взаимодействии со своими слепыми детьми, могут быть преодолены в процессе обучения специальным коммуникативным умениям. В статье представлена последовательность работы педагога с матерями слепых младенцев, которая включает мотивирование матери на освоение коммуникативных умений, определение содержания коммуникативных трудностей путем их визуализации и анализа, формирование у матери необходимых коммуникативных действий.*

Ключевые слова: *слепой ребенок, младенец, коммуникативное поведение, коммуникативные действия, общение, обучение матери, психолого-педагогическая работа.*

В исследованиях последних лет в области тифлопсихологии и тифлопедагогики определены основные причины нарушения психического развития слепых младенцев. Первой и самой главной причиной является несоответствие способов взаимодействия матерей сенсорным возможностям младенцев и их возрастным потребностям (Айвазян Е.Б., 2022; Кудрина Т.П., 2016; Разенкова Ю.А., 2017). Матери общаются с их слепыми детьми традиционными способами – так же, как это делают матери зрячих младенцев: они ласково смотрят на ребенка, улыбаются, обычно находятся на расстоянии вытянутой руки до лица ребенка, много разговаривают. Такое поведение матери практически не приводит к желаемому результату – активному ответному поведению ребенка, которое было бы им понятно. Матери начинают испытывать разочарование, тревогу и бессилие. С другой стороны, коммуникативное поведение слепых детей отличается от поведения зрячих сверстников. В отсутствие возможности зрительного контакта младенцы по-другому выражают свое внимание к воздействиям матери: длительно сосредоточиваются, напрягаются, не улыбаются и отворачивают лицо в сторону от лица матери – поворачиваются к ней ухом. Такое поведение слепых младенцев может быть оценено матерью как «отказ от общения» (Кудрина Т. П., 2019). Традиционное поведение матери при взаимодействии со слепым ребенком и отличающиеся от ожидаемых зрячими взрослыми способы коммуникации слепых младенцев порождают трудности в общении как у родителей, так и у их детей.

Исследования показали, что вызвать активное коммуникативное поведение младенца можно лишь при наличии у матери определенных коммуникативных действий. Однако, самостоятельно найти эффективные способы общения матери слепых детей не могут (Айвазян Е. Б., 2022; Кудрина Т. П., 2016, 2017; Разенкова Ю. А., 2017).

Изучение условий развития общения у слепых детей позволило определить перечень необходимых коммуникативных умений, использование которых неизменно приводит к желаемому результату – устойчивой активности ребенка в общении. Мать так должна расположиться, чтобы слепой ребенок мог ощущать направленности ее действий, понимал их адресацию и воспринимал намерения матери к общению с ним. Мать должна так обратиться к ребенку, чтобы он проявил интерес к взаимодействию, побудить его к общению и поддержать установившийся контакт, опираясь на его уровень активности и его сенсорные возможности. Мать должна уметь предложить такие игры или коммуникативные ситуации, которые были доступны ребенку для понимания и применения его способностей. Каждое умение включает в себя несколько основных действий. Эти действия обеспечивают:

- доступность восприятию слепого младенца самого взрослого и его коммуникативных сигналов, адресованных ребенку;
- возможность проявлять коммуникативную активность, адресованную взрослому;
- приобретение ребенком опыта успешности в инициировании общения.

Таким образом, в процессе психолого-педагогической работы с семьей слепого ребенка фокусом внимания специалиста–тифлопедагога становится обучение матери необходимым коммуникативным умениям: мать должна уметь, учитывая сенсорные возможности младенца: организовывать пространство общения, побуждать ребенка к общению, поддерживать установившийся контакт, завершать его при первых признаках утомления ребенка, придавать общению такое содержание, которое бы соответствовало потребностям ребенка.

Нами была разработана система обучения матери, которая включает в себя:

- мотивирование матери на освоение коммуникативных умений,
- визуализацию коммуникативных трудностей у матери и ребенка и их анализ,
- формирование у матери коммуникативных действий.

Первой задачей является мотивирование матери на обучение коммуникативным умениям. Для решения этой задачи педагог раскрывает матери значимость общения в жизни ребенка, дает ей знания об общении как важнейшем условии психического развития ребенка. Приемами обучения служат беседы, информирование, показ видеоматериалов из архива, собранного педагогом, с «хорошим» взаимодействием, в котором слепой ребенок ярко проявляет свою коммуникативную активность, а мать получает удовлетворение от общения. Результатом работы педагога является осознание матерью, что каждодневные, даже самые простые и привычные ситуации взаимодействия, являются для ребенка ресурсом психического развития, но только при условии учета его специфических сенсорных возможностей и возрастных потребностей. Осмысление общения с взрослым как главной потребности в младенческом возрасте, удовлетворение которой реализует задачи психического развития слепого ребенка, позволяет побудить мать к изменению ее привычного коммуникативного поведения, а доступность способов достижения поставленных целей силами самих родителей (всех взрослых, участвующих в воспитании слепого ребенка), воодушевляет и мотивирует мать к обучению (Одинокова Г. Ю., 2016).

Вторая задача обучения связана с выявлением трудностей матери при общении с ребенком в процессе анализа видеоматериалов ситуаций взаимодействия. Ее решение невозможно без умения наблюдать за происходящим, вычленять отдельные феномены, квалифицировать их и оценивать. Поэтому значительной частью обучения матерей стал методический прием *совместного с педагогом анализа видеоматериалов взаимодействия в паре «мать-ребенок»*. Методика предполагает анализ специально подготовленных (отснятых

педагогом во время занятий или отобранных им из домашнего видеоархива семьи) материалов взаимодействия матери со своим ребенком. Основой для психолого-педагогической работы служит специальная *схема анализа взаимодействия*, в которой выделены «фокусы» анализа и сформулированы параметры оценки и критерии квалификации наблюдаемых поведенческих феноменов (Айвазян Е. Б. и др., 2018; Выродова И. А., 2011; Кудрина Т.П., 2018; Разенкова Ю. А., 2017). Основными «фокусами» внимания является выделение и квалификация пространственно-временных, динамических и содержательных характеристик взаимодействия, анализ поведения ребенка в ситуациях общения, анализ и квалификация различных паттернов материнского поведения во взаимодействии с ребенком. Для этого матерям сначала предъявляются видеофрагменты, дающие возможность представить эпизод общения как *структурно* выстроенное взаимодействие, имеющее динамику: начало, содержательное продолжение и завершение. Затем работа направляется на выделение и квалификацию коммуникативных действий как ребенка, так и матери. Совместный с педагогом анализ видеоматериалов позволяет матери не только видеть собственные действия, но и обнаруживать их взаимосвязь с коммуникативными проявлениями младенца, а также выявлять причины того или иного поведения ребенка при взаимодействии. Результатом такой работы является осознание матерью своих коммуникативных ресурсов в случае благоприятного разворачивания эпизода общения или дефицитов в ситуациях неудачи. Обнаружение и осознание причин трудностей в общении позволяет педагогу подготовить мать к решению следующей задачи обучения.

Третья задача обучения матери решается с применением методики по формированию коммуникативных действий, состоящей из пяти шагов. Анализ поведения матери в ситуациях общения с младенцем позволяет определить перечень коммуникативных действий, которые предстоит освоить матери. Психолого-педагогическая работа по формированию каждого из них проходит в следующей последовательности:

1. Подготовка матери к пониманию назначения и содержания коммуникативного действия.
2. Моделирование опыта матери в новых сенсорных условиях.
3. Изолированное освоение действия в специально организованных условиях.
4. Включение коммуникативного действия в практику взаимодействия с ребенком.
5. Оценка результатов действия матери на основе критерия эффективности – ответного действия младенца (Кудрина Т. П., 2016; 2017).

Первым шагом является подготовка матери к пониманию назначения и содержания коммуникативного действия. Матери разъясняется суть коммуникативного действия и его значение для общения со слепым младенцем. Педагог использует беседу, непосредственный показ действия или показ видеозаписи, на котором запечатлено необходимое коммуникативное действие. Если у матери возникают вопросы, педагог в ходе беседы-обсуждения уточняет информацию и предлагает матери составить собственное представление о коммуникативном действии через моделирование опыта в новых сенсорных условиях.

Второй шаг обучения представляет собой моделирование опыта в новых сенсорных условиях. Педагог создает ситуацию общения, в которой мать выступает в роли слепого младенца, а педагог в роли матери совершает осваиваемое коммуникативное действие. Мать получает максимум ощущений, которые может испытывать младенец от эффективного действия. В результате этого опыта у матери возникает понимание смысла осваиваемого коммуникативного действия и формируется представление о способах отражения свойств окружающей действительности в ситуации слепоты, которые заменяют зрительные.

Третий шаг обучения связан с изолированным освоением действия в специально организованных условиях, которое начинается с его показа способа выполнения. Педагог в «учебной» ситуации может демонстрировать «образец» действия изолированно от других, а в некоторых случаях – непосредственно в эпизоде своего общения с младенцем (например, когда нужно было показать «интонационно выделенное (адресное) обращение» или «тактильное подкрепление речевых средств воздействия»). В других ситуациях для

наглядности может быть использована кукла. Этот прием наиболее эффективен при демонстрации вариантов расположения ребенка и удобных для него поз. В обучении матери используются следующие методические приемы: замедление темпа движений при показе действия, неоднократное повторение педагогом «образца», показ с комментированием, видеосъемка матерью действий педагога (для последующего анализа и обсуждения). Усвоению матерью содержания коммуникативного действия происходит с использованием куклы или педагога в роли ребенка. Упражнение повторяется несколько раз, пока от матери не будет получена информация о ее уверенности применения действия и ее готовности действовать в непосредственной ситуации взаимодействия с ребенком.

Включение осваиваемого коммуникативного действия в практику взаимодействия с ребенком составляет содержание *четвертого шага* обучения. Мать в ситуации общения использует коммуникативное действие изолированно или в сочетании с ранее освоенными действиями с целью вызвать ответные действия у младенца. После выполнения действий мать отмечает, удалось ли ей вызвать ответное коммуникативное действие младенца. Эпизод взаимодействия снимается на видео для последующего анализа.

Умение матери определять результативность коммуникативного действия составляет содержание следующего, *пятого, шага* обучения. Оценка результатов действия матери на основе критерия эффективности – ответного действия младенца – осуществляется при анализе видеозаписи эпизода. При просмотре видеофрагмента мать называет все сигналы ребенка и указывает на те, которые квалифицирует как результат своего действия. В случае затруднения педагог указывает на них и аргументирует свою позицию. Результатом оценки эффективности коммуникативного действия служит ее умение придавать сигналам и реакциям ребенка коммуникативный смысл и поддерживать их в практике взаимодействия.

Обучение матери является новым содержанием помощи семье слепого младенца и представляет собой систему психолого-педагогической работы по формированию у матери коммуникативных умений. Освоение матерью способов взаимодействия, позволяют ей не только уверенно и эффективно общаться, учитывая сенсорные возможности и возрастные потребности ее слепого ребенка, но и создавать благоприятные условия для его психического развития.

Литература

1. Айвазян Е. Б. Исследование общения взрослого и ребенка первых лет жизни с ограниченными возможностями здоровья: методический инструментарий [Электронный ресурс] / Е. Б. Айвазян, Т. П. Кудрина, Г. Ю. Одинокова, Е. В. Орлова, Ю. А. Разенкова / Альманах Института коррекционной педагогики РАО. — № 32. — 2018. — Режим доступа : https://alldef.ru/ru/articles/almanac-32/a-study-of-adult-child-communication-the-first-years-of-life-with-disabilities-a-methodological-toolkit
2. Айвазян Е.Б. Культурно–исторический подход к исследованию психического развития слепых детей раннего возраста : дис. ... д–ра психол. наук : 5.3.8 / Айвазян Екатерина Борисовна. — М., 2022. — 284 с.
3. Выродова И.А. Взаимодействие ухаживающих взрослых с младенцами-сиротами в условиях дома ребенка : Монография / И. А. Выродова. — М. : Полиграф Сервис, 2011. — 252 с.
4. Кудрина Т. П. Общение матери и слепого младенца. Монография. / Т. П. Кудрина. — М. : Полиграф Сервис, 2016. — 166 с.
5. Кудрина Т. П. Предупреждение трудностей в общении матери и слепого младенца : методическое пособие [Электронный ресурс] / Т. П. Кудрина. — М. : ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики Российской академии образования». — Книжное приложение к Альманаху Института коррекционной педагогики РАО. — 2017. — № 32. — 58 с. — Режим доступа : https://alldef.ru/ru/view-the-file?fl=36&fi=jwfvaZvbnjejfxJ_BnH0NKRB0mRS928s

6. Кудрина Т. П. Формирование специальных коммуникативных умений у матерей слепых младенцев с опорой на анализ видеоматериалов / Т. П. Кудрина // Альманах Института коррекционной педагогики РАО. — 2018. — № 32. — Режим доступа: https://alldef.ru/ru/articles/almanac-32/the-formation-of-a-special-communicative-skills-of-mothers-of-blind-infants-based-on-the-analysis-of-video-data (дата обращения: 09.11.2019).

7. Кудрина Т. П. Феноменология коммуникативного поведения слепых детей первых лет жизни / Т. П. Кудрина // Дефектология. — 2019. — № 5. — С. 41—50.

8. Одинокова Г. Ю. Общение матери и ребенка раннего возраста с синдромом Дауна : монография / Г. Ю. Одинокова. — М. : Полиграф сервис, 2016. — 210 с.

9. Разенкова Ю. А. Трудности развития общения у детей раннего возраста с ограниченными возможностями здоровья : выявление, предупреждение и коррекция. Монография / Ю. А. Разенкова. — М. : Полиграф сервис, 2017. — 200 с.

Формируем у ребенка с ОВЗ навыки жизненной компетенции: опыт разработки рабочей тетради для родителей.

Е. М. Макарова
ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики», г. Москва, Россия
makarova@ikp.email

Аннотация. *В статье представлен опыт разработки и проведения просветительской программы для родителей по формированию у ребенка с ОВЗ навыков из сферы жизненной компетенции. Создана рабочая тетрадь для родителей, которая направлена на ознакомление и приобретение опыта поэтапного формирования у ребенка навыков жизненной компетенции. Материалы курса разработаны по результатам анализа данных, полученном во всероссийском опросе родителей, воспитывающих детей с ОВЗ.*

Ключевые слова*: дети с ОВЗ, жизненная компетенция, просвещение родителей.*

В процессе воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью важное значение имеет просветительская работа с родителями. Недостаточность специальных знаний об особенностях развития и воспитания детей с ОВЗ и инвалидностью, затруднения, которые родители испытывают в поиске ответов на насущные вопросы, выдвигают работу по психологическому просвещению на значимое место в организации помощи нуждающимся семьям.

Содержанием работы по просвещению родителей выбрана актуальная в настоящее время тема развития навыков жизненной компетенции у детей с ОВЗ. Жизненная компетенция определяется как способность адекватно и, насколько возможно, самостоятельно, решать актуальные житейские задачи (Инклюзивное и специальное образование…, 2020). В настоящее время научными исследованиями в данной области выделяется 5 направлений коррекционной работы, необходимой для формирования навыков жизненной компетенции (Малофеев Н.Н, 2010; Бабкина Н.В., Коробейников И.А., 2017, Бабкина Н.В., 2020, Федосеева А.М., 2023), а именно:

- развитие адекватных представлений о собственных возможностях и ограничениях;
- овладение социально-бытовыми умениями, используемыми в повседневной жизни;

- овладение навыками коммуникации;
- дифференциация и осмысление картины мира и ее пространственно-временной организации;
- осмысление своего социального окружения и освоение соответствующих возрасту системы ценностей и социальных ролей.

По материалам опроса родителей (Свидетельство о государственной регистрации…, 2023) выявлено, что родители детей с ОВЗ более всего ориентированы на развитие социально-бытовых умений, а также, в меньшей степени, на овладение ребенком навыками коммуникации и осмысления картины мира, в т.ч. ее пространственно-временной организации.

Формирование навыков, составляющих сферу адекватных представлений ребенка о собственных возможностях и ограничениях и осмысления своего социального окружения, освоения соответствующих возрасту системы ценностей и социальных представлений, родители не выделяют как значимые. Анализ представлений родителей о навыках жизненной компетенции показывает, что при самостоятельном описании навыков детей, родители не упоминают эти направления. Однако при выборе значимых для развития ребенка навыков из предложенных вариантов, навыки данных сфер вызывают наибольший отклик (Макарова Е.М., 2024).

По результатам анализа данных всероссийского опроса была разработана просветительская программа для родителей детей с ОВЗ.

Апробация данной программы проведена в рамках реализации проекта, направленного на формирование модели системы психолого-педагогической абилитации в комплексной реабилитации детей с ОВЗ, с инвалидностью на базе медицинского центра «Клязьма», филиала ФГБУ «Федерального научно-клинический центр медицинской реабилитации и курортологии ФМБА».

В рамках проекта в течение недели была выстроена работа по психологическому просвещению родителей по вопросам освоения ребенком навыков из сферы жизненной компетенции. Для родителей в рамках данного курса разработана «Тетрадь развития жизненных навыков».

Курс по ознакомлению родителей с навыками сферы жизненной компетенции и их формирования включал в себя выполнение заданий и ответы на вопросы в рабочей тетради, а также очную встречу, которая состояла прежде всего из разбора практических приемов формирования навыков жизненной компетенции в семье.

Тетрадь для знакомства родителей со сферой жизненной компетенции включала в себя следующие разделы:

1. общие сведения о ребенке;
2. знакомство родителя с навыками из сферы жизненной компетенции;
3. поэтапное формирование одного их навыков;
4. результаты очной встречи по анализу формирования навыков;
5. создание плана для продолжения работы в домашних условиях.

При знакомстве с навыками жизненной компетенции родителям было предложено:

- свободно описать те навыки, которые родители видят значимыми для жизни ребенка;
- заполнить анкету, состоящую из перечня навыков из всех сфер ЖК, с возможностью указать уровень его сформированности;
- сравнить и дополнить список навыков, необходимых для формирования у конкретного ребенка.

В разделе, направленном на формирование навыка, материалы были подобраны прежде всего с акцентом на сферы развития адекватных представлений ребенка о собственных возможностях и ограничениях, а также на осмысление своего социального окружения,

освоения соответствующих возрасту системы ценностей и социальных представлений. Родителям было предложено:

- выбрать несколько навыков, которые предложены в списке;
- описать условия, необходимые для формирования навыка и те ситуации, где навыки могут проявиться;
- заполнить дневник формирования навыка в течение нескольких дней.

В процессе заполнения этих разделов у родителя была возможность обратиться к консультанту.

В программу очного семинара были включены вопросы о подробном определении сферы жизненной компетенции как неотъемлемой части содержания образования для детей с ОВЗ, ее структуре и выделению наполняющих ее навыков. С родителями анализировались конкретные навыки в их практическом применении в условиях реабилитации и дома. Основное внимание было сфокусировано на вопросах условий, необходимых для формирования навыка, и тех ситуаций, где родитель может наблюдать проявления навыка.

Апробация предложенного подхода к ознакомлению родителей со сферой жизненной компетенции позволила сделать следующие выводы:

1. Тема развития навыков из сферы жизненной компетенции при первоначальном знакомстве не вызывает у родителей значимого интереса, однако при более детальном обсуждении навыков и процесса их формирования вовлеченность и заинтересованность родителей значимо увеличивается.
2. Необходимо представлять материалы данной темы с использованием максимально простой терминологии и подробных объяснений.
3. Родители отмечают большую практическую значимость обсуждения темы формирования навыков жизненной компетенции для развития и обучения в семье ребенка с ОВЗ.

Литература

1. Бабкина Н.В. Жизненные компетенции как неотъемлемая составляющая содержания образования детей с задержкой психического развития [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. – 2017. – Том 6. – № 1. – С. 138-156. Doi: 10.17759/psyclin.2017060109.
2. Бабкина Н. В., Коробейников И. А. Психологическое сопровождение ребенка с задержкой психического развития: монография – Москва: "Наука", 2020. – 213 с. – ISBN 978-5-02-040806-7
3. Инклюзивное и специальное образование: Международный словарь терминов / Н. Н. Малофеев, З. А. Мовкебаева, В. В. Хитрюк [и др.]. – Минск: БГПУ, 2020. – 103 с. – ISBN 978-985-541-820-8.
4. Макарова Е.М. Анализ представлений родителей о навыках из сферы жизненной компетенции в настоящем и будущем у детей с задержкой психического развития // Жизненные траектории личности в современном мире: социальный и индивидуальный контекст: сборник статей II Международной научно-практической конференции (Кострома, 18–19 апреля 2024 г.). – Кострома: Костромской государственный университет, 2024. – С.289-293 – ISBN 978-5-8285-1301-7
5. Малофеев Н. Н. Дети с отклонениями в развитии в общеобразовательной школе: общие и специальные требования к результатам обучения / Н. Н. Малофеев, О. С. Никольская, О. И. Кукушкина // Дефектология. – 2010. – № 5. – С. 14-20. – EDN MVIHLZ.
6. Свидетельство о государственной регистрации базы данных №2023624478 Российская Федерация. Представления родителей о содержании сферы жизненной компетенции детей с ограниченными возможностями здоровья: № 2023624251: заявл. 27.11.2023: опубл. 08.12.2023 / А. М. Федосеева, Н. В. Бабкина, Е. М. Макарова [и др.]; заявитель ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики»

7. Федосеева А. М. Социализация и формирование сферы жизненной компетенции подростков с задержкой психического развития в образовательном пространстве: Методическое пособие / А. М. Федосеева, Н. В. Бабкина. – Москва: Институт коррекционной педагогики, 2023. – 49 с. – ISBN 978-5-907593-48-0

Особенности родительской позиции в воспитании детей с нарушениями развития

Пленсковская А.А.
АНО НППЦ Туррион, Москва, Россия
parina31@mail.ru

***Аннотация**. Появление в семье ребенка с нарушениями развития стимулирует родителей к созданию особой траектории воспитания, что зачастую приводит к ряду искажений. В условиях переизбытка информации в семье формируются нереалистичные представления не только об особенностях развития ребенка, но и возможностях и ограничениях его воспитания. Статья посвящена особенностям родительской позиции в воспитании детей с нарушениями развития.*

***Ключевые слова:** дети с нарушениями развития, родительская позиция, воспитание.*

Особенности родительской позиции можно разделить на три группы: связанные с представлениями о реальном статусе ребенка, отношением к среде, представлениями о собственной роли в воспитании. (Туревская Р.А., 2023)

Представления о реальном статусе ребенка включают анозогнозию родителей по отношению к его особенностям, инвалидизацию и освобождение от ответственности. В случае анозогнозии ряд клинически значимых симптомов трактуется в контексте индивидуальных или семейных особенностей. Ожидания о достижениях ребенка с нарушениями развития автоматически выстраиваются в соответствии с возможностями типично развивающихся детей. Формируется разрыв между реальным статусом и способностями и ожиданиями родителей, что приводит к ситуации хронического неуспеха и дезадаптации ребенка в обществе. Для позиции *инвалидизации* свойственно преувеличение проблемных сторон в развитии и игнорирование ресурсов. (Туревская Р.А., Косарева Е.Н., 2013) В результате о ребенке формируются представления как о беспомощном, неспособном, требующем спасения, чему способствует инфантилизирующий стиль воспитания. В случае *освобождения от ответственности* возникает дихотомия: за позитивные поступки отвечает ребенок, за его негативные действия – родители или окружающие.

Родительская позиция по отношению к среде выражается через способ организации взаимодействия с социальной средой. Один из них – *защита от фрустраций*, поступающих извне. В таких условиях укрепляется симбиоз и инфантильная позиция ребенка. Другая стратегия связана со *снижением объема нагрузок до критического момента* при условии возможности выполнения требований. При переходе на новый этап развития обнаруживается разрыв между реальными способностями ребенка и актуальными задачами социализации. В отдельных семьях формируется *особое отношение к социальным правилам.* Возникает отказ от их выполнения, в результате чего с ребенка также снимается ответственность за нарушение социальных норм, а из процесса воспитания уходят санкции как таковые. В случае, когда применение санкций становится ведущей стратегией воспитания, формируется *модель принуждения*, негативным образом воздействующая на личностное развитие. Еще одна ошибка в данной группе – это *отсрочка оказания реальной помощи.* Сбор авторитетных мнений, часто противоречивых, усиливает тревогу и способствует развитию скептического отношения к проблеме, запуская новый цикл сбора информации и отодвигая момент получения необходимой ребенку помощи.

Представления родителей о собственной роли в воспитании связаны с особыми внутренними стандартами. Одним из таких стандартов является *строгое следование общепринятым нормам*. Достижения ребенка относительно своих результатов не представляют ценности, в то время как соответствие общему стандарту активно поощряется. В родительской позиции нередко прослеживается *стремление к идеальному образу*, чему сопутствует подмена существенного несущественным. Предлагаемые ребенку задачи имеют достойную цель, но не решают проблем возраста, связанных с социализацией и поиском своего места в обществе. Искажением родительской позиции также является *игнорирование собственной роли* в терапевтическом процессе. Для данной стратегии характерна готовность сопровождать процесс коррекционных занятий с ребенком и одновременное *отрицание необходимости вовлекаться лично*. Потребность в отрегулировании семейной системы воспринимается противоестественной. Искусство психологической работы в данном случае заключается в сочетании коррекционной работы с ребенком и повышении мотивации на изменения у родителей. (Туревская Р.А., Косарева Е.Н., Егоршева И.В., 2015)

Перечисленные особенности родительской позиции не существуют изолированно, а находятся в тесной взаимосвязи, формируя особую воспитательную среду. Для психологической работы в этом случае представляется эффективным системный подход, позволяющий не только обозначить мишени коррекции, но и повысить осведомленность о проблеме, а также мотивацию к изменению. Учитывая индивидуальность каждого случая, встает вопрос об исследовании эффективности стратегий психологического вмешательства, необходимости их настройки и более дифференцированного использования в каждом конкретном случае. (Туревская Р.А., 2018)

Литература

1. Туревская Р.А. Модели психологического консультирования в детской клинической практике. III Международная конференция по консультативной психологии и психотерапии, посвященная памяти Федора Ефимовича Василюка : консультативная психология: традиции и новации : сборник материалов [электронное издание]. – Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2023 - С.298-303.
2. Туревская Р.А. Эффективность поведенческих методов в психологической работе с семьями детей с отклоняющимся развитием. Сборник статей XXXII международной научно-практической конференции: 2 часть «Актуальные проблемы науки XXI века», г. Москва,30 апреля 2018: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень) 2 часть, – М.: Международная исследовательская организация "Cognitio", 2018. – с.25-34 ISSN: 5647 – 2412.
3. Туревская Р.А., Косарева Е.Н. Системный подход к исследованию симбиотических отношений в детском возрасте. Материалы Всероссийская юбилейная научно-практическая конференция «Теоретические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии (к 85-летию Ю.Ф. Полякова), состоявшейся 14-15 февраля 2013г, (в соавт.). /под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рощиной, С.Н.. Москва: ООО «Сам Полиграфист», 2013, с.178-179.
4. Туревская Р.А., Косарева Е.Н., Егоршева И.В. Личностно-ориентированный подход в системе сопровождения семей, воспитывающих детей с отклоняющимся развитием. Материалы VI –ой Международной конференции «Психологические проблемы современной семьи», МГУ им. М.В.Ломоносова. Федеральный проект «Крепкая семья», 2015, (в соавт.), с.1265-1281.

Ранние дезадаптивные схемы, режимы и восприятие родительства подростками с шизотипическим и депрессивным расстройствами

Н.А. Сирота, А.А. Шарифова, Е.А. Карчевская

Российский Университет Медицины, Москва, Россия
simson.roberta@inbox.ru

***Аннотация**. В работе проанализированы теоретические подходы к изучению депрессивного и шизотипического расстройств. Рассмотрена связь восприятия родительства у подростков с депрессивным и шизотипическим расстройствами с ранними дезадаптивными схемами, режимами, посвященные данной тематике.*

Было проведено эмпирическое исследование, посвященное выявлению стиля родительства, ранних дезадаптивных схем и режимов у подростков с депрессивным, шизотипическим расстройствами и условно здоровых подростков.

***Ключевые слова:** ранние дезадаптивные схемы, режимы, восприятие родительства, шизотипическое расстройство, депрессивное расстройство*

Введение. Ведущей проблемой является качество жизни, условия воспитания подростков. Целью исследования являлось изучение связи ранних дезадаптивных схем, схема-режимов и стиля родительства у подростков с депрессивным, шизотипическим расстройствами и условно здоровых подростков. В ходе эмпирического исследования были использованы психодиагностические методики, направленные на изучение позитивных родительских схем, ранних дезадаптивных схем, режимов.

Материалы и методы. Диагностика Ранних дезадаптивных схем Дж. Янга (адаптация Касьяник П.М., Романова Е.В. 2013г); Диагностика Схема-режимов Дж. Янга (адаптация Касьяник П.М., Романова Е.В, 2013г); Опросник Схем Позитивного Родительства (адаптация Ялтноская А.В., Марьясова Д.А., Миракян М.Р., Карякина Е.П., Видавска-Руснака).

Результаты. Проведенное исследование выявило, что тема покинутости является общей у подростков с депрессивным и шизотипическим расстройствами, при этом подростки с шизотипическим расстройством так же выражено испытывают чувство дефективности, стыда и социальной отчужденности. Использование родителями всех позитивных родительских схем позитивно влияет на минимизацию карающий паттернов у подростков с депрессивным расстройством. А вот гиперактивация позитивных родительских схем со стороны отца могут активировать чувство привилегированности у условно здоровых подростков.

Заключение. Исследование ранних дезадаптивных схем, режимов показало взаимосвязь между их проявлением в психосоциальной парадигме, стилем родительства и критериями данных расстройств. Дальнейшие исследования необходимы для более полного изучения влияния родительских схем на схемы и режимы подростков с депрессивным и шизотипическим расстройствами, а также и условно здоровых подростков. Изучив их, мы можем модулировать негативные аффекты, минимизировать страдания, достигнуть высшего терапевтического эффекта в контексте взаимоотношений родителей и подростков.

Литература

1. Карабанова Ольга Александровна Позитивное родительство - путь к сотрудничеству и развитию // Педагогическое образование в России. 2015. №11.
2. Контекстуальная схематерапия Э. Рёдигер, 2021
3. Abbott G, Byrne LK. Schizotypal traits are associated with poorer identification of emotions from dynamic stimuli. *Psychiatry Res.* 2013
4. Advances in Cognitive Theory and Therapy: The Generic Cognitive Model, Aaron T. Beck and Emily A.P. Haigh. 2014
5. Asami T, Whitford TJ, Bouix S, et al. Globally and locally reduced MRI gray matter volumes in neuroleptic-naive men with schizotypal personality disorder: association with negative symptoms. *JAMA Psychiatry.* 2013

6. Balsamo, M., Carlucci, L., Sergi, M. R., Murdock, K. K., & Saggino, A. The mediating role of early maladaptive schemas in the relation between co-rumination and depression in young adults. 2015
7. Biological, Psychological, and Social Determinants of Depression: A Review of Recent Literature Olivia Remes, João Francisco Mendes and Peter Templeton. 2021
8. Bishop, A., Pilkington, P., & Younan, R. Early maldaptive schemas and depression in adulthood: A systematic review and meta-analysis. 2020
9. Brinker, J., & Cheruvu, V. K. Social and emotional support as a protective factor against current depression among individuals with adverse childhood experiences. 2017
10. De Raedt R, Koster EHW. Understanding vulnerability for depression from a cognitive neuroscience perspective: A reappraisal of attentional factors and a new conceptual framework. *Cogn Affect Behav Neurosci.* 2010
11. Disease and Injury Incidence and Prevalence Collaborators. Global, regional, and national incidence, prevalence, and years lived with disability for 328 diseases and injuries for 195 countries, 1990–2016: a systematic analysis for the global burden of disease study. 2016
12. Donaldson C, Lam D, Mathews A. Rumination and attention in major depression. *Behav Res Ther.* 2007
13. Emotional Schema Therapy, R. Leahy. 2018
14. Genetics, Cognition, and Neurobiology of Schizotypal Personality: A Review of the Overlap with Schizophrenia. 2013
15. Hawke, L. D., & Provencher, M. D. Schema Theory and Schema Therapy in Mood and Anxiety Disorders: A review. Journal of Cognitive Psychotherapy. 2011
16. Herman, J. L. Shattered shame states and their repair. The John Bowlby Memorial Lecture 2007.
17. Investigating schema therapy constructs in individuals with depression. Barbara Basile, Katia Tenore, Francesco Mancini, Steven Richfield. 2018
18. John P. Louis, Adam T. Davidson, George Lockwood, Alex Wood // Positive Perceptions of Parenting and their Links to Theorized Core Emotional Needs // Springer Science+Business Media, LLC, part of Springer Nature. 2020
19. John P. Louis, Alex M. Wood and George Lockwood Assessment // Development and Validation of the Positive Parenting Schema Inventory (PPSI) to Complement the Young Parenting Inventory (YPI) for Schema Therapy. 2018
20. Joorman, J. Cognitive aspects of depression. In I. Gotlib, editor; and C. Hammen, editor. (Eds.), *Handbook of Depression. 2008*
21. Khosravania, V., Mohammadzadeh, A., & Oskouyi, L. S. Early maladaptive schemas in patients with schizophrenia and non-patients with high and low schizotypal traits and their differences based on depression severity. Comprehensive Psychiatry. 2018
22. National Research Council (US) and Institute of Medicine (US) Committee on Depression, Parenting Practices, and the Healthy Development of Children; England MJ, Sim LJ, editors. 2009
23. Renner, F., Arntz, A., Peeters, F. P. M. L., Lobbestael, J., & Huibers, M. J. H. Schema therapy for chronic depression: Results of a multiple single case series. Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry. 2016
24. Schizotypal Personality Disorder: A Current Review Daniel R. Rosell, M.D., Ph.D,1,2 Shira E. Futterman, Psy.D,Antonia McMaster, B.A, and Larry J. Siever, M.D. 2013
25. Schizotypal personality models Green, Melissa; Boyle, Gregory; Raine, Adrian 2013
26. Schore, A. N. Forging Connections in Group Psychotherapy Through Right Brain-to-This article is protected by copyright. All rights reserved. Right Brain Emotional Communications. Part 1: Theoretical Models of Right Brain Therapeutic Action. Part 2: Clinical Case Analyses of Group Right Brain Regressive Enactments. International Journal of Group Psychotherapy 2020
27. Seligman, M.E.P., Reivich, K., Jaycox, L., and Gillham, J. *The Optimistic Child*. 1995

28. Sheinbaum T, Kwapil TR, Barrantes-Vidal N. Fearful attachment mediates the association of childhood trauma with schizotypy and psychotic-like experiences. 2014
29. Social and physical factors related to depression in the older population of Siberia, Russia: a cross-sectional study Georg von Fingerhut, Katsuyoshi Mizukami, Dorothy Yam, Konstantin Makarov, Yuriy Kim, Elena Kondyurina and Lyudmila Yakovleva. 2020.
30. Velikonja T, Fisher HL, Mason O, Johnson S. Childhood trauma and schizotypy: a systematic literature review. 2015
31. Wetherall, K., Robb, K. A., & O'Connor, R. C. Social rank theory of depression: A systematic review of self-perceptions of social rank and their relationship with depressive symptoms and suicide risk. Journal of Affective Disorders. 2019

Психологическое и организационное сопровождение работы групп взаимоподдержки для родителей, воспитывающих детей с овз

Л.В. Токарская
федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет», Екатеринбург, Россия
liydmil@mail.ru

Аннотация. *В тексте представлены результаты теоретической и практической работы по определению особенностей создания и сопровождения работы групп взаимоподдержки для родителей, воспитывающих детей с ОВЗ. Уточнены ключевые аспекты работы групп, в том числе: формирование инициативной группы, уточнение целей, вопросов финансирования, определение тематики встреч, организация досуга детей, профессиональное сопровождение и др. Описаны результаты профессионального сопровождения таких групп в России и Узбекистане.*

Ключевые слова: *группы взаимоподдержки, родители, ограниченные возможности здоровья*

В настоящее время вопросы психолого-педагогического сопровождения детей с особыми образовательными потребностями и их семей со стороны профессионального сообщества, изучены достаточно глубоко. Однако, проблема реализации проектов, связанных с группами взаимоподдержки, представлена пока недостаточно. Необходимо определить методологию создания таких групп, их цели, порядок работы, особенности профессионального сопровождения и др.

В случае, когда родители, воспитывающие детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), не готовы обратиться к психологам или не могут этого сделать, а также, понимают, что помимо профессиональной помощи, они нуждаются в поддержке тех, кто находится в сходной ситуации, начинают создаваться группы взаимоподдержки.

Одной из целей реализации таких групп становится формирование у родителей такого личностного качества, как адаптивность, то есть, способность самостоятельно достигать относительного равновесия в отношениях с собой и окружающими, в различных жизненных ситуациях. Это становится возможным при принятии жизни (и себя как ее части) во всех проявлениях, обретении относительной автономности и готовности меняться во времени, менять условия своей жизни — стать ее автором и творцом.

К группам взаимоподдержки (Германия, 2012) относятся небольшие группы лиц, добровольно участвующие в беседе, желающие вместе преодолеть проблему, работающие самостоятельно, как правило, не имеющие профессионального руководителя (Петрова А., 2017). Такие группы заинтересованы в активной и продолжительной работе, встречаются регулярно и в определенное время.

Существуют различные виды групп взаимоподдержки, которые объединяют людей со сходными трудностями, зависимостями, заболеваниями и др. При этом, под взаимоподдержкой понимается взаимная поддержка, помощь, оказываемая друг другу (Ефремова Т.Ф., 2000).

Несмотря на то, что современное общество стремиться стать все более толерантным, зачастую родители, воспитывающие детей с ограниченными возможностями здоровья, продолжают сталкиваться если не с отторжением и осуждением, то с попыткой «не заметить» и игнорировать. Даже в своей семье, они могут видеть подобное отношение, могут не быть готовыми обсуждать дома свои переживания и чувства, что порождает необходимость поиска тех, кто на взгляд родителей действительно мог бы их понять, кто также как они «стигматизирован», обрести социальность. Традиционно, выделяются такие универсальные характеристики социальности, как «взаимозависимость», «взаимообусловленность», «совместное бытие людей», т. е. в качестве основной детерминанты признается общий смысл совместного бытия некоторой социальной общности, в том числе общности родителей, воспитывающих детей с ОВЗ (Шмерлина И.А., 2009, с. 137–151). Они находятся вместе какое-то время, влияют друг на друга, могут становиться взаимозависимыми, благодаря оказываемой друг другу поддержке. При этом, если опираться на позицию Баклановой О.А. о социальности, как единстве четырех измерений, отражающих особенности протекания социальных процессов и формирования социальных явлений: биологических, социальных, культурных и психологических, можно обнаружить по крайней мере существование трех из них в контексте групп взаимоподдержки (Бакланова О.А., 2013).

Группы родителей в России есть, хотя они и немногочисленны. Как правило, они организуются достаточно спонтанно, благодаря инициативе одного родителя или небольшой группы. При этом, в ситуации отсутствия описанной методологии и условий создания таких групп, родители тратят значительные ресурсы на продумывание различных аспектов их функционирования.

К ключевым условиям создания групп взаимоподдержки можно отнести:

1. Наличие *инициативной группы*, готовой посвятить часть своего времени решению организационных и иных вопросов. В том числе, того, кто будет обеспечивать взаимодействие с органами власти. Даже в ситуации предполагаемого равноправия и общей ответственности членов группы, особенно в самом начале большая часть работы ложится на плечи ее основателей. В связи с этим, значимо сразу распределить задачи и степень ответственности между всеми участниками.
2. Наличие *общей цели* создания группы является одним из самых значимых вопросов, обеспечивающих стабильность ее функционирования. Так, важно, когда каждый член группы знает, что он хочет сделать лично для себя и осознает, что достичь этого можно только при наличии единомышленников, понимая, что «только ты один — можешь, но ты не можешь — один» (М. Л. Мовлер) (Петрова А., 2017). Среди наиболее часто встречающихся целей: организация общения родителей; социализация детей; продвижение общих идей, например, инклюзии, сопровождаемого проживания; стремление поделиться опытом; организация совместной деятельности, в том числе с коммерческими целями и др.
3. Наличие *помещения* в случае, если встречи будут проходить в *очном формате*, хотя в настоящее время часть из них может реализовываться *онлайн*. В связи со сложностями получения доступа в помещения государственных и муниципальных образовательных организаций, их могут предоставлять и коммерческие центры, ориентированные на работу с детьми с ОВЗ. При этом, плата может не взиматься, а такая аренда рассматривается центром, как способ дополнительной рекламы, поскольку на встречи могут приходит не только действующие клиенты; а также возможность представления дополнительных бесплатных услуг тем родителям, чьи дети уже посещают центр. Кроме того, в последние годы, такие центры зачастую открываются и под руководством самих родителей, воспитывающих детей с ОВЗ.

4. *Финансирование проекта* при необходимости, в том числе для аренды помещения, найма няни для детей на время работы группы, включения в работу профессионалов, обеспечения материалами для занятий, кофе-брейков и др.

5. *Организация досуга детей* на время работы группы, если это не может быть обеспечено в семье. При этом, если группы будут организованы на базе образовательной организации, дети будут заняты. В других ситуациях, кто-то из родителей может находиться с детьми, но одним из наиболее удачным удачных вариантов может стать присутствие няни или волонтера (например, из числа студентов психологических направлений подготовки). На каких-то встречах родители могут присутствовать с детьми если тема будет предполагать совместное взаимодействие.

6. *Понимание особенностей ведения встречи, техник беседы, содержания работы.* Поскольку группа взаимоподдержки это то место, где люди могут делиться очень личными переживаниями, на встречах должна быть обеспечена безопасная и благоприятная атмосфера. Для того, чтобы общение в группах взаимопомощи было безопасным для участников и обеспечило каждому возможность высказаться, необходимо договориться об определенных простых правилах, таких как, своевременность прихода на встречу, выключение мобильных телефонов, конфиденциальность, уважение права каждого на высказывание, использование «я-высказываний», безоценочное отношение к ситуациям и людям и др.

7. Решение вопроса о необходимости *профессиональной поддержки* со стороны специалистов-психологов. Особенно актуальным это будет при определении новых жизненных смыслов, содержания и перспектив, а также при обучении навыкам уверенного взаимодействия с социальными и образовательными институтами, окружающим социумом. Эта поддержка может быть необходима на начальных этапах работы группы или при возникновении сложных, конфликтных ситуаций. Возможно, что специалист будет осуществлять курирование работы группы взаимоподдержки в течение всего периода ее существования. Вопрос профессионального сопровождения является крайне актуальным, поскольку, если изначально родители могут считать, что в этом нет необходимости, встречаясь чаще, озвучивая трудности, с которыми они сталкиваются ежедневно, участники могут начать понимать, что есть проблемы, решение которых возможно только во взаимодействии со специалистами.

8. Определение *тематики встреч, их последовательности и частоты*. Безусловно, встречи будут более эффективными, если они будут проходить с определенной частотой, однако, на наш, взгляд, как очень редкие, так и слишком частые встречи могут снизить посещаемость и эффективность работы групп.

9. Уточнение *формата работы группы* – будет ли она закрытой или открытой для появления новых участников, каким образом будет осуществляться информирование о работе группы и приглашение других родителей. Наиболее оптимальным для этого в настоящее время становится использование мессенджеров и социальных сетей.

В перспективе, в случае стабильной работы группы, развития ее идей, возможно появление отдельных групп, например, для сиблингов или прародителей, которые также нуждаются в поддержке с учетом специфики их переживаний и вовлеченности в ситуацию.

В 2020 году в Екатеринбурге была создана группа взаимоподдержки в период введения ограничительных мероприятий в связи с пандемией Ковид-19, когда родители были ограничены в контактах и находились длительное время дома с детьми. Организаторами стали мамы, сопровождающие своих детей в качестве тьюторов в ГБОУ СО «Екатеринбургская школа № 4». С этого же времени нами осуществлялось профессиональное сопровождение работы группы.

Вначале она была организована в онлайн формате, что не требовало специальных ресурсов. Однако после снятия ограничительных мероприятий, встречи стали проходить очно. В связи с этим возникла необходимость решения вопросов по поиску помещения, присмотру за детьми, приглашению специалистов, поскольку такой запрос был сформулирован

участниками. Если вначале родители интересовались темами, касающимися воспитания детей, то со временем они заявили о необходимости поддержки и их самих. В связи с этим, был организован онлайн опрос для уточнения потребностей участников группы, организованы занятия, включающие арттерапевтические техники, вокалотерапию, поведенческие тренинги и др. К работе привлекались профессиональные психологи и студенты департамента психологии ФГАОУ ВО «УрФУ», прошедшие специальные тренинги. В ряде случаев родители обращались за индивидуальными консультациями. В настоящее время появилась идея планирования работы группы на весь учебный год.

Весной 2024 года поступил запрос на консультирование участников группы взаимоподдержки в Самарканде (Узбекистан). Эта группа функционирует уже около 8 лет и организована бабушкой ребенка с ОВЗ. Родители совместно с детьми встречаются практически каждую субботу, готовят вместе плов и другие блюда, общаются. Группа функционировала без профессионального сопровождения, с опорой на инициативу и финансирование ее инициатора. Участниками группы был сформулирован запрос на освещение в ходе консультаций темы поддержки сиблингов и родителей. Встречи проходили в онлайн формате, встретили большой отклик и желание родителей продолжать взаимодействие. Участники не имели ранее опыта обращения к специалисту-психологу для решения своих трудностей. При этом, особое внимание мы обращали на то, чтобы учесть в работе культурные и религиозные традиции участников группы.

На основании более чем четырехлетнего опыта профессионального сопровождения группы взаимоподдержки, нами был сформулирован ряд тезисов:

- участниками групп для родителей как в России, так и в Узбекистане в основной массе являются матери детей с ОВЗ (из 53 человек только двое отцов);

- несмотря на доступность бесплатной помощи со стороны специалистов, принимающую атмосферу и поддержку, нами отмечается не очень высокая посещаемость встреч со стороны родителей, что обусловлено (по результатам опроса) проблемами с тем, как оставить ребенка; приоритетностью, на взгляд родителей, участия в садово-огородных работах; неактуальностью некоторых тем; несогласием супруга даже на кратковременное расставание с семьей; нежеланием тратить время на себя, отнимая его у ребенка и др.;

- существование групп взаимоподдержки может стать не только способом получения психологической поддержки для ее участников, со временем, это становится путем получения контактов специалистов разных направлений, а также возможностью обрести дружеские связи;

- для образовательных организаций авторитетный руководитель группы может стать своего рода медиатором в случае возникновения конфликтных ситуаций с родителями обучающихся и воспитанников;

- необходимо учитывать культурные, религиозные и иные особенности участников группы;

- возможно, появление таких групп в нашей стране становится определенным способом компенсации «расширенной семьи», в которой люди проживали в прошлом (когда в одном доме жило несколько поколений семьи) и оказывавшей поддержку всем ее членам (данный тезис требует, однако, уточнения).

В настоящее время родительская общественность представляет собой достаточно большую и активную общность людей, способных влиять на положение их детей в обществе. Безусловно, существование групп взаимоподдержки не может и не должно заменить профессиональную помощь, однако они представляют собой значимый ресурс, требующий дальнейшего изучения и развития. В ряде случаев, на наш взгляд, работа таких групп может стать первым шагом на пути к созданию некоммерческих организаций или иных официально оформленных структур.

Проведенная работа по уточнению оснований работы групп взаимоподдержки, позволила определить не только теоретические, но и прикладные аспекты. В том числе: структуру встреч, включение в работу других членов семьи, проблематику, особенности

участия в работе специалистов и студентов, необходимость учета культурных и религиозных особенностей ее членов и др.

Литература

1. Бакланова О. А. Социальность как проблема социальной философии // Философия права. 2013. № 5. С. 62-65.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. 2000, 1232 с.
3. Петрова А., Линцен Л., Гаврилова С. Необычные родители. Пособие по взаимопомощи для родителей людей с особыми потребностями // Скифия, 2017, 112 с.
4. Шмерлина И. А. Социальность и проблема смысла: к выработке междисциплинарного понятия // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21. № 3. С. 137-151.

Психолого-педагогическое сопровождение семьи как условие формирования жизненной компетенции ребенка и подростка с ЗПР

А.М. Федосеева
Институт коррекционной педагогики, Москва, Россия
fedoceeva@ikp.email

Аннотация*. В докладе обсуждается проблема формирования сферы жизненной компетенции родителями детей и подростков с ЗПР. Проводится анализ понятия «жизненная компетенция» в отечественной коррекционной педагогике и психологии, его отличия от понятия жизненные (социальные) навыки и социальная компетентность, используемые в зарубежных исследованиях. Выделяются основные противоречия, составляющие суть проблемы формирования сферы жизненной компетенции у детей и подростков с ЗПР.*

Ключевые слова: *жизненная компетенция, сотрудничество семьи и образовательного учреждения, просвещение родителей, дети и подростки с ЗПР.*

Выделение в федеральных образовательных документах как целевого ориентира - формирование жизненной компетенции (Приказ…, 2022) ставит серьезную задачу перед системой психолого-педагогического сопровождения: организации просвещения родителей детей и подростков с ОВЗ. Сформировать навыки из сферы жизненной компетенции исключительно в пространстве образовательного учреждения – невозможно, эта задача требует объединения усилий педагогического коллектива и семьи ученика.

Термин «жизненная компетенция», в настоящее время оказавшийся в фокусе внимания в отечественной коррекционной психологии и педагогики, не является новым, поскольку программы развития жизненных (социальных) навыков и социально-бытовых навыков в специальном (коррекционном) образовании существуют уже несколько десятилетий. В педагогике известны программы развития гибких навыков (Пинская М.А., Михайлова А.М., 2019), в психолого-педагогическом сопровождении программа “Жизненные навыки” (Кривцова С.В., 2019), разработаны программы развития social competence и life skills в зарубежной практике психолого-педагогического сопровождения (Gresham F.M., Elliott, S.N., 1990).

Жизненная компетенция – это многоуровневая категория, которая формируется на протяжении всей жизнедеятельности человека, и включает знания, умения, навыки, способы деятельности, социальный опыт, ценностные ориентиры, которые необходимы человеку для ***максимально возможной независимой и самостоятельной*** жизнедеятельности (Инклюзивное и специальное образование…, 2020). Жизненная компетенция как совокупность адекватных способов решения задач повседневной жизни, требует

ориентировочной основы действия, для присвоения которой достаточно практического уровня развития мышления; соответственно, такой ориентировкой способны овладеть дети с когнитивными дефицитами.

Но усвоение практических алгоритмов действий, с низким уровнем обобщения, которые ребенок с ОВЗ может самостоятельно применять, требуют посредничества взрослого, жизненная компетенция у них не формируется без осознанных усилий взрослого. В большинстве ситуаций именно совместное (совокупное) действие ребенка и взрослого позволяют присвоить жизненный навык (Федосеева А.М., Бабкина Н.В., 2023). Большое количество разнообразных ситуаций и задач, возникающих в повседневной жизни, и совместное со взрослым их разрешение приводит к формированию навыков из разных областей жизненной компетенции.

Все вышесказанное приводит к необходимости вовлекать родителей (и семью, в целом) детей с ОВЗ в сотрудничество с педагогами как коллег, членов педагогической команды. Родители должны знать о том, что такое жизненная компетенция, понимать возможности своего ребенка и возрастную динамику формирования разных областей жизненной компетенции, владеть навыками педагогического наблюдения и взаимодействия. Необходимость такого сотрудничества семьи и школы особенно остро переживается в ситуациях дошкольного образования, а также организации культурного досуга и отдыха детей. Особенной проблемой оказывается организация отдыха детей с ОВЗ (а зачастую и нормотипичных) в учреждениях санаторно-курортного типа именно вследствие несформированности у детей сферы жизненной компетенции.

Родители детей и подростков с ОВЗ должны не просто осознавать важность формирования сферы жизненной компетенции, но и понимать, что является ее содержанием. Исследование, проведенное Макаровой Е.М. (Макарова Е.М., 2024) показывает, что представления большинства родителей о содержании сферы жизненной компетенции не выходят за рамки социально-бытовых навыков. Главная забота родителей – безопасность ребенка, но процент подростков, вовлеченных в асоциальные сообщества и подростков, косвенно свидетельствует о принципиальной недостаточности такого подхода.

Опрос родителей о запросе родителей на методическую помощь, проведенный с помощью созданной нами базы данных (Свидетельство о регистрации…, 2023), показывает весьма высокую заинтересованность родителей в получении методических рекомендации по выявлению трудностей и помощи в формировании жизненной компетенции у собственных детей. Тем не менее, без дополнительных мероприятий, направленных на просвещение родителей в области формирования жизненной компетенции, организовать системное сопровождение этого процесса невозможно. Опыт организации просвещения родителей в рамках программы комплексной абилитации детей и родителей на базе санаторно-лечебного учреждения, показывает, что вовлеченность родителей в задачу обучения собственных детей с ОВЗ жизненным навыкам довольно низкая.

И проблема не в том, что родители не осознают важности формирования жизненной компетенции, скорее трудность в том, что они не понимают, о чем идет речь. Какие навыки включает жизненная компетенция, каким образом можно наблюдать изменения уровня овладения этим навыком, какие “эталоны” в овладении навыка существуют и как определить “потолок” возможностей своего ребенка, а также как и когда необходимо требовать перехода к более высокому уровню (какая зона ближайшего развития навыка) – ответить родителю на все эти вопросы невозможно без специалистов в области педагогики и психологии.

Таким образом, в результате обсуждения проблемы участия родителей в процессе формирования сферы жизненной компетенции у детей и подростков с ОВЗ, можно сделать несколько ключевых выводов:

1) жизненная компетенция формируется в условиях обыденной жизни, в решении повседневных задач; если родители не осознают важности формирования жизненной компетенции у собственных детей и осознанно не организуют этот процесс – эта сфера у ребенка формируется фрагментарно;

2) без помощи родителей, сформировать сферу жизненной компетенции у обучающихся педагогам затруднительно – необходима организация продуктивного сотрудничества семьи и образовательного учреждения (желательно расширенной семьи - всех тех взрослых, которые организуют жизнь ребенка дома);

3) родителям не хватает компетентности для самостоятельного формирования навыков жизненной компетенции – соответственно, требуется разработка программ психолого-педагогического сопровождения семьи с целью формирования сферы жизненной компетенции детей с ОВЗ.

Литература

1. Инклюзивное и специальное образование: словарь терминов / под общ. ред. А. И. Жука, Н. Н. Малофеева, В. В. Хитрюк. – Минск: БГПУ, 2020. – 104 с.
2. Компетенции «4К»: формирование и оценка на уроке: Практические рекомендации / авт.-сост. М. А. Пинская, А. М. Михайлова. — М.: Корпорация «Российский учебник», 2019 — 76 с.
3. Кривцова С. В. Программа жизненные навыки, или Нетехнологичная технология // Инновационные проекты и программы в образовании. 2019. № 1. С. 17–28.
4. Макарова Е.М. Анализ представлений родителей о навыках из сферы жизненной компетенции в настоящем и будущем у детей с задержкой психического развития // Жизненные траектории личности в современном мире: социальный и индивидуальный контекст : сборник статей II Международной научно-практической конференции (Кострома, 18–19 апреля 2024 г.) / сост. Н. С. Шипова ; отв. ред. Т. Н. Адеева, М. А. Крылова. – Кострома: Костромской государственный университет, 2024. С. 289 – 293.
5. Приказ Минпросвещения России от 24.11.2022 N 1025 «Об утверждении федеральной адаптированной образовательной программы основного общего образования для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» (Зарегистрировано в Минюсте России 21.03.2023 N 72653).
6. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023624478 Российская Федерация. Представления родителей о содержании сферы жизненной компетенции детей с ограниченными возможностями здоровья: № 2023624251: заявл. 27.11.2023: опубл. 08.12.2023 / А. М. Федосеева, Н. В. Бабкина, Е. М. Макарова [и др.]; заявитель Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт коррекционной педагогики».
7. Федосеева, А. М. Социализация и формирование сферы жизненной компетенции подростков с задержкой психического развития в образовательном пространстве: Методическое пособие / А. М. Федосеева, Н. В. Бабкина. – Москва: Институт коррекционной педагогики, 2023.
8. Gresham F.M., Elliott, S.N. Social Skills Rating System manual // Circle Pines, 1990. MN: AGS.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЕЙ УЧАСТНИКОВ СВО

Психологическое благополучие и механизмы морального самооправдания у подростков из Белгородской области и абитуриентов специализированного учебно-научного центра МГУ

Алмазова О.В., Молчанов С.В., Долгих А.Г., Шайгерова Л.А.

ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», Москва, Российская Федерация

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Российская Федерация

ag.dolgikh@mail.ru

Аннотация. *В исследовании посредством использования Шкалы DASS-21 и методики MID-24 произведено сравнение уровня психологического благополучия и выраженности механизмов морального самооправдания у подростков из Белгородской области и абитуриентов СУНЦ. Обнаружено, что подростки, чье моральное развитие происходит в условиях угрозы жизни и целостности, причиненной человеческим фактором, демонстрируют сниженный уровень психологического благополучия и более выраженные механизмы морального самооправдания.*
Ключевые слова: *подростки, психологическое благополучие, моральные нормы, моральное самооправдание*

Глобальные и локальные экстремальные события, такие, как военные действия и теракты, способны быстро и кардинально трансформировать моральные нормы на уровне индивида и группы (Aquino, K. Et al, 2007). В подростковом возрасте, как утверждает Л.С.Выготский вслед за Ж.Пиаже, моральные установки, представляющие собой «смесь элементарных социальных реакций и эгоцентрических» еще игнорируют «всякие моральные правила и всякую моральную обязанность», а развитие морали повторяет путь развития логики и является социально обусловленным процессом (1929, с. 468). Будучи очевидцами травмирующих психику событий, к тому же причиняемых в результате действий других людей, находящиеся на важнейшем для формирования моральных норм этапе жизненного пути подростки могут оказаться подверженными значительному отклонению моральных установок по сравнению с их формированием в условиях, благоприятствующих нормальному психическому развитию и психологическому благополучию.

В условиях нарушения моральных норм возникает задача защиты моральной идентичности, которая может быть решена за счет активизации механизмов морального самооправдания, выступающих как социокогнитивные процессы, позволяющие человеку оправдать свое аморальное поведение с целью сохранения позитивной самооценки и самоуважения. Моральное самооправдание возникает в ответ на противоречие между значимым и должным, с одной стороны, и значимым, но противоположным должному поведением – с другой (Молчанов С.В., 2019).

Механизмы морального самооправдания понимаются как тенденция к оправданию действий, приносящих вред другому, с целью сохранения самооценки и минимизации индивидуальной ответственности за причинение этого вреда (Бандура А., 2002). Было выделено 8 механизмов, относящихся к 4 локусам - поведение, внутренний локус, переформулирование последствий и искажение образа жертвы (Moore C., 2015).

Целью исследования было сравнение уровня психологического благополучия и выраженность использования различных механизмов морального самооправдания у двух групп подростков: 1 группа – подростки из Белгородской области, столкнувшиеся с резким негативным изменением социальной ситуации развития в связи с непосредственной опасностью для жизни и здоровья людей из-за ведущихся военных действий, 2 группа – абитуриенты СУНЦ из субъектов федерации, не затронутых напрямую ведущимися военными действиями.

Мы полагаем, что 1) уровень психологического благополучия подростков из Белгородской области снижен по сравнению с уровнем психологического благополучия подростков из СУНЦ; 2) Выраженность механизмов морального самооправдания у двух групп подростков будет отличаться.

Выборка

В исследовании приняли участие 100 подростков от 13 до 16 лет (M = 15,1; SD = 1,01). Из них 50 (18 юношей и 32 девушки) из Белгородской области, а 50 (18 юношей и 32 девушки) – абитуриенты СУНЦ МГУ из разных субъектов федерации. Абитуриенты СУНЦ на момент проведения исследования находились в Москве для участия в летней школе МГУ, а участники из Белгородской области - в летнем лагере в Московской области в рамках программы краткосрочного отдыха.

Методики

Выраженность использования механизмов моральной свободы определялась с помощью методики MID-24 отчуждения моральной ответственности С. Мур, выделяющей предпочитаемые механизмы морального самооправдания, включая моральное оправдание, речевой эвфемизм, оправдательное сравнение, распределение ответственности, диффузию ответственности, искажение последствий, дегуманизацию жертвы, атрибуцию вины (Ледовая Я.А. и др., 2016). В опроснике на каждый из восьми механизмов морального самооправдания приходится три вопроса. Выраженность каждого механизма подсчитывается как среднее арифметическое оценок по трем соответствующим вопросам.

Для оценки психологического благополучия применялась Шкала депрессии, тревожности и стресса (Depression Anxiety Stress Scales, DASS-21): сокращённая версия (Lovibond, P. F., Lovibond, S. H., 1995). Посредством данной шкалы измеряются негативные эмоциональные состояния (депрессия, тревожность и стресс). Краткая версия методики включает 21 пункт: по 7 пунктов на каждую субшкалу.

Результаты исследования

При помощи коэффициента корреляции Спирмена были проверены связи между психологическим благополучием подростков (оценки по шкалам депрессии, тревожности и стресса методики DASS-21) и выраженностью использования механизмов самооправдания (оценки по шкалам методики MID-24). Было установлено, что оценки депрессии значимо связаны с выраженностью использования семи, тревожности – четырех, а стресса – шести механизмов морального самооправдания (связи слабые или средней силы, $p < 0,05$).

Далее были проверены различия в оценках психологического благополучия и выраженностью использования механизмов морального самооправдания у подростков из Белгородской обл. и абитуриентов СУНЦ (критерий Манна-Уитни). Было установлено, что:

1) уровень депрессии, тревожности и стресса у подростков из Белгородской области значимо выше, чем у абитуриентов СУНЦ ($p < 0,001$);

2) использование механизмов морального самооправдания «эвфемистический ярлык», «смещение ответственности», «искажение последствий», «дегуманизация жертвы» и «атрибуция вины» у подростков из Белгородской области значимо более выражено, чем у абитуриентов СУНЦ ($p < 0,05$).

Заключение. Таким образом, было показано, что уровень психологического благополучия по всем рассматриваемым показателям у подростков из Белгородской области, проживающих в зоне повышенной опасности и угрозы жизни и здоровью, созданной действиями других людей, ниже, а использование целого ряда механизмов морального самооправдания более выражено, чем у подростков, проживающих в других регионах в относительно безопасных условиях.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке проекта Российской Федерацией в лице Минобрнауки России (Соглашение № 075-15-2024-526)

Литература

1. Выготский, Л. С. (1929-1931). Педология подростка: Задания №№ 1-16 / Проф. Л. С. Выготский; Бюро заочного обучения при Педфаке МГУ.... — Москва: Бюро заочного обучения при Педфаке 2 МГУ. - 504 с., (2 т.)
2. Молчанов, С. В. (2019). Моральное самооправдание как миф моральной свободы личности. *Национальный психологический журнал*, 35(3):60–70.

3. Ледовая, Я. А., Тихонов, Р. В., Боголюбова, О. Н., Казенная, Е. В., Сорокина, Ю. Л. (2016). Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения. *Вестник СПбГУ сер.16*, (4): 23–39.
4. Aquino, K., Reed, A., Thau, S., & Freeman, D. (2007). A grotesque and dark beauty: How moral identity and mechanisms of moral disengagement influence cognitive and emotional reactions to war. *Journal of Experimental Social Psychology, 43*, 385–392.
5. Bandura, A. (2002). Social Cognitive Theory in Cultural Context. *Applied Psychology, 51*, 269–290.
6. Moore C. (2015). Moral disengagement. *Current Opinion in Psychology,* vol. 6, pp. 199–204.
7. Lovibond, P. F., & Lovibond, S. H. (1995). The structure of negative emotional states: Comparison of the Depression Anxiety Stress Scales (DASS) with the Beck Depression and Anxiety Inventories. *Behaviour research and therapy*, *33*(3), 335–343.

Психологическое благополучие жен, чьи мужья были мобилизованы на СВО

П.А. Виленская[1], Е.Ю. Чеботарева[2]

1-НИУ ВШЭ, 2- МГППУ, НИУ ВШЭ, РУДН, г. Москва, РФ

2- vilena999@yandex.ru*, 2 -* chebotarevy@yandex.ru

Аннотация. *Представлены результаты количественно-качественного эмпирического исследования благополучия жен мобилизованных на СВО. 87 женщин участвовали в количественном этапе исследования, 20 - в качественном.*

Респондентки отмечали резкое ухудшение психологического состояния собственного и членов своих нуклеарных и расширенных семей. Выявлена специфика копинг-стратегий, взаимосвязи психологического благополучия с отношениями с детьми и родительским стрессом. Выделены фокусы психологической помощи.

Ключевые слова: *психологическое благополучие, мобилизация, отношения с детьми*

Осенью 2022 года более 300 тысяч российских мужчин были мобилизованы на СВО. В России появилась категория семей, которые остро нуждаются в психологической помощи. Произошли резкие изменения в структуре этих семей, у них резко изменилось взаимодействие со всем социальным окружением.

Исследования жен военнослужащих, командированных в зоны боевых действий, показывают, что они находятся в состоянии постоянного стресса, испытывают большой спектр негативных чувств, сталкиваются с трудностями в общении с детьми (Колотовкина и др., 2022). Исследования психологического состояния семей мобилизованных, показали, что они также испытывают тяжелый стресс, переживают постоянную тревогу, страх, вину, печаль, гнев и агрессию, чувство неопределенности, беспомощности, бессмысленности существования, переживание утраты (Цатурян и др., 2023).

Мы провели количественно-качественное исследование удовлетворенности жен мобилизованных отношениями в разных семейных подсистемах и социальном окружении. В количественном этапе участвовало 87 женщин в возрасте 24 - 51 год (M=36), средний стаж семейной жизни 11,8 лет (SD= 5,61). Все женщины имели 1-3 детей в возрасте от 3 до 15 лет,

работали. 20 женщин участвовали в полуструктурированном интервью. В количественном исследовании мы использовали 7 стандартизированных методик, в том числе: Шкала психологического благополучия К. Рифф, Шкала родительского стресса Берри-Джонса; «Способы совладающего поведения» Лазаруса и др.

Опрос показал, что большинство женщин отмечают резкое ухудшение собственного *психологического состояния, психологического благополучия* членов нуклеарных и расширенных семей. Треть опрошенных говорили об *ухудшении в поведении детей* и *отношениях с детьми*. Выявлено, что плохое эмоциональное состояние женщин связано с *родительским стрессом* и ощущением *потери контроля над детьми*.

Наиболее эффективными копингами в этой ситуации оказались *переопределение ситуации и планирование решений* проблем, они прямо связаны с психологическим благополучием, благоприятными отношениями с ребенком, удовлетворенностью своей родительской ролью. *Принятие ответственности на себя и избегание,* наоборот, связаны с эмоциональным неблагополучием, родительским стрессом и деструктивными воспитательными стратегиями.

В интервью почти все респондентки говорили о том, что их *«жизнь поставлена на паузу»,* отмечали внутреннюю *опустошенность, безнадежность, потерю чувства безопасности*. Многие говорили, что они переживают «*утрату живого мужа»*, что делает это переживание более сложным, сопряженным с чувствами вины, агрессии и пр. Многие женщины упоминали *депрессию*, частые *болезни* у себя, детей и членов расширенной семьи.

Среди основных сложностей женщины называли в первую очередь напряженное *ожидание возвращения мужа*. Также почти все говорили о ролевой перегруженности, о том, что они теперь вынуждены *«делать все за двоих».* Они не только *«потеряли опору»,* но и вынуждены сами становиться опорой для всей расширенной семьи, «*не могут подвести*» всех, кто на них опирается. Эти ощущения нередко сопровождаются сочетанием гордости за мужа и вины и стыда перед ним.

Этим женщинам трудно общаться с родителями мужа, так как те сильно страдают, а у жен не хватает ресурсов для их поддержки. Многие отмечают *потерю* и других *социальных контактов* (*«нам не понять друг друга»),* указывают на важность поддержки от своих родителей, но встречается и дистанцирование от родительской семьи.

Отношения с мужем таже меняются. С одной стороны, они ощущают сильную нехватку привычных ритуалов, регулярного общения, с другой стороны, говорят, что оба стали больше ценить общение, заботиться друг о друге. Но также отмечают и усиление ревности в паре. Нередко возникает тема страха за то, каким муж вернется с войны.

В *отношениях с детьми* женщины часто отмечают ухудшение поведения детей, их школьных успехов. Одни дети в этих ситуациях замыкаются, уходят в себя, другие, наоборот, задают много вопросов. Хотя для многих женщин дети становятся отдушиной, они ощущают нехватку ресурсов для того, чтобы дать детям должную поддержку, использовать конструктивные воспитательные стратегии.

Одни говорят о том, что уже *адаптировались* (что может отражать отрицание проблем), другие о нежелании адаптироваться (т.е. принимать ситуацию). Среди *способов совладания* чаще всего называется поиск социальных групп, где возможно взаимопонимание, чаще всего это *волонтерство*. Также помогает *концентрации на сегодняшнем дне*, забота о себе, чаще о физическом здоровье, крайне редко готовы прибегнуть к о профессиональной психологической помощи. Важную роль играет общение с мужем.

На данный момент отмечается, что наиболее эффективным форматом помощи являются *группы поддержки*, где женщины обмениваются положительным опытом адаптации.

Литература

1. Колотовкина Е. И., Логинова И. А., Лопухова А. В. Трудности повседневной жизни жён военнослужащих, чьи мужья находятся в длительных командировках в зоне боевых действий // Студенческий форум "Международный центр науки и образования", 2022. 46-49.
2. Цатурян М.О., Вадурина Е.Н., Носова Н.В. Социально-психологическая помощь семьям мобилизованных граждан // Проблемы современного педагогического образования, 2023. 78-4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-pomosch-semyam-mobilizovannyh-grazhdan (дата обращения: 08.09.2024).

Психологическое сопровождение семей участников СВО в группах самопомощи

Е.И. Попова, И.А. Коробейникова
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень, Россия
E-mail: iris1958.18@mail.ru
E-mail: igpizao@mail.ru

Аннотация. *В статье представлен опыт психологического сопровождения вдов погибших на СВО военнослужащих в группе самопомощи. Описаны преимущества формата оффлайн проведения таких групп, этапы становления, правила и принципы работы группы, темы для продуктивного осмысления и их психологическое обоснование, содержание специальных терапевтических блоков, промежуточные результаты.*
Ключевые слова: *группы самопомощи, вдовы погибших на СВО военнослужащих, горевание, стадиальные теории проживания утраты, концепции переживания потери.*

Группы самопомощи представляют собой более или менее формальные организации непрофессионалов, преследующих общую цель ради достижения блага для каждого члена группы.

Главная цель групп самопомощи – изменения в психологии или поведении участников.

Брюс Такмэн выделил этапы становления группы самопомощи:

Этап 1: Становление

Этап 2: Смятение

Этап 3: Сплочение

Этап 5: Роспуск (Такман Брюс У., 1965).

Каждому этапу процесса соответствует свой «тип». Стадии нельзя пропустить, но можно сгладить. Переход из одного этапа в другой можно ускорить или замедлить. Некоторые изменения могут быть незаметны с первого взгляда. Чем сплоченнее группа, тем лучше она справляется с задачами без постоянного внешнего контроля.

Несмотря на большое разнообразие форм групп самопомощи можно выделить ряд общих для них процессов, которые способствуют достижению изменений в аттитюдах или поведении членов групп самопомощи: общий опыт; помощь другим; постоянная система поддержки; получение информации по теме; получение обратной связи; обучение специальным методам; формирование положительного Я-образа, улучшение самомопонимания, расширение воспринимаемых альтернатив, усиление различительной способности и переопределение норм (Фаворская М.А., 2020).

Для придания определенной структуры встречам и событиям в группе самопомощи существуют правила и методы деятельности группы. Право выбора правил и методов работы всегда остается за самой группой.

Группы самопомощи так широко распространены, что вряд ли найдутся такие проблемы, для которых не нашлось бы соответствующей группы.

Вдовы погибших на СВО военнослужащих – одна из наиболее уязвимых категорий. Многие еще не сталкивались со смертью, и им только предстоит вынести и пережить реальность утраты. «У меня погиб муж на СВО два месяца назад и мне никак не принять и не пережить это горе. Никто не понимает и не поддерживает в этой ситуации, один каждый день думаешь об этом и сходишь с ума. Это так ужасно, я сижу в четырех стенах и схожу с ума. Господи, как мне это пережить, церковь мне тоже не очень помогает, я не знаю как мне дальше жить», – пишет вдова погибшего военнослужащего.

Горевание – естественный, но очень тяжелый период. Потеря близкого человека по шкале Холмса-Рея оценивается максимальным баллом – 100, подчеркивая не только глубину ситуации, но и предполагая сложность периода адаптации к новой жизненной ситуации. Переживать горе действительно очень больно, особенно если нет помощи, нет принятых форм горевания.

Мы провели опрос среди 25 вдов погибших на СВО военнослужащих. Результаты позволили выявить выраженный интерес к проблеме полноценного проживания горя и запрос на создание группы взаимоподдержки (большая часть слышала о такой группе впервые), позволяющей преодолеть горе и научиться жить заново.

79% опрошенных высказались за создание группы поддержки в оффлайн формате; 10% – в чатах и группах социальных сетей, дискуссионных форумах; 11% ответили, что не нуждаются в помощи.

Проект «Ключи жизни», реализуемый на средства гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов, позволил впервые в регионе создать офлайн группу поддержки (самопомощи) для вдов погибших на СВО военнослужащих в г. Ишиме Тюменской области.

Группа поддержки (самопомощи) «Ключи жизни» основана на правилах и принципах, в числе которых безопасность, анонимность и конфиденциальность, определение стиля деятельности группы сообща, равенство, коллективная ответственность; помощь, в первую очередь, самому себе, а не другим; безоценочное и уважительное отношение, общение за пределами группы, обратная связь (Картавенко Е. и др., 2020).

Уникальные преимущества формата оффлайн: личное взаимодействие, обеспечивающее более глубокие связи, чувство принадлежности к группе; ритуалы (например, объятия) могут быть невероятно утешительными во время проживания горя; обмен невербальными сигналами, живая речь и живое поведение обеспечивают непосредственное чувство связи и понимания; участие в случайных разговорах до и после встреч, традиционное чаепитие помогают бороться с чувствами одиночества и изоляции, а построение отношений может привести к длительной дружбе и сильной системе поддержки за пределами группы.

Общение и обмен опытом людей, оказавшихся в схожих жизненных ситуациях, часто бывает важнее профессиональной помощи.

Переживание утраты ставит человека перед необходимостью актуализировать и проработать определенный круг тем. Они имеют сквозной характер, пронизывая все системы

отношений внутреннего мира личности. В процессе их продуктивного осмысления происходят качественные личностные изменения.

При разработке тем встреч группы учитывались следующие важные аспекты.

1. Стадиальные теории проживания утраты (Линдеманн Э., 1984; Боулби Д., 2004; Parkes CM., 1972; Хелл Д., 2001; Василюк Ф.Е., 1991, 2001).

Так по Кюблер-Росс – это: шок—отрицание—гнев—торг— депрессия — принятие (Кюблер-Росс, 2015).

Следует отметить, что в реальности они не обязательно следуют одна за другой в определенном порядке, могут быть «прыжки» и «откаты», а иногда полный набор состояний в течение дня.

Большинство современных зарубежных исследователей не разделяют переживание утраты на какие-либо стадии. При этом рассматривают в отдельности каждый вид утраты (J.H. Lord, D.G. Myers, S. Roos, H.I. Smith, C. Staudacher, S.J. Zeitlin). В нашем случае (этот вид утраты не представлен в литературных источниках) – погибшие на СВО военнослужащие.

2. В процессе исцеления есть решающая – шестая стадия: поиск смысла.

Потеря может тяготить утратившего годами. Но если постараться найти смысл в происшедшем, это даст возможность двигаться вперед. Смысл помогает принять горе и увидеть в нем рациональное зерно. Какой бы не была смерть – предсказуемой или внезапной – возникает потребность увидеть в ней смысл. Те, кто способен найти смысл, как правило, гораздо легче переживают горе, чем те, кому это не удается (Кесслер Дэвид А., 2023)..

2. Концепции переживания потери.

1) Переживание утраты как процесс с аффективными, когнитивными и поведенческими симптомами. (Э.Линдеманн; Д.Хелл; С. Паркес; Дж.Боулби; А.Фэрнхем, С.Бочнер).

Основное направление переживания горя – адаптация к отсутствию ушедшего.

2) Переживание утраты как последовательное решение психологических задач (J.Worden; E.Neeld).

Адекватность переживания отражена в выполнении-невыполнении психологической задачи.

3) Переживание утраты как процесс трансформации связи с ушедшим (Дж.Боулби; Ф.Е.Василюк; S.Rubin).

Основное внимание – отношения с ушедшим.

4) Переживание утраты как процесс «смысловой реконструкции» (R.A. Neimeyer; Hendricks L.D.; Silverman P.R.; Browning D.) (Хрусталева Н.С., 2018).

4. Основная эмоция при потере – грусть. Она может переживаться в разных спектрах: от светлой печали до отчаянной тоски. Ее проявление означает процесс горевания. Потери оплакиваются внешне или внутренне. Это естественный ход событий. Психика горюет о том, что ушло. Плакать и горевать можно столько времени, сколько необходимо. Это значит, что потеря была важной (Малинина О., 2023)..

5. Способ пережить опыт проживания горя очень разный в зависимости от каждого человека и его обстоятельств. На индивидуальный характер переживания горя и утраты влияют следующие факторы: 1) характер ситуации утраты; 2) восприятие ситуации утраты; 3) особенности утраченного близкого; 4) социокультурное пространство; 5) индивидуально-психологические особенности утратившего. От названных факторов зависит стиль, время и глубина переживания (Заманаева Ю.В., 2004).

6. Обогащение опыта через контакт с нарративами, дающими максимум смысла и утешения, задающими основу для предпочитаемого переживания.

Примерные темы для обсуждения в рамках общей цели: «Переживание боли», «Отрицание», «Принятие», «Потребности души во время скорби», «Горевание и вина», «**Скорбь: лечащие мысли», «**Как найти смысл в утрате, чтобы наступило исцеление», «Пока есть память, нет настоящей потери», «Любовь никогда не перестает», «Беседы о Душе и бессмертии», «Новые отношения», «Притча – путь к безграничной мудрости», «Мои ресурсы», «Как жить после «больше никогда не…» **и другие.**

На группе поддержки обсуждаются и практические вопросы, например: «Как говорить о смерти с детьми», «Как сделать, чтобы они не забыли папу», «Как быть с вещами мужа», «Можно ли разговаривать с умершим», «Надо ли придерживаться обычаев, ритуалов и суеверий», «Можно ли носить его вещи», «Как это бывает у других», «Как будет правильно?» и др.

В дополнение к самой группе поддержки предусмотрены специальные терапевтические блоки, которые осуществляются психологом, и содержание которых становится для участников поддержкой в этот тяжелый период жизни. Теоретические блоки проходят в первые полчаса встречи и объединяют в себе теоретическую информацию, инструменты самопомощи, навыки саморегуляции и полезные практики.

Специально обученные студенты выпускных курсов Тюменского государственного университета, представляющие службу помощи «Чудо-няни», помогают создать комфортную атмосферу мамам во время пребывания на встрече, осуществляя присмотр за детьми в пространстве игровой комнаты.

В пространстве группы работает мини-библиотека под общим названием «Тебе больно, и это нормально», которая дает возможность найти информационную поддержку и истории множества людей, переживших утрату, а их опыт помогает понять, а затем обсудить на специальных встречах группы, свой путь проживания горя.

Как показало промежуточное анкетирование, функционирование группы поддержки позволяет получить ее участникам понимание, помощь и поддержку, опыт переживания горя и навыки исцеления, преодолеть внутренние барьеры, избавиться от чувства изоляции и одиночества, завязать новые знакомства в атмосфере безопасности и принятия.

Литература

1. Группы взаимопомощи для людей с биполярным расстройством и депрессией: пособие для ведущих и участников. Сост. М. А. Фаворская. Под ред. А. С. Петровой, Г. Э. Мазо. — СПб. : Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2020. – 88 с.
2. Заманаева Ю.В. Переживание утраты близкого как процесс изменений во внутреннем личности. Дис. канд.…психол. наук. СПб., 2004. 320 с.
3. Картавенко Е. и др. Жить дальше. Помощь вдовам и семьям, потерявшим кормильца. Информационная брашюра / Фонд «Словом и Делом». – Санкт-Петербург, 2020. – 76 с.
4. Кесслер Дэвид А. Поиск смысла**:** заключительная стадия горевания, которая поможет пережить потерю и начать двигаться дальше / Девид А. Кесслер. – Москва: Эксмо, 2023. – 336 с.
5. Кюблер-Росс, Кесслер: Живи сейчас! Уроки жизни от людей, которые видели смерть. – М.: Эксмо, 2015. – 110 с.
6. Малинина О. Живем дальше. Как справиться с потерей / Ольга Малинина. – М.: MACards, 2023. – 276 с.
7. Такман Брюс У. Последовательность развития в малых группах //Психологический вестник, 1965. – С. 384-399.
8. Психология кризисных и экстремальных ситуаций: учебник / под ред. Н.С. Хрусталёвой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. – 748 с.

ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЬИ

Конструирование приоритетов и предотвращения болезненных трансформаций психики ребенка в пособиях по воспитанию в соотнесении с родительскими выборами

Н.С. Бурлакова,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
naburlakova@yandex.ru

Аннотация. *В статье рассматривается проблема кризиса традиционных систем и ценностей воспитания в современных условиях. Анализируются как внешние, так и внутренние источники родительских смятений, которые диктуют обращение к многочисленным руководствам по воспитанию детей. Обозначены направления спецификации, описывающие имеющееся многообразие руководств и пособий для родителей и представленных в них экспертных мнений. Подчеркивается, что эта литература, наряду с предоставлением рекомендаций, также может порождать новые уровни родительского беспокойства и неуверенности. Рассматривается сложность отклика на сознательном и в меньшей степени осознаваемом уровнях в ответ на ведущие психолого-педагогические рекомендации, транслируемые родителям в пособиях. Подчеркивается важность междисциплинарного изучения данной проблематики, имеющей отношение к широкому спектру дисциплин, в том числе и к клинической психологии.*
Ключевые слова: *культурно-исторический анализ; пособия по воспитанию для родителей; кризис воспитания; родительские предпочтения*

Сегодняшнее время характеризуется кризисом традиционных систем и ценностей воспитания в условиях ускорения исторического времени и быстрой сменяемости приоритетов, что повлекло за собой ряд болезненных вопросов для родительского понимания. Несмотря на достижения, сопровождающие современное детство в экономически развитых странах — снижение детской смертности, внушительные успехи здравоохранения и школьного образования, уменьшение уровня бедности и создание возможностей для выбираемых разнообразных занятий, увлечений, появление обширного досуга и развлечений, все же конец XX и начало XXI века, названные «веком детей», можно скорее обозначить как «век родительских опасений в связи с детьми» (Stearns, 2003). Его неотъемлемой чертой стало яркое рассогласование между глубиной и выраженностью испытываемых родителями тревожных сомнений и бесспорным историческим прогрессом в качестве жизни детей.

Многочисленные дискуссии о том, что воспитывать в детях и как это делать, как «любить ребенка», как действовать в обращении к ребенку с учетом быстро трансформирующихся реалий современной жизни, какие знания и умения передавать и т.д., стали неотъемлемой приметой времени. Среди всего спектра оснований для смятений родителей можно подчеркнуть следующие, имеющие как объективные внешние, так и внутренние источники. К внешним можно отнести объективно более выраженные сложности детства (например, более продолжительное школьное обучение, более ранняя половая зрелость); развернутое нормирование специалистами различных достижений на различных этапах психического развития ребенка, включая помимо интеллектуальных вех развития в том числе разработку представлений об эмоциональных потребностях детей; наблюдения родителями стремительности изменений жизни, с неизбежным осознанием того, что мир, в котором будут жить их ставшие взрослыми дети будет сильно отличаться от нынешнего, и в этой связи вероятно неверно и неправильно думать, что дети смогут воспользоваться родительским опытом и пойти по стопам своих родителей; улучшение жизни большинства

детей в экономически развитых странах породило минимальный стандарт благополучия в отношении ребенка и важности соответствия ему, что принесло свой собственный набор беспокойств; возможность выбора из культурного многообразия ценностных приоритетов, родительских «проектов ребенка в будущем»; выбор между задачей самореализации в профессии и материнством; «эрозия нормативных моделей родительства» (многообразии идеальных образов того, что мыслится и позже реализуется на практике) (Захарова, 2015; Карабанова, 2019; Поливанова, 2015; Майорова-Щеглова, 2009; Бурлакова, Олешкевич, 2012; Elkind , 2009 и др.) и т.д.

Среди внутренних источников родительских смятений важно отметить осознание родителями своего несовершенства как воспитателей и принятие этого несовершенства как личностно значимого события («а могу ли Я воспитывать ребенка? Ведь я не знаю себя, не всегда могу собой управлять, и как же я смогу воспитывать?»). Кроме того, отмечается мучительность выбора между сохранением внутреннего и внешнего комфорта, «беззаботного» образа жизни и решением стать родителями с принятием соответствующих обязанностей и хлопот. Наконец, родители вынуждены реагировать на давление социальных стандартов и испытывать страх несоответствия им, что порождает сложную палитру внутренних переживаний.

В целом складывающая необычная в истории ситуация возрастающего беспокойства по поводу воспитания детей на фоне фиксируемого в целом прогресса, снижение уверенности родителей и ясности в выборе воспитательных стратегий создает почву для появления новых, не всегда полезных для развития детей тенденций. Стремительные социальные изменения и ускорение исторического времени приводят к отказу от опоры на прошлый опыт и традиции, поскольку воспитание современных детей существенно отличается от того, как воспитывали предыдущие поколения. Это порождает феномен избыточного "творчества воспитания", экспериментирования, выхода за границы известного и принятого, а также императив "успеть, угнаться, возможно, даже "ухватить" что-то новое" для подготовки ребенка к реалиям современной жизни.

В этих условиях (не беря в расчет безусловно присутствующую коммерческую составляющую) как социальный, так и внутренний запрос со стороны родителей создали условия для усиления значения экспертного мнения специалистов области психологии и педагогики, эксплицированного в обширной литературе, пособиях, написанных для родителей, где описываются трудности, сконцентрированные на проблемах воспитания ребенка, а также приводятся педагогические рекомендации и советы по их преодолению. Вместе с тем стоит учитывать также тот факт, что эта литература одновременно также внедряет и новые уровни родительского беспокойства, неуверенности, или усиливает уже имеющиеся.

Подчеркнем, что обозначенная тема носит междисциплинарный характер, в том числе находится на стыке с важной проблематикой клинической психологии. Так, одним из ракурсов т.наз. педагогической ветви в психотерапии детей (А. Фрейд, А. Адлер и др.) выступает как содержание почерпнутых родителями педагогических рекомендаций, так и то как они осуществляются в практике воспитания, что связано с характером многочисленных нарушений в личности ребенка, в основе которых лежит «неправильное воспитание» (Бурлакова, 2024; Олешкевич, 2024). Клиническая психология рассматривает эти варианты в начале аналитически, теоретически, а затем и практически, чтобы оказывать помощь ребенку и его родителям, зная следствием чего являются эти болезненные формы. Здесь на воспитательно-педагогические влияния со стороны родителей большое влияние оказывают те психолого-педагогические технологии, которые транслируются и широко продвигаются для аудитории родителей. В условиях разрывов непосредственной передачи опыта между поколениями отчетливо наблюдается, например, широкая книжная трансляция опыта материнства, отход от центрации на личности самой матери к акцентам на стратегиях и технических приемах и т.д.

В соответствии с пониманием, что ранее детство и воспитание ребенка – источник психологически гармоничной либо напротив нарушенной личности взрослого человека, остро встают вопросы профилактики нарушений, различного типа расстройств, предупреждения аномалий и трансформаций развития, которыми обеспокоены родители и отвечающие им на эти вопросы в своих книгах специалисты. Однако среди высказываний последних может присутствовать много суждений, предопределенных теоретической ориентацией психолога, характером его личного опыта, различными типами детей из разных социальных страт и групп, семьям которых они адресуют свои рекомендации. Нередко сопоставление взглядов на воспитание и рекомендаций носит логически противоречивый характер (Поливанова, 2015). Так, например, психологи бихевиоральной ориентации будут подчеркивать, что нарушения в психическом развитии возникают, если родители не дают четких предписаний и правильных подкреплений своим детям, погружают их в поле бесконечных разговоров и т.д. Гуманистические психологи будут подчеркивать, что ребенка «не так» любят, не дают ему безусловной любви и пр. В относительно недавнем прошлом российской педагогики и психологии всячески подчеркивалась патогенность отъединения ребенка от детского коллектива и т.д.

Осуществленный нами анализ руководств для родителей выявляет разные типы интенций в их построении (начиная от отработки своего негативного опыта в модальности «от противного» (распространяемая на детей) и заканчивая чисто инструментальной интенцией «Если… то»); разные типы конкурирующих психологических культур и типов повествования, берущихся за основу в их написании; отмечается исторически представленная в названиях руководств для родителей особая динамика, как в виде нарастания драматизма, так и в виде вторящей социальным сдвигам основной идейной доминанты в воспитании, ориентированной на запрос родителей, в том числе смену иерархического взаимодействия на взаимодействие по типу не столько сотрудничества, сколько «дружбы» с ребенком; присутствует тематическое разнообразие, продиктованное как научно-педагогическим сообществом, так и потребительским спросом (иногда в ущерб качеству экспертного мнения); наблюдается смещение в содержании руководств от максимального охвата родительских проблем в отношении с ребенком до кратких, ориентированных на одну проблемную область пособий; наличие ведущих психологических, ставших воспитательно- педагогическими императивов, которые вместе с тем имеют не всегда учитываемую авторами, но интенсивно воздействующую на родителей, свою обратную сторону и др.

Проведенный анализ пособий для родителей, дополненный данными качественного анализа бесед с родителями, обращающимися за консультативной помощью к психологу в соотнесении с общей картиной выявленных в массовой выборке (n=177) родительских предпочтений центральных воспитательных идей, выделенных родителями в руководствах, свидетельствует о продуктивности такого рода культурно-исторических исследований, носящих междисциплинарный характер. Выявленные ведущие родительские представления о предупреждении болезненных трансформаций в личности ребенка, почерпнутые из психолого-педагогических руководств по воспитанию детей, спектр основных идей, которыми на сознательном уровне руководствуются родители, рождают более сложный характер ответа на менее осознанном уровне (тревога, неуверенность, колебания в действиях, переживания несоответствия идеальному образу родителя, внутренняя рассогласованность, гипертрофия сознательной установки на фоне внутренне переживаемого дисбаланса и т.д.). Важно продолжить мониторинг в обозначенном русле исследований.

Литература

1. Бурлакова, Н. С. Детский психоанализ. Школа Анны Фрейд / Н. С. Бурлакова, В. И. Олешкевич. 2-е изд., испр. и доп., Москва: Издательство Юрайт, 2024. 270 с. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: https://urait.ru/bcode/538340 (дата обращения: 12.09.2024).

2. Бурлакова Н. С., Олешкевич В. И. Уровни культурно-исторического анализа в клинической психологии. Вопросы психологии. 2012. № 6. С. 36–45.
3. Захарова Е. И. Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли. Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11, № 1. С. 44–49.
4. Карабанова О. А. В поисках оптимального стиля родительского воспитания. Национальный психологический журнал. 2019. Т. 35, № 3. С. 71–79.
5. Майорова-Щеглова С. Н. Противоречия и парадоксы воспитательной ситуации в России начала XXI века. Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2009, № 1. С.45-53.
6. Олешкевич, В. И. Психология, психотерапия и социальная педагогика А. Адлера. 2-е изд., испр. и доп., Москва: Издательство Юрайт, 2024. 337 с. URL: https://urait.ru/bcode/538372 (дата обращения: 12.09.2024)
7. Поливанова К.Н. Современное родительство как предмет исследования Психологическая наука и образование psyedu.ru 2015. Том 7. № 3. С. 1–11.
8. Elkind D. Ties that Stress: The New Family Imbalance. Harvard: Harvard University Press, 2009. 253 p.

Психолого–педагогическое сопровождение детей и родителей из замещающих семей

Е.В. Григорьева, К.Н. Белогай
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово, Россия
elena_grigorewa@inbox.ru

Аннотация. *В статье рассмотрены понятия «замещающая семья», «сопровождение замещающих семей», а также рассмотрены психолого-педагогические особенности подростков с ОВЗ. Разработана программа, в соответствии с которой может осуществляться психолого-педагогическое сопровождение формирования личности подростка с ЗПР и родителей из замещающих семей. Проведено диагностическое тестирование саморегуляции личности подростков с ЗПР с использованием комплекса взаимодополняющих методов.*
Ключевые слова: *замещающая семья, психолого-педагогическое сопровождение, особенности, подростки с ОВЗ, исследование, диагностика, программа, развитие, личность, саморегуляция, нарушения, недостатки, направления.*

К *замещающим семьям*, «помимо приемных, относятся семьи усыновителей, опекунов, гостевые семьи, в рамках психологического и педагогического аспектов сопровождения» (Токарская Л.В., 2024).

Под *сопровождением замещающих семей* понимается «система психолого-педагогических мер, направленных на предотвращение семейного неблагополучия, преодоление трудностей воспитания в замещающей семье и обеспечивающих социально-педагогические и социально-психологические условия жизнедеятельности замещающих родителей и ребёнка, способствующие полноценному развитию и социализации личности подопечного ребенка и повышению психолого-педагогической компетентности замещающих родителей». Организация социального сопровождения замещающих семей осуществляется с учетом нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в сфере опеки и попечительства» (Письмо Минтруда России от 01.03.2023 № 26-2/10/В-2718 «О направлении Методических рекомендаций по организации социального сопровождения семей с детьми»).

Для того чтобы определить направления, по которым может осуществляться психолого-педагогическое сопровождение подростков с ЗПР и родителей из замещающих семей, мы провели теоретическое и экспериментальное исследования.

Цель исследования — изучить особенности и экспериментально проверить развитие личности учащихся подросткового возраста с ЗПР из приемных семей в условиях психолого-педагогического сопровождения.

В качестве *объекта исследования* выступают подростки, у которых наблюдается задержка психического развития (ЗПР).

В качестве *предмета исследования* — психолого-педагогическое сопровождение подростков с ОВЗ и родителей из замещающих семей.

Нами рассмотрены психолого-педагогические особенности подростков с ОВЗ.

Дети подросткового возраста, у которых ограниченные возможности здоровья, очень мало общаются, они являются замкнутыми детьми. Они сдержанны, стараются держаться обособленно, критично к себе относятся, предрасположены к скептицизму, отчуждённости. Нарушения формирования психической области у подростков с ОВЗ находят своё отражение во внутренней инертности детей подросткового возраста в качестве недостаточной способности, как к управлению собой, так и к развитию себя; в более низком уровне сформированности рефлексии; в низком уровне развитости ценностных направленностей (Смирнова А.А., 2018).

По мнению такого исследователя, как В.И. Лубовский, можно обозначить несколько разновидностей недостатков, которые свойственны детям подросткового возраста, у которых ограниченные возможности здоровья. В частности, данные недостатки представлены: физическими недостатками, психическими недостатками, сложными недостатками, а также тяжёлыми недостатками. Если присутствует недостаток произвольной регуляции, то в общем случае это может отражаться в том, что дети подросткового возраста, у которых ограниченные возможности здоровья, не в состоянии подчинять осуществляемую ими деятельность намеченной задаче, у них плохо развиты навыки составления мысленного плана действий, плохо развиты навыки самоконтроля, у них не наблюдается постоянной заинтересованности к заданиям, они не могут основательно вникнуть в новый образовательный материал. Незрелость, равно как непостоянство таких детей с эмоциональной точки зрения находит своё отражение в том, что они совершают импульсивные действия, у них наблюдается значительный уровень конфликтности, они являются очень раздражительными, неспособны соблюдать общепринятые правила поведения — всё это сильно осложняет их приспособление к реалиям обучения в общеобразовательной организации (школе). Важно ещё здесь отметить, что все исследователи указывают на то, что в том случае, если детям подросткового возраста, у которых ограниченные возможности здоровья, будет вовремя оказано соответствующее содействие, то это, бесспорно, позитивным образом скажется, как на их когнитивном развитии, так и личностном развитии (Савина Е.А., 2015).

Нами разработана *программа*, в соответствии с которой может осуществляться психолого-педагогическое сопровождение формирования личности подростка с ЗПР и родителей из замещающих семей. Данная программа содержит несколько блоков. Данные блоки представлены: теоретическим блоком, диагностическим блоком, коррекционным блоком, аналитическим блоком.

Результат – преобразование либо не преобразование степени саморегуляции личности детей подросткового возраста с ЗПР.

Принципы, которые положены в основу разработанной нами программы, следующие (Токарская Л.В., 2022):

- единство различных задач: задач, касающихся коррекции; задач, касающихся профилактики, равно как и задач, связанных с развитием;
- принцип целостности деятельности, направленной на коррекцию и диагностику;

- учитывание, как возрастно-психологической специфики детей подросткового возраста, у которых наблюдается задержка психического развития, так и их персональной специфики;
- единое применение способов оказания психологическое влияния на детей;
- активное вовлечение близкого социального окружения детей к принятию участия в реализации коррекционной программы (преподаватели-предметники, приемные родители);
- учет многообразия и эмоциональной сложности материала.

Для диагностики саморегуляции личности подростков с ЗПР был использован комплекс взаимодополняющих методов. В него вошли результаты учебной деятельности, психолого-педагогическое наблюдение. Были использованы следующие *методики*:

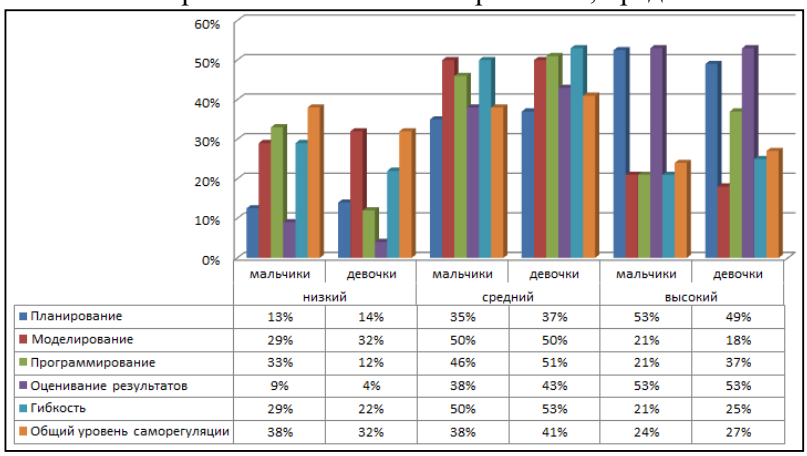
1. Опросник под наименованием «Стиль саморегуляции поведения-ССП-98». Отметим, что разработчиком данного опросника является В.И. Моросанова. Он предназначен для того, чтобы диагностировать становление и уровень сформированности персональной саморегуляции, равно как и становление и уровень сформированности персонального профиля. Здесь подчеркнём, что персональный профиль включает в себя различные показатели. Эти показатели представлены: показателями планирования; показателями моделирования; показателями программирования; показателями оценивания получившихся итогов; показателями, которые позволяют получить представление об уровне сформированности регуляторно-личностных качеств, а собственно говоря, об уровне сформированности гибкости, а также самостоятельности.

2. Опросник «Исследование волевой саморегуляции» (А.В. Зверьков, Е.В. Эйдман), определяющий волевой уровень самоконтроля обладания своим поведением и внутренними порывами, способность сознательно управлять своими действиями, две главные составляющие: настойчивость и самообладание.

3. Анкетирование приемных родителей подростков с ЗПР.

Характеристика выборки: в исследовании приняли участие подростки с ЗПР. Общее количество испытуемых составило 56 подростков, возраст составил от 14 до 15 лет. В своем исследовании мы рассматривали гендерные особенности испытуемых, а именно гендерные особенности 24 мальчиков, а также 32 девочек.

Результаты исследования с помощью опросника «Стиль саморегуляции поведения-ССП-98», разработчиком которого является В. И. Моросанова, представлены на рисунке 1.

	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки
	низкий		средний		высокий	
Планирование	13%	14%	35%	37%	53%	49%
Моделирование	29%	32%	50%	50%	21%	18%
Программирование	33%	12%	46%	51%	21%	37%
Оценивание результатов	9%	4%	38%	43%	53%	53%
Гибкость	29%	22%	50%	53%	21%	25%
Общий уровень саморегуляции	38%	32%	38%	41%	24%	27%

Рисунок 1. Результаты исследования с помощью опросника «Стиль саморегуляции поведения-ССП-98».

В результате нам удалось выяснить, что у детей подросткового возраста, у которых наблюдается ЗПР, как у мальчиков, так и у девочек, выявлены значительные значения отдельных показателей. Это показатели планирования, а также показатели оценивания получившихся итогов. При этом наблюдались и незначительные значения отдельных

показателей. Это показатели программирования, показатели моделирования, а также показатели гибкости. У девочек сравнительно мальчиков, по шкале «программирование» результаты немного выше. Такие данные объясняются тем, что подростки с ЗПР из приемных семей значительно раньше задумываются о том, куда пойти после школы, так как уже после 9 класса им нужно определиться с выбором профессии. И в то же время им сложно «программировать», выбирать нужные варианты, подростки с ЗПР нетерпеливы, особенно мальчики, у них не сформирована эмоционально-волевая сфера.

Таким образом, нам удалось выяснить следующее: общая степень саморегуляции у детей подросткового возраста, у которых наблюдается задержка психического развития, как у мальчиков, так и у девочек, показывает незначительные и средние значения.

Опросник под наименованием «Исследование волевой саморегуляции», который был разработан А.В. Зверьковым, Е.В. Эйдманом, позволил нам получить представление о следующем: у мальчиков и девочек, чей возраст составляет от 14 лет до 15 лет, с задержкой психического развития из приёмных семей, показатели индекса волевой саморегуляции в соответствии с пунктом единой шкалы имеют низкий и средний балл, что говорит об их эмоциональной неустойчивости, импульсивности, невысокой рефлексивности. Низкие индексы по субшкалам «настойчивость» и «самообладание» характеризуют данных подростков как личностей неуверенных, непоследовательных, обидчивых, переживающих внутренние конфликты. Это говорит о нарушениях в развитии свойств личности, подросткам необходима помощь в умении налаживать отношения не только с окружающими, но и в своих приемных семьях.

Анкетирование приемных родителей подростков с ЗПР показало, что им необходима консультационная помощь по адаптации детей, их интеграции в общество в виде консультаций, индивидуальных бесед, рекомендаций, которые мы включили в программу психолого-педагогического сопровождения формирования личности подростка с ЗПР.

В целом можно решительно говорить о том, что неразвитость саморегуляции в деятельности находится во взаимосвязи с личностной спецификой детей подросткового возраста, у которых наблюдается задержка психического развития. Им свойственны следующие моменты: неправильная самооценка, недостаточная развитость познавательных заинтересованностей, незначительная степень притязаний, а также мотивации. Полученные результаты дают понять, что имеются определённые проблемы в личностном плане у подростков с ЗПР, им очень непросто обучаться в общеобразовательных организациях, так как на них не обращают практически никакого внимания преподаватели, приёмные родители, ребята аналогичного возраста. Подобные дети мало взаимодействуют, как с другими детьми, так и с взрослыми людьми. Взаимодействуют же они, в преобладающей части случаев, с детьми, чей возраст меньше их возраста, либо совершенно ни с кем не взаимодействуют.

Информация, которую мы получили в процессе проведения констатирующего этапа эксперимента, подтверждает то, что наличествует потребность в том, чтобы реализовать программу, цель которой заключается в осуществлении психолого-педагогического сопровождения развития подростков с диагнозом ЗПР из приемных семей, а также усовершенствование консультационной помощи родителям из замещающих семей.

Литература

1. Матанцева Т.Н. Возрастные и специфические особенности личностной саморегуляции подростков с задержкой психического развития // Вестник ВятГУ, 2012, №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozrastnye-i-spetsificheskie-osobennosti-lichnostnoy-samoregulyatsii-podrostkov-s-zaderzhkoy-psihicheskogo-razvitiya (дата обращения: 05.09.2024).

2. Письмо Минтруда России от 01.03.2023 № 26-2/10/В-2718 «О направлении Методических рекомендаций по организации социального сопровождения семей с детьми». URL: https://legalacts.ru/doc/pismo-mintruda-rossii-ot-01032023-n-26-210v-2718-o-napravlenii/ (дата обращения: 05.09.2024).

3. Смирнова А.А. Психолого-педагогическая коррекция самооценки у подростков с ЗПР в условиях инклюзивного образования // Концепт, 2018, №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskaya-korrektsiya-samootsenki-u-podrostkov-s-zpr-v-usloviyah-inklyuzivnogo-obrazovaniya (дата обращения: 05.09.2024).

4. Токарская Л.В., Хлыстова Е.В., Литвинова Ю.С. Исследование жизнестойкости подростков с задержкой психического развития // Педагогическое образование в России, 2022, №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-zhiznestoykosti-podrostkov-s-zaderzhkoy-psihicheskogo-razvitiya (дата обращения: 05.09.2024).

5. Токарская, Л.В. Социальное и психолого-педагогическое сопровождение приемных детей и их семей: учебное пособие для СПО. 3-е изд. Саратов, Екатеринбург: Профобразование, Уральский федеральный университет, 2024. 136 с.

Социально-психологические ресурсы для современных родителей как факторы благополучия семьи

В.В. Дренева

Государственное Бюджетное Общеобразовательное Учреждение, «Школа №17», г. Москва, Россия

drenevavv@mail.ru

Аннотация. *В настоящее время современные родители испытывают проблемы в воспитании собственных детей. В статье предлагаются социально-психологические ресурсы, которые помогут родителям и будут способствовать благополучию семей.*

Ключевые слова: *современные родители, консультация, социально-психологические ресурсы, благополучие семьи.*

Продолжительное время работая педагогом-психологом и встречаясь с родителями на консультациях, приходит понимание, что они совершенно другие по взглядам на воспитание и обучение детей, если их сравнивать с родителями предыдущих поколений. Анализируя условия, в которых современным родителям приходится воспитывать своих детей, можно выделить следующие проблемы.

Современные родители часто испытывают стресс из-за необходимости совмещать работу и семейную жизнь, а также из-за требований современного общества. Они часто испытывают нехватку времени из-за напряженного графика работы. Это затрудняет им проведение качественного времени со своими детьми и выполнение всех родительских обязанностей. Родители постоянно испытывают информационную перегрузку: доступ к информации может быть полезным, но он также может быть ошеломляющим. Современным родителям трудно отфильтровать информацию и найти надежную и актуальную помощь по воспитанию. Родители подвержены своеобразному прессингу «сравнение с другими». Социальные сети и другие онлайн-платформы иногда создают нереалистичные ожидания и заставляют родителей сравнивать себя с другими. Это может привести к чувству неадекватности и вины. Мамы и папы практически постоянно испытывают тяжесть «финансового бремени». Воспитание детей может быть дорогостоящим. Современным

родителям трудно обеспечить своих детей всем необходимым, особенно в условиях экономической нестабильности.

В создавшихся условиях, важно оказать в ходе консультации помощь и поддержку и сориентировать на социально-психологические ресурсы, которые имеются в арсенале родителей на сегодняшней день.

Социально-психологические ресурсы играют жизненно важную роль в благополучии и функционировании семьи. Они предоставляют семьям не только поддержку, но и возможности для решения проблем, связанных с воспитанием детей, отношениями и общим благополучием членов семьи.

Условно все социально-психологические ресурсы все можно разделить на следующие категории:

Социальная поддержка:

• Родительские группы и сообщества. Общение с другими родителями и семьями может обеспечить социальную поддержку, чувство общности и возможность учиться на опыте других.

• Друзья и родственники. Близкие друзья и родственники могут предоставить эмоциональную поддержку, практическую помощь в воспитании детей.

Психологическая поддержка:

• Детские психологи и консультанты. Эти специалисты могут предоставить поддержку и руководство родителям, которые испытывают трудности в воспитании детей или сталкиваются с проблемами психического здоровья своих детей.

• Семейные терапевты. Семейная терапия может помочь родителям и детям улучшить общение, разрешать конфликты и укреплять семейные отношения.

• Группы поддержки для родителей. Группы поддержки предоставляют безопасное и конфиденциальное пространство, где родители могут поделиться своими проблемами и получить поддержку от других родителей, которые переживают аналогичный опыт.

Образовательные ресурсы:

• Курсы и семинары для родителей. Эти программы могут предоставить родителям информацию о развитии детей, воспитательных практиках и способах справиться со стрессом, связанным с воспитанием детей.

• Книги и онлайн-ресурсы. Существует множество книг и веб-сайтов, посвященных воспитанию детей и вопросам психического здоровья родителей.

• Школы и дошкольные учреждения. Школы и дошкольные учреждения часто предлагают программы и услуги для родителей, такие как семинары и мероприятия по воспитанию детей.

Финансовые ресурсы:

• Финансовая помощь и программы. Правительственные и некоммерческие организации могут предоставлять финансовую помощь семьям с низким доходом, а также программы, помогающие родителям найти работу и получить образование.

• Субсидируемые услуги по уходу за детьми. Существуют программы, которые предоставляют субсидии на услуги по уходу за детьми для семей с низким доходом и семей, в которых родители работают или учатся.

Другие ресурсы:

• Местные общественные центры. Общественные центры часто предлагают программы и услуги для родителей и детей, такие как группы поддержки, курсы и мероприятия.

• Библиотеки. Библиотеки часто имеют коллекции книг и других ресурсов по воспитанию детей и вопросам психического здоровья родителей.

Используя эти социально-психологические ресурсы, современные родители могут получить поддержку, руководство и возможности, необходимые им для воспитания здоровых и счастливых детей в современном мире.

Литература

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон № 273-ФЗ: [принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года]. – Москва: Мозаика-Синтез, 2013. – 268 с.

2. Лифинцева А.А., Серых А.Б., Лифинцев Д.В. Социальная поддержка как фактор психического благополучия детей и подростков. // Национальный психологический журнал. 2016, № 2, с.71-78

3. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. — М.: Гардарики, 2005. — 320 с.

Особенности психологического сопровождения младшего школьника с трудностями обучения в школе и семье

И.В. Коротаева
Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
korotaeva_irina@mail.ru

***Аннотация**. Рассматриваются некоторые особенности психологического сопровождения младшего школьника с трудностями обучения в школе, описывается роль педагогического психолога в ситуациях налаживания сотрудничества между педагогом и семьей, определяемого различными факторами. Отмечается важность подготовки молодых специалистов широкого профиля с углубленным изучением дисциплин междисциплинарного профиля.*

***Ключевые слова:** психологическое сопровождение младших школьников, школьники с трудностями обучения, совместная деятельность педагога, психолога, семьи.*

Педагогическому психологу принадлежит важная роль в случаях сопровождения школьников начальных классов, имеющих трудности обучения на разных этапах. Процесс адаптации к школьной жизни для всех детей является достаточно сложным с первого по четвертый класс. Благополучные в этом процессе дети, те, кто не вызывает беспокойства у учителя и родителей, адаптируются к дидактическим требованиям, у них, на первый взгляд, формируются необходимые умения, они входят в школьную жизнь без выученной беспомощности, без психологов, дефектологов, медиков и других специалистов. Учитель и семья оказываются удовлетворены процессом, в котором педагог реализует дидактические требования, не вызывая сопротивления со стороны ребенка и родителей. Такие дети чаще всего оказываются без особого присмотра со стороны психологической службы в виду отсутствия запроса.

В случаях же, когда школьник с трудом выполняет запланированную учителем программу, имеет трудности в том или ином предмете, должен попасть в поле зрения специалистов уже с первого класса. Внимания, в первую очередь, должны заслуживать дети с затянувшимся стрессом, характерным для первоклассника, не прошедшего вовремя период адаптации, импульсивные школьники, плохо контролируемое поведение которых имеет признаки гиперактивности, имеющие трудности в освоении предметов: чтения, письма,

математики и др. (Безруких М.М., 2009, Ахутина Т.В., Пылаева Н.М., 2008, Глозман Ж.М., 2016, Сиротюк А.Л., 2003).

Неподдающиеся традиционному дидактическому воздействию школьники оказываются первыми претендентами на сопровождение учебного процесса специалистами, в первую очередь, психологами. Эта ситуация связана со сложностями разного порядка. Во-первых, учитель должен сам признаться себе в имеющихся трудностях, при этом трезво оценивать свой многолетний опыт, знание психологических особенностей детей, привычки самостоятельно ставить диагнозы ученикам и т.п. Каждый новый ребенок с трудностями обучения, встречающийся на профессиональном пути, отличается в силу своих индивидуальных особенностей от предшествующих, с которыми каждый учитель в той или иной степени справился или не совсем. Количество таких детей растет год от года, трудности возрастают также лавинообразно(Безруких М.М., 2023).

Во-вторых, серьезным обстоятельством при обращении за помощью к специалистам оказывается установившиеся отношения с семьей ребенка. Здесь иногда педагог, даже с многолетним стажем работы, сталкивается с большим количеством проблем. В ситуациях, когда родители внимательно следят за всеми проявлениями трудностей ребенка, трезво относятся к ним, желают разобраться в причинах, педагог может наладить контакт, способствующий эффективному диалогу и сотрудничеству. Даже в таком идеальном варианте взаимодействия с семьей, учитель должен спрашивать разрешения у родителей для обращения за помощью к специалистам или рекомендовать такой поиск.

Каждый специалист или учитель, работающий в школе, знает о возможных реакциях родителей, которые становятся с каждым годом все разнообразнее в своих проявлениях в силу все более нарастающей уязвимости и незащищенности педагогов. Традиционным вариантом является отношение родителей к школе как к камере хранения, в которую сдали идеального ребенка, а учреждение, раздающее образовательные услуги, не справляется со своими обязанностями. Такая ситуация особенно характерна для частных школ, где у родителей нет времени на воспитание ребенка в силу занятости или привычки решать все проблемы с помощью денежных инвестиций. Этот вектор развития в любом случае связан с тем, что учитель должен заявить о проблеме, а не маскировать ее.

Другой типичный случай связан с очень болезненной реакцией семьи, категоричном отказе анализировать трудности поведения или обучения своих детей и осознавать их, особенно в стенах школы. В этой ситуации «идеальный» педагог, желающий наладить плодотворное сотрудничество с семьей для разрешения проблем ребенка остается без поддержки семьи. Даже если родители услышат запрос учителя, отправятся на поиски каких-либо специалистов, они попадают в ситуацию, когда получают диагноз на стороне и остаются с проблемой ребенка и попыткой ее решить вне школьного обучения. Это чревато обычно тем, что «решаемая» специалистами (нейропсихологами, физиологами, медиками и т.д.) проблема не в полной мере способствует разрешению трудностей педагогического процесса. Педагог остается со справкой о благополучном состоянии ребенка на руках, но с теми же нерешенными дидактическими проблемами. Важно также отметить, что получение дополнительных услуг специалистов доступно не всем семьям в силу экономических, географических и множества других причин.

Мы описали только самые типичные крайние варианты взаимоотношений педагога, имеющего установку на решение проблемы обучения и поставившего перед собой задачу помочь ребенку с помощью специалистов. Признаемся, что на месте такого учителя может оказаться тот, который не захочет признаваться в своих проблемах открыто. В такой ситуации семье нужно будет догадываться о трудностях ребенка по оценкам, если они будут низкими.

В случаях невозможности налаживания продуктивного диалога и сотрудничества между школьным учителем и семьей остается только возможность обратиться за помощью к сотрудникам психологической службы в школе, если она функционирует. В этой ситуации педагогический психолог становится посредником между учителем, ребенком и семьей.

Каковы особенности работы педагогического психолога в этом случае? Во-первых, он должен наладить диалог с учителем и услышать о тех проблемах, которые есть у педагога. Во-вторых, он должен сам обнаружить проблемы ребенка и определить степень педагогической запущенности или возможности проявления симптомов, связанных с различными нарушениями в развитии. В-третьих, определить границы возможностей коррекционной работы с учеником в разных случаях взаимодействия с учителями и родителями. Какие факторы определяют работу педагогического психолога в ситуации, когда ему делегируется миссия, связанная с психологической и педагогической поддержкой ребенка с трудностями обучения, т.е. коррекционная работа? Попробуем рассмотреть основные особенности такой работы.

Сотрудники психологической службы школы на первое место выдвигают организационный фактор. Педагогический психолог должен иметь время для диагностической и коррекционной работы. В стандартных ситуациях школьной жизни это возможно только после уроков (прогулки, кружков, подготовки домашнего задания и т.д.). Физиологическое и психическое состояние ребенка обычно в таких условиях не может соответствовать продуктивной работе.

На второе – уровень компетентности психолога, позволяющий ему осуществлять диагностическую работу. В случае диагностики самым главным является определение пограничных состояний или проявлений симптомов дислексии, дисграфии, СДВГ, поведенческих нарушений и т.п. В случае предполагаемого диагноза главным является доведение до родителей и членов семьи результатов своего обследования и направления для подтверждения возможных диагнозов. Это связано с тем, что отсутствие коррекции приведет к росту проблемы, если она не будет решена в сензитивный период развития мозга для ее решения. Налаживание контакта с семьей ребенка может оказаться главной задачей не классного руководителя, а специалиста-психолога.

Если семья принимает решение обследовать ребенка и начать коррекционную работу вне школы, задачей педагогического психолога является наведение мостов между результатами такой работы на нейропсихологическом и других уровнях, проведенных специалистами, и встраиванием в дидактический процесс в рамках школы.

В случае определения возможности коррекционной работы без вмешательства других специалистов вне школы педагогический психолог должен оценить и спланировать весь объем коррекционной работы для каждого вида трудностей обучения. Это потребует согласования своей работы с учителем, выяснения истории вопроса, самых крайних проявлений и т.п. Без попытки определить причины трудностей невозможно выстраивать план коррекционной работы. Такое вмешательство в педагогический процесс потребует погружения в содержание предмета и знание педагогической технологии, используемой в процессе обучения, ее особенностей, ограничений, связанных с психологическими особенностями конкретного ребенка. Молодому специалисту трудно это осуществить, т.к. эти знания в вузе даются без должной отработки из-за количества учебных часов и предлагаемых организационных форм. Сама проблема, связанная с невозможностью решить дидактические задачи в силу медицинских и психологических особенностей учеников, чаще ставится как цель обучения в учебных заведениях, связанных со специальной педагогикой.

Согласования плана коррекционной работы с учителем также может оказаться недостаточно, потому что любая форма такой работы предполагает разрушение

сформированных и отработку вновь формируемых умений в разных ситуациях. Это тяжелейший процесс, требующий серьезных временных и психических затрат со стороны младшего школьника. Кроме того, он может противоречить дидактическим представлениям учителя, работа которого подвергается тщательной проверке и перестройке. В этом случае без помощи семьи выйти на положительный результат крайне сложно.

Контакт с семьей необходим для того, чтобы адекватно поддерживать ребенка мотивационно и организационно, а также для того, чтобы использовать свободное время для отработки и переноса формируемых умений в различных ситуациях. Особенно это необходимо при формировании навыков чтения, если школьник находится в пограничной зоне (Корнев А.Н., 2005). Мотивационная поддержка важна как в этом случае, так и в ситуациях педагогической запущенности (Киракосян А.Х., 2014).

Мы рассмотрели только несколько типичных вариантов в треугольнике «учитель-педагогический психолог- семья», причем ситуации, когда учитель и психолог демонстрируют готовность решить дидактические и психологические трудности ребенка, речь идет об установлении контакта с семьей для реализации программы совместной деятельности. Готовность семьи к сотрудничеству определяется также большим количеством факторов (образовательный, экономический, социальный статус родителей, их личностные, коммуникативные и другие компетенции), которые определяют вектор работы. Налаживание взаимодействия между педагогом, родителями в реализации коррекционной учебной программы в данном варианте оказывается необходимым условием работы психолога по сопровождению ребенка с трудностями обучения, наряду с самим содержанием коррекционных действий.

Мы рассмотрели очень небольшой процент возможных ситуаций в работе педагогического психолога в рамках треугольника, исключающего самого ребенка. Тридцатилетний опыт работы в школе позволяет мне с горечью констатировать, что иногда «младенец выплескивается вместе с водой». Главная задача психолога – не только в решении дидактических проблем, но в психологической помощи педагогу, родителям, но главное – самому ребенку, который должен оказаться в центре треугольника или наоборот, в треугольнике «ребенок-педагог-родитель» психолог должен быть в центре как связующее звено. Подготовка педагогического психолога к такой работе в университетах должна носить не поверхностный междисциплинарный характер, а позволять молодому специалисту работать на стыке дисциплин, разбираясь в педагогических целях и содержании обучения, а также понимать природу трудностей обучения ребенка с позиций нейропсихологии, физиологии и др. (Безруких М.М., 2023).

Литература

1. Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Преодоление трудностей учения. Изд. Питер. 2008.
2. Безруких М.М. Обучение письму. Изд.: Рама Паблишинг, 2009.
3. Безруких М.М. Трудности обучения в начальной школе: причины, диагностика, комплексная помощь. Изд. «Директ-медиа», 2023.
4. Глозман Ж.М, Соболева А.Е. Комплексная коррекция трудностей обучения в школе. Изд. «Смысл», 2016.
5. Киракосян А.Х. Оптимизация психологической готовности к коррекции чтения в начальной школе / А.Х. Киракосян // Психология и психотехника. [Электронный ресурс]. — 2014. - № 2. - С. 94-134.
6. Корнев А.Н. Нарушения чтения и письма у детей. СПб: Речь, 2005.
7. Сиротюк А.Л. Нейропсихологическое и психофизиологическое сопровождение обучения. Изд. «Сфера», 2003.

О профилактике вторичного сиротства у приемных подростков

Е.Э. Кригер
ФГБОУ ВО Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ekrig@ya.ru

Аннотация. *в работе представлена основная идея проекта, направленного на профилактику вторичного сиротства у подростков. Авторы предполагают проводить такую работу на основе трансформации ценностно-смысловой сферы подростков, формированию у них способности видеть скрытые смыслы. Формой профилактики станет семейный клуб, в котором будет простроена работа по преодолению разрыва внутри семьи, а его участниками станут подростки совместно с приемными родителями.*
Ключевые слова: *приемные семьи, вторичное сиротство, профилактика, подростки, ценностно-смысловая сфера*

Уже давно известно, что жизнь в сиротских учреждениях не позволяет детям и подросткам, оставшимся без попечения родителей успешно адаптироваться в жизни, найти своё предназначение, преодолеть опыт эмоциональной депривации. Попадая в новую семью, ребенок, не имеющий опыта здоровой социализации, хороших образцов родительства и семейных отношений, культурной организации быта, получивший травматический опыт, испытывает большие трудности с вхождением в новый социокультурный контекст.

Однако по данным, собранным проектом «Если быть точным» на момент 2021 года в России было 494 тысяч детей, переживших опыт сиротства — это 2% от всех детей в России, большая часть из которых находилась на воспитании в семьях — 454 031 человек (сумма по опекаемым и усыновленным). Несмотря на это, количество детей, которые вернулись в детские учреждения из новой семьи, то есть стали вторичными сиротами, в 2021 году составила 5272 ребенка, также было зафиксировано среди возвратов 60% случаев отмен решений об устройстве ребенка в семью, которые произошли по инициативе новой семьи, 15,5% были возвращены по решению органов опеки. Риск возврата детей из приемных семей в детские дома остается достаточно высоким.

Приемные родители оказываются в полной растерянности и беспомощности перед странным для них поведением ребенка или подростка, его асоциальными привычками, низким культурным уровнем, деформированной личностно-волевой сферой. Однако взять культурные образцы жизни ребенку или подростку оказывается не откуда. Опыт жизни в кровной семье не сформировал их. Сознание ребенка строится либо преимущественно на увиденном в родительской семье, либо только на опыте жизни в сиротском учреждении. Ценностно-смысловая сфера подростка искажена, он не может найти способы реализации себя, не имеет устойчивых социально одобряемых интересов. Столкнувшись, два совершенно разных мира с одной стороны приемного родителя, а с другой стороны подростка, не могут интегрироваться из-за большого разрыва ценностно-смысловой сферы, что приводит к нарушению семейных отношений, и как следствие, к возвратам детей в детские дома. Еще хуже обстоит ситуация со вторичным сиротством, при котором ребенка сначала принимают в семью, а потом возвращают в систему один или несколько раз.

На сегодняшний день сложившиеся формы работы не отвечают тем проблемам, с которыми сталкиваются родители. Проводимая работа по построению детско-родительских отношений, адаптации ребенка в семье, формированию привязанности не обеспечивает трансформацию того прошлого опыта, с которым приёмный ребенок или подросток приходит в новую семью. Требуется специальная направленная работа по наполнению его сознания

новыми образцами опыта, трансформацией его смыслов и ценностей, мотивированию к социально успешным и одобряемым стратегиям жизни, тому, что позволит приемного подростка успешно интегрировать в новой семье и предупредит возврат подростков в сиротские учреждения. В этой связи нам кажется целесообразным создание специального проекта по профилактике вторичного сиротства.

Проект детско-родительского клуба «Дом — это мы» предлагает проведение специальной комплексной работы по профилактике вторичного сиротства и предупреждения возврата приемных детей в детские дома и будет складываться из проведения 6 очных встреч с тремя группами-участниками проекта по перестройке ценностно-смысловой сферы в Москве, отслеживание результатов проводимой работы через диагностику; публикацию полученных результатов в рецензируемых журналах; разработку и создание методического пособия по организации детско-родительского клуба приемных семей с подростками, с дальнейшим их распространением через семинары/ видео-конференции/ презентации среди психологов и педагогов, работающих с приемными семьями, психолого-педагогического научного сообщества, людей, связанных с воспитательной работой и образованием на территории всей Российской Федерации. В основу программы, которая будет разработана с привлечением научно-исследовательской базы РГГУ, будет входить технология дебрифинга, одного из наиболее эффективных методов работы в кризисной ситуации, арт-терапевтические техники для снижения эмоционального напряжения и тренинговые инструменты для эффективного решения вопросов и выхода их сложных ситуаций.

Уникальность данного проекта определяется тем, что он, во-первых, направлен на характерную целевую аудиторию, которую составят приемные родители, склонные к возврату приёмных подростков в детские дома, а также подростки, имеющие опыт вторичного сиротства; во-вторых, представленный проект имеет уникальную технологию работы, предполагающую создание семейного клуба. Его специфическими чертами станут:

- совместное участие замещающих родителей с подростками (обычно существующие способы сопровождения предполагают проведение работы только лишь с каждой из названых групп отдельно);
- направленность не столько на адаптацию подростка в новой семье или формирование привязанности, сколько на трансформацию сложившегося в прошлой жизни опыта и формирование нового культурного кода восприятия мира;
- использование содержания, включающего жизненные коллизии, имеющее скрытые смыслы для переоценки ценностей;
- предлагаемые темы будут учитывать сложности подросткового взросления и трудности, с которыми сталкиваются приемные родители во взаимодействии с детьми;
- обсуждаемое содержание будет углубляться и проживаться через эмоционально-чувственную сферу посредством техник арт-терапии.

Предлагаемая система мер имеет свои преимущества, так как, с одной стороны, не только позволяет сохранить в основе организации проекта подростковую ведущую деятельность — общение со сверстниками, определяющую весь ход их психического развития. Так как предлагаемый клуб будут посещать сами подростки. С другой стороны, подключает родителей как особую культурную социальную среду, через которую подростки смогут соприкоснуться с новыми ценностями и смыслами взрослого мира и интериоризировать их, не находясь только в своей субкультуре и искаженных представлениях. И тем самым смогут трансформировать собственный опыт.

Содержание рассматриваемых тем семейного клуба будет базироваться на доступных пониманию подростков универсальных общечеловеческих ценностях. А обсуждение их совместно с ровесниками и взрослыми расширит представления о мире; создаст возможность вычерпать те смыслы, которые до совместного обсуждения не попадали в сознание подростков; выведет из равновесия сложившуюся систему ценностей и позволит переосмыслить обсуждаемые значимые темы. При совместной специально направляемой

дискуссии участники клуба смогут увидеть знакомые проблемы глазами других людей и соотнестись с точкой зрения, отличающейся от своей собственной, что позволит сделать выбор в пользу одобряемых в сложившемся социальном окружении ценностей. В данном случае, родительский круг будет задавать границы представленного культурного кода и выступит посредником между ребенком и культурой. При этом нахождение в среде сверстников позволит сохранять чувство принадлежности референтной группе. Тем самым одновременное участие в проекте родителей и детей сбалансирует взаимодействие, уменьшит защитные механизмы у подростков, предложит ценностные модели жизни от родителей.

Предмет обсуждения участниками клуба, с одной стороны, будет строиться на сложностях понимания ценностного ряда приемными подростками, их внутренних конфликтах и смыслах, которые для них не являются очевидными. С другой стороны, он будет включать такие аспекты жизни, которые вызывают у замещающих родителей особые затруднения во взаимодействии и выступают источником для напряжения и конфликта.

Совместная деятельность родителей и подростков в ходе специальных занятий клуба позволит расширить имеющийся опыт подростка на основе демонстрации и обсуждения позитивных моделей поведения и жизни человека; приведет к переоценке ценностей в темах семьи, построения жизненного пути, образования, воспитания; создаст новые культурные фильтры сознания и избирательности опыта, также поможет сформировать образ семьи у приемных детей и интегрироваться им в новую реальность приемной семьи. Участие в проекте расширит самосознание подростков, даст шанс пересмотреть ценности связанные с образом семьи, семейных отношений, успешной самореализацией, будет способствовать формированию ответственности к своему взрослению и построению отношений с другими людьми.

В соответствии с этим, проект по организации детско-родительского клуба «Дом — это мы», включающий систему занятий по трансформации ценностно-смысловой сферы через дискуссию и арт-терапевтические средства предлагает комплексную психолого-педагогическую работу как с родителями, так и с их приемными детьми, направленную на переоценку ценностей прошлого опыта приемных детей, их нравственное развитие, а также укрепление семейных связей и создание благоприятного микроклимата в приемных семьях. Обобщенный и систематизированный опыт по организации и содержанию деятельности клуба «Дом — это мы» будет распространен в широком психологическом сообществе.

Цель проекта — создание системы специальных мер профилактики вторичного сиротства в приемных семьях, включающей разработку, проведение и трансляцию опыта организации семейного клуба для приемных родителей и приемных подростков «Наш дом».

Задачи проекта

- Изучение опыта работы организаций по сопровождению замещающих семей на предмет создания стратегий трансформации ценностно-смысловой сферы подростков.
- Диагностика участников клуба и получение количественных показателей изменений в ценностно-смысловой сфере.
- Научно-методическое обоснование и разработка проекта деятельности клуба для замещающих семей, включающие содержательное наполнение событийно насыщенных встреч, направленных на решение коллизийных, позволяющих сделать переоценку ценностей в темах материнства, образования, самоотношения, воспитания, построения жизненного пути и др., а также конструирование технологий его проведения.
- Профилактика вторичного сиротства по средствам трансформации ценностно-смысловой сферы участников. По материалам деятельности семейного клуба «Дом — это мы» создание методических рекомендаций для психологов по организации подобного клуба и распространение их на территории Российской Федерации и среди русскоговорящих специалистов.
- Ознакомление заинтересованных лиц с результатами деятельности семейного клуба «Наш дом» через интернет ресурсы и СМИ.

В качестве целевой группы выступят: семьи с приёмными детьми, имеющие риск возврата детей в детские дома. В том числе, родители, усыновившие/удочерившие/взявшие под опеку ребенка, испытывающие трудности в построении детско-родительских отношений, а также подростки (12-17 лет), получившие опыт вторичного сиротства, а также усыновленные/удочеренные/взятые под опеку, имеющие осложненное поведение.

В ходе реализации программы семьи, имеющие риск возврата приёмного ребенка, пройдут трансформационную программу по коррекции ценностно-смысловой сферы подростков для улучшения отношений внутри семьи и предотвращения повторного сиротства. Мы предполагаем, что в ходе такой работы произойдет изменение адаптационных показателей жизни в семье; увеличится степень сплоченности; родители смогут по-новому посмотреть на своего подростка, открыть в нем новые грани, проявить интерес к его внутреннему миру; снизить тревожность за ребенка; изменить способы взаимодействия с подростками, выстроить их на основе эмоциональной близости и согласия в отношениях, а также принятии подростка и сотрудничества с ним. Повысится авторитет родителя.

У самих подростков произойдет перестройка ценностно-смысловой сферы: повысится значимости семьи, переосмыслятся общечеловеческие отношения, появится желание построения успешного жизненного пути; будет формироваться уверенность в себе и адекватная самооценка, автономность, надежная привязанность к приемным родителям; возникнет удовлетворенность отношениями с родителями. В целом повысятся адаптационные показатели поведения.

Проект будет осуществлен на базе фонда помощи приемным семьям «Арифметика добра» в городе Москве.

Специфика мотивации приема и воспитания детей-сирот трудно устраиваемых категорий у кандидатов и замещающих родителей в зависимости от формы семейного устройства, включая усыновление

В.Н. Ослон

ФГБОУ ВО МГППУ, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», г. Москва, Россия

oslonvn@mgppu.ru

Аннотация. *Представлены результаты исследования, в котором приняли участие потенциальные и функционирующие замещающие родители, включая усыновителей (N= 7150) из 57 регионов РФ. Выделено 2 мотивационных профиля приема и воспитания детей трудно устраиваемой категории: достаточно и недостаточно ресурсный. Для всех информантов характерна достаточно ресурсная мотивация. Наиболее ресурсная у кандидатов в усыновители и усыновителей, а также у полной семьи, в которой оба супруга оформляют родительство.*

Ключевые слова: *мотивация приема и воспитания, дети трудно устраиваемой категории, кандидаты, замещающие родители.*

В последние годы в Федеральном банке данных о детях-сиротах абсолютное большинство нуждающихся в семейном жизнеустройстве, составили дети трудно устраиваемых категорий: подростки, дети с ОВЗ и инвалидностью, сиблинги, которых нельзя разлучать. Это ставит перед научным сообществом задачу изучения типов мотивации, которыми руководствуются как потенциальные, так и уже функционирующие замещающие родители при приеме и воспитании детей этих категорий.

В литературе мотивация рассматривается как важнейший предиктор эффективности семейного жизнеустройства, позволяющий прогнозировать успешность замещающего

родительства, а также корректировать как психологическую готовность к приему, так и детско-родительские взаимоотношения в процессе воспитания (Жуйкова Е.Б., Печникова Л.С., 2014; Davi N., 2021).

В представленном исследовании мотивация понимается ресурс, который позволяет членам семьи удовлетворить наиболее актуальные жизненные потребности.

В литературе выделяются типы мотивации адекватные или неадекватные задачам воспитания приемного ребенка (Ослон В.Н. и др., 2021); конструктивные или неконструктивные, что близко по смыслу (Калашнова Е.А., 2021).

Российские исследования, направленные на классификацию типов мотивации приема детей трудноустраиваемой категории, сосредоточены на детях с ОВЗ (Асламазова Л.А., 2017; Колосова Т.А., 2015)

В выборку вошли кандидаты в опекуны/приемные родители (N=684); кандидаты в усыновители (N=560); опекуны/попечители (N=2991); приемные родители (N=2642); усыновители (N=273), ср. возраст 46,45+9,98; каждый 3-й родитель воспитывал детей в неполной семье. 84,6% замещающих родителей имели опыт воспитания детей трудно устраиваемой категории.

В исследовании использовалась *методика «Мотивация приема ребенка-сироты в замещающую семью»* (Ослон В.Н. и др., 2021). Также информанты отвечали на вопросы специально разработанной анкеты.

Полученные данные позволили на основе факторного анализа (метод главных компонент, вращение Варимакс с нормализацией Кайзера, процент дисперсии 68,76%) выделить 2 мотивационных профиля: достаточно ресурсный (самореализация себя в детях; альтруизм; удовлетворение экзистенциальных потребностей; заполнение пустого гнезда); и недостаточно ресурсной (разрешение семейного и личностного кризиса; решение демографических проблем; религиозная мотивация; удовлетворение материальных потребностей).

Доказано, что для всех информантов независимо от статуса (кандидат, родитель), формы устройства характерна достаточно ресурсная мотивация. Наиболее ресурсная у кандидатов в усыновители и усыновителей, а также у полной семьи, в которой оба супруга оформляют родительство.

В процессе подготовки к приему большинство кандидатов в усыновители либо отказываются от приема, либо перетекают в возмездные формы опеки; у всех кандидатов значительно повышается уровень страхов в связи с плохой наследственностью ребенка.

Полученные результаты уточняют и расширяют представления об особенностях мотивации приема детей трудно устраиваемой категории у представителей различных форм семейного устройства.

Литература

1. Асламазова Л.А. Ценностно-мотивационные характеристики замещающих родителей, принявших на воспитание детей с ограниченными возможностями здоровья // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Том 6. № 3А. С. 101–111

2. Жуйкова Е.Б., Печникова Л.С. Психологическая характеристика мотивации к воспитанию приемного ребенка в семье // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19. № 4. С. 46–53

3. Калашнова Е.А. К вопросу необходимости оценки и формирования адекватной (конструктивной) мотивации создания замещающей семьи // Проблемы теории и практики современной психологии: материалы XX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 23–24 апреля 2021 года. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2021. С. 207–209

4. Колосова Т.А., Голиков Д.В. Мотивация приема в семью детей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник ОГУ. 2018. № 3 (215). С. 90–96. DOI:10.25198/1814-6457-215-90

5. Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Колесникова У.В. Структура методики «Мотивация приема ребенка-сироты в замещающую семью» [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2021. Том 13. № 4. С. 3–21. DOI:10.17759/psyedu.2021130401

6. Davi N., Jones J., Gillen M. An exploration of the motivations and barriers to being a foster parent in Florida // Children and Youth Services Review. 2021. Vol. 131. Art. nr 106261. DOI:10.1016/j.childyouth.2021.106261

Особенности социально-психологического сопровождения родителей одаренных обучающихся

И.В. Серафимович, А.И. Салова, М.И. Салова
Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Ярославль ,Москва, Россия
iserafimovich@yandex.ru, any-salova@yandex.ru, mash-a-kumi@yandex.ru

Аннотация*. представлен региональный опыт социально-психологического сопровождения семей с одаренными обучающимися. Дано описание различных проблемных ситуаций, возникающих при организации деятельности сопровождения. Обозначена необходимость в разработки психологических рекомендаций, направленных на организацию совместной деятельности различных участников образовательных отношений с одаренным обучающимся.*

Ключевые слова: *социально-психологическое сопровождение, одаренные обучающиеся, родители.*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00518, https://www.rscf.ru/project/24-28-00518/

Одна из ключевых целей государства на современном этапе развития – создание условий для укрепления семьи как важнейшего социального института. В частности, в стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года подчеркивается важность просвещения и консультирования родителей по психолого-педагогическим вопросам семейного воспитания. Несмотря на то, что спектр психологических направлений работы с семьей очень широк и вариативен, мы хотим обратить наше внимание на работу с родителями одаренных обучающихся. Как показывают исследования российских ученых остаются актуальными вопросы объединения совместных усилий педагогов и родителей в сопровождении одаренных обучающихся (В.Н. Дружинин, 2007; В.И. Панов, 2020; Д.Б. Богоявленская, В.Д. Шадриков 2003; Е.И. Щебланова, 2013).

Анализ более чем двадцатилетнего регионального опыта сопровождения психолого-педагогическими службами образовательных организаций родителей одаренных обучающихся показывает, что существуют следующие проблемные зоны:

Во-первых, невысокая готовность родителей к непрерывному процессу оказания адресной помощи своему ребенку по возникающим организационным и содержательным вопросам в рамках мероприятий или событий, направленных на развитие способностей ребенка. Если на уровне начального образования эта готовность присутствует, то на уровнях

основного общего и среднего образования она имеет тенденцию к снижению. Использование федеральных ресурсов для развития одаренности обучающихся («Сириус», «Артек», «Большая перемена», «ПроеКТОриЯ» и др.) предполагает, что ребенку нужна помощь родителей, появляющаяся не только в виде психологической поддержки, но и в виде реализации совместной деятельности по достижению определенного результата. При этом сама совместная деятельность возможна при определенных условиях: распределении действий и операций, обмена способами действия, взаимопонимания, коммуникации, рефлексии, через которую устанавливается отношение участника к собственному действию и обеспечивается преобразование этого действия в соответствии с содержанием и формой совместной деятельности (Рубцов, И.М. Улановская, 2021).

Во-вторых, неконгруэнтная оценка родителями способностей обучающихся на разных этапах обучения. Исследование, выполненное нами, ранее позволило выявить неконгруэнтность представлений педагогов и родителей о видах и проявлениях одаренности у академически одаренных обучающихся младшего школьного возраста. Вместе с тем показано, что система мероприятий психолого-педагогического сопровождения, направленная на взрослых участников образовательных отношений – родителей (законных представителей) обучающихся и педагогов, способствует уменьшению неконгруэнтности мнений педагогов и родителей о потенциале детей (М.М. Кашапов, И.В. Серафимович, Ю.Г. Баранова, 2021).

В-третьих, недостаточность нормативно-правового и методического регулирования деятельности психологов в рамках работы с семьями одаренных детей. Справочно обозначим, что в Ярославской области на разных уровнях службы работает 718 педагогов–психологов. По официальным данным министерства образования Ярославской области в 2023 году оказание психолого-педагогической помощи обучающимся/воспитанникам с признаками одарённости составило всего 5195 услуг, из них 2871 - индивидуальные, 2324 - групповые, что составляет 1,3% от общего количества услуг. Работа с родителями в целом и в частности с родителями одаренных обучающихся, имеет место быть, но ее удельный вес небольшой — 14,7% об общего контингента. Вместе с тем, в подростковом возрасте у детей, в том числе одаренных изменяются структура и содержание мотивов, а ведущей деятельностью становится интимно-личностное общение (Д.Б. Эльконин, 2008), а это соответственно требует нового формата взаимодействия родителей и детей и адресной психологической помощи.

Несомненно, каждая из указанных нами выше проблемных зон требует дальнейшего осмысления и поиск путей выхода, в том числе за счет выделения успешных практик работы с семьей, новых исследовательских треков, в том числе в области современных особенностей одаренных обучающихся, и особенностей родителей, создающих предпосылки для «зоны ближайшего развития».

Литература

1. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. Санкт-Петербург: Питер, 2007. 358 с.
2. Кашапов М. М., Серафимович И. В., Баранова Ю. Г. Социально-психологический аспект академической одаренности современных младших школьников //Ярославский педагогический вестник. Т. 121. № 4. 2021. С. 137-149.
3. Панов В.И. Парадоксальность и природа одаренности: экопсихологический подход // Ярославский психологический вестник. 2020. № 3 (48). С. 26-34.
4. Рабочая концепция одаренности / под ред. Д. Б. Богоявленской, В. Д. Шадрикова. Москва: МО РФ, 2003. 95 с.
5. Совместная учебная деятельность и развитие детей / Коллективная монография. Под редакцией В.В. Рубцова, И.М. Улановской М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. 352 с.
6. Щебланова Е.И., Моросанова В.И., Бондаренко И. Н., Сидиков В. А. Взаимосвязь психометрического интеллекта, осознанной саморегуляции, учебной деятельности и

академической успеваемости одаренных подростков // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология, 2013, № 3, С. 18-32.
7. Эльконин Д.Б. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков (заключение) / Д.Б. Эльконин, Т.В. Драгунова. – Москва // Психологические теории подросткового возраста: хрестоматия / Сост. М.К. Павлова. Москва: АНО «Психологическая электронная библиотека», 2008. С. 342-348.

МЕТОДЫ ПСИХОДИАГНОСТИКИ СЕМЬИ И ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Методы психодиагностики семьи и детско-родительских отношений

Типология зависимостей в рамках исследования позитивных родительских чувств

М.М. Басимов, Е.А. Падурина,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва, Россия
Курганский государственный университет
basimov_@mail.ru, len04ka.06@mail.ru

Аннотация. *Рассматривается статистика линейных связей по силе в рамках исследования семейных детско-родительских отношений. В рамках 1225 неповторяющихся пар для 50 переменных найдена только одна сильная корреляция, средних корреляций – 39. Значит, в рамках линейных моделей изучать проблемы детско-родительских отношений не представляется чем-то содержательным. В тоже время, например, в модели кварт независимой переменной можно найти достаточное для содержательного анализа количество простейших нелинейных связей, что приведено в предлагаемой работе.*
Ключевые слова: *детско-родительские отношения, родительство, коэффициент корреляции, коэффициент силы связи*

Рассмотрим результаты изучения статистических связей с привлечением данных, полученных Е.А. Падуриной в рамках исследования (выборка n=140) семейных детско-родительских отношений (Падурина, 2008). Для изучении статистических связей использовался авторский метод М.М. Басимова, когда наряду с линейными связями выявляются и простейшие нелинейные зависимости любой формы (Басимов, 2011), что позволяет лучше понять такой сложный психологический предмет исследования, как родительство.

Рассматривая многочисленные исследования по семейной психологии (цитирования смотрите в статьях) можно отметить, что причинно-следственные связи в рамках этой тематики в подавляющем большинстве не вписываются в линейные модели, хотя психологическое сообщество в подавляющем своем большинстве по-прежнему пытается опираться на линейные модели, придумав что «значимая» (ненулевая корреляция со звездочками), а не сильная корреляция для значительной выборки (100 и более) является достаточной, чтобы говорить о содержательности результата. А таких «значимых» корреляций всегда набирается порядка трети от всех пар переменных, и значит даже при отсутствии сильных корреляций, у автора есть «богатый» выбор для написания статей и диссертаций. При этом часто в диссертациях авторы, перечисляя «значимые» корреляции, не делают их разделение по силе, когда в одном списке

присутствуют как сильные, так и слабые корреляции, и не важно, что 0.24 и 0.90 – это принципиально не одно и тоже.

Для **50** количественных показателей пар между различными показателями будет **1225**. Корреляций Пирсона, не попадающих в определение значимых (**abs(r)<0.17**), нашлось 652 (53.22%).

Интервал коэффициента корреляции	Вербальная интерпретация значений коэффициента корреляции	Количество значений коэффициента корреляции в интервале
$0 \le \|r\| \le 0.17$	Очень слабая корреляция (практически отсутствует)	652 (53.22%)
$0.17 < \|r\| \le 0.2$	Очень слабая корреляция (практически отсутствует)	103 (8.41%)
$0.2 < \|r\| \le 0.3$	Слабая корреляция	218 (17.80%)
$0.3 < \|r\| \le 0.5$	Умеренная корреляция	212 (17.31%)
$0.5 < \|r\| \le 0.7$	**Средняя корреляция**	**39 (3.18%)**
$0.7 < \|r\| \le 1$	**Сильная корреляция**	**1 (0.08%)**
Всего	**Всего неповторяющихся пар переменных**	**1225 (100%)**

Значимых корреляций разной силы (**0.17<abs(r)<=1**) имеем достаточно большое количество 573 (46.78%). Это почти половина от всех возможных пар переменных, поэтому если следовать негласному правилу и отбирать как представляющие интерес все значимые корреляции, то их хватит для любой тематики в рамках анализируемых данных, а также для большого количества гипотез, характеризующих причинно-следственную картину: очень слабых корреляций в интервале **0.17<=abs(r)<=0.2** имеем 103 (8.41%); слабых корреляций в интервале **0.2<abs(r)<=0.3** – 218 (17.80%); умеренных корреляций в интервале **0.3<abs(r)<=0.5** – 212 (17.31%); средних корреляций в интервале **0.5<abs(r)<=0.7** – 39 (3.18%); сильных корреляций в интервале **0.7<abs(r)<=1** – всего 1 (0.08%).

Сильных (**0.7<abs(r)<=1**) и почти сильных **0.6<abs(r)<=1** (включены из-за недостатка сильных, которых всего одна), для **1225** пар переменных набралось **17** (1.39%). Из них **16** зависимостей связывают различные виды позитивных родительских чувств методики Е.А. Падуриной, и только одна зависимость связывает показатели различных методик. Максимальное по модулю значение коэффициента корреляции равно 0.72. И вместо того, чтобы искать реальные зависимости в дальнейшем, в психологическом сообществе негласно сформировалось правило, когда для большинства корреляция стала считаться достойной внимания, если она «значимая» (звездочки SPSS).

Среди **218** значимых, но при этом очень слабых и слабых зависимостей (**0.17<abs(r)<=0.3**) в модели для кварт было найдено **13** сильных (**SV>0.7**) простейших нелинейных зависимостей (**ошибка 2 типа**).

Например, зависимость X45(X21) гедонистической эмоциональной направленности от

способности воспринимать состояние ребенка далека от линейной (**r=0.26**), а коэффициент силы связи **SV=1.07** (сильная зависимость), при этом обратная зависимость X21(X45) (**SV'=0.55)** более слабая. В зависимости X45(X21) зависимая переменная вначале резко возрастает с -8177 до +3173 по шкале сравнительной весомости при переходе с 1 кварты (1.8<=X21<3.4 баллов по шкале X21) на 2 кварту (3.4<=X21<4) и далее (+6422) при переходе на 3 кварту (4<=X21<4.2) независимой переменной. После чего достаточно резко падает (-327) на 4 кварте (4.2<=X21<=5) до значений сильно превышающих, чем на 1 кварте. График на рисунке 1.

А среди **103** зависимостей, которые не попали в зону значимости в модели для кварт, было найдено **12** сильных (**SV>0.7**) простейших нелинейных зависимостей (**ошибка 1 типа**).

Например, зависимость X18(X40) позитивных чувств к ребенку, основанных на безусловном принятии, от глорической эмоциональной направленности далека от линейной (**r=-0.07**), а коэффициент силы связи **SV=0.87** (сильная зависимость), при этом обратная зависимость X40(X18) (**SV'=0.07**) очень слабая. В зависимости X18(X40) зависимая переменная резко убывает с +1864 до -6767 по шкале сравнительной весомости при переходе со 2 кварты (5-6 баллов по шкале X40) на 3 кварту (7 баллов). После чего наблюдается резкий подъем до +429 (4 кварта, 8-10 баллов). График на рисунке 2.

Среди **212** умеренных по линейной корреляции (**0.3<abs(r)<=0.5**) зависимостей найдено **56** сильных по коэффициенту SV связей, которые представляют собой монотонные или близкие к ним зависимости.

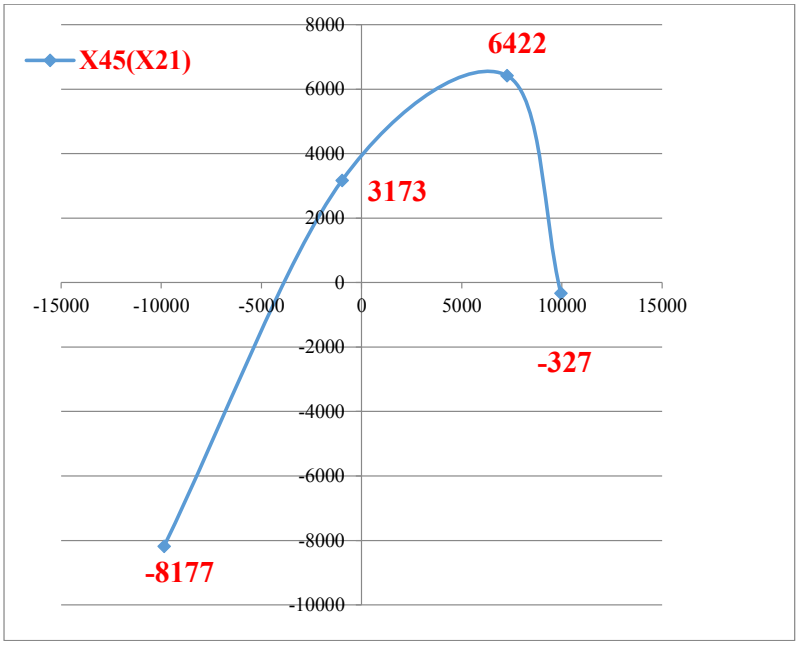

Рис. 1. Зависимость переменной «Гедонистическая эмоциональная направленность» от переменной «Способность воспринимать состояние ребенка» (сравнительные весомости)

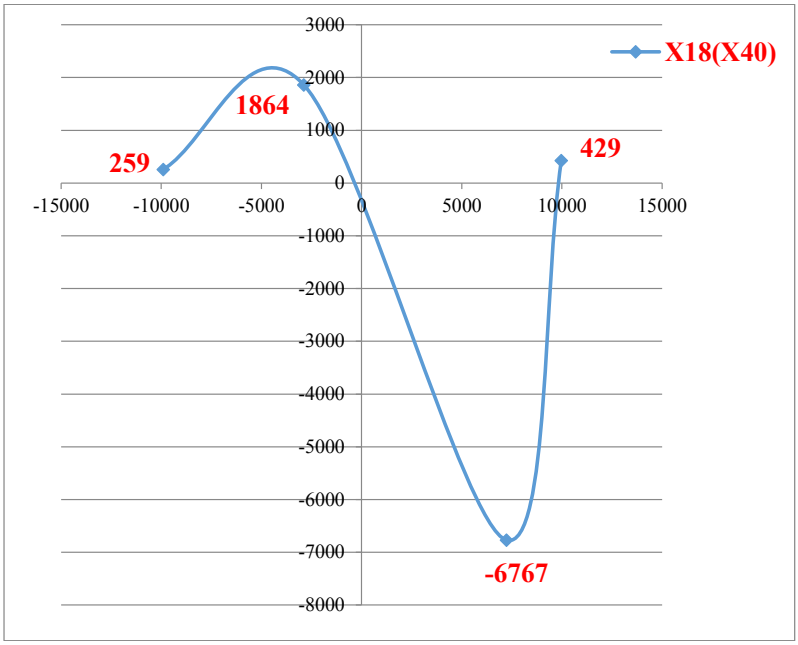

Рис. 2. Зависимость переменной «Позитивные чувства к ребенку, основанные на безусловном принятии» (X18) от переменной «Глорическая эмоциональная направленность» (X40) (сравнительные весомости)

Литература

1. Падурина Е.А. Развитие позитивных родительских чувств как фактор коррекции самооценки дошкольников: диссертация ... кандидата психологических наук. – Екатеринбург, 2008. – 231 с.

2. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods): Monograph. – Germany, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing. – 2011. – 185 p.

Использование психосемантической методики «Сказочный семантический дифференциал» для диагностики детско-родительских отношений детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста.

О.В. Митина, В.Ф. Петренко, Т. Линь
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
omitina@inbox.ru

Аннотация. *В статья рассматриваются возможности методики «Сказочный семантический дифференциал для диагностики детско-родительских отношений» детей в возрасте от 4 до 10. Методика позволяет построить семантическое пространство межличностного восприятия ребенка. Результаты работы с этим пространством позволяют психологу реконструировать образ мира ребенка и выявлять специфику его отношений со значимыми взрослыми. Приводятся результаты использования методики в России и Китае.*

***Ключевые слова*:** Психодиагностика, психосемантика, дети 4–10 лет, образ родителей, образ учителя.

Психологическая диагностика детей в дошкольном и младшем школьном возрасте представляет собой значительную трудность. Дети в этом возрасте могут потерять интерес к процессу, стать невнимательными, замкнуться и прекратить взаимодействие с психологом. Поэтому наиболее эффективными являются формы работы, которые активизируют детскую деятельность. Дошкольники и младшие школьники с удовольствием занимаются рисованием, слушают или рассказывают сказки, раскладывают карточки с изображениями предметов и людей, а также играют в различные игры, включая компьютерные.

Разработанная нами методика "Сказочный семантический дифференциал" позволяет с одной стороны строить семантическое пространство межличностного восприятия ребенка, которое одновременно является операциональной моделью и позволяет анализировать содержание и структуру личностных конструктов ребенка в этой области, определять когнитивные особенности межличностного восприятия, а также оценку ребенком себя и значимых для него людей: членов семьи, воспитателя, учителя.

Методика может использоваться как в бумажном формате, так и в компьютерной версии. Она предназначена для детей в возрасте от 4 до 10 лет и воспринимается как увлекательная игра с интересным сюжетом. Психосемантическая методика сочетает в себе преимущества проективных методов, позволяющих эксплицировать содержание сознания, которое с трудом поддается рефлексии как это бывает у маленьких детей, с одной стороны и возможности строго количественного анализа данных, позволяющего сделать объективную интерпретацию результатов. В условиях нехватки психодиагностических методов для этой возрастной группы актуальность данной методики очевидна (Петренко В.Ф., Митина О.В., 2024; Петренко В.Ф. и др. 2019).

В процессе работы ребенок вместе с психологом рассматривает изображения известных сказочных персонажей. В методике используются только те персонажи, которые знакомы ребенку. Не менее десяти персонажей оцениваются по 15 характеристикам, отражающим основные личностные черты и соответствующим детскому лексикону: *верный друг, смелый, красивый, добрый, хитрый, жадный, плакса, умный, ябеда, воспитанный, хвастун, умелый, драчун, шалун, веселый*. Оценка производится по трехбалльной шкале. Согласие с наличием того или иного качества у персонажа кодируется 1, несогласие кодируется -1, также допускается нейтральный ответ, кодируемый 0. Анализ построенного на основе выделенной факторной структуры семантического пространства, в котором размещены сказочные персонажи, образы значимых взрослых и самого ребенка, позволяет психологу в ходе индивидуальной психотерапевтической работы реконструировать образ мира маленького респондента и вместе с ним взглянуть на этот мир.

Самооценка и оценки значимых взрослых могут определяться непосредственно исходя из баллов, которые получили образы значимых взрослых и самого ребенка по 15 шкалам отдельно, а также интегрироваться в позитивную оценку (усредненный показатель по первичных характеристикам, имеющим позитивную коннотацию) и критическую оценку (усредненный показатель по первичных характеристикам, имеющим негативную коннотацию). Также позиция ребенка в семантическом пространстве (его координаты) демонстрирует специфику его самооценки и личностной идентификации (к каким персонажам он оказался ближе в семантическом пространстве). Сопоставление оценок сказочных героев с оценками значимого взрослого позволяет выявить специфику отношения ребенка к этому взрослому. И если, например, образ мамы в семантическом пространстве межличностного восприятия ребенка расположен близко к «Снежной королеве», или папы к «Карабасу Барабасу», то это повод задуматься и психологу, и родителям. Сопоставление в семантическом пространстве ребенка образа Я и образов значимых взрослых, позволяет выявить степень дифференцированности их восприятия ребенком с одной стороны и идентификации с ними с другой.

Еще один способ определения степени идентификации ребенка со значимым взрослым – сопоставление оценок сказочных персонажей ребенком с оценками тех же самых персонажей этим взрослым. Схожесть оценок свидетельствует о сходстве картины миры на

более глубинном уровне в сравнении с прямой оценкой взрослого и даже с оценкой взрослого на основании анализа близости позиций в семантическом пространстве.

В 2024 году методика была адаптирована для использования в Китае. Для этого были переведены на китайский язык 15 первичных характеристик и составлен набор сказочных персонажей, удовлетворяющих требованиям методики (Петренко В.Ф. и др., 2019) и широко известных детям в Китае (Линь Т., 2024).

Ниже приведем некоторые результаты, полученные нами в России (исследование проводилось в 2017 – 2018 гг., 296 респондентов) и Китае (исследование проводилось в 2024 г., 350 респондентов), представляющие интерес с точки зрения диагностики детско-родительских отношений.

Таблица 1. Усредненные самооценки и оценки значимых взрослых, данные детьми в России

		Я сам	Мама	Папа	Учительница
1	Верный друг	0,926	0,874	0,716	0,789
2	Смелый	0,716	0,389	0,842	0,726
3	Красивый	0,789	0,968	0,758	0,947
4	Добрый	0,916	0,811	0,589	0,832
5	Хитрый	-0,116	-0,326	-0,274	-0,558
6	Жадный	-0,800	-0,884	-0,842	-0,979
7	Плакса	-0,842	-0,905	-0,937	-0,947
8	Умный	0,747	0,779	0,674	0,989
9	Ябеда	-0,800	-0,926	-0,842	-0,832
10	Воспитанный	0,905	0,937	0,800	0,958
11	Хвастун	-0,747	-0,926	-0,758	-0,989
12	Умелый	0,832	0,800	0,695	0,979
13	Драчун	-0,684	-0,926	-0,705	-0,979
14	Шалун	-0,442	-0,863	-0,716	-0,874
15	Веселый	0,884	0,705	0,642	0,695

В таблице 1 представлены усредненные оценки себя и значимых взрослых, полученных на российской выборке. По результатам опроса 97% участвующих в опросе детей, на вопрос «Твоя мама – красивая?», отвечают положительно. Так же высокая степень положительного единодушия (более 95% ответов «да») зафиксирована при оценке учительницы по шкалам: *Умная*, *Умелая*, *Воспитанная*. Отметить, что при оценке «Отца» единодушие в ответах детей ниже. Отрицательная оценка «Матери» по шкале *Красивый* должна насторожить психолога с точки зрения проверки благополучия в отношениях ребенка с матерью.

На рис. 1 приведены евклидовы расстояния между усредненными оценками значимых взрослых и самооценки данные детьми в России и Китае.

Расстояния между усредненными оценкам образов по результатам исследования в России значимо больше по сравнению с аналогичными оценками, полученными в Китае. Можно предполагать большую дифференцированность представлений о значимых взрослых у детей в России. Однако общая тенденция сохраняется. Самое большое расстояние между самооценкой ребенка и оценкой учительницы. Ребенок оценивает себя более похожим на своих родителей, нежели на учительницу или воспитательницу. Тем не менее в обеих выборках усреднённый образ учителя ближе к усреднённому образу матери, чем отца.

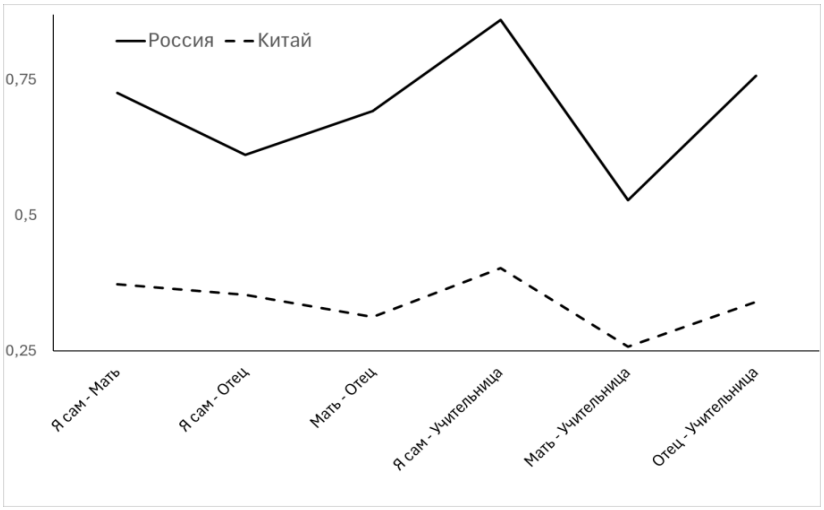
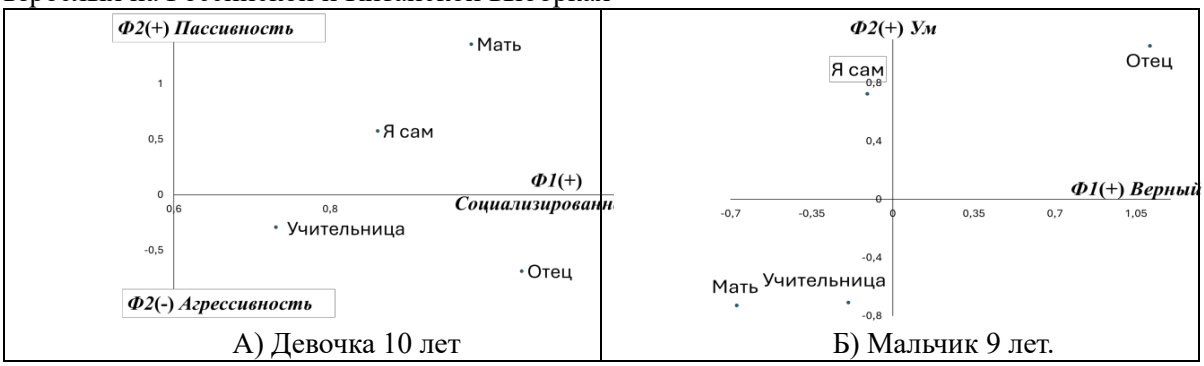

Рис. 1. Графики расстояний между усредненными оценками себя и значимых взрослых на Российской и Китайской выборках

А) Девочка 10 лет Б) Мальчик 9 лет.

Рис. 2. Фрагменты проекций семантического пространства на первый и второй фактор

На рис. 2 представлены оценки образов себя и значимых взрослых двух детей в китайской выборке: девочки 10 лет и мальчика 9 лет. Мы видим, что все четыре образа девочки оказываются ближе к полюсу социализированности, при этом сама испытуемая в большей степени идентифицирует себя с матерью. По всей видимости конструкт Агрессивности в сознании ребенка связан с воспитательской компонентой, которую в семье реализует отец, а в школе учительница. У мальчика картина несколько иная. Ребенок в большей степени идентифицирует себя с отцом. К матери отношение негативное. В обоих случаях дети дифференцированно оценивают родителей. Позиция девочки в семантическом пространстве ближе к позиции матери, а мальчика к отцу.

Таким образом методика «Сказочный семантический дифференциал» дает возможность изучить представления ребенка о своей семье и его отношение к значимым взрослым.

Литература

1. Линь Т. Адаптация методики “Сказочный семантический дифференциал” на выборке китайских детей 4-10 лет. Выпускная квалификационная работа. Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. 2024.
2. Петренко В. Ф., Митина О. В. Игра как форма диагностики: использование методики Сказочный семантический дифференциал // Игра ребенка раннего и дошкольного возраста : учебник для вузов. Юрайт Москва: 2024. С. 230–262.
3. Петренко В.Ф., Митина О.В., Менчук Т.И., Исакова М.А. Сказочный семантический дифференциал: классический вариант и его модификация //Мир психологии. 2019. №4(100). С. 184-199.

Семантическое пространство представлений о женском поведении в Узбекистане: влияние гендерного и этнического факторов

О.В. Митина, М.Т. Иргашева
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
omitina@inbox.ru

Аннотация. *В исследовании рассматриваются устойчивые представления о поведении и социальных ролях женщин в семье и обществе. Использовалась психосемантическая методика Множественной идентификации (108 утверждений и 11 ролевых позиций). Респондентами являлись русскоязычные жители Ташкента обоего пола, узбеки и русские. В результате факторного анализа выделены четыре категории восприятия женского поведения. Проанализированы различия в оценках ролевых позиций по каждой категории определяемые полом и этнической принадлежностью респондентов.*

Ключевые слова*:* Психосемантика, семантическое пространство, гендерные стереотипы, узбеки и русские, факторный анализ.

Изучение представлений людей о том, как должны вести мужчины и женщины, крайне важно, когда мы говорим о благополучии супружеских отношений (Панфилова С.А., 2012; Тимохин В.В. и др. 2015). Ведь качество семейной жизни во многом зависит от того, насколько такие преставления супругов, согласуются между собой, в какой степени эти представления ригидны и возводятся их обладателем в принцип, нетерпящий изменений, или, наоборот, малозначимы и легко могут быть преодолены.

В нашем исследовании анализируются устойчивые представления о поведении, и социальных ролях женщин в семье и обществе. Эти представления формируются под влиянием социокультурной среды и исторического контекста, регулируют ожидания людей относительно поведения женщин, оказывают значительное влияние на самоидентификацию, выбор жизненного сценария, социальное поведение и профессиональное определение женщины.

Была использована психосемантическая методика исследования представлений о женском поведении, базирующаяся на принципе «множественной идентификации» (Петренко В.Ф., Митина О.В., 2018). В качестве шкал-дескрипторов использовались 108 утверждений, описывающих разнообразные поступки, стили поведения женщин в предлагаемых обстоятельствах. Респондентами были русскоязычные жители г. Ташкента обоего пола и двух национальностей: узбеки и этнические русские.

Респондентам предлагалось оценить степень соответствия этих характеристик 11 женским ролевым позициям с использованием 6-балльной лайкертовой шкалы. Список ролевых позиция включали образ себя (для респондентов – женщин) или близкой женщины (для респондентов – мужчин), образ матери, оценочные образы (идеальной и презираемой женщин), а также женские образы, относящиеся к разным этносам.

Целью исследования было выявление общего и особенного в представлениях о женском поведении в зависимости от пола и этнической принадлежности респондента. Состав выборки представлен в таблице 1, возраст респондентов от 20 до 56.

Таблица 1. Состав выборки по этническому и половому признакам

Этническая принадлежность	Пол		Всего
	Женщины	Мужчины	
Узбеки	34	29	63
Русские	32	24	56
Всего	66	53	119

В результате эксплораторного факторного анализа общего массива данных были выделены 4 категории-фактора суммарно объясняющих 39,6% общей дисперсии, задающие семантическое пространство восприятия женского поведения, в рамках которых рассматривались оценки женских ролей респондентами. В таблице 2 представлены названия факторов с указанием для каждого вклада в общую дисперсию. Вклад в общую дисперсию указывает на значимость соответствующей категории в сознании респондентов.

Таблица 2. Категории, образующие семантическое пространство восприятия женского поведения

Название категории	Вклад в общую дисперсию
1. Социально одобряемое поведение (+) ↔ Девиантное поведение (-)	14,208
2. Женская покорность (+) ↔ Женский бунт (-)	10,967
3. Эмансипированность (+)	9,055
4. Светский консервативный взгляд на место женщины в обществе (+)	5,336

Тот факт, что на общем массиве данных удалось выделить структуру свидетельствует о едином ценностно-смысловом пространстве восприятия женского поведения и отношения к нему. Структура этого пространства культурно обусловлена. Имеющиеся различия, связанные с полом и этнической принадлежностью респондентов, проявляются в оценках ролевых позиций по выделенным категориям.

На рис. 1 для каждого фактора представлены графики усредненных оценок ролевых позиций. Усреднения проводились в четырех группах: женщин узбекской национальности, мужчин узбекской национальности, женщин русской национальности и мужчин русской национальности. Для наглядности линии нарисованы таким образом, что их цвет определяет этнос: черная линия для узбекских респондентов, серая для русских, а тип линии – пол: сплошная для мужчин, штриховая для женщин. В результате мы имеем возможность наглядно представить имеющиеся сходства и различия в оценках. Вместо образа «Я сама» мужчины оценивали образ «Близкая мне женщина». В подавляющем большинстве случаев это были жены, невесты или женщины, с которыми у респондента были длительные отношения.

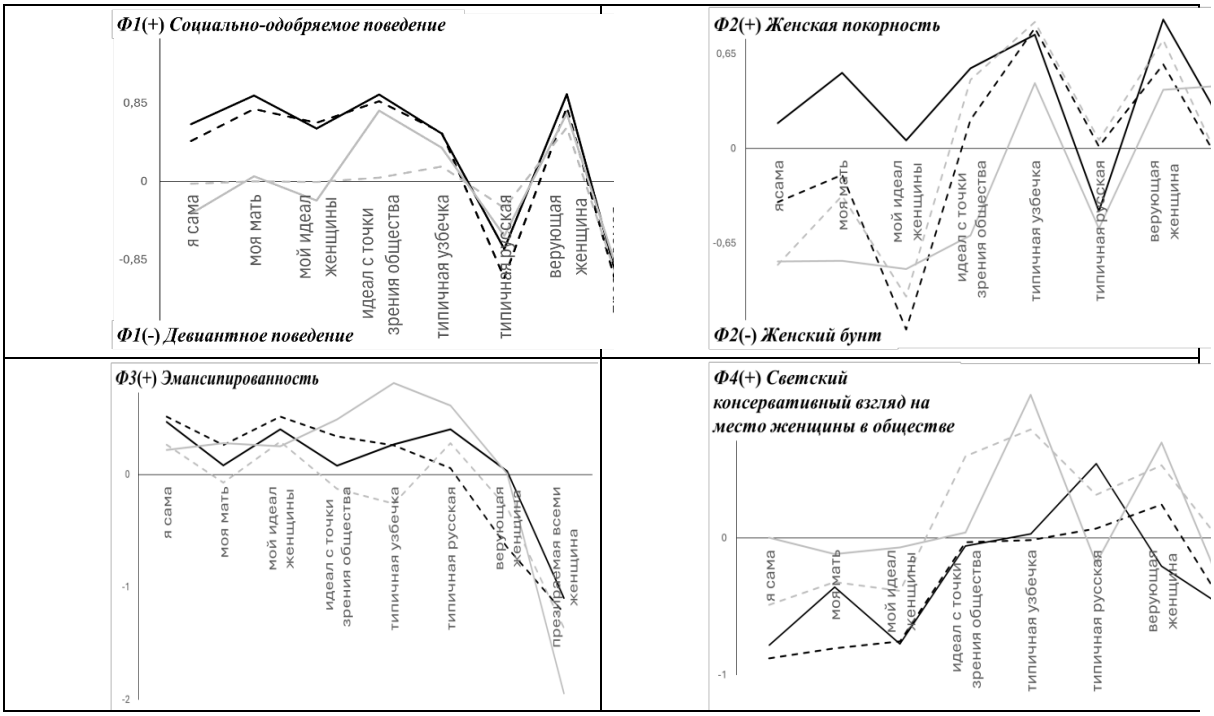

Рис. 1. Графики усредненных факторных баллов оценок ролевых позиций в четырех подвыборках. Оценки мужчин обозначены сплошной линией, оценки женщин – штриховой линией. Черным цветом нарисованы графики для узбекских респондентов, а серым для русских.

Таблица 3. Количество значимых различий при сравнении подвыборок

Фиксированная характеристика	Характеристика сопоставления	Ф1	Ф2	Ф3	Ф4	Всего
Узбеки	пол	1	1	1	2	5
Русские	пол	2	6	5	5	18
Женщины	этнос	8	4	3	6	21
Мужчины	этнос	5	2	3	6	16
	Всего	16	13	12	19	16

В таблице 3 представлены обобщенные результаты сопоставления оценок мужчин и женщин в разных этнических группах, а также разных этнических групп отдельно среди мужчин, отдельно среди женщин. Совместно с графиками, представленными на рис. 1 данная таблица позволяет заметить интересные факты.

Узбекские респонденты мужского и женского пола в своих оценках гораздо единодушнее русских. Расхождения установлены в представлениях об идеале по фактору 2 (*Покорность* ↔ *Бунт*). Женщины своими оценками в определенной степени выступают против безропотной покорности и в меньшей степени допускают эмансипированное поведение верующий женщины.

Сопоставляя оценки русских мужчин и женщин, отметим различия в представлениях об общественном идеале женщины по всем четырем факторам. С точки зрения русских женщин общество ожидает в большей степени ожидает от женщины покорности и следования традиционным ценностям.

Различия между узбекскими и русскими женщинами наиболее выражены по первому фактору: узбечки значимо более высоко оценивают все ролевые позиции, за исключением типичной русской. Надо сказать, что эти представления о себе и о матери у русских респонденток согласуются с оценками ролевой позиции «Русская».

Говоря о различиях в оценках у мужчин обеих национальностей, отметим расхождения в оценке образа «Презираемой женщины». У русских респондентов позиция этого образа задает наиболее негативный полюс в семантическом пространстве: покорная, подчинившаяся жизненным обстоятельствам, без стремления к более комфортной и устроенной жизни.

Таким образом подводя итог сказать, что все жители Узбекистана представители одной культуры, имеющие общие ценности и нормативы связанные с поведением женщины: что позволительно и непозволительно делать, какие поступки вызывают уважение, а какие осуждение. Подтверждение этому общее семантическое пространство представлений о женском поведении. Вместе с тем бытовые особенности и традиции жизни этнических узбеков и этнических русских накладывают свою специфику на эти представления, между мужчинами и женщинами в рамках одной этнической группы установлено меньше различий чем между представителями разных этнических групп разного пола. Причем, гендерных различий в представлениях о поведении женщин в узбекской выборке меньше. Возможно, это связано с тем, что русские респонденты так или иначе тяготеют к России и российской культуре, бытовые традиции которой больше влияют на русских, чем на узбеков.

Литература

1. Петренко В. Ф., Митина О. В. Политическая психология: психосемантический подход. М., 2018.
2. Тимохин В. В., Шапорева А. А., Шурыбина Д. Д.. Культурный мезальянс как источник супружеских конфликтов. //Вестник славянских культур. №2 (36), 2015. С. 46-55.
3. Памфилова С. А. Согласованность семейных ценностей и ролевых установок супругов (гендерный аспект). //Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, № 28, 2012. С. 1311-1315.

Разработка методики диагностики оценки уровня стресса нормативных семейных кризисов (на примере супругов)

М.С. Рябова
Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г.Ташкенте, Ташкент, Узбекистан
marina.riabova@inbox.ru

Аннотация. В публикации представлены результаты работы по созданию опросника «Методика диагностики оценки уровня стресса нормативных кризисов». В качетстве методологического основания взята классификация стадий жизненного цикла Б.Картер и М.МакГолдрик. При проверке надежности было выявлено что все шкалы обладают хорошей и достаточной внутренней согласованностью. Были установлены взаимосвязи субшкал данной методики со шкалой стадии жизненного цикла семьи. Таким образом, методика может быть использована в решении как научно-исследовательских так и прикладных задач.

Ключевые слова: стадии жизненного цикла семьи, нормативные кризисы, диагностика, валидность, надежность

Проблематика нормативных семейных кризисов является достаточно популярной при рассмотрении функционирования семьи, от того насколько конструктивно супруги смогут преодолевать нормативные кризисы будет зависеть и устойчивость семьи в целом. Под нормативным семейным кризисом понимается набор проблемных ситуаций, связанных с объективными изменениями, возникающими в большинстве семей, к которым супругам предстоит адаптироваться (Олифирович Н.И., 2006).

Разные авторы выделяли разные критерии для опредения нормативного кризиса (как перехода от одной стадии жизненного цикла семьи к последующей стадии). Так П. Глик в середине XX века, рассматривая проблематику периодизации семейной жизни, выделял два критерия – во-первых это возраст членов семьи, во-вторых, состав семьи (рождение детей, смерть супруга, прародителя) (Minuchin S., 1974). Н. И. Олифирович, Т. А. Зинкевич-Куземкина, Т. Ф. Велента в качестве нормативых кризисов рассматривают следующие события семейной жизни: адаптация к супружеским обязательствам; принятие нового статуса родителя и ожиданий относительно выполнения родительских функций; начало обучения детей в детском саду / школе; кризис подроскового возраста детей; принятие процесса сепарации взрослеющих детей; пересмотр супружеских отношений после ухода детей из семьи; повторный брак (Олифирович Н.И., 2006). Э.Дювалем и Р.Хиллом в качестве ключевых аспектов дифференциации стадий жизненного цикла семьи рассматриваются рождение ребенка, возраст детей, их социальная и трудовая активность (Duvall E., Hill R., 1948). Авторами выделялись следующие стадии в соответствии с вышеуказанными критериями: знакомство супругов, их эмоциональное притяжение; принятие новых родительских ролей; принятие в семью ребенка; введение детей во вне-семейные институты; принятие подростковости детей; экспериментирование с независимостью детей; подготовка к уходу детей из семьи; жизнь супругов «глаза в глаза»; принятие факта ухода на пенсию и старости. Э.К.Васильевой, так же предложившей классификацию стадий жизненного цикла семьи, вводился помимо выше озвученных, критерий трудовой занятости детей и их нахождение на попечении родителей (Карабанова О.А., 2008).

В качестве методологического основания изучения нормативных семейных кризисов нами был рассмотрен подход Б. Картер и М.МакГолдрик, в котором понятие жизненных циклов неразрывно связано с основными системными законами – законом развития и законом гомеостаза семьи. В феномене нормативного кризиса подчеркивается, что семья не статичное образование, объективные обстоятельства ставят перед семьей новые задачи, для решения которых необходимы ресурсы, что и определяет переход на новую стадию развития семьи (Карабанова О.А., 2008). Б. Картер и М.МакГолдрик предлагается классификация, включающая 6 стадий жизненного цикла семьи, а соответственно и 6 нормативных кризисов: кризис сепарации от родительской семьи и поиска романтического партнера (стадия 1); кризис супружеской адаптации (стадия 2); кризис становления родительской позиции (стадия 3); кризис семьи с детьми подросткового возраста (стадия 4); кризис отделения детей из семьи (стадия 5); кризис семьи после отделения детей (стадия 6).

В качестве методических проблем диагностики нормативных кризисов можно отметить следующее:

– несводимость стадий цикла семьи со стажем брака;

– размытость во времени основных критериев периодизаций – рождение детей, социализация детей (их вступление в социальные институты, профессиональное самоопределение, финансовая независимость), кризисы детей и самих субъектов (кризис середины жизни, подростковый кризис);

– вероятность повторных браков, а соответственно и возможные искажения в выделении стадий жизненного цикла семьи. Так, отсутствие совместных детей приравнивается к стадии молодой семьи, однако по одному из критериев (45 лет - кризис середины жизни) это может быть признаком 4 стадии семьи. Более шире это можно обобщить под проблемой «наложения» стадий жизненного цикла семьи друг на друга (в связи с наличием нескольких детей, например).

– отсутствие методического инструментария диагностики степени стрессового воздействия нормативного кризиса на супругов.

Для разработки методики диагностики оценки уровня стресса нормативных кризисов был проведен концептуальный анализ изучаемого феномена (модель стадий жизненного цикла семьи Б.Картер и М.МакГолдрик рассмотренная вкратце выше), на основе которого были составлены пункты опросника, содержанием которых являются задачи на каждой стадии жизненного цикла семьи. Респондентам предъявлялась следующая инструкция: «Ниже представлены события, происходящие в жизни большинства людей. Отметьте пожалуйста, те события, которые Вы пережили в своей жизни и присвойте каждому событию балл по степени трудности для Вас, где 1 – абсолютно не стрессовое событие, 5 – максимально стрессовое для меня и для семьи событие. Оцениваются по степени выраженности стресса только те события, с которыми сталкивались лично Вы». Так, для определения уровня стресса преодоления нормативного кризиса стадии добрачного периода приводятся следующие задачи: 1) получение мною образования, устройство на работу (освоение профессии, стабильная работа, финансовая независимость); 2) выбор брачного партнера (опыт романтических отношений, сомнения по поводу совместимости с потенциальным партнером); 3) помолвка (знакомство родительских семей, обсуждение свадьбы). Текст опросника содержит 15 событий, соответствующих каждой из 6-ти стадий жизненного цикла семьи.

Для пилотажного этапа исследования выборка исследования составила 408 респондентов, состоящих в браке, уравненных по полу (204 мужчин и 204 женщины). Критериями для составления выборки так же являлись регион проживания (Ташкент, Ташкентская, Сурхандарьинская и Андижанские области), стаж брака, уровень образования. Исследование проходило с декабря 2021 по февраль 2022 г., в рамках научно-исследовательского проекта ЖҲБЛ-74 «Психосоциальное благополучие личности как фактор преодоления семейных нормативных кризисов» при Министерстве по поддержке Махалли и семьи Республики Узбекистан и Научно-исследовательского института «Махалля ва оила». Сбор данных осуществлялся через распространение ГуглФорм и в формате распечатанных анкет.

Далее рассмотрим результаты психометрической проверки методики. Проверка надежности опросника оценки стресса нормативных кризисов была проведена с помощью коэффициента внутренней согласованности пунктов со шкалой (критерий альфа Кронбаха), результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Проверка согласованности пунктов методики диагностики оценки стресса нормативного кризиса

№	Название шкалы	Показатель альфа Кронбаха
1	Добрачный период (стадия монады)	,636
2	Стадия диады	,715
3	Стадия семьи с маленьким ребенком	,750
4	Стадия семьи с ребенком подросткового возраста	,684
5	Стадия с взрослыми детьми	,722
6	Стадия с отделившимися детьми	,908

По всем шкалам опросника согласованность пунктов может считаться удовлетворительной (выше 0,6). Удаление пунктов и корректировка стимульного материала не проводилась. Согласованность пунктов по всей методике 0,871. Шкалы были проверены на нормальность распределения (описательная статистика, критерий Колмогорова-Смирнова). По четырем параметрам распределение отличается от нормального: «Семья с маленькими детьми», «Семья с детьми подросткового возраста», «Семья с взрослыми детьми», «Семья после отделения детей».

Сравнительный анализ оценки нормативного семейного стресса у мужчин и женщин показал значимые различия только по одной шкале «Стадия с маленькими детьми», представленной в таблице 2.

Таблица 2. Различия между мужчинами и женщинами в показателях оценки стресса каждой стадии

Нормативные кризисы	Средние ранги		Критерий Манна-Уитни	Уровень значимости (p)
	Муж. (n=204)	Жен. (n=204)		
Стадия семьи с маленьким ребенком	57,97	69,03	3552	0,055*

*Примечание: * отмечены статистически значимые различия*

В таблице 2 представлено различие по полу в оценке уровня стресса на стадии семьи с маленькими детьми. Было выявлено, что женщины достоверно в большей степени, чем мужчины, воспринимают стадию с детьми маленького возраста как более стрессовую (U=3552; p=0,055). Вероятно, это связано с тем, что жены в большей степени включены в воспитание и уход за маленьким ребенком.

Для проверки конструктной валидности была проверена корреляция шкал опросника со стадиями жизненного цикла семьи, результаты представлены в таблице 3. Стадия жизненного цикла семьи диагностировалась по объективным критериям – заключение брака, наличие и возраст детей, возраст респондентов, создание собственных семей детьми. По итогам анализа было выявлено четыре корреляции на достаточном уровне значимости.

Таблица 3. Проверка конструктной валидности методики оценки уровня стресса нормативных кризисов

Оценка стресса	**Стадия ЖЦС**
Добрачный период (стадия монады)	-0,069
Стадия диады	-0,058
Стадия семьи с маленьким ребенком	,516**
Стадия семьи с ребенком, подросткового возраста	,617**
Стадия с взрослыми детьми	,502**
Стадия с отделившимися детьми	,327**

*Примечание: * отмечены статистически значимые различия*

Были выявлены следующие взаимосвязи: уровень стресса повышается с повышением стадии жизненного цикла семьи. Первые стадии обратно взаимосвязаны с оценкой уровня стресса (но не на достаточном уровне значимости). С повышением стадии жизненнго цикла оценка уровня стресса более поздних нормативных кризисов возрастает ($p \leq 0,05$). Выявленные корреляции говорят о хорошей конструктной валидности разрабатываемого опросника.

Подводя итог, можно отметить что полученные данные свидетельствуют о достаточной согласованности (надежности) разработанной методики. Суммарный показатель по всем субшкалам $\alpha = 0,871$, показатели отдельно по шкалам также являются достаточными. Выявлено различие по выраженности средних значений для мужской и женской подвыборок. Оказалось что женщины приписывают более высокие показатели уровня стресса стадии семьи с маленьким ребенком. Это было учтено в разработке норм, они специфичны для мужчин и для женщин. Выявленные корреляции субшкал оценки уровня стресса нормативных кризисов со стадиями жизненного цикла семьи могут быть рассмотрены как показатели конструктной валидности разрабатываемого опросника. Таким образом, предложенная методика может быть использована в исследованиях изучения системных семейных характеристик, а также в

практической работе консультирующих психологов.

Литература

1. Карабанова О. В. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М., 2008.

2. Олифирович Н.И. Психология семейных кризисов/Н.И. Олифирович, Т.А. Зинкевич-Куземкина, Т.Ф. Велента. СПб: Речь, 2006. 360 с.

3. Duvall E. M., Hill R. L. Report of the Committee on the Dynamics of Family Interaction. Washington, D.C. National Conference on Family Life, 1948.

4. Minuchin S. Families and Family Therapy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974. 320 p.

К вопросу о разработке валидного психометрического инструмента определения уровня готовности личности к браку

Савченко Т.Н., Теславская О.И.
Институт Психологии РАН, Москва, Россия, Государственная Академия Университет Гуманитарных Наук, Москва, Россия
t.n.savchenko@mail.ru, teslavskaia@gmail.com

Аннотация. *В статье представлена краткая систематизация взглядов отечественных и зарубежных исследователей на проблему готовности личности к браку в качестве многофакторного системного образования. Ставится вопрос о необходимости разработки валидного психометрического инструмента по ее определению. Представлено описание работы в этом направлении в форме подготовки анкеты готовности личности к браку на базе имеющихся в науке теоретических и методических разработок. Очерчена перспектива проведения дальнейших эмпирических исследований с целью ее превращения в полноценный психодиагностический инструмент.*

Ключевые слова: *готовность к браку, семейные-отношения, психодиагностика*

Готовность личности к брачно-семейным отношениям – психологический феномен, определяющий последующую удовлетворенность личности супружеством и, соответственно, ее общее субъективное качество жизни, а также качество детско-родительских отношений и психологическое благополучие детей, которые воспитываются в данной семейной паре. Адекватная диагностика различных аспектов готовности личности к браку – это первый шаг к качественной психокоррекционной работе с клиентами, которые обращаются к психологу с запросами по поводу поиска спутника жизни, построения семейных и супружеских отношений, страхами относительно возможных неудач в будущем браке.

Готовность к браку исследователи чаще всего рассматривают, с одной стороны, как психологическое образование, или характеристику, включающую ряд психологических качеств, знаний, умений, навыков, мотивов, схем поведения и пр., с другой – как установку или систему установок. Большинство ученых придерживается полисистемного подхода: подчеркивается интегральный, системный характер феномена готовности к браку (Дубровина, 1981; Зритнева, 2005; Москвичева, 2005; Зудилина, 2008, Олифирович и др., 2022), его многофакторность, описывается уровневая структура, определяемая степенью сформированности и организацией ее компонентов (Жолудева, 2009).

Систематизация взглядов отечественных ученых позволяет выделить следующие основные группы факторов-компонент готовности личности к браку: 1) Физиологические: Социально-демографические: 3) Личностно-психологические: Социально-психологические: 5) Нравственно-психологические: 6) Мотивационно-ценностные (установочные); 7) Индивидуально-правовая ответственность: 8) Знания и представления о семье и браке (включая распределение ролей в семейной системе); 9) Конкретные умения и навыки (включая бытовые умения, финансовую грамотность, педагогические навыки) 10) Характер отношений между партнерами; 11) Микро- и 12) Макросоциальные. При этом, вследствие многофакторной сущности готовности к браку и диффузности границ этого понятия крайне трудно разграничить ее *компоненты*, непосредственно входящие в структуру данного понятия, и *факторы*, или условия, без которых исследование готовности к браку невозможно, однако и их необходимость включения в ее структуру на данный момент неочевидна. В частности, это касается, например, материальной автономии и умения вести семейный быт – они могут рассматриваться как *компоненты* готовности к браку в ее структуре, значимые *факторы*, детерминирующие ее уровень, либо вовсе как самостоятельные *виды* готовности к браку (материально-бытовая готовность). Как правило, исследователи систематизируют эти факторы соответственно двум или трем классическим компонентам установки – когнитивный, эмоциональный и поведенческий (Донцов, Донцова, Вепренцова, 2019) либо с некими изменениями и дополнениям – например, эмоционально-ценностный; интеллектуально-познавательный; действенно-практический; эмоционально-волевой (Гозманб 1985), а в дальнейшем для эмпирических исследований выбирают часть из них и при проведении эмпирических исследований предлагают авторские нестандартизированные анкеты ее оценки (Юнда, Юнда, 1990; Донцов, Донцова, Вепренцова, 2019; Погодина, 2003).

В зарубежной психологии вопросами диагностики готовности личности к браку и семейным отношениям занимался ряд исследователей (Landis, Landis, 1955; Keeler, 1955; Holman, Larson, Harmer, 1994; Shemila, Manikandan, 1994; Carroll et al., 2009; Husain, Nadeem, 2022; и др.). Аналогичным образом, исследователи сосредотачиваются на ряде факторов-компонент и включают их в авторские психодиагностические карты оценки готовности к браку у молодежи. Одной из первых подробных анкет стала карта Р. Килер (1955) для старших школьников, в которой оценивалась личная социоэмоциональная зрелость, автономия и внутренняя гармония, бытовая готовность к браку, доброжелательность; навыки коммуникации и стремление создать собственную семью; материально-бытовая готовность к браку (Keeler, 1955). Результатов по апробации и стандартизации данных анкет на российских выборках нам найти не удалось. В связи с этим крайне важным направлением работы для ученых-психологов, специализирующихся на разработке и апробации методов измерения различных психологических феноменов и характеристик представляется заполнение пробела в области диагностики уровня готовности личности к браку.

Для решения данной проблемы на основании предыдущих теоретических и методических разработок коллективом ученых Института психологии РАН была разработана синтетическая авторская анкета определения уровня готовности личности к браку. Она состоит из 47 утверждений, с которыми респондентам предлагается оценить степень своего согласия. Опросные пункты собраны в шесть субшкал: *а) позитивная установка на брак и ценность семьи* (Пример: «Семья – крайне важная часть моей жизни» и др.); *б) ответственность* (Пример: «Я понимаю, что после вступления в брак мне может выпасть необходимость принятия серьезных решений касательно жизни и здоровья своего партнера» и др.); *в) верность* (Пример: «Я стремлюсь заключить один брак на всю жизнь» и др.); *г) свобода от прошлых отношений* (Пример: «у меня не осталось обид или разочарований после предыдущих отношений» и др.); *д) материальная готовность* (Пример: «Я боюсь брать кредиты, поскольку не уверен(а) в том, что смогу вовремя вносить необходимую сумму платежа»); *е) бытовая готовность* (Пример: «налаженный быт в семье важен не меньше, чем романтика» и др.). Далее подсчитывается сумма баллов по каждой субшкале и затем – общий уровень готовности к браку.

Все пункты оценивались на предмет корректности формулировок, соответствия изучаемому явлению. Анкета прошла первичную апробацию (N=265, возраст 18-45 лет) и предварительную экспертную оценку на базе лаборатории математической психологии Института психологии РАН. В настоящий момент ведется работа по проверке факторной структуры анкеты, отбору и корректировке опросных пунктов.

На следующем этапе работы по данному направлению планируется методологическая работа по обоснованию выбора факторов-компонент, вошедших в число субшкал анкеты, ее повторная апробация и стандартизация, проведение масштабных репрезентативных эмпирических исследований на российской выборке респондентов.

Литература

1. Гозман Л.Я. Развитие семьи и проблемы психокоррекционной работы. / Л.Я Гозман // Медико–психологические аспекты семьи и брака. Харьков, 1985.
2. Донцов Д.А., Донцова М.В., Вепренцова С.Ю. Специфика феномена готовности к семейной жизни современных российских юношей и девушек – студентов Москвы и Омска. // Образовательные технологии, 2019. №1. С. 73-87.
3. Дубровина И.В. Проблемы психологической подготовки студенческой молодежи к семейной жизни. // Вопросы психологии, 1981. № 4. – С. 146-151.
4. Жолудева С.В. Психологическая готовность к браку на разных этапах пе риода взрослости: дис. ... канд. психол. наук. - Ростов-на Дону, 2009.
5. Зритнева, Е.И. Социально-психологические основы и педагогические условия формировании готовности молодежи к браку и семейной жизни. // Семейная психология и семейная терапия. 2005. № 3. - С. 13-29.
6. Зудилина И. Ю. Формирование психологической готовности студентов к брачным отношениям: Автореф. дис. … канд. психол. наук: Самарский государственный педагогический университет, 2008.
7. Москвичева И.Л. Мотивация вступления в брак и внутрисемейные ценности современной молодежи. // Молодежь в условиях соц. эконом. реформ: Материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2005. Вып. 1. С. 104 -105.
8. Погодина Е.К. Основы семейной жизни. Учебное пособие. Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2003.
9. Формирование готовности студенческой молодежи к семейной жизни: учеб.- метод. пособие /Н .И . Олифирович [и др.]. Минск: БГПУ, 2008.
10. Юнда И.Ф., Юнда Л.И. Социально-психологические основы семейной жизни. Киев, 1990.
11. Carroll, J. S., Badger, S., Willoughby, B. J., Nelson, L. J., Madsen, S., & Barry, C. Ready or Not? Criteria for Marriage Readiness Among Emerging Adults. Journal of Adolescent Research, 2019. 24 (3). – pp. 349-375.
12. Shemila K., Manikandan, K. Development and Standardization of Marriage readiness Scale. // Guru Journal of Behavioral and Social Sciences, 2018. 6 (2). – pp. 813-823.
13. Holman, T. B., Larson, J. H., & Harmer, S. L. The Development and Predictive Validity of a New Premarital Assessment Instrument: The Preparation for Marriage Questionnaire. // Family Relations, 1994. 43(1). – pp. 46–52.
14. Husain W., Nadeem A. Measurement of Marital Readiness to Avoid Possible Divorce. // Journal of Divorce&Remarriage, 2022. 63. – pp. 1-15.
15. Keeler R. The Development of a Marriage Readiness Rating Scale (MRRS). Historical Research Bulletins of the Nebraska Agricultural Experiment Station (1913-1993).

16. Landis J., Landis M. Personal Adjustment, Marriage and Family Living. N.Y., Prentice Hall, 1955.

Разработка опросника для оценки психологического благополучия беременных

Первичко Е.И.[1], Митина О.В.[1], Бутенко Е.П.[2], Мартынов И.Г.[2], Чечваркина Е.С.[1]
[1] Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
[2] ГБУЗ г. Москвы ГКБ №67 им. Л.А. Ворохобова ДЗМ, Москва, Россия
elena_pervichko@mail.ru

Аннотация. *Разработан опросник, направленный на диагностику психологического благополучия беременных. Опросник включает 38 вопросов, относящихся к девяти независимым категориям, описывающим различные психологические аспекты течения беременности: (1) переживания женщины по поводу беременности, (2) отношение к родам, (3) отношение к партнерским родам, (4) отношение к роли ребенка в семейных отношениях, (5) отношение к медицинском сопровождению, (6) отношение к образу матери, (7) отношение к ребенку, (8) отношение к материнству, (9) отношение к питанию. Проведенное исследование показало хорошие психометрические свойства разработанного опросника.*

Ключевые слова: *перинатальная психология, методики оценки психологического состояния беременных, факторы психологического благополучия беременных, тревога, депрессия, отношение к беременности, осложненная беременность.*

Введение.

С ростом интереса к психологическому сопровождению женщин в период беременности растет и необходимость качественной оценки и коррекции факторов, влияющих на течение беременности, роды и развитие ребенка (Скобло Г.В., Дубовик О.Ю., 1992, Абдурахманинов Ф.М. и др., 2006, Акарачкова Е.С. и др., 2019, Ланцбурег М.Е. и др., 2016, Gui Y. et al., 2024, Hentges R.F. et al., 2019, Kingsbury M. et al., 2016).

Вопрос о необходимости разработки надежного инструмента для изучения эмоционального состояния беременных и внутренней картины беременности весьма актуален (Коргожа М.А., 2021, Нечаева М.А., Беребин М.А., 2010). Зарубежные исследователи отмечают, что имеющиеся и часто применяемые методики не всегда являются специфичными для беременности, а специфические не обладают достаточными психометрическими свойствами (Brunton R.J. et al., 2023). Таким образом, вопрос о разработке универсальной скрининговой шкалы, позволяющей оценивать различные аспекты психологического благополучия беременных, с доказанными психометрическими свойствами, по-прежнему находится в фокусе внимания исследователей и практиков.

Целью данного исследования является разработка и проверка психометрических свойств опросника для оценки психологического благополучия беременных.

Материалы и методы исследования.

Выборка. Исследование проводилось на базе Перинатального центра ГКБ №67 им. Л.А. Ворохобова ДЗМ в акушерском отделении патологии беременности №1 (АОПБ) и в консультативно-диагностическом отделении (КДО) в период с 18 февраля по 5 апреля 2024 года и с 22 июля по 5 августа 2024 года. В исследовании приняли участие 161 беременная женщина в возрасте от 17 до 48 лет (средний возраст – 31,52 ± 6,38) с 8 по 40 неделю беременности (среднее значение – 28,25 ± 7,96). Экспертной группой, состоящей из врачей акушеров-гинекологов, в рамках выборки были выделены 2 группы женщин: (1) женщины, не имеющие на момент исследования заболеваний, осложняющих течение беременности, (2)

женщины с осложненным течением беременности. К наиболее распространенным в выборке заболеваниям, осложняющим беременность, относились преэклампсия, гестационный сахарный диабет и истимико-цервикальная недостаточность.

Процедура и этапы исследования. В пилотный вариант методики были включены формулировки вопросов методики «Тест отношений беременной» (Добряков И.В., 2010), как часто применяемой и рекомендуемой в практике перинатальных психологов, в дополнение к которым были сформулированы вопросы в рамках 9 тематических областей, описывающих наиболее актуальные темы возможных переживаний женщин на разных этапах пре- и постнатального периодов. 44 пункта опросника оценивались по шкале Лайкерта от -2 («Вовсе нет») до 2 («Совершенно верно»). Опросник был представлен экспертной группе для оценки полноты категориального аппарата изучаемого явления, а также внесения корректировок в выдвинутые представления о тематических областях возможных переживаний беременных женщин. Также в рамках первого этапа исследования была сформирована валидизационная батарея методик, оценивающая различные психологические аспекты изучаемого явления. *Сбор данных* проводился в гибридном формате (бумажный бланк или онлайн формат на платформе https://onlinetestpad.com), в зависимости от возможностей респонденток. *На этапе статистического анализа* оценивалась нормальность распределения, с помощью факторного анализа было выделено, среди прочих, 9-факторное решение с хорошими статистическими критериями, вычислены коэффициенты корреляций между факторами и батареей опросников, проанализирована чувствительность опросника к социально-демографическим факторам.

Методики валидизации. Опросник реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина, Шкала депрессии Бека, Шкала воспринимаемого стресса-10 (ШВС-10), Краткая версия опросника совладающего поведения COPE-30, Краткий опросник тревоги о здоровье, Наймингенский опросник для диагностики дисфункционального дыхания, сокращенный вариант Шестифакторного личностного опросника HEXACO-24, Опросник диагностики ценностных ориентаций Ш. Шварца PVQ-R. Также была составлена социально-демографическая анкета, направленная на сбор основных сведений о респондентах.

Методы статистической обработки данных. Для выявления связи между пунктами опросника и оценки конструктной валидности проводился факторный анализ методом главных компонент с вращением Варимакс с нормализацией Кайзера в несколько этапов: для выявления факторной структуры и исключения пунктов с низкой факторной нагрузкой, а также для проверки факторной структуры после исключения пунктов. Надежность-согласованность проверялась с помощью вычисления коэффициента α-Кронбаха и ω-Макдональдса для каждого фактора, а также коэффициента корреляции Пирсона для выявления межкомпонентных корреляций. Для оценки внешней валидности рассчитывались коэффициенты корреляции Спирмена. Групповые различия в рамках опросника оценивались с помощью непараметрического критерия Краскелла-Уоллеса и критерия Манна-Уитни. Данные обрабатывались в программах IBM SPSS Statistics 26 и Excel.

Результаты.

По результатам оценки полученных факторных структур, мы остановились на 9-факторном решении (52,44% объясненной дисперсии). Были выделены следующие факторы: (1) переживания по поводу беременности, (2) отношение к родам, (3) отношение к партнерским родам, (4) отношение к роли ребенка в семейных отношениях, (5) отношение к медицинском сопровождению, (6) отношение к образу матери, (7) отношение к ребенку, (8) отношение к материнству, (9) отношение к питанию. Исключение пунктов, имеющих низкую факторную нагрузку (менее 0,4), и повторное вращение повысило процент объясненной дисперсии (56,6%). Факторы, полученные на 44 пунктах, значимо коррелируют с одноименными факторами, полученными на 38 пунктах, и не коррелируют с остальными, что подтверждает корректность удаления 6 пунктов. В рамках межкомпонентных корреляций отмечается отсутствие корреляции между факторами, что может указывать на то, что каждый

фактор измеряет свое конкретное свойство, которое соответствует теоретической модели. Факторы 1 и 3 демонстрируют высокую внутреннюю согласованность (α>0,8, ω>0,8), факторы 2, 4 и 6 демонстрируют удовлетворительный уровень согласованности (α>0,7, ω>0,7). Факторы 5, 7 и 8 характеризуются достаточно низким значением коэффициента в рамках расчётов α Кронбаха (α<0,5), вычисление по коэффициенту ω Макдональда, учитывающему, повышает результат (α>0,5). Полученный критерий α Кронбаха (α = 0,6) и ω Макдональда (ω = 0,7) для всего опросника является удовлетворительным для целей пилотного исследования. (Митина О.В., 2011; Наследов А.Д., 2013).

Анализ групповых различий факторных баллов респонденток отдельно по каждому фактору показал чувствительность опросника к характеру течения беременности для факторов 3, 5, 7, 9 ($p \leq 0,05$*)* (женщины с осложненным течением беременности более привержены соблюдению предписаний врачей, готовы ограничивать себя в еде, им несвойственно индифферентное отношение к ребенку, они в большей степени хотели бы, чтобы кто-то из близких присутствовал на родах). По семейному статусу обнаруживались значимые различия по фактору 6: незамужние женщины отличаются более жертвенной позицией в рамках представлений об образе матери ($p \leq 0,05$). По показателю «наличие детей» отмечаются значимые различия по фактору 2: женщины, не имеющие детей на момент исследования, в среднем демонстрируют большую тревогу перед родами ($p \leq 0,05$) и фактору 6: беременные без детей отличаются более жертвенной позицией в контексте сформированного образа матери ($p \leq 0,05$). Уровень образования влиял на фактор 6: женщины с высшим образованием меньше готовы жертвовать собой ради ребенка ($p \leq 0,05$). По уровню дохода значимые различия по факторам 1 и 3: чем выше доход, тем более тревожно женщины относятся к беременности ($p \leq 0,05$) и тем больше считают важным присутствие партнера на родах ($p \leq 0,05$). Значимые различия выявлены также по фактору 8 в подгруппах работающих/учащихся и безработных: женщины, относящиеся к группе безработных, более беспечны в плане отношения к материнству ($p \leq 0,05$).

Корреляции факторов опросника со шкалами валидизационной батареи показали наличие значимых связей ($p<0,01^{**}$, $p<0,05^{*}$) в рамках каждого фактора.

Фактор 1 - Переживания женщины по поводу беременности. Позитивное отношение к беременности отрицательно коррелирует с уровнем реактивной тревожности (РТ) ($r= -0,377^{**}$) и личностной тревожности (ЛТ) ($r=-0,212^{*}$), а также со значениями по шкале противодействия стрессу ($r= -0,222^{*}$). Корреляции с аспектами шестифакторной модели личности (HEXACO): позитивное отношение к беременности характерно для женщин, склонных к экстраверсии ($r=0,320^{**}$) и честности ($r=0,200^{*}$). *Фактор 2 - Отношение к родам.* Получены корреляции между данной шкалой и уровнем РТ ($r=0,446^{**}$) и ЛТ ($r=0,429^{**}$). Выявлена связь между тревогой перед родами и ценностью гедонизма ($r=0,227^{*}$), а также между фактором «отношение к родам» и значениями по шкале эмоциональности (HEXACO) ($r=0,421^{**}$). Показано, что к тревоге перед родами менее склонны люди с выраженными значениями по таким шкалам HEXACO, как «экстраверсия» ($r=-0,230^{*}$), «честность» ($r=-0,243^{*}$) и «доброжелательность» ($r=-0,291^{**}$). *Фактор 3 - Отношение к партнерским родам.* Высокие баллы по шкале отрицательно коррелируют с результатами по шкалам опросника совладания со стрессом (Концентрация на эмоциях и их активное выражение (r= -0,209*; Поиск социальной поддержки (r=-0,244*)). Также наблюдается связь с выраженностью ценностей «толерантность» ($r=0,218^{*}$), «скромность» ($r=0,253^{*}$) и «благожелательность» ($r=0,206^{*}$). *Фактор 4 - Отношение к роли ребенка в семейных отношениях.* Выявлена связь между отношением к ребенку как к способу налаживания семейных отношений и выраженностью стратегии совладания со стрессом «Мысленный уход от проблемы» ($r=0,231^{*}$). Кроме того, подобное отношение характерно и для женщин с преобладанием экстраверсии в структуре личности ($r=0,218^{*}$). *Фактор 5 - Отношение к медицинскому сопровождению.* Отмечаются корреляции со стратегиями активного совладания со стрессом ($r=-0,249^{*}$) и планирования ($r=-0,211^{*}$), а также связь игнорирования рекомендаций с ценностью гедонизма ($r=0,206^{*}$). *Фактор 6 - Отношение к образу матери.* Получена

положительная корреляция со шкалой «Мысленный уход от проблемы» (r=0,221*), и отрицательная - с ценностью «Универсализм» (r=-0,216*). *Фактор 7 - Отношение к ребенку.* Отмечается положительная корреляция со шкалой депрессии Бека (r=0,214*) и ценностями самостоятельности (r=0,206*), достижения (r=0,211*) и безопасности (r=0,207*). *Фактор 8 - Отношение к материнству на когнитивном уровне.* Выявлены значимые корреляции между планированием и шкалами опросника совладания со стрессом («Активное совладание» (r=0,205*); «Использование «успокоительных»» (r=0,205*); «Принятие» (r=0,307**); шкалой «Перенапряжение» из ШВС-10 (r=0,215*) и опросником ценностей («Самостоятельность мысли» (r=0,288**); «Гедонизм» (r=0,254*); «Безопасность – личная» (r=0,247*); «Конформность – межличностный» (r=0,322**); «Универсализм - забота о других» (r=0,382**); «Универсализм – забота о природе» (r=0,233*). *Фактор 9 - Отношение к питанию.* Отмечается связь наличия ограничений в еде с аспектом сознательности (НЕХАСО) (r=0,277**), кроме того, выявлена корреляция фактора с подавлением конкурирующей деятельности (COPE) (r= 0,214*), а также связь ограничений в питании с фактором периферической тетании (Наймигенский опросник) (r=0,258**).

Обсуждение результатов.

Результаты исследования показали высокую конструктную валидность разработанного опросника. В рамках факторного анализа вопросы были распределены по 9 факторам, которые не коррелируют между собой. Выделенные шкалы оказались чувствительны почти к каждому фактору социально-демографической анкеты, за исключением применения ЭКО в рамках текущей беременности. Были выявлены значимые различия между группами по сроку беременности, наличию осложнений, возрасту, семейному статусу и т.д. Подобные результаты могут говорить о том, что разработанный опросник может применяться в клинической практике как универсальная методика, учитывающая индивидуальные особенности каждой беременной женщины.

Оценка корреляции факторов с батареей методик также подтвердило конструктную валидность разработанной методики: например, позитивное отношение к беременности коррелировало с экстраверсией, тревога перед родами коррелировала с большинством шкал, направленным на измерение тревоги, депрессии и стресса, а игнорирование медицинских рекомендаций со шкалами опросника совладания со стрессом и ценностью гедонизма. Полученные связи опросника с внешними шкалами подтверждают также и критериальную валидность опросника. Все полученные корреляции достаточно логичны и хорошо описывают внутреннюю структуру опросника.

Результаты анализа надежности-согласованности шкал указывают на то, что все шкалы обладают достаточно удовлетворительной надежностью. Коэффициенты α-Кронбаха и ω-Макдональда на уровне 0,5 для ряда факторов могут быть таковыми ввиду маленького числа вопросов, входящих в тот или иной критерий, а также недостаточно большой и специфичной выборкой. В будущих исследованиях может быть целесообразным добавление пунктов в шкалы с низким показателем надежности-согласованности.

Содержательная валидность теста подтверждается распределением вопросов по факторам: несмотря на то, что количество вопросов, входящих в каждый фактор, неоднородно, все пункты в каждой шкале связаны между собой и отражают заявленные характеристики.

Выделенные шкалы оказались чувствительны почти к каждому фактору социально-демографической анкеты, за исключением применения ЭКО в рамках текущей беременности. Были выявлены значимые различия между группами по сроку беременности, наличию осложнений, возрасту, семейному статусу и т.д. В рамках проверки конструктной валидности разработанный опросник показал значимые корреляции с методиками, оценивающими тревогу, депрессию, способы совладания со стрессом, ценностные ориентации и индивидуально-типологические особенности, что указывает на высокую конвергентную валидность опросника.

Анализ связи шкал опросника со шкалами батареи методик показал связь тревоги, депрессии, стресса, личностных черт и ценностных ориентиров с формированием отношения женщин к беременности и родам. Высокий уровень тревожности и депрессии, а также стратегии избегания отражают эмоциональное состояние женщин, для которых свойственно негативное восприятие таких аспектов беременности, как отношение непосредственно к беременности, отношение к предстоящим родам, будущему материнству, ребенку. В то же время, более эффективные копинг-стратегии, доброжелательность, эмоциональная устойчивость и ценности, связанные с заботой о других и планированием, способствуют более позитивному восприятию беременности и более успешной адаптации женщин к беременности и материнству.

Заключение

В ходе представленного исследования был разработан опросник для оценки психологического благополучия беременных. Опросник содержит 38 вопросов, относящихся к независимым друг от друга категориям, описывающие различные психологические аспекты течения беременности: переживания по поводу беременности, отношение к родам, отношение к партнерским родам, отношение к роли ребенка в семейных отношениях, отношение к медицинском сопровождению, отношение к образу матери, отношение к ребенку, отношение к материнству, отношение к питанию во время беременности. В целом, опросник демонстрирует достаточно хорошие психометрические свойства, высокую конструктную, критериальную и содержательную валидность, а также удовлетворительную надежность-согласованность шкал. Внедрение в клиническую практику опросника, учитывающих разные факторы беременности и родов, позволит не только выявлять психологические проблемы у беременных, но и своевременно предоставлять необходимую психологическую помощь.

Литература

1. Абдурахманов Ф. М. и др. Влияние психоэмоционального стресса на течение и исходы беременности // Российский вестник акушера-гинеколога. – 2006. – Т. 6. – №. 3. – С. 38-41.
2. Акарачкова Е. С. и др. Материнский стресс и здоровье ребенка в краткосрочной и долгосрочной перспективе // Русский медицинский журнал. Медицинское обозрение. – 2019. – Т. 3. – №. 3. – С. 26-32.
3. Коргожа М.А. Комплексная диагностика психоэмоциональных нарушений у женщин в перинатальном периоде: проблемы инструментария и их решение // Медицинская психология в России. – 2021. – Т. 13. – №. 2.
4. Ланцбург М.Е., Крысанова Т.В., Соловьева Е.В. Психологические и психосоматические нарушения в период беременности и родов: обзор современных зарубежных исследований //Современная зарубежная психология. – 2016. – Т. 5. – №. 2. – С. 78-87.
5. Митина О.В. Разработка и адаптация психологических опросников: учебное пособие. М.: Смысл. 2011. - 235 с.
6. Наследов А. Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб: Питер, 2013. - 413 с.
7. Нечаева М. А., Беребин М. А. Классификация и психологическая диагностика отношения к беременности //Психология. Психофизиология. – 2010. – №. 17 (193). – С. 33-38.
8. Скобло Г.В., Дубовик О.Ю. Система «мать-дитя» в раннем возрасте как объект психопрофилактики // Социальная и клиническая психиатрия. – 1992. - № 2. - С. 75–78.
9. Тест отношений беременной (И.В. Добряков) // Добряков И.В. Перинатальная психология. СПб: Питер, 2010. – С. 218-220.

10. Brunton R. J. et al. Pregnancy anxiety: A systematic review of current scales //Journal of affective disorders. – 2015. – Т. 176. – С. 24-34.
11. Gui Y. et al. Prenatal maternal stress, sleep quality, and neonatal birth weight: A prospective cohort study //Stress and Health. – 2024. – С. e3419.
12. Hentges R. F. et al. A developmental cascade from prenatal stress to child internalizing and externalizing problems //Journal of pediatric psychology. – 2019. – Т. 44. – №. 9. – С. 1057-1067
13. Kingsbury M. et al. Stressful life events during pregnancy and offspring depression: evidence from a prospective cohort study //Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. – 2016. – Т. 55. – №. 8. – С. 709-716. e2.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СЕМЕЙНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ И СЕМЕЙНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Сравнение личностных особенностей студентов, переживших семейное горе

М. С. Бояркина
ОГБПОУ «Смоленский педагогический колледж», Смоленск, Россия
krupsk.marlena@yandex.ru

Аннотация. *Исследование посвящено изучению семей, переживающих утрату близких и испытывающих присутствие умерших родственников. Данное явление связывают с непрожитым горем.*

Ключевые слова: *Семейное горе, семья, разведенные семьи, полные семьи, смерть, рисунок семьи*

В настоящее время существует множество исследований, посвященных семейным отношениям и влиянию различных факторов на их динамику. Однако, немногое известно о семьях, которые сталкиваются с потерей членов семьи. Особое внимание заслуживают семьи, которые переживают утрату близких, но продолжают поддерживать связь с ними и ощущать их присутствие в своей жизни. Это явление можно связать с непрожитым состоянием горя.

Цель нашего научного исследования заключается в исследовании и раскрытии внутренней природы процесса формирования, а также взаимосвязи таких понятий, как белые пятна семейной истории и семейное горе.

Среди отечественных ученых отношение к смерти рассматривалось А.В. Гнездиловым (Гнездилов А.В., 2007), А.Ш. Тхостовым (Тхостов А.Ш., 2002). За рубежом над этой темой работали В. Франкл (Франкл В., 2002), К. Уилбер (Уилбер К., 2004), И. Ялом (Ялом И., 2009). Были исследованы различные реакции личности на смерть свою и близких, изучались этапы умирания, влияния различных условий, при которых человек умирает. Многие ученые в своих исследованиях изучали страх смерти. Семейная система включает различные фигуры, которые определяют ее структуру и динамику. Эти фигуры имеют различный смысл и характер. Они могут быть представлены, как:

1. Живые участники семьи, которые активно участвуют в создании семейной истории.
2. Фигуры умерших, чья память сохраняется в системе. Эта память может быть положительной или отрицательной. Данные фигуры могут проявляться в разных формах:

a) Образы в памяти живых членов семьи.
b) Неопределенные и постоянные состояния и переживания.
c) Сновидения.

d) Повторяющиеся события и даты (эффект годовщины).

Николя Абрахам писал: «Призрак, — это работа в бессознательном с тайной другого, в наличии которой нельзя признаться. И этот неведомый призрак способен передаваться от бессознательного ("невысказанного") родителя к бессознательному ребенку». Если отвлечься от повседневных верований и страхов, то можно заметить, что существует своего рода бессознательный механизм оживления образов умерших в душе живых и в семейной памяти. (Шутценбергер А.А., 2005). Неотягощенное горе протекает примерно в течение года, проходя несколько фаз: шок, отрицание, горе, реорганизация и завершение (Василюк Ф.Е., 2006). Горе, связанное с суицидом, отличается большей тяжестью, чем при «естественной» кончине (Knieper A.J., 1999). Овдовевшему трудно говорить с ребенком о смерти, так как тот задает безответные вопросы, мучающие его самого («Что будет дальше?») (Schonfeld D.J., Quackenbush M., 2009). Дети могут почувствовать, что родитель эмоционально закрыт для них (Lohan J.A., Murphy S.A., 2002), взрослые стремятся быть «сильными», не делиться мучительными переживаниями, оберегая детей от страдания (Bowlby-West L., 1983)

В ходе практического исследования, была выдвинута гипотеза, которая отразилась в предположении о том, что фигуры умерших членов семьи имеют прямое влияние на психологическое состояние человека, в случае непрожитого горя. Сам процесс исследования проходил в 4 этапа:

1. *Разработка социального опроса для обучающихся ОГБПОУ «Смоленский педагогический колледж» и проведение методики «Рисунок семьи» для выявления фигур умерших родных в семьях студентов.*

2. Подбор диагностического инструментария, направленного на подробное описание фантомов и отношений студентов к ним.

3. Визуальный анализ полученных материалов

4. Статистический анализ результатов и сравнение показателей с разными типами семей.

Всего участие в исследовании приняло 170 человек (в возрасте от 14 до 20 лет), из этого количества 50 человек имеют «белые пятна семейной истории».

Участникам исследования были предложены: проективная методика «Рисунок семьи», суть которой в изображении членов семьи; Методика Шкала семейного окружения, ШСО (Family Environmental Scale, FES), предназначена для оценки социального климата в семьях всех типов. Основное внимание уделяется измерению и описанию отношений между членами семьи; Социальный опрос.

Таким образом мы имеем 120 полных семей и 50 не полных, имеющие развод/смерти. В процентном соотношении мы получили 55% респондентов из полных семей; 6% респондентов из полных семей, в которых умер кто-то из членов семьи; 16% семей, в которых мертв кто-то из родителей; 10% респондентов из разведенных семей, в которых общение с родителем (не живущим вместе с ребенком) поддерживается; 13% респондентов из разведенных семей, в которых общение с родителем (не живущим вместе с ребенком) не поддерживается.

Эти результаты могут быть полезными для понимания и улучшения семейных отношений, а также для разработки методов работы с семьями. На этапе написания тезисов проводится математический анализ полученных данных.

Литература

1. Bowlby-West L. The impact of death on the family system // J. Fam. Ther. 1983.Vol. 5. P. 279—294.
2. Knieper A.J. The suicide survivor’s grief and recovery // Suicide Life-Threat. Behav. 1999. Vol. 29. P. 353—363.
3. Lohan J.A., Murphy S.A. Family functioning and family typology after an adolescent or young adults’ sudden violent death // Journal of Family Nursing. 2002. Vol. 8. P. 32—49.

4. Schonfeld D.J., Quackenbush M. After a loved one dies — how children grieve and how parents and other adults can support them. NY: Publ. New York Life Foundation, 2009. P. 27.
5. Василюк Ф.Е. Пережить горе // Психология мотивации и эмоций: учеб. пособие / Под. Ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. М.: Изд-во ЧеРо; Омега-Л; МПСИ, 2006. С. 581—590.
6. Гнездилов А.В. Психология и психотерапия потерь. Пособие по паллиативной медицине для врачей, психологов и всех интересующихся проблемой. — СПб.: Издательство «Речь», 2007. — 162 с.
7. Тхостов А.Ш. ПСИХОЛОГИЯ телесности. — М.: Смысл, 2002. — 287 с.
8. Уилбер К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия // К. Уилбер; Пер. с англ. под ред. А. Киселева. — М: ООО «Издательство АСТ» и др., 2004. — 412 с.
9. Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере // В. Франкл ; Пер. с нем. — М.: Альпина нон-фикшн, 2009. — 239 с.
10. Шутценбергер А.А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы, — М.: Изд-в о Институт а психотерапии, 2005. — 256 с.
11. Ялом И. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти / Ирвин Ялом; (пер. с англ. А. Петренко). — М.: Эксмо, 2009 - 352 с.

Психологическое консультирование родителей по онлайн-рискам и безопасности детей в цифровом пространстве.

К.А. Захарченко
ФГБОУ МПГУ (Московский педагогический государственный университет), г. Москва, Россия
parallax@rambler.ru

Аннотация. *Рассматриваются некоторые направления практической психологии, а именно особенности консультирования родителей по онлайн-рискам и безопасности детей в цифровом пространстве. Цифровая сфера интенсивно развивается и необходимо создавать условия для безопасного взаимодействия детей в интернет-пространстве.*

Ключевые слова: *цифровое пространство, онлайн-риски, безопасность, родительская медиация безопасности, цифровая компетентность.*

Интенсивное развитие практической психологии охватывает самые разные области жизни и психологическое консультирование родителей является чрезвычайно востребованной сферой. Психологи сталкиваются с широким спектром задач, в отношении которых родителям необходима помощь: проблемами, связанными с адаптацией в образовательных организациях и учебной деятельностью, поведенческими нарушениями, эмоциональными сложностями, трудностями регулирования поведения детей и др. В последние несколько лет отмечается рост обращений родителей, связанный с новой - онлайн-жизнью детей. Переживания родителей связаны с явным влиянием контента в интернет-пространстве на формирование личности ребенка, длительностью пребывания ребенка или подростка в Интернете (игры, социальные сети), негативным влиянием на здоровье (явное - ухудшение зрения, повышенная возбудимость, переутомление), уходом в виртуальный мир и отказом от реального общения со сверстниками, опасностью возникновения интернет-зависимости. Родителей также беспокоит безопасность пребывания ребенка в Интернете (опасность подпадания под негативное влияние, кибербуллинг, жестокая и шокирующая информация, наличие в Сети опасных виртуальных игр или контактов, подталкивающих детей и подростков к суициду). Характеризуя пользовательскую активность российских детей, необходимо отметить ежегодную тенденцию к снижению возрастного ценза.

Вместе с тем, современный родитель осознает позитивные возможности влияния цифрового пространства на развитие ребенка и переживает определенные противоречия, когда необходимость регулировать поведение ребенка в цифровом пространстве сталкивается с прогрессивным использованием Интернета и гаджетов в самых разных сферах жизни.

Рассмотрим некоторые особенности психологического консультирования родителей по онлайн-рискам и безопасности детей в Интернете. Практическая работа с семьями в сфере детско-родительских отношений, анализ родительских запросов позволяет сделать заключение о высоком уровне родительской тревожности, наличии страхов, связанных с пребыванием ребенка в киберпространстве. Родителей обоснованно беспокоят перегрузки нервной системы детей, связанные как с специфичным откликом психики на цифровое воздействие, так и с формирующимся приоритетом цифровой информации для работы мозга, погруженностью нервной системы в цифровое пространство. Следует отметить, что современные дети живут в режиме многозадачности (безотносительно к эффективности деятельности), когда активности становятся параллельными – переключение от деятельности к деятельности не позволяет вниманию надолго фиксироваться на одном объекте, сама концентрация или сосредоточенность начинает носить клиповый характер.

Родителей беспокоит длительность пребывания ребенка в цифровом пространстве, которая по данным исследований постоянно увеличивается – в 2016 г. каждый второй школьник проводил в сети ежедневно более 5 часов (Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А., 2017). Дети дошкольного возраста также проводят значительное время перед экранами различных электронных устройств.

Одной из задач психолога-консультанта – дать родителю адекватную и актуальную информацию о возможных онлайн–рисках, с которыми могут столкнуться дети в Интернете, обсудить стратегию преодоления онлайн-рисков. Выделим основные типы онлайн-рисков и их особенности. Спектр проблем, с которыми имеют дело дети в Сети довольно широк: от финансовых манипуляций в играх до преследований и сексуальных домогательств. Уже устоявшейся стала следующая классификация онлайн-рисков: контентные, коммуникационные, потребительские, технические, риски зависимости (Солдатова Г., Зотова Е., Лебешева М., Шляпников В., 2013).

Контентные риски возникают в процессе использования находящихся в Сети материалов, содержащих противозаконную, неэтичную и вредоносную информацию. Родителям важно помнить, что контент должен быть зоной их повышенного внимания. Не соответствующая возрасту информация, представленная образным рядом, может серьезно травмировать психику ребенка. Коммуникационные риски возникают в процессе общения и межличностного взаимодействия пользователей в Сети. Например, кибербуллинг, незаконные контакты (сексуальные домогательства), знакомства в Сети и последующие встречи с интернет-знакомыми в реальной жизни. Потребительские риски возникают в результате злоупотребления в Интернете правами потребителя. Технические риски определяются возможностями реализации угроз повреждения программного обеспечения компьютера, хранящейся на нем информации, нарушение ее конфиденциальности или хищения персональной информации посредством вредоносных программ. Интернет-зависимость – термин, применяемый для описания непреодолимой тяги к использованию Интернета.

Одной из задач консультирования родителей является повышение родительской компетентности в вопросах обеспечения безопасности ребенка в Интернете. Одна из родительских стратегий - необходимость и возможность родительской медиации безопасности детей в Интернете. В настоящее время выделяют пять основных стратегий родительской медиации: 1) активная медиация пользования Интернетом; 2) активная медиация безопасности ребенка в Интернете; 3) ограничивающая медиация; 4) мониторинг; 5) техническое ограничение (Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А., 2017). Исследователи отмечают, что примерно в половине российских семей родители не обсуждают с детьми правила пользования Интернетом, отпуская освоение киберпространства на самотек. Главной защитой для ребенка всегда остаются доверительные отношения с родителями и другими

членами семьи, возможность поделиться своими проблемами и возникающими у ребенка вопросами.

Фундаментальные технологические изменения вынуждают родителей осознать, что защита и воспитание ребенка в цифровом пространстве должны стать неотъемлемой частью воспитания как такового. Родителям необходимо стремиться к повышению своей собственной цифровой компетентности. Сегодня появились новые категории цифровой морали и цифровой этики, задача усвоения их лежит в первую очередь на родителях. От выбранной родителями стратегии воспитания, уровня понимания проблемы зависят многие аспекты жизни детей – как они будут формировать свою идентичность, защищать конфиденциальность личной информации и обеспечивать собственную безопасность, как они будут учиться, развиваться и брать на себя ответственность.

Литература

1. Палфри Д., Гассер У. Дети цифровой эры. / Пэлфри Джон, Гассер Урс ; [пер. с англ. Н. Яцюк]. — М.: Эксмо, 2011.—368 с.
2. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М. : Фаир-Пресс, 2006. - 416 с.
3. Солдатова Г., Зотова Е., Лебешева М., Шляпников В. Интернет: возможности, компетентность, безопасность. 2013. – 165 с.
4. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. — М.: Смысл, 2017. — 375 с.
5. Солдатова Г.У., Шляпников В.Н. Использование цифровых устройств детьми дошкольного возраста // Нижегородское образование. 2015. № 3. С.78-85.

Библиотерапия как метод психологической самопомощи в работе с семьями.

Маныч Ж. В.
Санкт-Петербург, Россия
jeamme-manich@yandex.ru

Аннотация. *Статья освещает потребность современных семей в эффективных инструментах самопомощи и рассматривает библиотерапию как один из доступных методов психологической самопомощи в работе с семьями.*

Ключевые слова: *библиотерапия, профилактика внутрисемейных кризисов, психологическая самопомощь.*

Еще 70 лет назад процент разводов в России составлял всего 4%; 30 лет назад – 42%. Сегодня распадается 68 браков из 100. Среди наиболее распространенных причин для развода россияне называют взаимное недопонимание (15%) и неверность одного из партнеров (14%).

Согласно данным исследования Страхового дома ВСК, проведенного в 2024 году, каждый пятый россиянин испытывал трудности психологического характера и думал о том, чтобы прибегнуть к помощи специалиста, однако решил отказаться от этой идеи (22%). В численном выражении это 25 млн россиян. Главный барьер обращения к психологу в трудной жизненной ситуации – это убежденность в том, что человек сможет сам справится с проблемой. Именно таким образом объясняют свой отказ от взаимодействия со специалистом 45% представителей данной категории.

На втором месте среди распространенных барьеров – боязнь «шарлатанов» ввиду отсутствия информации о том, где можно найти хорошего специалиста. Об этом заявляют 31% среди тех, кто не решился обратиться к психологу, на третьем месте (29%) – отсутствие

финансовой возможности и (23%) – боязнь делиться с чужим человеком подробностями личной жизни.

В то же время мы наблюдаем рост популярности книг по психологии. Продажа книг в категории «Популярная психология, саморазвитие, личная эффективность» выросла в I квартале 2024 года на 41% в сравнении с аналогичным периодом 2023 года.

Очевидно, что потребность в тех или иных форматах психологической самопомощи растет. Одним из альтернативных методов психологической самопомощи в работе с семьями может стать библиотерапия, не получившая ранее широкого распространения, но актуальная в условиях современной действительности.

В отечественной и зарубежной литературе существует несколько определений понятия «библиотерапия»:

библиотерапия – лечебное воздействие на психику больного человека при помощи чтения книг;

библиотерапия – использование специально подобранных информационных материалов в качестве вспомогательного лечебного средства в медицине и психотерапии (Дрешер Ю.Н., 2007).

Несмотря на различия в формулировках, суть метода одна – руководство чтением, учитывающее проблемы личности.

Обобщенно механизм библиотерапии включает в себя пять этапов: идентификацию, проекцию, интроекцию, катарсис, инсайт (Russell D.H., Shrodes C., 1950)

На этапе идентификации и проекции осуществляется обнаружение в тексте героя, с которым читатель может разделить свою проблему. Здесь он знакомится с тем, как обходится с проблемной ситуацией герой, с которым читатель себя идентифицировал. Следующий шаг – эмоциональное отреагирование и катарсис в ответ на чувства и переживания героя, разрешение внутренних конфликтов. И наконец – инсайт, осознание наилучшего решения, и интегрирование в свою собственную жизнь найденное им решение проблемы.

Библиотерапия является хорошо изученным методом с доказанной эффективностью в работе с широким спектром психологических проблем, и имеет многолетнюю историю применения (Пашкина Е.А., Калинина Т.В., 2019). На сегодняшний день библиотерапию можно назвать одной из эффективных частей, дополняющих психосоциальную помощь.

Современные семьи испытывают колоссальную психоэмоциональную нагрузку. Постоянно меняющая среда, большой фактор неопределенности, повышенные требования общества к социальной роли отца и матери, финансовые обязательства семьи, все это усиливает психологическое напряжение о создает предпосылки для формирования конфликтов внутри семьи.

Как правило, семьи обращаются за помощью к специалисту в ситуации кризисной, когда члены семьи не смогли справиться самостоятельно с нарастающим напряжением. Но ведь этому предшествовали недели, месяцы или годы неудовлетворенности. И вот как раз здесь актуален формат самопомощи. Помогая семьям справиться с психоэмоциональным напряжением, переосмыслить свои модели поведения с партнером или в детско-родительских отношениях, мы помогаем семье избежать семейного кризиса, способствуем укреплению внутрисемейных отношений.

Опираясь на данные исследований, приведенных в начале статьи, когда большинство россиян убеждены в том, что могут самостоятельно, без помощи специалиста, справиться с проблемой, задача создания максимально доступного психологического сервиса самопомощи как никогда актуальна.

И в этом смысле текст имеющий суггестивный потенциал, обновляющий миропонимание читателя, может стать тем самым эффективным инструментом самопомощи для семей, испытывающих трудности взаимодействия.

Автор оставляет открытым вопрос о методике, которая может лечь в основу сервиса психологической самопомощи, подчеркивая необходимость его создания.

Литература

1. Алексейчик А.Е. Библиотерапия // Руководство по психотерапии / Под ред. В.Е. Рожнова. Т.: Медицина, 1985. – 719 с.
2. Дрешер Ю.Н. Библиотерапия: Полный курс // Учебное пособие. М.: Издательство «ФАИР», 2007. - 560 с.
3. Пашкина Е.А., Калинина Т.В. Библиотерапия как эффективный метод работы с депрессивными состояниями // Russian Journal of Education and Psychology. 2019. No. 4: 67-72.
4. Russell D.H., Shrodes C. «Contributions of Research in Bibliotherapy to the Language Arts Program. II.» // The School Review 58.7 (1950): 411–420.
5. 25 млн. россиян не решились пойти к психологу / Ведомости [сайт] URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/03/25/25-mln-rossiyan-ne-reshilis-poiti-k-psihologu (дата запроса: 07.09.2024)
6. Саморазвитие: продажи книг по психологии выросли в полтора раза / [сайт] URL: Известия https://iz.ru/1691025/katerina-alabina-iuliia-frolova/samo-razvitie-prodazhi-knig-po-psikhologii-vyrosli-v-poltora-raza (дата запроса: 08.09.2024)

Чего хотят клиенты

Е.Б. Поднебесная
Центр «Открытая реальность», г. Москва, Российская Федерация
Eka.pod@yandex.ru

Аннотация: *В статье представлена типология клиентских запросов на психологическую помощь, которая была разработана с использованием метода контент-анализа на материале обращений 135 клиентов. Показано, какие типы запросов чаще встречались в указанной выборке. Также данная типология предлагается в виде схемы. Ее использование клиентами поможет им уточнить проблему, в решении которой требует помощь.*
Ключевые слова: *типы запросов, клиентские запросы, запросы клиентов, психологическая помощь.*

Для точного ответа на вопрос, вынесенный в заглавие, недостаточно иметь определенное количество клиентских запросов. Что бы выявить общие тенденции необходимо наличие подходящей типологии. Именно с ее отсутствием я столкнулась, когда пыталась выделить проблемы, за помощью в решении которых клиенты чаще всего обращаются к психологу. В моем распоряжении находились запросы всех 135 клиентов, которым была оказана помощь методом системных расстановок на базе Московского центра «Открытая реальность» в период с февраля 2022 по август 2024 года.

Большинство авторов (КарабановаО.А., 2007; Тащева А.И., 2014; Бабунова Е.С., 2020; Антонова Н.А., Ерицян К.Ю., Цветкова Л.А., 2021; Барсукова О.В., Вышквыркина М.А. и др., 2021), приводящих типологию клиентских запросов, ссылаются на две главные работы, опубликованные в годы становления отечественного психологического консультирования: В.В. Столина, А.А. Бодалева (1989) и В.К. Лосевой, А.И. Лунькова (1995). Также были рассмотрены типологии Д.Г. Трунова (Меновщиков В.Ю., 2000) и К.В. Ягнюка (Ягнюк К.В., 2016). Все они не позволяли однозначно отнести имеющиеся запросы клиентов к определенному типу - в некоторых случаях один и тот же запрос подходил под несколько категорий или не подходил ни под одну. Таким образом возникла необходимость создания новой типологии клиентских запросов.

В нашем случае запросы от клиентов поступали преимущественно в письменной форме посредством электронной почты. Это обстоятельство позволило провести контент-анализ текстов и выделить основные признаки, которые позволили разделить запросы на типы.

Было установлено, что при описании проблемы клиенты используют *ключевые фразы:* «хочу, чтобы он (она)…»; «хочу иметь…»; «хочу изменить в себе…»; «хочу узнать». Ключевая фраза стала основным *признаком* (критерием) для разделения запросов по типам.

При формулировке проблемы клиенты также описывают *объект,* вызывающий их беспокойство. Объекты жалоб могут быть как одушевленными, так и не одушевленными; находится как во внешнем мире, так и внутри клиента. Описываемый клиентом объект беспокойства может стать *дополнительным признаком* для отнесения запроса к тому или иному типу.

К первому типу отнесены запросы, при формулировке которых клиенты использовали *ключевую фразу,* звучащую следующим образом: «хочу, чтобы он (она)…» - мама, мой ребенок, начальник, соседка, мой парень, бывший муж, муниципалитет, орган опеки и др. Во всех случаях описывался некий конкретный одушевленный *объект, находящийся во внешнем мире*, отношения с которым (или их отсутствие) является проблемой для клиента. Первый тип назван «Запросы на отношения».

Ко второму типу отнесены запросы, когда клиент говорит о конкретном *неодушевленном* объекте своих желаний. *Ключевая фраза* звучит как «Хочу иметь …» - деньги, известность, свободное время и др.; Объект существует *во внешнем мире*, проблема состоит в невозможности его *присвоения* клиентом. Источник проблемы клиентом не определяется, он не понимает по каким причинам не может достичь желаемого. Часто в формулировках так же фигурирует фраза «Обстоятельства сильнее меня». Второй тип назван «Запросы социального статуса».

Третий тип объединяет запросы про желаемые клиентом внутренние изменения. *Ключевая фраза* звучит как «Хочу изменить в себе…» или «Хочу, чтобы я…» - аспекты, касающиеся тела; эмоции/чувства; мысли, желания и др. *Объект* жалоб клиента находится в нем самом. Третий тип назван «Запросы на внутренние изменения».

Четвертый тип включает запросы, когда клиент не хочет каких-либо изменений в своей жизни, а приходит с целью выяснить причины происходящего, получить информацию касающуюся чего-либо. Например, когда речь идет о повторяющихся ситуациях или отношениях в семье, неплохих, но имеющие свои особенности. Подобные запросы включают *ключевую фразу* «хочу узнать». *Объект* определен (клиент хочет знать причину чего-то конкретного), может находится как во внешнем мире, так и внутри клиента. Следует отметить, что только по этому критерию (описанию объекта) отнести запрос к четвертому типу невозможно. Однако в этом случае применение второго критерия не требуется, запросы однозначно относятся к четвертому типу по отсутствию желания изменений у клиента. Четвертый тип назван «Информационные запросы». Таким образом было выделено 4 типа запросов. Типы запросов также были разделены на подтипы.

Таблица Типологии клиентских запросов на психологическую помощь

Тип запросов	Категория
1. Запросы на отношения (Ключевая фраза «Хочу, чтобы он (она)…». Объект жалоб клиента конкретное лицо (или организация), отношение с которым (или их отсутствие) является проблемой для клиента)	1а с кровными родственниками (взрослыми, детьми)
	1б с супругом (женихом/невестой)
	1в с людьми из социума (коллегами, соседями, приятелями, друзьями и др.)
	1г с должностными лицами органов власти
	1д обретение близких отношений
	1е завершение отношений
2. Запросы социального статуса (Ключевая фраза «Хочу иметь…». Объект жалоб	2а улучшение финансового положение
	2б улучшение условий проживания

конкретный неодушевленный, отсутствие которого является проблемой для клиента)	2в связанные с профессиональной деятельностью
3. Запросы на внутренние изменения (Ключевая фраза «Хочу, чтобы я…». Объект жалоб находится внутри клиента, состояние его тела/эмоций/мыслей является проблемой)	3а в теле
	3б эмоционального состояния
	3в трансформация личности
4. Информационный запросы (Ключевая фраза «Хочу узнать…». Отсутствие запроса на изменение)	Не делится на категории

Во всех 135 случаях запрос можно было *однозначно* отнести к одной из категорий. К первому типу, запросы на отношения, отнесено 67 запросов (отношения с родственниками - 19, с супругом – 8, с людьми из социума – 13, с должностными лицами органами власти – 2, на обретение близких отношений – 22, на завершение отношений – 3); ко второму типу, запросы социального статуса, отнесено 29 запросов (финансовое положение – 16, условия проживания – 2, профессиональная деятельность – 11); к третьему типу, запросы на внутренние изменения, отнесено 35 запросов (в теле - 12, эмоциональное состояние - 18, трансформация личности – 5); к четвертому типу, информационные запросы, отнесено 4 запроса. Таким образом возможность применения данной типологии на практике подтвердилась.

Больше половины клиентов обратились за психологической помощью по поводу отношений с третьими лицами. Через полгода после расстановки клиентам предлагается поставить оценку эффективности оказанной им психологической помощи по 10 бальной шкале. В том числе допускается оценка «-1» в том случае, когда проблемная ситуация усугубилась (Поднебесная Е.Б., 2023). В настоящее время получены оценки от 52 клиентов, чей запрос относился к первому типу (запросы на отношения). 32 из них поставили оценку в 5 и более баллов. Это означает, что в большинстве случаев проблемная ситуация клиента заметно изменилась в лучшую сторону. Таким образом, тип запросов по поводу отношения с третьими лицами может быть не только включен в типологию, но и успешно реализован в процессе оказания психологической помощи.

Для удобства использования предлагаемой типологии она также представлена в виде схемы, которую можно предоставлять клиентам для уточнения проблемы, в решении которой ему нужна помощь.

Рисунок

Схема для уточнения запроса клиента

Литература

1. Антонова Н.А., Ерицян К.Ю., Цветкова Л.А. Запрос на психологическую помощь студентов педагогического вуза // Психология человека в образовании. 2021. Т. 3. № 2. С. 208-217.
2. Бабунова Е.С. Психология семьи и семейного воспитания: учеб.-метод. пособие. М.: ФЛИНТА, 2020. URL: https://rucont.ru/efd/713318 (дата обращения: 23.02.2024)
3. Барсукова О.В, Вышквыркина М.А., Косикова Л.В., Мозговая Н.Н., Муратова М.А., Науменко М.В. Психологические основы работы психолога с семьей: учеб. пособие. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2021. 120 с.
4. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб.пособие, рек. Мин-вом образования РФ. М., 2007. 319 с.
5. Лосева В.К, Луньков А.И. Рассмотрим проблему. Диагностика переживаний детей и взрослых по их речи и рисункам // Психологическая помощь и консультирование, Выпуск 3. М.: А.П.О., 1995. 48 с.
6. Меновщиков В.Ю. Введение в психологическое консультирование: Учеб. пособие М.: Смысл, 2000. 109 с.
7. Поднебесная Е.Б. Оценка клиентами эффективности метода системных расстановок // Психология и Психотехника. 2023. № 4. С. 214-231.
8. Столин В.В. Первичная психодиагностика. / Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования. Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина; Науч.-исслед. ин-т общей и педагогической психологии Акад. пед. наук СССР. М.; Педагогика, 1989. С. 42-55.
9. Тащёва А.И. Консультативная беседа: Учебное пособие.- Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. 64 с.

10. Ягнюк К.В. Концепция запроса на психологическую помощь в отечественном психологическом консультировании // Журнал Практической психологии и психоанализа 2016, №2 URL: https://psyjournal.ru/articles/koncepciya-zaprosa-na-psihologicheskuyu-pomoshch-v-otechestvennom-psihologicheskom (дата обращения: 25.01.2024).

Перинатальное горе в условиях СВО и релокации

Л.М. Фролова

Благотворительный фонд "Спина Бифида», Москва, Россия

Аннотация. *Военные конфликты оказывают разрушительное влияние на жизни множества людей. Беременные женщины и их семьи, столкнувшиеся с потерей ребенка не исключение. Первоначально, следует отметить, что потеря беременности может вызвать эмоциональную боль и травму у женщины, независимо от контекста. Однако, в условиях военного конфликта эти эмоциональные и психологические проблемы могут иметь более разрушительный характер, добавлять силу той утрате, которая уже есть. В этой статье мы рассмотрим общие вопросы, связанные с потерей ребенка. Исследуем трудности, с которыми сталкиваются родители, семьи и помогающие специалисты в условиях СВО (специальная военная операция). Как СВО и релокация (переселение, переезд, представляет собой процесс оставления своего жилища и поселения в другом) влияют на процесс проживания перинатального горя.*

Ключевые слова: *перинатальное горе, травма, СВО*

Исследования показывают, что женщины, потерявшие беременность во время военных конфликтов, испытывают широкий спектр эмоций, включая горе, вину, стыд, ярость и беспомощность. Они также ощущают символические утраты, например, потерю будущего и потерю привязанности к своему ребёнку (Коргожа М.А., 2021).

Перинатальная потеря (утрата) - гибель плода: во время беременности (антенатальная), во время родов (интранатальная), вскоре после родов (неонатальная).
Важно отметить, что физическую потерю ребенка зачастую сопровождает еще и череда символических утрат, например, потеря образа беременности,родов,выписки, родительства, семьи (Добряков И.В., 2010; Блох М.Е., Добряков И.В., 2013).

Перинатальное горе – термин, для описания процесса эмоционального переживания потери беременности или смерти ребенка уже во время и/или после родов.

Потеря ребенка - одна из самых разрушительных вещей, которые родитель может испытать в своей жизни.

Мы не не сравниваем значимость и тяжесть утраты, каждая имеет свой спектр переживаний и боли, однако родительское горе было признано самым интенсивным и подавляющим видом горя, одним из самых болезненных событий, которые может пережить родитель. Это острая форма утраты (Kersting A., Wagner B., 2012; Kadir A. et al., 2019; Jackson T., Watkins E., 2021).

При этом часто перинатальная потеря равно бесправное горе. Культурные и социальные факторы могут добавлять сложность в проживании горя, так как некоторые сообщества относятся к потере беременности с особой табуированностью и непониманием (Филиппова Г. Г., 2002).

Что же происходит сейчас и что можно с этим делать?

В условиях новой реальности женщины чаще стали обращаться с болью о невозможности похоронить тело ребенка на родине, из-за вынужденного отъезда, и это про ту самую символическую потерю.

В наши дни процесс горевания осложняют сопутствующие потери:
безопасность, дом, родина, близкие, финансовая стабильность, образ будущего, языковой барьер и т.п.)

Нельзя не отметить и другую полярность реакций и отношения к одним и тем же условиям. Для кого-то отъезд с родины будет означать начало чего-то нового, возможность написать свою историю заново. Часто можно услышать такие лингвистические маркеры клиентов:

- я могу начать с чистого листа
- я доверяю местным специалистам
- здесь другая культура/климат/природа
- у меня больше времени для заботы о себе, так мне проще думать о будущей беременности.

В клиентских кейсах по данной тематике все чаще возникают дополнительные переживания, усложняющие процесс горевания. Наиболее частые это вина за свои чувства и потребность в поддержке. Женщина находится в терзаниях о том, как она имеет право сейчас так страдать и просить о помощи, когда гибнут люди, когда муж в зоне СВО и сам нуждается в поддержке.

Трудности, возникающие из-за незнания или недостаточного знания языка, бюрократических правил, юридических аспектов другой страны являются дополнительным стрессом, с которым семьи сталкиваются при потере ребенка. Где взять переводчика, как получить документы, где и как получить тело ребенка, что делать при очередной неудачной попытке ЭКО и т.д. Все эти вопросы становятся спутниками уже горюющих родителей.

Здесь оказывается важным особенно, когда клиент обратился в период острого горевания, когда родители находятся в состоянии шока и тоннельного мышления, информирование о русскоязычных волонтерских организациях, которые оказывают помощь в поиске переводчиков, юристов и других специалистов.

Индивидуальность горевания. Важно отметить, что люди скорбят по-разному, реакция родителей может быть несовместимой, даже если у обоих были одинаковые потери. Таким образом, не лишним оказывается информирование о дополнительной поддержке за пределами консультирования. Можно предлагать клиентам литературу (жизнь, на всю оставшуюся жизнь; Наутро после потери; Пустые руки; Посмотри на него), фильмы: (Кроличья нора; Три цвета: синий; Фрагменты женщины; Ты не одна девочка и др.) Валидация чувств родителей не может отменять важность сосредоточения на поисках ресурса и сильных сторонах личности: помочь обратившимся осознать свои ресурсы и сильные стороны, для завершения процесса горевания и выстраивании жизни после потери.

Безусловно одним из важных аспектов проживания горя при потере беременности во время военных конфликтов является доступ к психологической поддержке и услугам, таким как психотерапия и поддержка социальных работников. Профессионалы здравоохранения могут улучшить свою готовность и знания по оказанию эмоциональной и психологической поддержки женщинам, потерявшим беременность.

Кроме того, создание групп поддержки и общественных программ может предоставить женщинам возможность поделиться своими эмоциями и найти там внешнюю поддержку.

Наконец, дополнительные исследования необходимы для лучшего понимания проблемы проживания горя при потере беременности в условиях военных конфликтов. Чтобы создать более эффективные подходы к поддержке женщин, столкнувшихся с этими вызовами, необходимо получить более глубокое понимание их уникального опыта и потребностей.
Так же кажется важным повышать осведомленность, чтобы проблематика стала видимой для общества.

Литература

1. Блох М.Е., Добряков И.В. Психологическая помощь в комплексном подходе к решению проблем репродуктивного здоровья, // Журнал акушерства и женских болезней. ТОМ LXII. ВЫПУСК 3. 2013. С.16-19.
2. Добряков И.В. Перинатальная психология, Питер; СПб. 2010 410 с.
3. Коргожа М.А. Комплексная диагностика психоэмоциональных нарушений у женщин в перинатальном периоде: проблемы инструментария и их решение // Медицинская психология в России. – 2021. – Т. 13, № 2. – С. 5. doi: 10.24412/2219-8245-2021-2-55.
4. Филиппова Г.Г. Психология материнства: Учебное пособие. — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 240 с.
5. Kersting A., Wagner B. Complicated grief after perinatal loss. Dialogues Clin Neurosci. 2012 Jun;14(2):187-94. doi: 10.31887/DCNS.2012.14.2/akersting. PMID: 22754291; PMCID: PMC3384447.
6. Kadir A., Shenoda S., Goldhagen J. Effects of armed conflict on child health and development: A systematic review. PLoS One. 2019 Jan 16;14(1):e0210071. doi: 10.1371/journal.pone.0210071. Erratum in: PLoS One. 2019 Feb 11;14(2):e0212393. doi: 10.1371/journal.pone.0212393. PMID: 30650095; PMCID: PMC6334973.
7. Jackson T., Watkins E. Early pregnancy loss. JAAPA. 2021 Mar 1;34(3):22-27. doi: 10.1097/01.JAA.0000733216.66078.ac. PMID: 33528169.

Психологическое сопровождение подростков и их семей в постсуицидальный период.

Айгюн Магомед кызы Халилли, В.Б. Хозиев
ГБОУ ВПО «Международный университет “Дубна”», Дубна, Россия,
v_hoziev@mail.ru

Аннотация. *Исследование посвящено проблеме суицида в подростковом возрасте. Тема суицида сложна и многогранна, включает в себя большое количестве аспектов, однако в нашем исследовании мы уделяем внимание психологической стороне (сопровождающей) данное явление. Одной из важных задач работы является анализ мотивов и условий суицида в подростковом возрасте, с выстраиванием дальнейшего сопровождения.*
Ключевые слова: *суицид, подростковый возраст, мотивы суицида, условия суицида, психологическое сопровождение*

Актуальность проблемы подросткового суицида с каждым годом возрастает. Об этом нам говорят статистические показатели, которые предоставляет следственный комитет. Отмечается тенденция к возрастанию случаев подростковых суицидов: 2020 год- 548 случаев, 2021 год -753 случая (+37,4 %). Не менее значимой и актуальной является проблема повторного суицида среди подростков. По этой причине крайне важно развертывать психологическое сопровождение семьи и подростка в постсуицидальный период, включающее в себя: осознание произошедшего, организацию условий бытия и комплайнс в ситуации травматизации.

В данной работе участвовали 4 подростка и их родители, которые находились в реабилитационном процессе в НИИ неотложной детской хирургии и травматологии (г.Москва). На первом этапе нашей работы происходило знакомство, налаживание контакта с

родителями и подростком. Далее собирался анамнез жизни ребенка, выстраивалась структура социальной ситуации развития, характеризовалась система отношений подростка и его окружения, особенностей его включения в социальные институты (класс, школа, команда, кружок и др.). На данном этапе перед нами стояла в том числе важная задача деликатного установления мотивов и причин суицида.

Исходя из рассмотренных случаев, мы приходим к обобщению, что, как правило, в семьях, где случился суицид, присутствует определенная специфика внутрисемейных отношений. Она может иметь разные формы: повышенную эмоциональность, эмоциональную отстраненность, авторитарность, ориентированность на успешность, не предполагающая ориентировку на индивидуальные особенности, ориентированность на профессиональную реализацию, отсутствие глубины в общении и т.д. Нередко причина суицида кроется в особенностях отношений подростка не только в ССР, но и в социальных институтах. Подростки могут сталкиваться с конфликтами, буллингом, провокациями в классе, с которыми им не удается совладать.

Важнейшей задачей является выстраивание психологического сопровождения семьи (ССР) и подростка в постсуицидальный период. После выявления непродуктивных аспектов взаимодействия подростка и членов его семьи, анализа специфики взаимодействия между подростком и социальными институтами, происходит формирование условия развития подростка, с учетом этих обстоятельств. Происходит ориентирование родителя на задачу формирования условия для развития личности подростка.

Среди личностных особенностей подростков, совершивших суицидальную попытку, непременно отмечается инфантильная позиция, которая формируется ССР. В проанализированных случаях можно наблюдать отсутствие ориентиров в понимании межличностных отношений, в способах реагирования в различных жизненных ситуациях, в способах совладания с трудностями. По этой причине выстраивание психологической работы происходит в направлении преодоления личностной инфантильной позиции подростка. Для расширения средств, жизненных ориентиров мы используем культурную программу: притчи, анализ рассказов, словесное творчество. В ходе встреч происходит анализ литературных и кинематографических произведений, обсуждение мотивов героев произведения, моделирование жизненных ситуаций через словесное творчество и др. Для каждого подростка и семьи намечается своя программа.

Литература

1. Молтсбергер Дж. Т., Голдблатт М. Дж. Антология суицидологии. Основные статьи зарубежных ученых. 1912–1993.- М.: Когито-Центр, 2018. - 463 с.

2. Sullivan SR, Spears AP, Mitchell EL, Walsh S, Love C, Goodman M. Family Treatments for Individuals at Risk for Suicide. Crisis. 2023 Jan;44(1):49-60. doi: 10.1027/0227-5910/a000828. Epub 2021 Nov 11. PMID: 34761999.

3. Thomas SP. Youth Suicidality: Assessment and Interventions. Issues Ment Health Nurs. 2023 Nov;44(11):1081-1082. doi: 10.1080/01612840.2023.2284121. Epub 2023 Dec 6. PMID: 38055622.